

ПОЛИТОЛОГИЯ

2021. Том 15. № 2

Редакционная коллегия

Л. А. Фадеева (гл. редактор), Н. В. Борисова, И. М. Бусыгина,
В. Я. Гельман, И. В. Мирошниченко, П. В. Панов, В. Н. Руденко,
И. С. Семенов, А. В. Стародубцев, К. А. Сулимов
Ответственный секретарь – Н. М. Беляева

Редакционный совет

Бусыгина Ирина Марковна, д.полит.н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург)
Бушар Мишель, профессор, Университет Северной Британской Колумбии (Канада)
Малинова Ольга Юрьевна, д.филол.н., профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)
Морозова Елена Васильевна, д.филол.н., профессор, Кубанский государственный университет
Мацузато Кимитака, профессор, Центр славянских исследований университета Хоккайдо (Япония)
Росс Камерон, профессор, Университет Данди (Великобритания)
Саква Ричард, профессор, Кентский университет (Великобритания)
Сморгунов Леонид Владимирович, д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Фадеева Любовь Александровна, д.и.н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет
Филиппов Михаил Георгиевич, профессор, Университет штата Нью-Йорк в Бингемтоне (США)

Редактор – составитель номера Л. А. Фадеева

© Редакционная коллегия, 2021

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свид. о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-68264 от 27 декабря 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Политическая теория и философия

<i>Онищенко А. Д.</i> Идеационный институционализм: объяснение институциональных трансформаций в период кризиса	5
<i>Кольба А. И., Чадаева З. Т.</i> Политическая институционализация конфликтов: основные подходы и проблемы исследования	16
<i>Давыдов Д. А.</i> «Другой» посткапитализм. Революция личности и новая антагонистическая общественная формация	27

Мировая политика и международные отношения

<i>Sorbale S. B.</i> When the EU hits home: national determinants of non-compliance with the European Union law.....	37
<i>Маслова Е. А.</i> Сотрудничество России и ЕС в условиях санкционного режима (на примере программы «Коларктик 2014-2020»)	49
<i>Жирун И. В.</i> Динамика национальной идентичности Украины в дискуссии по вопросу евро-атлантической интеграции	59
<i>Золотарев Ф. Е.</i> Город Екатеринбург как глобальный актор в современных международных отношениях	71

Политическое участие, публичная политика и выборы

<i>Соколов А. В., Палагичева А. В.</i> Особенности политической демобилизации граждан в современной России	82
<i>Любарев А. Е.</i> Исследование совмещенных выборов: региональные и муниципальные выборы 2020 г.	96
<i>Мухаметов Р. С.</i> Региональные вариации голосования за «Единую Россию»: роль глав регионов	110
<i>Флягин А. М.</i> Посткарьера российских губернаторов 1991–2020: основные траектории.....	120
<i>Вяткин И. О., Кабанов Ю. А., Карягин М. Е., Кукарцев С. М., Миронов П. Д.</i> Условия информационной открытости общественных консультативных советов в Санкт-Петербурге: сравнительный анализ	129
<i>Рябченко Н. А., Мальшева О. П., Мирошниченко И. В.</i> Дискурс «конституционные поправки» и «пандемия коронавируса» в цифровой политической повестке дня в 2020 г.: агитация vs сдерживание в официальных СМИ	142
<i>Сморгунов Л. В., Игнатьева О. А., Быков И. А., Кондратенко К. С., Барышкин А. Г.</i> Публичная коммуникация граждан и органов государственной власти: формирование суждений на цифровых платформах	156
К сведению авторов	173

Bulletin of Perm University. Political Science.

“**Bulletin of Perm University. Political Science**” is a peer-reviewed academic journal that sees its mission in sustaining a high level of academic discussion, which corresponds with the international political sciences standards. The journal publishes research articles, reviews of current issues in both English and Russian languages, which have not been published previously and are not under consideration for publication elsewhere.

Since 2010 the journal is on The list of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences should be published (list of Higher Attestation Commission).

“**Bulletin of Perm University. Political Science**” is included in the national information and analytical system “Russian Science Citation Index” (RSCI) and is available in the E-library.

Editorial Board

Editor-in-Chief – Lyubov A. Fadeeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science, Perm State University

Members of Editorial Board:

Nadezhda V. Borisova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Irina M. Busygina – Doctor of Political Sciences, Professor, Higher School of Economics – Saint Petersburg

Vladimir Ya. Gelman – Candidate of Political Sciences, Professor, European University at Saint Petersburg and University of Helsinki

Inna V. Miroshnichenko – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Petr V. Panov – Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Research Fellow, Department of Research on Political Institutions and Processes, Perm Federal Research Center, Ural Branch of RAS

Viktor N. Rudenko – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Corresponding Member of RAS, Director of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS

Irina S. Semenenko – Doctor of Political Sciences, Corresponding Member of RAS, Deputy Director for Scientific Work, IMEMO RAS

Andrey V. Starodubtsev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Applied Political Science, Higher School of Economics – Saint Petersburg

Konstantin A. Sulimov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Executive Secretary – Natalya M. Belyaeva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Perm State University

Editorial Council

Busygina Irina (Higher School of Economics – Saint Petersburg, Russia)

Bouchard Michel (University of Northern British Columbia, Canada)

Malinova Olga (INION of Russian Academy of Science, Higher School of Economics, Russia)

Matsuzato Kimitaka (Slavic Research Center of Hokkaido University, Japan)

Morozova Elena (Krasnodar University, Russia)

Ross Cameron (Dundee University, United Kingdom)

Sakwa Richard (Kent University, United Kingdom)

Smorgunov Leonid (Saint Petersburg University, Russia)

Fadeeva Lyubov (Perm State University, Russia)

Filippov Mikhail (State University of New York at Binghamton, USA)

CONTENT

Political theory and philosophy

<i>Onishchenko A. D.</i> Ideational institutionalism: explaining institutional transformations during a crisis.	5
<i>Kolba A. I., Chadayeva Z. T.</i> Political institutionalization of conflicts: basic approaches and research problems	16
<i>Davydov D. A.</i> "Another" post-capitalism. The revolution of personality and the new antagonistic socioeconomic formation	27

World politics and international relations

<i>Sorbale A. B.</i> When the EU hits home: national determinants of non-compliance with the European Union law	37
<i>Maslova E. A.</i> Russia-EU cooperation in the context of the sanctions regime (on the example of the Kolarctic 2014–2020 program)	49
<i>Zhyrun I. V.</i> Dynamics of the Ukrainian national identity in debates on Euro-Atlantic integration	59
<i>Zolotarev F. E.</i> City of Yekaterinburg as a global actor in the modern international relations	71

Political participation, public policy and elections

<i>Sokolov A. V., Palagicheva A. V.</i> Features of political mobilization of citizens in protest in modern Russia.	82
<i>Lyubarev A. E.</i> The study of combined elections: regional and municipal elections in 2020	96
<i>Mukhametov R. S.</i> Regional variations of voting for «United Russia»: the role of regional heads	110
<i>Flyagin A. M.</i> Postcareer of Russian governors 1991–2020: main directions	120
<i>Viatkin I. O., Kabanov Yu. A., Karyagin M. E., Kukartsev S. M., Mironov P. D.</i> Information openness of public advisory councils in St. Petersburg: comparative analysis of conditions	129
<i>Ryabchenko N. A., Malisheva O. P., Miroshnichenko I. V.</i> "Constitutional amendments" and "coronavirus pandemic" discourses in the digital political agenda of 2020: agitation vs inhibition in the state media	142
<i>Smorgunov L. V., Ignatjeva O. A., Bykov I. A., Kondratenko K. S., Baryshkin A. G.</i> Public communication between citizens and public authorities: forming of judgments on digital platforms	156
Information for the authors	177

Политическая теория и философия

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-2-5-15

ИДЕАЦИОННЫЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: ОБЪЯСНЕНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ПЕРИОД КРИЗИСА

А. Д. Онищенко

Онищенко Антон Дмитриевич, аспирант,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Москва.
E-mail: onishchenko.ad@gmail.com (ORCID: 0000-0003-4506-6452. ResearcherID: AAD-8268-2019)

Аннотация

Роль представлений агентов в определении направления институциональных трансформаций часто недооценивается, это особенно справедливо при анализе формирования и/или реформирования институционального дизайна во время кризиса, когда значение иных факторов может снижаться. Традиционные для политологов институциональные подходы – исторический институционализм и институционализм рационального выбора – не всегда способны адекватно оценить влияние, которое идеи агентов оказывают на институциональные трансформации. Идеационный институционализм, напротив, позволяет сфокусироваться на этих идеях, а также проанализировать как их влияние на возникающие институты, так и влияние идей разных агентов друг на друга. Кроме того, идеационный институционализм в представленном в статье виде предлагает отойти от восприятия идей исключительно как intersubjectивных и изучать представления каждого лица, принимающего решение, отдельно, что позволяет оценить роль конкретного агента в формировании институтов. Этот подход перспективен, в частности, при анализе происходивших в странах постсоветского пространства институциональных изменений после распада Советского Союза. В статье рассмотрены основные характеристики идеационного подхода и очерчены рамки его применения на примере институциональных изменений в Республике Беларусь в 1990-е гг.

Ключевые слова: идеационный институционализм; институты; институциональные трансформации; идеи; кризис; дискурс; Республика Беларусь.

Введение

В моменты кризиса¹ институциональные системы оказываются в своего рода системном вакууме: прежние институты утрачивают способность к самовоспроизводству и самоподдержке, «правила игры» теряют свою значимость и в значительно меньшей степени влияют на поведение акторов, а логика последовательного исторического развития системы оказывается скомпрометирована. Нестабильность институтов во время кризиса ведет к потере политическими агентами способности продолжать свою деятельность в логике ранее функционирующей системы, т.е. реорганизация существующих институтов становится жизненно важной для эффективной деятельности политических агентов. Если этого не происходит, дальнейшее развитие системы остается непредсказуемым, кризис затягивается, и система теряет управляемость.

Объяснительная сила «традиционных» институциональных теорий – исторического институционализма (Thelen & Steinmo, 1992) и институционализма рационального выбора (Olson, 1965; Ostrom et al., 1993) – снижается в периоды системного кризиса, и исследователи вынуждены вводить дополнительные переменные или искать альтернативные подходы для анализа состояния и динамики развития политических систем. Осознание этого привело к возникновению в начале XXI в. новой

© Онищенко А. Д., 2021

¹ В статье кризис рассматривается как период, во время которого существующая институциональная система оказывается уничтоженной или не в состоянии существовать дальше в том же виде, т.е. трансформация институтов становится «неизбежной».

версии неинституционализма – идеационного¹ (Hay, 2008: 56; Schmidt, 2008), – который должен был преодолеть проблему объяснения институционального выбора в момент кризиса, а также объяснить логику развития институтов после формирования нового институционального дизайна.

Идеационный институционализм не предлагает исчерпывающих объяснений, однако учитывает при анализе дополнительные факторы, традиционно игнорируемые или, по крайней мере, в меньшей степени принимаемые во внимание другими институциональными подходами. В частности, идеационный институционализм фокусируется на анализе идей, носителями которых выступают лица, принимающие решения (агенты, акторы). Также идеационный институционализм постулирует, что как идеи, так и институты постоянно влияют друг на друга – т.е. они находятся в непрерывной взаимосвязи – и, таким образом, постоянно трансформируются (Schmidt, 2010; Hay, 2011).

Основной аргумент идеационного институционализма можно сформулировать следующим образом: институциональный кризис снижает способность самой системы влиять на агентов, действующих в ее рамках и логике, и на саму себя, из-за чего на первый план выходят, в частности, идеи агентов (их представления о том, как должна выглядеть система). Трансляция идей каждого отдельного агента и взаимообмен этими идеями в конечном итоге приводят к формированию новой институциональной системы, которая кодифицирует и формализует эти идеи (например, в виде текстов законов): сложившаяся новая система соответствует идеям лиц, участвовавших в ее формировании, а непрерывающееся взаимовлияние идей и институтов ведет к дальнейшей эволюции системы.

Аналитический фокус на идеях (представлениях, убеждениях, верованиях и т.д.) агентов позволяет не только понять, как и почему институциональная система трансформировалась и ее дизайн приобрел именно такой вид, но и проследить последующую эволюцию институтов². Механизм влияния идей агентов на формирующийся институциональный дизайн заключается в следующем: агент, оказавшись в такой ситуации³, когда у него есть возможность кодифицировать свои представления в институты и нет необходимости следовать существующим «правилам игры» ввиду отсутствия таковых, стремится сформировать институты таким образом, чтобы они отражали его идеи; для достижения своей цели агент может использовать, например, публичные дебаты, транслируя с их помощью свои представления и убеждая других игроков и социум в том, что именно его идеи наилучшие; притом агент – т.к. «правила игры» временно не существуют – необязательно стремится к максимизации выгоды с учетом объективных ограничений, напротив, его конечной целью может быть полноценное (или близкое к такому) воплощение его идей в реальность⁴. Такой подход к анализу влияния идей агента на институты позволяет предсказывать, какой будет институциональная система после кризиса.

Структура статьи выглядит следующим образом: в первой части рассмотрены основные положения и особенности идеационного институционализма; во второй части – ограничения данного подхода и актуальные дискуссии о нем; в третьей части приведена краткая иллюстрация потенциального применения идеационного подхода к анализу институциональных изменений в посткризисных государствах (на примере Республики Беларусь).

Идеационный институционализм: особенности подхода

Институциональная теория – один из самых популярных в политической науке подходов сегодня (Commons, 1959; March & Olsen, 1984), при этом наиболее часто исследователи используют исторический институционализм (Thelen & Steinmo, 1992) и институционализм рационального выбора (North, 1990; Ostrom et al., 1994; Ostrom, 1997). Несмотря на объяснительный потенциал этих теорий, обе сталкиваются с весьма серьезной критикой: исторический институционализм «обвиняют» в историческом редукционизме и детерминизме (Guy Peters et al., 2005), а институционализм рационального выбора – в отрыве от реальности: невозможности существования в реальном мире таких (политических) агентов, которые будут действовать обязательно рационально в заданных условиях (Saimon, 1978; Канеман и Тверски, 2003), – а также в том, что рациональность объясняет мотивацию

¹ Этот подход также называют конструктивистским (К. Хэй) и дискурсивным (В. Шмидт), но в данной статье будет использоваться термин «идеационный институционализм».

² Таким образом, этот подход претендует на способность предсказывать будущий институциональный дизайн на основе анализа именно идей агентов, формирующих систему.

³ В статье рассматривается именно ситуация кризиса, когда у агента появляется уникальная возможность сформировать такой дизайн, который бы наиболее соответствовал его идеальным представлениям об институциональном дизайне.

⁴ Невозможно утверждать, что агент всегда действует таким образом, но подобный контекст, когда у него появляется возможность не считаться с действующими институтами, повышает вероятность подобного.

агентов, однако склонна игнорировать их предпочтения (Панов, 2015: 43). Таким образом, ограничения этих типов институционализма тесно связаны с их онтологической базой: позитивистский институционализм рационального выбора не способен полноценно учесть «внерациональные» факторы, влияющие на институты и агентов, а исторический институционализм, несмотря на возможность его интерпретации с разных позиций, не способен отойти от исторической оптики даже в случае необходимости. С целью преодоления этих ограничений и был разработан идеационный институционализм.

Можно выделить четыре основные характеристики идеационного институционализма: (1) институты рассматриваются как кодифицированный набор идей и практик¹, (2) процесс эволюции/трансформации институтов и идей непрерывен, (3) поведение агентов необязательно предопределяется контекстом², (3) идеи каждого агента относительно уникальны.

Такая кодификация институтов – которые понимаются не просто как «правила игры», но как набор идей агентов и практик, которые поддерживают эти идеи – позволяет сфокусироваться на ключевых моментах трансформаций: т.к. институты воплощают собой идеи агентов, их дальнейшее существование поддерживается агентами, разделяющими эти идеи. Однако, реальность динамична, и агенты могут выбирать разнообразные модели поведения в рамках существующих институтов. Таким образом, не только идеи оказывают влияние на институты, но и институты также влияют на идеи, т.е. и институты, и идеи находят в постоянном процессе трансформации при взаимном влиянии (Нау, 2008).

Такое понимание институтов и институциональных процессов смещает фокус с анализа только функционирования институтов или анализа исключительно их генезиса. Вместо этого идеационный институционализм стремится как объяснить возникновение институтов в определенном виде, так и проследить их последующее развитие: поскольку идеи и институты взаимно влияют друг на друга, а нормализация идей одних политических агентов (закрепление их в практиках и принятие их другими политическими агентами системы) ведет к институционализации этой системы, процесс взаимовлияния на эволюцию идей и институтов становится перманентным, что позволяет анализировать в том числе развитие системы.

Это становится возможным, поскольку реальность воспринимается как социальный конструкт, и идеи выступают в качестве предпосылок институционализации и институциональных изменений, т.е. предопределяют то, какими будут институты (Ibid). Однако однажды кодифицированные идеи не могут оставаться в неизменном виде, т.к. взаимный обмен идеями между агентами в системе приводит к трансформации идей каждого агента. А трансформировавшиеся идеи требуют кодификации, т.е. институты также изменяются. Кроме того, в моменты нестабильности системы именно идеи конструируют последующие институциональные изменения (Schmidt, 2011): конкуренция представлений различных политических акторов структурирует течение кризиса, и лишь победа одной из конкурирующих идей (набора идей) или приведение конкурирующих идей к какому-то «усредненному набору» – институционализация идеи-«победителя» – способна положить конец кризису³.

Поскольку контекст динамичен, поведение акторов не предопределено внешними условиями – это справедливо и для моментов кризиса, когда система становится турбулентной и непредсказуемой, а ее способность оказывать влияние на агентов снижается. Таким образом, если в некризисный период идеи и институты влияют друг на друга в относительно равной степени⁴, то в кризис основным источником влияния становятся идеи, которые способствуют формированию нового дизайна институциональной системы, так как старый был скомпрометирован неспособностью ответить на вызовы, что и привело к кризису.

Идеационный институционализм не привязывает идеи исключительно к историческому процессу⁵ и отрицает непреложность принципа *path dependence*. Вместо этого этот подход концентрируется на обмене идеями между агентами и, более того, на том, как конкретный агент перерабатывает эти идеи. Возможность анализировать поведение акторов в моменты системной нестабильности, когда та среда, которая могла бы сама собой определять поведение агентов и их выбор, попросту отсут-

¹ Кодификация не означает, что для идеационного институционализма существуют только формальные институты, однако анализ неформальных институтов выглядит проблематичным в такой перспективе, поэтому в этой статье речь идет именно о формальных институтах.

² Контекст не теряет свое значение, однако у агента есть возможность (ре)интерпретации как институтов, так и собственных идей, что приводит к большему набору опций.

³ Как указано выше, кризис – это такой период, когда возникает необходимость переопределить институциональный дизайн, т.к. существование институтов в сложившемся на этот момент виде не способно преодолеть проблемы.

⁴ Их взаимное влияние потенциально одинаково.

⁵ В отличие от исторического институционализма.

ствуется, является сильной стороной идеационного институционализма (Schimdt, 2010; Hay, 2011) – это выгодно отличает идеационный подход от «мейнстримных» теорий.

Идеационный институционализм: ограничения, развилки, дискуссии

Как уже было отмечено выше, идеационный институционализм видит социальную реальность отлично от институционализма рационального выбора и фокусируется на предпочтениях агентов, а не на их рациональной мотивации. Как признают сами авторы идеационного институционального подхода, конструктивистская призма тесно связана с историческим институционализмом, однако при этом дает возможность преодолеть «исторический детерминизм». Эти особенности идеационного институционального подхода позволяют провести более глубокий анализ тех аспектов, которые обычно оказываются менее важны или привязаны к иным процессам (например, к историческому развитию) в рамках других подходов; кроме того, идеационный институционализм позволяет зафиксировать динамику институциональных изменений и выявить факторы, влияющие как на трансформацию институтов, так и на трансформацию идей, кодифицированных в эти институты.

Основные вызовы, стоящие перед идеационным институционализмом, сегодня таковы: (1) отсутствие конвенционального понимания «субъективного»¹; (2) противоречивость влияния идей на политические процессы (проблема здесь заключается в том, как традиционная неоинституционалистская концептуализация материальных интересов отличается от их концептуализации в рамках идеационного институционализма: сторонники последнего подхода разделяют материальные интересы на «материальную реальность» и «интересы», где последние рассматриваются в качестве «субъективного ответа на объективную реальность» (Beland and Cox, 2010: 84))²; (3) проблема идеационного детерминизма; (4) неясность относительной значимости материальных и идеационных факторов.

Идеационный институционализм – относительно молодой подход, однако он быстро развивается: в его рамках уже выделились отдельные течения. Одним из подвидов идеационного институционализма является предложенная Вивьен Шмидт дискурсивная версия (Schmidt, 2011): она фокусируется на интерактивной природе дискурсов³ в институциональном контексте. Шмидт связывает дискурсы⁴ и их трансформацию не с исторической зависимостью (*path dependence*) или стратегической рациональностью (*strategic rationality*), но с тем, как элиты, в дискурсах которых существуют идеи (часто не артикулированные или не выраженные эксплицитно), транслируют их и, таким образом, (ре)конструируют свои представления о будущем и своей идентичности (Schmidt, 2009: 258). Результатом этого процесса становятся институциональные изменения, которые закрепляют произошедший идейный обмен.

Например, в своей работе, посвященной стратегическому видению будущего Евросоюза европейскими политическими элитами, Шмидт анализирует стратегические видения представителей стран-членов ЕС, тесно связанные с наличием или отсутствием общих идентичностей (Ibid.: 257). Эти идентичности представляют собой определенный набор идей, которые разделяет ряд политических агентов и которые они же транслируют друг другу и вовне. Шмидт выделяет четыре основных дискурса, которые связаны со стратегическим видением будущего Евросоюза, и ряд факторов, влияющих на выбор той или иной стратегии европейскими странами (Ibid.: 258). Согласно Шмидт, взаимодействуя друг с другом и обмениваясь затем идеями, элиты стран-членов ЕС формулируют ряд конкурирующих стратегий. Затем они создают коалиции в рамках выделенных стратегий⁵. Подобные коалиции формируются ситуативно, их конфигурация может изменяться в зависимости от стратегии и способности какой-либо группировки конструировать более привлекательный набор идей (Ibid.). Подход Вивьен Шмидт в целом соотносится с общими представлениями об идеационном институционализме, но постулирует именно интересубъективный характер как дискурсов, так и идей, заключенных в них.

Другой пионер идеационного институционализма Колин Хэй, рассуждая о существовании вариаций капитализма, демонстрирует значимость идей в институционализации экономики: существу-

¹ Колин Хэй предлагает отказаться от понимания идей как исключительно интересубъективного продукта и рассматривать идеи через призму их интерпретации каждым отдельным агентом (см. ниже).

² Подобная перспектива позволяет рассматривать идеи как независимые переменные, способные оказывать влияние не (ре)формирование институтов, т.е. анализировать прямую каузальную связь между первыми и последними.

³ Для Шмидт все идеи, транслируемые агентами, интересубъективны.

⁴ Дискурс здесь понимается в постструктуралистском духе Лаклау и Муффа.

⁵ Каждый раз коалиции элит ситуативны и их конфигурация изменяется в зависимости от стратегии.

ющие *идеальные* представления (идеи) акторов вынуждают их действовать в рамках ожидаемого (того, что предполагается той или иной экономической моделью) даже в тех случаях, где на практике мы не наблюдаем реализацию этих ожиданий или когда наблюдаем противоположные процессы и события (Нау, 2020).

Подобно тому, и стратегия реформирования экономики ФРГ в условиях полной разрухи после окончания Второй мировой войны, оказавшаяся очень успешной (и получившая название «немецкого экономического чуда»), была основана на идеях ордолиберализма представителя Фрайбургской школы Вальтера Ойкена и других ученых-экономистов. «Отец» германской экономической реформы Людвиг Эрхард взял эти идеи за основу своей реформы.

В другой своей работе Хэй демонстрирует, как идеи повлияли на лиц, принимающих решения, и привели к Брекситу (*Brexit*) в Британии. Экономический кризис и последовавшее за ним замедление темпов экономического роста на фоне доминирующих (и конкретных) представлений о том, как должна выглядеть экономика Великобритании, и институциональном дизайне, необходимом для этого, привели к росту евроскептических настроений, что, в свою очередь, и привело к Брекситу (Нау, 2020).

В отличие от Шмидт, рассматривающей идеи исключительно в рамках существующих дискурсов, или одного общего дискурса (Schmidt, 2009; Schmidt, 2010), Хэй ставит под сомнение универсальную (и даже ситуационную) «взаимозаменяемость акторов» (Нау, 2017: 239). По его мнению, каждый агент не только воспринимает транслируемые ему идеи, но и перерабатывает их через свой личный уникальный опыт, т.е. один и тот же представитель какой-то группы внутри политической элиты будет понимать каждую идею несколько иначе. Колин Хэй предлагает отказаться от концепции «субъективности» и различать «интра-субъективное» и «интер-субъективное», где первое относится к интерпретации какой-либо идеи конкретным актором, а второе – к дискурсивным (общим) идеям (Ibid.). Такая интерпретация не отменяет наличие общего понимания значимости как идей, так и институтов, но лишь демонстрирует их взаимосвязь и взаимовлияние.

Стоит отметить, что как сторонники, так и противники идеационного институционализма до сих пор ведут споры об адекватности новых предлагаемых теоретических рамок исследования институтов и институциональных процессов. Некоторые высказывают опасения, что в попытках уйти от «институционального и исторического детерминизма» проponentы идеационного институционализма могут постепенно прийти к тому же детерминизму, но уже идеационному (Bell, 2011). Тем не менее, сторонники идеационного институционального подхода справедливо указывают на то, что они отдают себе отчет в существовании проблемы корректной оценки «веса» – поиск адекватного баланса между идеационными (*ideational*) и материальными (*material*) факторами (Gofas & Naу, 2010) – идеационных факторов в сравнении с другими, и учитывают это при проведении эмпирических исследований¹.

Широко обсуждаются и другие проблемы идеационного подхода. Например, в то время как существует конвенциональное понимание связи институтов и идей, а также влияния последних на институциональные дизайн и трансформации, одновременно можно обнаружить концептуальные дискуссии, напрямую связанные с тем, что понимается под идеями: одни предлагают рассматривать идеи как исключительно дисперсные продукты², которые обладают конституирующим свойством, т.е. неспособные напрямую влиять на политические процессы, но задающие определенную рамку (например, см. Малинова, 2010); другие утверждают, что анализ должен фокусироваться непосредственно на агентах, и идеи видят уникальными для каждого из них (Нау, 2017).

Примером другого расхождения среди исследователей, работающих с идеационным анализом, выступает спор о необходимости отдельного «конструктивистского подхода»: Стивен Белл отмечает, что исторический институционализм сам по себе существует в виде разных версий себя, некоторые из которых успешно инкорпорируют конструктивистское понимание социальной реальности и роли агента в ней, что позволяет им не менее успешно справляться с вызовами и проблемами, на которые указывают сторонники идеационных подходов (Bell, 2011: 906).

В свою очередь, Дэниел Беланд относит сам концепт «идей» к историческому институционализму и считает, что идеи связаны непосредственно с «исторически сконструированными убеждениями и представлениями» (Beland, 2019: 4). Сабине Сауртгер утверждает, что конструктивистские подходы особенно полезны при анализе сложных институциональных систем (например, Евросоюза):

¹ Не существует какого-либо универсального способа решения этой проблемы, и каждый исследователь вынужден разрабатывать адекватный исследовательский дизайн *ad hoc*.

² Такой подход тесно связан с пониманием Шмидт идей как продуктов конкуренции дискурсов.

в частности, анализ агентов позволяет внедрить инструменты для концептуализации непосредственно институциональной комплексности (Saurugger, 2013: 901). Фокусирование на идеях представляет собой удобный инструмент для преодоления тех проблем, которые возникают перед исследователем, который следует логике исторической зависимости или логике других институциональных подходов.

Критики конструктивизма вообще и конструктивистского подхода в институциональной политологии в частности до сих пор ставят под сомнение то, что идеационный анализ в таком виде способен преодолеть проблемы, с которыми сталкиваются исследователи институтов. Однако ряд работ в рамках идеационного институционализма доказывает состоятельность идеационного подхода и демонстрирует случаи, когда его применение полезно, как минимум, наряду с применением иных подходов.

Идеационный институционализм активно обсуждается в англоязычной литературе на протяжении последних двадцати лет. Меньшее внимание ему уделяют в России: сегодня предпринимаются попытки призвать к дискуссии и даже начать широко применять предлагаемый идеационный подход (Шипунова, 2012; Пономарев, 2016; Коновалов, 2017), однако до сих пор эти призывы не получили широкого отклика от академической аудитории. Например, Сергей Патрушев представил еще в конце 2000-х обзорную статью, в которой упоминал развитие идеационного институционализма, но уже тогда он высказывал опасения, что, ввиду отставания российской политологии от общемировых трендов, мы можем столкнуться с тем, что эти теории обретут сторонников довольно нескоро (Патрушев, 2009). Позже, Анатолий Кузнецов предпринял попытку ввести в обиход дискурсивный метод в институционализме (Кузнецов, 2014). Последней на сегодня попыткой активизировать дискуссию стала статья Ирины Шмерлиной, в которой она лишь вскользь затрагивает идеационный институционализм и стремится познакомить читателя с еще одним «более новым» подходом (Шмерлина, 2016).

Исследовательская повестка в рамках применения подхода: кейс Беларуси после дезинтеграции СССР

Как уже заявлялось выше, идеационный институционализм полезен при анализе институционального становления и развития стран в период кризиса (особенно момент от разрушения предыдущего институционального дизайна и становления нового): как Колин Хэй успешно проанализировал влияние идеационных факторов на Брексит и последующие ввиду него институциональные трансформации в Великобритании, так и анализ институциональных трансформаций постсоветских стран после распада Советского Союза может быть обогащен применением идеационного подхода.

Ярким примером является Республика Беларусь, которая – в отличие от ряда других постсоветских государств – после развала СССР столкнулась с конкурирующими элитарными группировками и отдельными акторами, каждый из которых предлагал собственные представления о том, как должен выглядеть формирующийся институциональный дизайн страны¹.

После распада СССР и прекращения существования предыдущей институциональной системы политические акторы в Беларуси, как и в других постсоветских странах, оказались перед необходимостью сделать выбор в отношении нового институционального дизайна и последующего развития институтов. Общим итогом стало возникновение в Беларуси суперпрезидентской республики.

Несмотря на то, что сегодня такой исход кажется едва ли не очевидным, существующий в настоящее время институциональный дизайн был сформирован только к середине 1990-х гг., когда нынешний президент Александр Лукашенко организовал и провел два референдума, по результатам которых он приобретал все больший политический вес и более широкие полномочия. Однако сразу после распада СССР Беларусь оказалась на институциональной развилке, и ее политическая система могла сегодня быть иной, если бы победу одержали конкурирующие идеи другой части политической элиты Беларуси.

Контекст², в котором существовала Беларусь после распада СССР, обладал несколькими важными характеристиками. Во-первых, отсутствовала эффективная альтернатива либеральной демократической системе: Советская система была разрушена, и единственным близким «примером» были системы европейских стран – в таких условиях кажется более рациональным стремиться приблизить

¹ Другие постсоветские государства столкнулись с теми же вызовами, но в данной статье будет рассмотрен случай Республики Беларусь.

² Как указывалось ранее, контекст оказывает влияние на формирование как идей агентов, так и институтов, несмотря на то, что каждый агент интерпретирует контекст несколько differently от других.

формирующийся дизайн к соседскому для более эффективного взаимодействия (чего в Беларуси не произошло). Во-вторых, соседство с Россией оказывало влияние посредством того, как тот или иной политический актор относился к ней: Россия могла рассматриваться в качестве фактора-ирританта (в связи с видением ее как «наследницы СССР») или как дружественное государство. В-третьих, у Беларуси отсутствовал опыт существования в качестве независимого государства: эта постсоветская республика в разные годы (и последовательно) входила в составы Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, СССР. В-четвертых, значимым фактором была символическая и историческая близость со странами Балтии: даже сегодня можно увидеть эти связи в государственных и народных символах (например, бело-красно-белый флаг, используемый оппозицией). В-пятых, отсутствовала консолидированная национальная идентичность (Pranevičiūtė, 2007). Таким образом, Беларусь обладала потенциалом развития как в проевропейском направлении (примеры стран Балтии), так и в иных.

Некоторые из этих и других характеристик, общие для всех постсоветских стран: соседство с Россией, постсоветский институциональный дизайн, экс-номенклатура (даже в Балтийских странах бывшие советские чиновники частично или в значительной мере участвовали в управлении новыми государствами (Смирнов, 2011)), падение уровня благосостояния производства. Однако в случае Беларуси любопытным оказывается именно ряд пересекающихся с другими постсоветскими странами, сделавшими стратегический выбор в пользу европейскости (Литва, Латвия и Эстония) характеристик: (1) Беларусь – малое государство (это должно бы было привести к тому, что Беларусь, ощущая свою уязвимость, стремилась бы к «корпоративской политике» (Katzenstein, 2003: 11), т.е. к сближению с экономически сильной соседствующей группировкой – Евросоюзом), (2) общее «историческое наследие», (3) близость к Европе. Такая конфигурация сходных параметров позволяет задаться вопросом, какие факторы оказали влияние на институциональный выбор Беларуси: если материальные факторы и их влияние были изучены (Fritz, 2007), то идеационным часто не предавали должного значения.

До середины 1990-х гг. в Беларуси наблюдалась политическая и идеологическая конкуренция – существовали четыре проекта Конституции: помимо Александра Лукашенко (который присоединился к Советской экс-номенклатуре, доминировавшей в Верховном Совете Республики Беларусь), свои проекты представили иные депутаты и члены руководства Верховного Совета (председатель Совета министров Вячеслав Кебич, депутат и член Президиума Верховного Совета Мечислав Гриб и др.). При этом настроения в парламенте в целом можно было охарактеризовать как проевропейские (Frye, 1997: 540–544). Несмотря на это, в итоге Беларусь пошла по пророссийскому пути и установлению авторитарной системы, то есть победу одержали идеи Лукашенко, закрепленные посредством двух референдумов (1995 и 1996 гг.).

В предвыборной программе Александра Лукашенко 1994 г.¹ можно найти его отношение к ряду проблем, упомянутых ранее. Например, среди своих целей он изначально указал «восстановление ... связей ... с Россией и Украиной»². Кроме того, в этой же программе Лукашенко противопоставляет партийную власть и народную, таким образом формулируя представление о том, что парламентское управление хуже альтернативного (президентского). Лукашенко также предлагает закрепить ответственность и контроль над широким перечнем сфер общественной жизни за государством, а, исходя из предыдущего пункта, следовательно за президентом Республики Беларусь³.

Вычлененные выше представления Александра Лукашенко о том, каким должна выглядеть институциональная система Беларуси, были в итоге кодифицированы в Конституции 1994 г. (как и выносимые на референдумы 1995 и 1996 гг. положения): наиболее значимым здесь выступает закреплённая сильная президентская власть (раздел IV, глава 3)⁴.

Результатом этих процессов (публичная трансляция идей Лукашенко, его победа и т.д.) стало расширение президентских полномочий и сведение функции парламента практически на нет: например, после своего избрания на пост президента Александр Лукашенко оправдывал политический ре-

¹ Стоит отметить, что идеи Лукашенко закреплены не только в его предвыборной программе, но также в интервью и иных публичных выступлениях, однако в рамках этой статьи представляется трудноосуществимым полный анализ его дискурса, поэтому будут рассмотрены широкие параллели между заявленным в программе и внесенным в Конституцию Республики Беларусь.

² Радзьё Свабода, «Праграма Аляксандра Лукашэнкі» [online]. Available at: URL: <https://www.svaboda.org/a/2149925.html> (Accessed: 4th December 2020).

³ Ibid.

⁴ Конституция Республики Беларусь [online]. Available at: URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (Accessed: 5th December 2020).

жим некоей «необходимостью», что также можно проследить в других его выступлениях в эти годы¹. Артикулируемые Лукашенко идеи² отличались от конкурирующих, и их кодификация в институтах отдаляла страну от европейских государств.

Таким образом, существование различных представлений о будущей институциональной системе Республики Беларусь и их конкуренция стали одним из факторов, определивших финальные институциональные выбор и дизайн. Безусловно, открытым остается вопрос степени влияния идей на институциональные трансформации в данном случае, но, тем не менее, эта ситуация выступает иллюстрацией объяснительного потенциала идеационного институционализма.

Заключение

Развитие политической науки требует постоянного теоретического обогащения и демонстрирует принципиальную необходимость существования конкурирующих теорий. Кроме того, невозможно всегда сводить анализ к упрощенным моделям (как это нередко происходит). Появление и развитие идеационного институционализма не только выглядит многообещающим для решения некоторых проблем политической науки, но уже демонстрирует результаты его применения: приращение знания относительно того, как происходит идеационная интеракция агентов в период кризиса, и какое влияние их идеи оказывают на институты.

Некоторые «рецепты» идеационного подхода кажутся адекватными и перспективными: отказ от концепта «субъективного» в пользу разделения его на взаимосвязанные «интра-» и «интер-субъективное» позволяет преодолеть проблему атрибуции идей и вывести анализ из поля статичного. В то же время ряд проблем остается открытым для дальнейшей дискуссии, а определение относительной значимости разных факторов представляет собой широкое поле для дальнейшей работы.

Несмотря на имеющиеся проблемы, идеационный институционализм – это удобная аналитическая линза для выявления того, как убеждения акторов влияют на формирование и последующее развитие институтов, и наоборот – как институты меняют представления акторов. Более широкое применение этой теории кажется многообещающим, особенно когда речь идет об исследовании процессов на постсоветском пространстве. Идеационный институционализм способен обогатить наше понимание процессов институциональных трансформаций и выбора в пользу того или иного институционального дизайна, который делали политические агенты в моменты системной нестабильности (распад СССР, Брексит и т.д.).

Вовлечение российских политических ученых, исследователей из смежных областей в дальнейшее обсуждение и применение идеационного институционализма потенциально не только способно повысить валидность и эффективность данного подхода, но и обогатить саму российскую науку.

¹Александр Лукашенко в программе «Диалог в прямом эфире», *Фрагмент (1994)* [online]. Available at: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=z-tSJeroRLA> (Accessed: 5th December 2020).

² Отметим, что теоретический характер и объем статьи, в которой сюжеты Беларуси и Лукашенко являются лишь иллюстрацией, не позволяют дать полноценный анализ идей Лукашенко (и его конкурентов), их генезиса, (ре)конструировать нарративы и т.п.

Список литературы / References

- Канеман, Д. и Тверски, А. (2003) 'Рациональный выбор, ценности и фреймы', *Психологический журнал*, 24(4), сс. 31–42. [Kahneman, D. and Tversky, A. (2003) 'Rational choice, values and frames' [Ratsional'nyi vybor, tsennosti i freimy], *Psikhologicheskii zhurnal*, 24(4), pp. 31–42. (In Russ.)].
- Коновалов, Д. А. (2017) 'Особенности формирования и функционирования диктатур с позиций конструктивистского институционализма', *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*, 3, сс. 416–421. [Konovalov, D. A. (2017) 'Formation and functioning features of dictatorships from the point of view of constructivist institutionalism' [Osobennosti formirovaniya i funktsionirovaniya diktatur s pozitsii konstruktivistskogo institutsionalizma], *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki»*, 3, pp. 416–421. (In Russ.)].
- Кузнецов, А. М. (2014) '«Новый институционализм»: взгляд через призму дискурсивного анализа', *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*, 4, сс. 203–227. [Kuznetsov, A. M. (2014) "«New institutionalism»: discursive analysis perspective" [«Novyi institutsionalizm»: vzglyad cherez prizmu diskursivnogo analiza], *METOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obschestvovedcheskikh distsiplin*, 4, pp. 203–227. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2010) 'Идеи как независимые переменные в политических исследованиях: в поисках адекватной методологии', *Полис. Политические исследования*, 3, сс. 90–99. [Malinova, O. Y. (2010) 'Ideas as independent variables in political research: searching for adequate methodology' [Idei kak nezavisimye peremennye v politicheskikh issledovaniyakh: v poiskakh adekvatnoi metodologii], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 3, pp. 90–99. (In Russ.)].
- Панов, П. В. (2015) 'Институционализм(ы): Объяснительные модели и причинность', *Полис. Политические исследования*, 3, сс. 39–55. [Panov, P. V. (2015) 'Institutionalism(s): Explanatory models and causality' [Institutsionalizm(y): Ob'yasnitel'nye modeli i prichinnost'], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 3, pp. 39–55. (In Russ.)].
- Патрушев, С. В. (2009) 'Институциональная политология: четверть века спустя', *Политическая наука*, 3, сс. 5–19. [Patrushev, S. V. (2009) 'Institutional political science: a quarter of a century after' [Institutsional'naya politologiya: chetvert' veka spustya], *Politicheskaya nauka*, 3, pp. 5–19. (In Russ.)].
- Пономарев, Н. Ф. (2016) *Коммуникационный менеджмент власти: институциональные теории и дискурсивные практики: учебное пособие*. Москва: ФЛИНТА: Наука. [Ponomarev, N. F. (2016) *Communication management of power: institutional theories and discursive practices: handbook* [Kommunikatsionnyi menedzhment vlasti: institutsional'nye teorii i diskursivnye praktiki: uchebnoe posobie]. Moscow: FLINTA: Nauka. (In Russ.)].
- Смирнов, В. А. (2011) 'Формирование политической элиты Литвы на рубеже 1980–1990-х годов: Роль «политиков морали»', *Балтийский регион*, 4(10), сс. 18–21. [Smirnov, V. A. (2011) 'The formation of the political elite in Lithuania at the turn of the 1980s–1990s: the role of "moral politicians"' [Formirovanie politicheskoi elity Litvy na rubezhe 1980–1990-kh godov: Rol' "politikov morali"]], *Baltic Region*, 4(10), pp. 18–21. (In Russ.)].
- Шипунова, Т. В. (2012) 'Макро-микро-макро-модель социального контроля девиантности в конструктивистской перспективе: приглашение к дискуссии', *Журнал социологии и социальной антропологии*, 15(2), сс. 157–172. [Shipunova, T. V. (2012) 'Macro-micro-macro-model of social control over deviance in constructivist perspective: an invitation to discussion' [Makro-mikro-makro-model' sotsial'nogo kontrolya deviantnosti v konstruktivistskoi perspective: priglashenie k diskussii], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 15(2), pp. 157–172. (In Russ.)].
- Шмерлина, И. А. (2016) '«Институциональная логика»: критический анализ направления', *Социологический журнал*, 4, сс. 110–138. [Shmerlina, I. A. (2016) "«Institutional logic»: critical analysis of the di-

- rection' ["Institutsional'naya logika": kriticheskii analiz napravleniya], *Sotsiologicheskii zhurnal*, 4, pp. 110–138. (In Russ.).
- Beland, D. and Cox, R. H. (2010) *Ideas and Politics in Social Science Research*. USA: Oxford University Press.
- Bell, S. (2011) 'Do We Really Need a New 'Constructivist Institutionalism' to Explain Institutional Change?', *British Journal of Political Science*, 41(4), pp. 883–906.
- Commons, J. R. (1959) *Institutional Economics: Its Place in Political Economy*. Vol. 1, Madison: The University of Wisconsin Press.
- Fairfield, T. and Charman, A. E. (2017) 'Explicit Bayesian Analysis for Process Tracing: Guidelines, Opportunities and Caveats', *Political Analysis*, 25(3), pp. 363–380.
- Fritz, V. (2007) *State-building: A Comparative Study of Ukraine, Lithuania, Belarus, and Russia*. Budapest: Central European University Press.
- Frye, T. (1997) 'A Politics of Institutional Choice: Post-Communist Presidencies', *Comparative Political Studies*, 30(5), pp. 523–552.
- Gofas, A. and Hay, C. (eds.) (2010) *The Role of Ideas in Political Analysis*. London: Routledge.
- Guy Peters, B., Pierre, J. and King, D. S. (2005) 'The Politics of Path Dependency: Political Conflict in Historical Institutionalism', *The Journal of Politics*, 67(4), pp. 1275–1300.
- Hay, C. (2008) 'Constructivist Institutionalism' in Bender, S., Rhodes R.A.W. and Rockman B. (eds.) *The Oxford Handbook of Political Institutions*. Oxford: Oxford University Press, pp. 56–74.
- Hay, C. (2011) 'Interpreting Interpretivism Interpreting Interpretations: The New Hermeneutics of Public Administration', *Public Administration*, 89(1), pp. 167–182.
- Hay, C. (2017) 'The Interdependence of Intra- and Inter-Subjectivity in Constructivist Institutionalism', *Critical Review*, 29(2), pp. 235–247.
- Hay, C. (2020) 'Brexistential Angst and the Paradoxes of Populism: On the Contingency, Predictability and Intelligibility of Seismic Shifts', *Political Studies*, 68(1), pp. 187–206.
- Hay, C. (2020) 'Does capitalism (still) come in varieties?', *Review of International Political Economy*, 27(2), pp. 302–319.
- Katzenstein, P. J. (2003) 'Small States and Small States Revisited', *New Political Economy*, 8(1), pp. 9–30.
- March, J. G. and Olsen, J. P. (1984) 'The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life', *The American Political Science Review*, 78(3), pp. 734–749.
- North, D. (1990) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Olson, M. (1965) *The Logic of Collective Action: Public Goods and Theory of Groups*. Cambridge: Harvard University Press.
- Ostrom, E. (1998) 'A Behavioral Approach to the Rational Choice Theory of Collective Action: Presidential Address, American Political Science Association, 1997', *The American Political Science Review*, 92(1), pp. 1–22.
- Ostrom, E., Gardner, R. and Walker, J. (1994) *Rules, Games and Common — Pool Resources*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Ostrom, V., Feeny, D. and Pitch, H. (eds.) (1993) *Rethinking Institutional Analysis and Development: Issues, Alternatives and Choices*. San Francisco: Institute for Contemporary Studies Press.
- Pranevičiūtė, J. (2007) 'Belarus Identity: Ideals or Trades-off?', *Lithuanian Political Science Yearbook*, 1, pp. 175–211.
- Saimon, H. A. (1978) 'Rationality as Process and as Product of Thought. Richard T. Ely Lecture', *American Economic Review*, 68(2), pp. 1–16.
- Saurugger, S. (2013) 'Constructivism and public policy approaches in the EU: from ideas to power games', *Journal of European Public Policy*, 20(5), pp. 888–906.
- Schmidt, V. (2008) 'Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse', *Annual Review of Political Science*, 11, pp. 303–326.
- Schmidt, V. (2009) 'European Elites on the European Union: What Vision for the Future?' in Gamble, A. and Lane, D. (eds) *The European Union and World Politics*. London: Palgrave Macmillan, pp. 257–273.
- Schmidt, V. (2010) 'Taking ideas and discourse seriously: explaining change through discursive institutionalism as the fourth 'new institutionalism'', *European Political Science Review*, 2(1), pp. 1–25.
- Schmidt, V. (2011) 'Discursive institutionalism' in Badie, B., Berg-Schlosser, D. and Morlino, L. (eds.) *International encyclopedia*

- of political science*. Thousand Oaks: SAGE Publications, pp. 684–686.
- Thelen, K. and Steinmo, S. (1992) ‘Historical Institutionalism in Comparative Politics’ in Steinmo, K., Thelen, K. and Longstreth, F. (eds.) *Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1–32.
- Thomas, D. C. (2011) ‘Explaining EU Foreign Policy: Normative Institutionalism and Alternative Approaches’ in Thomas, D. C. (ed.) *Making EU Foreign Policy*. London: Palgrave Macmillan, pp. 10–28.

Статья поступила в редакцию: 11.01.2021

Статья принята к печати: 30.04.2021

IDEATIONAL INSTITUTIONALISM: EXPLAINING INSTITUTIONAL TRANSFORMATIONS DURING A CRISIS

A. D. Onishchenko

A. D. Onishchenko, graduate student,
National Research University “Higher School of Economics”, Russia, Moscow.
E-mail: onishchenko.ad@gmail.com (ORCID: 0000-0003-4506-6452. ResearcherID: AAD-8268-2019)

Abstract

The role of agents' ideas in determining the direction of institutional transformations is often underestimated; this is especially true if one is analyzing the formation and/or reformation of institutional design during a crisis when the significance of other factors may decrease. Institutional approaches of historical institutionalism and rational choice institutionalism are not always able to adequately measure the impact that agents' ideas have on institutional transformations. Ideational institutionalism, on the contrary, allows one to focus on these ideas, as well as to analyze both ideas' effect on emerging institutions and the impact of an agent's ideas on ideas of other agents. Furthermore, ideational institutionalism in the form presented in the article proposes to move away from the perception of ideas exclusively as intersubjective and to separately study the ideas of each decision-maker; this allows one to assess the role of a particular agent in the formation of institutions. This approach is promising, in particular, for the analysis of the institutional changes that occurred in the post-Soviet countries after the collapse of the Soviet Union. The article discusses the main characteristics of the ideational approach and the framework of its use on the example of institutional changes in the Republic of Belarus in the 1990s.

Keywords: ideational institutionalism; institutions; institutional transformations; institutional change; ideas; crisis; discourse; Republic of Belarus.

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-2-16-26

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ КОНФЛИКТОВ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. И. Кольба, З. Т. Чадаева

Кольба Алексей Иванович, профессор кафедры государственной политики и государственного управления,

Кубанский государственный университет.

E-mail: alivka2000@mail.ru (ORCID: 0000-0002-7663-8890).

Чадаева Залина Темирлановна, аспирант кафедры государственной политики и государственного управления,

Кубанский государственный университет.

E-mail: zalina1984@mail.ru (ORCID: 0000-0002-0042-401X).

Аннотация

Представлены результаты исследования представлений о политической институционализации конфликтов, сложившихся в рамках теории конфликта и неoinституциональной теории. Цель работы – определение соотношения указанных теоретических подходов при исследовании проблем политической институционализации конфликтов, в частности, взаимодействия институтов различных типов. Метод исследования – сравнительный анализ основных положений двух подходов. Выявлено, что проблема регуляции конфликтов чаще всего решается в нормативистском ключе. Основные методологические различия связаны с выбором объектов исследований. В теории конфликта в фокусе внимания исследователей находятся возможности придания конфликту регулируемого и конструктивного характера. Характер регулятивного воздействия не имеет решающего значения. С точки зрения неoinституционалистов, решающее значение имеет природа политических институтов и возможность сочетания различных типов институционализации. Конфликты рассматриваются наряду с прочими процессами, которые необходимо нормативно регулировать. Не исключается возможность их преодоления в рамках политических институтов. При этом конфликт может стимулироваться столкновением норм различных типов, и сам процесс институционализации имеет конфликтогенный потенциал.

Ключевые слова: политическая институционализация конфликтов; теория конфликта; неoinституциональная теория; политический институт.

Введение

В классических и современных исследованиях политическая институционализация конфликтов рассматривается как важнейшая составляющая в последовательности действий по их трансформации и приданию управляемого характера. Практический аспект политической институционализации отражён в концепции управления конфликтами, которая основывается на таких постулатах, как их универсальность, необходимость достижения желаемых изменений, динамичный характер, нелинейность, варьируемая степень конструктивности и возможность трансформации конфликта (Kiesberg & Dayton, 2017). При этом, несмотря на кажущуюся определённую концептуальную содержательность и регулятивное значение, продолжается научная дискуссия относительно многих аспектов данного явления: потенциала и пределов институционального регулирования, механизмов и форм институционализации, её барьеров и др. Одним из её ключевых вопросов является соотношение различных концептуальных подходов при исследовании институционализации конфликтов в политической сфере. Значительные лакуны существуют и в научных представлениях о характеристиках взаимодействия политических институтов различных типов в процессе управления конфликтами и порождаемых этим взаимодействием эффектах. В рамках исследования мы проводим анализ взглядов, сло-

жившихся в рамках теории конфликта и неинституциональной теории относительно возможности решения указанных концептуальных проблем.

Политические институты и институционализация

В настоящее время в социальных науках развивается несколько основных направлений исследований институтов, по-разному рассматривающих их сущность. Одним из главных является вопрос о природе институтов: представляют ли они собой нормативную рамку, организационную структуру или же сложившееся устойчивое взаимодействие? В рамках нормативного подхода Д. Норт определяет её следующим образом: "Институты состоят из формальных писанных правил и обычно неписанных кодексов поведения, которые лежат глубже формальных правил и дополняют их" (Норт, 1997: 17). Таким образом, их можно типологизировать как формальные и неформальные, при этом вопрос о соотношении институтов двух типов остаётся открытым. Г. Хелмке и С. Левитски в своей работе выделили различные типы неформальных институтов, которые, в зависимости от своих характеристик, могут быть не только комплиментарны формальным, но и конкурировать с ними и замещать их (Хелмке и Левитски, 2007). Это концепция развивается и К. Вильямсон (Williamson, 2009). Такой ракурс исследования открывает перспективы для интеграции сетевого и институционального подходов, т.к. в данном контексте политические сети могут рассматриваться как механизмы неформальной институционализации.

Сторонники организационного подхода иначе рассматривают сущность и роль институтов в социально-политических отношениях. Согласно Э. Гидденсу, они представляют собой длительные структуры во времени и пространстве, наиболее стабильные черты социальной жизни (Гидденс, 2005: 65). Р. Даль считает, что институты предполагают организации, рассчитанные на длительный период, передаваемые из поколения в поколение (Даль, 2000: 83). Эти положения подвергаются критике со стороны исследователей, рассуждающих с позиций нормативистского подхода, однако имеют основания, главным образом, социологического порядка. В случае трактовки института как организации он приобретает зримое воплощение в политической сфере в виде государственных органов, партий, общественных движений и других политически организованных структур. В то же время такой подход не позволяет провести чёткую грань между институтами и акторами политических взаимодействий, т.к. наличие организации подразумевает некоторую общность интересов и целей её членов, а также возможность их отстаивания в конкуренции с другими субъектами.

Интеракционистский подход подразумевает определение институтов как коллективных, взаимных и повторяемых действий людей (практик). В классической работе С. Хантингтона они рассматриваются как устойчивые, значимые и воспроизводящиеся формы поведения (Хантингтон, 2004: 32). Дж. Марч и Й. Ольсен отмечают, что институты – это пути, по которым политическое поведение глубоко внедряется в институциональную структуру правил, норм, ожиданий и традиций (March & Olsen, 1989). В этом аспекте данный подход сближается с нормативистским, т.к. в конечном итоге устойчивые политические практики требуют какого-либо закрепления в виде норм, поддерживающих и регламентирующих установленное поведение. Повторяющаяся интеракция может рассматриваться как способ создания нормативной основы регулирования политического поведения, которая приобретает формальный или неформальный характер.

На данном этапе исследований нет возможности создать единую трактовку понятия "политический институт", хотя противоречия между подходами, по всей видимости, могут быть преодолены. Так, Ю. В. Ирхин предлагает рассматривать нормы, правила и традиции как более простые и первичные институты по отношению к организациям, которые характеризуются как сложные институты (Ирхин, 2014).

При этом ряд исследователей полагают возможным выделить три основных составляющих институтов как социальных структур, достигших высокой степени устойчивости – культурно-когнитивных, нормативных и регулятивных элементов, которые вместе с соответствующими видами деятельности и ресурсами обеспечивают стабильность и смысл социальной жизни (Scott, 2008). Регулятивные элементы являются более формализованными, более явными, более легко планируемыми и стратегически управляемыми. Выделение нормативных элементов связано с осмыслением акторов как социальных личностей, которые глубоко заботятся о своих отношениях с другими и придерживаются руководящих принципов, предусмотренных их собственной идентичностью. Культурно-когнитивные элементы служат основой для нормативных предписаний и регулятивного контроля,

поскольку нормы и правила должны относиться к институционально сформированным субъектам. Однако они также способны сами по себе обеспечить основу для порядка.

Чаще всего указанные составляющие проявляются в различных сочетаниях, чтобы коллективно поддерживать существующие социальные механизмы. При этом во многих ситуациях различия между тремя элементами порождают дилеммы и напряженность, вызывая непонимание, разногласия и конфликты, которые открывают возможности для перемен (Scott, 2010). Таким образом, регулятивные элементы предполагают достаточно жесткое воздействие на поведение участников социально-политических отношений и могут рассматриваться как рационализированный компонент управления ими. Нормативные элементы воздействуют менее жестко, представляя собой рамочные условия поведения. Наконец, когнитивно-культурные элементы дают возможность воспринимать ситуацию в контексте тех ценностей и стереотипов поведения, которые заложены в той или иной культурной среде. Конфликты между этими элементами в процессе управления обусловлены рассогласованностью воздействия, которое может восприниматься как необходимое (например, с рациональных позиций), но противоречить представлениям о нормах и ценностях тех или иных акторов.

Исследования институционализации конфликтов в рамках двух подходов: сравнительный анализ

Традиции исследования политической институционализации конфликтов исторически складываются в рамках политико-конфликтологического и неоинституционального подходов. При этом первый из них возник несколько ранее, а второй претендует на рассмотрение проблемы в более широком контексте. Как отмечает А. Зидшлаг, существуют определённые расхождения между различными направлениями в рамках неоинституционального подхода и положениями теории конфликта (Siedschlag, no date). Нам представляется важным провести анализ и сравнение сложившихся воззрений для выявления возможностей их методологического синтеза.

Для первого из указанных подходов более характерно рассматривать институционализацию в контексте взаимовлияния конфликтов и социального порядка. Так, Р. Дарендорф указывает на существование в обществе большого количества институциональных порядков, которые более или менее динамично меняются в зависимости от степени интенсивности конфликтов (Дарендорф, 1994). При этом институциональная структура предполагает существование "третьей стороны", которая устанавливает общеобязательные правила разрешения конфликта и имеет возможность при необходимости положить ему конец извне (Dahrendorf, 2001).

Институционализация приводит к ограничению типов допустимых взаимодействий участников конфликтов, что повышает уровень предсказуемости отношений и снижает вероятность их деструктивного развития. Как отмечает А. В. Глухова, формируя механизмы с устойчивой обратной связью, рациональной организацией управления, способной к учету мнений граждан и реализации решений, политическая система превращается в гибкий инструмент для адресного регулирования конфликтов и выбора оптимальных вариантов применения власти (Глухова, 2011: 133). При этом конфликты также оказывают определённое воздействие на институциональные рамки и в некоторых случаях могут достаточно серьёзно корректировать работу политических институтов, а в предельном случае – приводить к исчезновению сложившегося комплекса институтов. Усилия отдельных акторов по подрыву института с помощью одной стратегии взаимодействуют с действиями других (возможно, при этом используются различные стратегии для достижения тех же или связанных целей), а также с теми акторами, которые стремятся защитить данный институт (вероятно, также с помощью различных стратегий) (Farrel, no date). Таким образом, конфликтные процессы регулируются институциональным образом, но в то же время могут привести к преобразованию политических институтов.

Институционализация в рамках данного подхода призвана обеспечить базис для трансформации конфликта в сторону повышения его конструктивности и раскрытия позитивного потенциала. При этом она рассматривается двояко: как процесс создания норм и правил, регулирующих конфликтные взаимодействия, и как достигнутый результат, т. е. относительно слаженная и непротиворечивая нормативная и/или организационная конструкция, позволяющая обеспечивать развитие и урегулирование конфликта в установленных рамках. Наряду с такими процедурами, как легитимация, структурирование, манифестация и редукция конфликта институционализация призвана придать ему управляемый, конструктивный и предсказуемый характер.

Важным является вопрос о характере институционального влияния на конфликт. Л. Козер связывает его со степенью нормативной регуляции конфликтных отношений (Козер, 2000). Й. Гал-

тунг обусловливает такое влияние созданием механизмов, которые могут решать, кто является победителем, а кто проигравшим, а также распределять санкции, наказания и вознаграждения между сторонами и прекращать конфликт (Galtung, 1965). Как отмечает Л. Крисберг, конфликт и его регулирование – это институциональное определение того, когда и насколько развиваются конфликтные потенциалы и проявляются конфликтные процессы на четко определенных политических аренах с плотной сетью норм и правил. Актеры усваивают общие правила развертывания конфликта и в то же время эти правила экстернализируются, то есть выражаются, например, в традициях или формулировках закона, а также предусмотренных системой санкциях и избирательно действующих стимулах (Kriesberg, 1998). Исходя из приведённых определений, в рамках конфликтологической традиции институциональные аспекты управления конфликтами рассматриваются в нормативистском ключе, что позволяет провести параллели с исследовательской традицией в рамках неоинституционального подхода.

Здесь институционализация конфликтов также рассматривается как "степень, в которой существуют хорошо известные, упорядоченные, легкодоступные механизмы, методы или процедуры для решения проблемы" (Miller & Sarat, 1981), "встраивание конфликтов в социальные системы или общество или установленная норма" (Levitsky, 1998). По мнению Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста, индивиды всегда имеют возможность конкурировать друг с другом за ресурсы или статус при помощи насилия, следовательно, необходимым следствием ограничения использования насилия внутри социальной группы является установление ограничений конкуренции (Норт и др., 2011). Таким образом, в исследованиях, относящихся к данному направлению, также непосредственно присутствует тематика конфликтов. Относительно форматов политической институционализации существуют различные позиции: одно из направлений фокусируется на проектировании институтов для оптимального коллективного принятия решений и исключения конфликтов. Другая школа подчеркивает, что вся политика – это, по сути, конфликтная среда, включающая в себя и решения о создании или реформировании общих институтов (Siedschlag, no date).

Существуют также значимые различия в трактовке данного явления между такими направлениями, как рационалистический институционализм, берущий своё начало в теории рационального выбора, и рефлексивный институционализм, имеющий начало в социологических теориях. С позиций первого из них институты – это правила эффективного коллективного принятия решений и программы управляемых изменений. Они регулируют конфликты, которые еще не нашли своего места на политической арене. Основным механизмом воздействия заключается в том, чтобы влиять на предпочтения акторов и их стратегический выбор посредством системы стимулов и ограничений. Такое воздействие предполагает, что конфликтный процесс институционализируется и обретает свои собственные правила без какого-либо дальнейшего внешнего подкрепления (Shepsle & Bonchek, 1997). Данная концепция предполагает, что на первый план в построении институтов выходят сами политические акторы, которые в зависимости от ресурсных возможностей могут оказывать влияние на создание и изменение норм взаимодействия друг с другом. При возникновении какого-либо нового типа или формата конфликтования они стремятся институционализировать его, разрабатывая новые "правила игры".

Для сторонников второго направления институты эффективны постольку, поскольку они с самого начала заложены в социальные и политические процессы, которые призваны регулировать. Рефлексивная институционализация как стратегия управления конфликтом основана на внимании к когнитивному, нормативному и "моральному" контексту конфликтного взаимодействия, чтобы создать взаимное восприятие элементарных общих оснований, разрядить конфликтные потенциалы и предотвратить превращение конфликтных потенциалов в явные конфликтные процессы (March & Olsen, 1995). Таким образом, в процессе институционализации конфликтов можно предполагать как создание универсальных институтов, которые "подгоняют" конфликты под институциональные политические практики и тем самым трансформируют их, так и "настройку" институтов в зависимости от конкретной ситуации, культурного контекста, особенностей политического процесса и т.д. Немаловажно и то, что подобный подход предполагает не расчёт преимуществ, получаемых в процессе урегулирования конфликта той или иной стороной, а совместные действия по его улаживанию. В конечном итоге, рефлексивная институционализация нацелена на более глубокую трансформацию конфликта, учитывающую ценностные аспекты.

При этом эффективность тех или иных политических институтов в деле регулирования конфликтов зависит от влияния различных переменных, комбинации которых могут существенно изменять её уровень. Как показывает С. Хьюдж на примере института федерализма, его результативность в вопросах регулирования конфликтности во многом зависит от системы политического представи-

тельства, партийной системы и устойчивости государственного устройства. Количество ненасильственных конфликтов в отлаженной федеративной системе может даже возрасти, хотя вероятность насильственных проявлений протеста снижается (Hug, no date). Можно утверждать, что политико-институциональное воздействие на конфликты имеет нелинейный и неоднозначный характер, и его следует рассматривать как комплекс институциональных влияний.

Взаимодействие институтов различных типов в контексте политической институционализации конфликтов

В связи с этим важное значение приобретает проблема взаимодействия институтов различных типов. Чаще всего в этом контексте рассматривается соотношение формальных и неформальных институтов регулирования конфликтов. На первых этапах развития неоинституциональных и конфликтологических концепций оно не привлекало значительного внимания. Исследователи-институционалисты, рассматривая соотношение институтов двух типов, признавали приоритет за формальными составляющими регулирования социальных отношений. В частности, Д. Норт отмечал, что «нормы – это неформальные ограничения на поведение, которые отчасти вытекают из формальных правил, иными словами, представляют собой как бы продолжение формальных правил в применении к конкретным ситуациям» (Норт, 1993: 73–74). Л. Козер, рассматривая в качестве важных факторов институционализации её характер (завершённый/незавершённый) и уровень жёсткости социальной структуры, не акцентировал внимание на типах вводимых ограничений и регуляторов, рассматривая как формализованные, так и неформализованные аспекты отношений (Козер, 2000).

Со временем всё большее количество исследователей стали отмечать различия в воздействии на конфликты между институтами этих двух типов и возможность возникновения противоречий между ними. Так, в исследованиях регулирования отношений на рынках в Нигерии отмечается первостепенная значимость традиционных социальных институтов, религиозных установлений, социокультурных паттернов поведения и других неформальных составляющих. Значимость формальных институтов гораздо ниже, в том числе за счёт их слабого сочетания с неформальными правилами, поэтому значительная часть рыночных отношений имеет теневой характер (Osasona).

Анализ взаимодействия формальных и неформальных институтов ряд авторов проводит в контексте публичного управления, взаимодействия государства и гражданского общества. В частности, С. Ансуорт рассматривает необходимость фундаментальной переоценки существующих предположений об управлении и развитии, исходя из необходимости согласования интересов государства и общественных структур через неформальные институты и персонализированные отношения (Unsworth, no date). Согласно проведенным исследованиям, эффект непродуктивных взаимодействий институтов различного типа усиливает фрагментацию общества, в то время как позитивное взаимодействие усиливает социальную сплоченность, особенно там, где организации гражданского общества смогли выступить в качестве посредников между государством и обществом (Marc et al., no date). Выявлена значимость такого вида взаимодействий и в "постконфликтных пространствах", где суверенитет постоянно оспаривается и обсуждается между глобальными, элитными и местными игроками (Heathershaw & Lambach, no date). Необходимость согласования взаимодействия формальных и неформальных институтов отмечается и в ряде других исследований (Khan & Mehmood, 2016; Giovannetti et al., 2009; Sheranova, 2020). Таким образом, ключевыми в данной сфере исследований становятся вопросы о характере, механизмах и возможных результатах формального и неформального регулирования, осуществляемого одновременно.

Опираясь на типологию и характеристики неформальных институтов, предложенные Г. Хелмке и М. Левитски (Хелмке и Левитски, 2007), делается вывод, что влияние неформальной институционализации на процессы управления конфликтами неоднозначно. Во многом оно зависит от того, как соотносятся друг с другом требования, предъявляемые участникам конфликта институтами разных типов, насколько они противоречат друг другу. В этом смысле наиболее опасными представляются конкурентные институты, чьи нормы прямо противоречат требованиям формальных правил, что дезориентирует участников конфликта (Кольба, 2012). Схожий подход, основанный на отношениях между демократическими институтами и неформальными институтами, предлагает Х. Лаут. Он выделяет возможность существования между двумя типами институтов "комплементарных", "замещающих" и "конфликтных" отношений. Согласно этой концепции, неформальные институты эксплуатируют формальные институты в своих собственных целях (Lauth, 2012). Российский исследователь

В. Гельман высказал идею их симбиоза, в рамках которого соотношение между формальным и неформальным аспектами институционализации представляется более сложным (Gel'man, 2012).

Эффективность функционирования формальных и неформальных институтов политического управления конфликтами может отличаться в зависимости от того, в каких конкретных социальных условиях они существуют и взаимодействуют. Для её исследования необходимо прежде всего выработать критерии оценки. В качестве таковых можно предложить следующие показатели:

1. «Качество институционализации», под которым имеется в виду способность регулировать конфликты, усиливая их позитивное воздействие на общественные отношения и ослабляя негативные последствия.

2. Количество участников игры, которые в рамках установленных правил получают ощутимые преимущества для реализации своих интересов.

3. Долговременное влияние институционализации – воздействие не только на урегулирование конкретных противоречий, но и на развитие политических процессов в целом (Кольба, 2012).

Исходя из данных и выводов указанных исследований, можно определить совокупность существующих в каждом конкретном случае норм и механизмов регулирования конфликтных отношений как институциональный набор, который может функционировать в режиме институционального комплекса (в случае высокого уровня совместимости формальной или неформальной составляющей) либо провоцировать институциональное противоречие, затрудняющее их институционализацию. Вероятность последнего повышается при наличии "заимствованных" формальных институтов, которые не согласуются с традиционными неформальными нормами и требованиями к поведению в определённых ситуациях или моделях отношений. При этом существует возможность встраивания последних в работу формальных политических структур.

Существенное значение для выявления характеристик политической институционализации имеет природа институтов. На наш взгляд, по данному основанию их можно разделить на два типа: публично-политические, политико-административные. К числу первых относятся выборы, партийная система, парламентаризм, средства массовой информации и ряд других. Характерные для такого типа черты институционализации наиболее наглядно проявляются в электоральных конфликтах. Выборы создают механизмы управления социальными конфликтами через принятие решений посредством голосования, предлагая безопасный, предсказуемый и основанный на правилах метод арбитража. Публично-политический характер избирательного процесса обеспечивает не только прозрачность развития и регулирования конфликтов, представленных в нём, но и устойчивость сформированных органов власти для дальнейших действий в этой сфере. При этом электоральные конфликты сопряжены с необходимостью высокого уровня их институционализации, что связано с соревновательным характером избирательного процесса и подчёркиванием кандидатами социальных различий и противоречий. К числу преимуществ выборов как института регулирования конфликтов относят создание легитимности, отражение воли народа, представительскую репрезентативность, формирование повестки дня посредством актуализации проблем общества, возможность "высказаться" путём голосования (Elections and Conflict..., no date). Таким образом, выборы демонстрируют публичный характер политического управления конфликтом, наличие чётких норм и процедур, позволяющих его пошагово реализовывать и обеспечивать высокий уровень согласия относительно результатов. В то же время появление в избирательной системе манипулятивных, коррупционных и прочих дефектов может резко снижать их регулятивный потенциал, что характерно и для других институтов данного типа.

Политико-административные институты также преимущественно действуют в публичном пространстве, однако имеют отличные от первого типа основания и алгоритмы деятельности. Они по своей природе связаны с системой государственного управления и нацелены на принятие решений тактического и оперативного характера. Государственное администрирование имеет целью удержание конфликтных процессов в нормативном русле, недопущение противоправных и насильственных действий. По мнению Дж. Чепелла, одним из его основных принципов является сосредоточение на предоставлении общественных благ и услуг для того, чтобы не допустить превращения конфликта в центральный вопрос повестки дня. Можно выделить несколько основных подходов к политико-административному воздействию на конфликты: разрешение, управление, профилактика и контроль (Chappell, 2007). На их основе формируется широкий спектр институциональных мер в данной сфере, которые потенциально охватывают большинство конфликтов в публичном секторе. Государственные институты выполняют арбитражные функции, при этом в основе социально-политического арбитража государства должно лежать не только законодательство данной страны, но и представление большинства общества о справедливости (Публичные ценности..., 2014).

В рамках современных политических систем публично-политические и политико-административные институты управления конфликтами призваны существовать, дополняя друг друга. В рамках первого типа происходит формирование и утверждение стратегических решений, определяющих базовые подходы к управлению конфликтами, основные противоречия и способы работы с ними. Второй тип предполагает операциональное управление, реализацию стратегий на практике. Связь между политическим и административным управлением заключается в том, что политик определяет цель, ценности, основные правила игры, направление движения государства и общества, а администратор думает, как можно этой цели достигнуть и эффективно двигаться в этом направлении (Тимофеева, 2016: 46). Однако в случае ослабления политического контроля над государственным администрированием возможно неоправданное разрастание его функций, попытки свести общественные отношения к дихотомии "господство-подчинение". Как отмечает Л. И. Никовская, это отношение предполагает позиционное неравенство сторон, монологический, директивный режим выстраивания коммуникаций, свертывание и монополизацию информационных каналов, преобладание администрирования над публичной политикой (Никовская, 2016: 22). Таким образом, для обеспечения политической институционализации конфликтов необходимо разделение зон функциональной ответственности институтов двух типов; его условия и характеристики при этом определяются в рамках публично-политических институтов.

Заключение

Исходя из анализа различных подходов к проблемам политической институционализации конфликтов, можно сделать вывод, что они чаще всего решаются в нормативистском ключе. Расхождения между исследовательскими подходами, в первую очередь, связаны с различием объектов исследования: в одном случае это конфликты, в другом – сами институты. Конфликтологи преимущественно сосредотачивают внимание на процессуальных аспектах конфликта, которые регулируются политическими нормами в целях обеспечения его конструктивного характера. Большое внимание уделяется и воздействию конфликтов на политические институты: они выступают в качестве ключевого фактора политико-институциональных изменений. Общим принципом является регулирование конфликтов в рамках постоянно действующих политических институтов, но допускается и создание норм и регуляторов *ad hoc*. Все значимые конфликты должны выходить на политический уровень взаимодействий: это обеспечивает возможность их институционального контроля. При этом характер регулятивного воздействия (формальное или неформальное, публично-политическое или административное) не имеет решающего значения, скорее всего, речь идёт о его общих принципах.

С точки зрения неоинституциональных концепций конфликт является одним из случаев регулируемых отношений; допускается его вытеснение для совершенствования функционирования политических институтов. При этом наибольшее внимание уделяется характеру регулятивного воздействия, сочетанию различных его типов. Управление конфликтами на основе норм, различных по своей природе, может привести к усилению конфронтации и его развития в деструктивном ключе. Таким образом, сам процесс политической институционализации может быть конфликтогенным. Концептуализация представлений о возможностях политической институционализации конфликтов в данном случае сопряжена с развитием более масштабных теоретических коллизий, связанных с определением природы институтов в рамках рационального и социологического подходов, и возможностью построения внутренне непротиворечивых институциональных структур. Тем самым ставится под сомнение возможность выработки универсальных подходов к политической институционализации конфликтов, по крайней мере, на данном этапе исследований. Более корректно рассматривать её в контексте политической и социокультурной специфики отдельных стран и регионов.

Финансовая поддержка

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 19-011-00571 «Конфликты в процессе функционирования городских сообществ крупных региональных центров России: концептуальные основания исследования и политические методы снижения деструктивного потенциала».

Список литературы / References

- Гидденс, Э. (2005) *Устроение общества. Очерк теории структуризации*. Москва: Академический Проект. [Giddens, A. (2005) *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration* [Ustroenie obshhestva. Ocherk teorii strukturacii]. Moskva: Academic Project (In Russ.)].
- Глухова, А. В. (2011) 'Конфликты в обычной и экстраординарной политике' в: *Экстраординарность, случайность и протест в политике: тематическое и методологическое поле сравнительных исследований: сб. науч. ст.* Краснодар: КубГУ, сс. 130–140. [Gluhova, A. V. (2011) 'Conflicts in ordinary and extraordinary politics' in: *Extraordinary, randomness and protest in politics: thematic and methodological field of comparative research: collection of articles* [Konflikty v obychnoj i jekstraordinarnoj politike, v Jekstraordinarnost', sluchajnost' i protest v politike: tematicheskoe i metodologicheskoe pole sravnitel'nyh issledovanij: sb. nauch. st.]. Krasnodar: KubSU, pp. 130–140 (In Russ.)].
- Даль, Р. (2000) *О демократии*. Москва: Аспект-Пресс [Dahl, R. (2000) *On Democracy* [O demokratii]. Moskva: Aspect-Press (In Russ.)].
- Дарендорф, Р. (1994) 'Элементы теории социального конфликта', *Социологические исследования*, 5, сс. 142–147. [Dahrendorf, R. (1994) 'Elements of the theory of social conflict' [Jelementy teorii social'nogo konflikta], *Sociologicheskie issledovaniya*, 5, pp. 142–147 (In Russ.)].
- Ирхин, Ю. В. (2014) 'Управленческий потенциал, возможности и пределы институционализма и неинституционализма', *Ars Administrandi (Искусство управления)*, 2, сс. 63–71. [Irhin, Ju. V. (2014) 'Management potential, opportunities and limits of institutionalism and neoinstitutionalism' [Upravlencheskij potencial, vozmozhnosti i predely institucionalizma i neoinstitucionalizma], *Ars Administrandi (Iskusstvo upravlenija)*, 2, pp. 63–71 (In Russ.)].
- Козер, Л. (2000) *Функции социального конфликта*. Москва: Идея-Пресс [Coser, L. (2000) *The Functions of Social Conflict* [Funkcii social'nogo konflikta]. Moskva: Idea-Press (In Russ.)].
- Кольба, А. И. (2012) 'Политическая институционализация конфликтов и взаимодействие формальных и неформальных институтов', *Вестник Пермского университета. Политология*, 2(18), сс. 79–93. [Kolba, A. I. (2012) 'Political institutionalization of conflicts and interaction of formal and informal institutions' [Politicheskaja institucionalizacija konfliktov i vzaimodejstvie formal'nyh i neformal'nyh institutov], *Vestnik Permskogo universiteta. Politologija*, 2(18), pp. 79–93 (In Russ.)].
- Никовская, Л. И. (2016) 'Выявление и продвижение общественных интересов в контексте теории социального конфликта' в: *Экспертиза и анализ конфликтов в современном российском обществе: статьи и материалы Международного казанского научного форума «Методология исследования конфликтов»*, Казань: Изд-во Казан. ун-та, сс. 21–43. [Nikovskaya, L. I. (2016) 'Revealing and promoting public interests in the context of the theory of social conflict' in: *Expertise and analysis of conflicts in modern Russian society: articles and materials of the International Kazan Scientific Forum «Methodology of Conflict Research»* [Vyjavlenie i prodvizhenie obshhestvennyh interesov v kontekste teorii social'nogo konflikta, v Jekspertiza i analiz konfliktov v sovremennom rossijskom obshhestve: stat'i i materialy Mezhdunarodnogo kazanskogo nauchnogo foruma «Metodologija issledovaniya konfliktov»]. Kazan: Publishing house of Kazan University, pp. 21–43 (In Russ.)].
- Норт, Д. (1993) *Институты и экономический рост: историческое введение. THESIS*, 1(2), сс. 73–74. [North, D. (1993) *Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction* [Instituty i jekonomicheskij rost: istoricheskoe vvedenie]. *THESIS*, 1(2), pp. 73–74 (In Russ.)].
- Норт, Д. (1997) *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. Москва: Фонд экономической книги «Начала» [North, D. (1997) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*

- [Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie jekonomiki]. Moskva: Fund for Economic Book «Beginnings» (In Russ.).
- Норт, Д., Уоллис, Д., Вайнгаст, Б. (2011) *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. Москва: Изд-во Института Гайдара. [North, D., Wallis, D. & Weingast, B. (2011) *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History* [Nasilie i social'nye porjadki. Konceptual'nye ramki dlja interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva]. Moskva: Gaidar Institute Publishing House (In Russ.).]
- Публичные ценности и государственное управление: коллективная монография (2014) / под ред. А. В. Волковой, Л. В. Сморгунова. Москва: Аспект-Пресс. [Public values and public administration: a collective monograph (2014) / Ed. A. V. Volkova, L. V. Smorgunov [Publichnye cennosti i gosudarstvennoe upravlenie: kolektivnaja monografija]. Moskva: Aspect-Press (In Russ.).]
- Тимофеева, Л. Н. (2016) 'Регулирование конфликтов в сфере политико-административного управления (отечественный и мировой опыт)' в: *Экспертиза и анализ конфликтов в современном российском обществе: статьи и материалы Международного казанского научного форума «Методология исследования конфликтов»*. Казань: Изд-во Казан. ун-та, сс. 44–57. [Timofeeva, L. N. (2016) 'Conflict management in the field of political and administrative management (domestic and world experience)' in: *Expertise and analysis of conflicts in modern Russian society: articles and materials of the International Kazan Scientific Forum «Methodology of Conflict Research»* [Vyjavlenie i prodvizhenie obshhestvennyh interesov v kontekste teorii social'nogo konflikta, v Jekspertiza i analiz konfliktov v sovremennom rossijskom obshhestve: stat'i i materialy Mezhdunarodnogo kazanskogo nauchnogo foruma «Metodologija issledovanija konfliktov»]. Kazan: Publishing house of Kazan University, pp. 44–57 (In Russ.).]
- Хантингтон, С. (2004) *Политический порядок в меняющихся обществах*. Москва: Прорпесс. [Huntington, S. (2004) *Political Order in Changing Societies* [Politicheskij porjadok v menjajushhihsja obshhestvah]. Moskva: Progress (In Russ.).]
- Хелмке, Г., Левитски, С. (2007) 'Неформальные институты и сравнительная политика', *Прогнозис*, 2, сс. 188–211. [Helmke, G., Levitsky, S. (2007) 'Informal Institutions and Comparative Politics' [Neformal'nye instituty i sravnitel'naja politika], *Prognosis*, 2, pp. 188–211 (In Russ.).]
- Chappell, J. (2007) 'Conflict Administration for the Public Sector', *Indiana Journal of Political Science*, 39, pp. 1–40.
- Dahrendorf, R. (1991) *Liberalism in The New Palgrave Dictionary of Economics*; Eatwell, J., Ed.: London: Macmillan, pp. 385–389.
- Elections and Conflict Prevention A Guide to Analysis, Planning and Programming*. URL: http://content-ext.undp.org/aplaws_publications/2431678/Elections-Conflict-Prevention.pdf.
- Farrel, H. *The Shared Challenges of Institutional Theories: Rational Choice, Historical Institutionalism, and Sociological Institutionalism*. Available at: URK: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-75328-7_2.
- Galtung, J. (1965) 'Institutionalized Conflict Resolution: A Theoretical Paradigm', *Journal of Peace Research*, 2(4), pp. 348–397.
- Gel'man, V. (2012) 'Subversive institutions and informal governance in Russia' in: T. Christiansen & Ch. Neuhold (Eds.), *International handbook on informal governance*. Cheltenham, UK & Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing, pp. 135–153.
- Giovannetti, G. et al. (2009) 'Statebuilding and Social Cohesion' in: *European Report on Development: Overcoming Fragility in Africa – Forging a New European Approach*. Brussels, pp. 90–103.
- Heathershaw, J. & Lambach, D. 'Introduction: Post-Conflict Spaces and Approaches to Statebuilding', *Journal of Intervention and Statebuilding*, 2(3), pp. 269–289.
- Hug, S. *Institutions and Conflict Resolution Dealing with Endogeneity*. Available at: URL: https://icr.ethz.ch/mccw/papers/hug.pdf?origin=publication_detail.

- Khan, A. & Mehmood, T. (2016) 'The role of Informal Institutions in Conflict: an Assessment Study in Swat, Pakistan', *Journal of Global Peace and Conflict*, 4(2), pp. 1–19.
- Kriesberg, L. (1998) 'The Phases of Destructive Conflicts. Communal Conflicts and Proactive Solutions' in: D. Carment & P. James, eds.: *The International Politics of Ethnic Conflict. Prevention and Peacekeeping*. Columbia: University of South Carolina Press, pp. 33–60.
- Kriesberg, L. & Dayton, B. W. (2017) *Constructive conflicts: From escalation to resolution (5th ed.)*. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Lauth, H. (2012) 'Informal governance and democratic theory', in: T. Christiansen & Ch. Neuhold (Eds.), *International handbook on informal governance*. Cheltenham, UK & Northampton, USA: Edward Elgar Publishing, pp. 40–65.
- Levitsky, S. (1998) 'Institutionalization and patronism: the concept, the case and the case unpacking the concept', *Party Politics*, 4, pp. 77–117.
- Marc, A., Willman, A., Aslam, G., Rebosio, M. & Balasuriya, K. 'Social Cohesion and interactions between institutions' in: *Societal Dynamics and Fragility. Engaging Societies in Responding to Fragile Situations*. Available at: URL: <http://issuu.com/world.bank.publications/docs/9780821396568/1?e=1107022/2829928>.
- March, J. G. & Olsen, J. P. (1995) *Democratic Governance*. New York: Free Press.
- March, J. G. & Olsen, J. P. (1989) *Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics*. New York: Free Press, 1989.
- Miller, R. & Sarat, A. (1981) 'Grievances, claims and disputes: Assessing the adversary culture', *Law & Society Review*, 15, p. 525.
- Osasona, T. *Informal Institutions and Conflict Resolution in Wet Markets in Nigeria*. Available at: URL: <https://www.transnational-dispute-management.com/article.asp?key=2461>.
- Scott, W. R. (2008) *Institutions and Organizations: Ideas and Interests*. Thousand Oaks: Sage.
- Scott, W. R. (2010) 'Reflections: The Past and Future of Research on Institutions and Institutional Change', *Journal of Change Management*, 10(1), pp. 5–21.
- Shepsle, A. K. & Bonchek, M. (1997) *Analyzing Politics*. New York: Norton.
- Sheranova, A. (2020) 'The Interplay Between Formal and Informal in Conflict Prevention, Mediation and Community Security Provision in Kyrgyzstan' in: *Transformation and Development*. Cham: Springer, pp. 117–135.
- Siedschlag, A. (2001) *Political Institutionalization and Conflict Management in the New Europe - Path-Shaping for the Better or Worse?* Available at: URL: <http://esci.at/eusipo/apsa2001.pdf>.
- Unsworth, S. *An Upside Down View of Governance*. Available at: URL: <http://www2.ids.ac.uk/futurestate/pdfs/AnUpsidedownViewofGovernance.pdf>.
- Williamson, C. R. (2009) 'Informal Institutions Rule: Institutional Arrangements and Economic Performance', *Public Choice*, 139(3/4). pp. 371–387.

Статья поступила в редакцию: 25.03.2021

Статья принята к печати: 30.04.2021

**POLITICAL INSTITUTIONALIZATION OF CONFLICTS:
BASIC APPROACHES AND RESEARCH PROBLEMS**

A. I. Kolba, Z. T. Chadayeva

A. I. Kolba, Professor at the Department of public policy and public administration, Kuban State University.

E-mail: alivka2000@mail.ru (ORCID: 0000-0002-7663-8890).

Z. T. Chadayeva, graduate student at the Department of public policy and public administration, Kuban State University.

E-mail: zalina1984@mail.ru (ORCID: 0000-0002-0042-401X).

Annotation

The paper presents the results of a research of ideas about the political institutionalization that have developed within the framework of the conflict theory and the neo-institutional theory. This article aims to determine the correlation between theoretical approaches in the study of the problems of political institutionalization of conflicts, in particular, in the interaction of institutions of various types. The research method is a comparative analysis of the main provisions of these two approaches. It was revealed that the problem of conflict regulation is most often solved in a normative way. The main methodological differences are associated with the choice of the research objects. In the theory of conflict, researchers focus on the possibilities giving the conflict a regulated and constructive character. The nature of the regulatory impact is not critical. From the neoinstitutionalists' point of view, the nature of political institutions and the possibility of combining different types of institutionalization are of decisive importance. Conflicts are considered along with other processes that need to be regulated. The possibility of overcoming them within the framework of political institutions is included. Simultaneously, a conflict can be stimulated by a clash of norms, and the process of institutionalization itself has a potential for conflict.

Keywords: political institutionalization of conflicts; conflict theory; neoinstitutional theory; political institution.

Acknowledgements: The work is implemented under RFBR grant No. 19-011-00571 'Conflicts in the process of functioning of urban communities in large regional centers of Russia: conceptual foundations of the study and political methods for reducing the destructive potential'.

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-2-27-36

«ДРУГОЙ» ПОСТКАПИТАЛИЗМ. РЕВОЛЮЦИЯ ЛИЧНОСТИ И НОВАЯ АНТАГОНИСТИЧЕСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ФОРМАЦИЯ

Д. А. Давыдов

Давыдов Дмитрий Александрович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела философии,

Институт философии и права УрО РАН, Россия, Екатеринбург.

E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com (ORCID: 0000-0001-7978-9249. ResearcherID: O-3033-2017).

Аннотация

Автор рассматривает переход к посткапиталистическому обществу как социальную революцию личности, доказывая, что она проходит как процесс постепенного возвышения персоналиата – прослойки популярных творческих деятелей («людей, обладающих личностью»). По мнению автора, человечество движется по пути к новой антагонистической общественной формации, что предполагает переосмысление классических принципов и теоретических схем исторического материализма. На примере Советского Союза в статье демонстрируется проблематичность идеологических апелляций к концепту личности в контексте построения коммунистического общества. Автор утверждает, что в формирующихся общественных отношениях, в которых господствует персоналиат, наличествуют все признаки антагонистической формации: общественное производство сконцентрировано на созидании конкурентных и исключаемых благ (производство личности); в производстве наиболее востребованных благ задействованы ограниченные ресурсы (внимание); доступ к ключевому ограниченному ресурсу обеспечивает весомые преимущества, способствующие формированию господствующего класса (персоналиат); «высшие» слои эксплуатируют «низшие» («присвоение» и «кража» личности); интересы господствующего класса расходятся с интересами эксплуатируемых классов. Поскольку любая антагонистическая формация характеризуется множеством институциональных воплощений, то господство персоналиата может быть оспорено представителями имперсоналиата, ставящими под сомнение нормативную ценность категории «личность».

Ключевые слова: посткапитализм; капитализм; коммунизм; социальная революция; общественная формация; личность; персоналиат; имперсоналиат; безусловный доход.

Введение

Говорить о посткапитализме сегодня уже не зазорно. Для этого есть все причины: как глубокий кризис самого капитализма, который постепенно исчерпывает ресурсы глобального роста и накапливает внутренние противоречия, так и многие социальные, экономические, технологические и т.д. тенденции, свидетельствующие о зарождении принципиально новых общественных отношений. Многие теоретики, идеологи и общественные деятели вновь всерьез говорят о закате капитализма и перспективе перехода к посткапиталистическому обществу¹ (Мейсон, 2016; Срничек, Уильямс, 2019; Rifkin, 2015 и др.). Настоящий ренессанс переживает марксизм. Происходит активизация политической борьбы с «левым уклоном» в развитых странах («Желтые жилеты» в Европе, BLM и антифа в США и т.п.); появление новых «опасных классов» (Стэндинг, 2014)). Рассматривается перспектива «технологического изобилия» (Fraser, 2016), обусловленная развитием технологий 3-D печати, автоматизацией и роботизацией производства; освобождения людей от вынужденной работы, что даст им возможность заниматься свободной творческой деятельностью (одна из давних целей классиков марксизма) (Брегман, 2018; Срничек, Уильямс, 2019; Ван Парайс, Вандерборхт, 2020); когнитивного капитализма (Лаццарато, 2007; Руллани, 2007), открывающего дорогу коммунизму знаний (Горц, 2010).

© Давыдов Д. А., 2021

¹ «Когда я учился в старшей школе и говорил людям, что я социалист, – пишет Б. Сункара, – они смотрели на меня как на сумасшедшего. Когда я говорю людям сегодня, что я социалист, они просто кивают и продолжают заниматься своим делом – ни намека на физическое отвращение (Sunkara, 2019: 3).

Движение к посткапиталистическому обществу, как и раньше, представляется как освобождение и самоосвобождение (разотчуждение) *личности*. Личность, ее свобода, ее творческие стремления (Бузгалин, 2018), ее неотчужденная сущность и т.п. находятся в центре левой аксиологии. Пока еще никто не знает, как будет точно устроено посткапиталистическое общество, какой конкретно коллективный субъект (или совокупности таких субъектов – скажем, сборки, множества (Хардт, Негри, 2006)) низвергнет капитализм и товарный фетишизм, но ясно одно: «снятие» капитализма – это «снятие» всех форм отчуждения, а потому – разрешение всех классовых антагонизмов (коммунизм). Да, признается, что и в посткапиталистическом обществе будут возможны конфликты, проблемы, которые придется решать сообща. Но в целом это будет или *должно быть* время, когда человек станет для другого человека целью, а не средством, и свободное *творчество* придет на смену вынужденному *труду*.

В настоящей статье предложен взгляд на перспективу посткапитализма под другим углом зрения. Что если нахождение категории «личность» в центре левой аксиологии – не самое лучшее (или – довольно проблемное) решение? Что если сама всепроникающая «личность» является серьезным вызовом для тех, кто стремится к справедливости, равенству и братству? «Личность» всегда была серьезной проблемой для теоретиков и практиков коммунизма. Несмотря на повсеместные попытки встроить дискурс о личности в дискурс о коммунистическом обществе, резонно говорить об *антикоммунистических* проявлениях личности как социального феномена. Представляется, что сегодня постепенно происходит *социальная революция личности*. Специфика этой революции сильно отличается от того, что ранее считалось революционным переходом к посткапиталистической стадии развития. Основной тезис статьи: каковы бы ни были варианты посткапитализма, объективные предпосылки, коренящиеся в предшествующем ему развитии, неизбежно сделают его *антагонистическим обществом*.

Ускользящая личность

Коммунизм ассоциируется с идеей *освобождения личности*. К. Маркс и Ф. Энгельс полагали, что в условиях капитализма люди отчуждены друг от друга, и *как личности* должны будут в конце концов установить порядок, который вернет им их «родовую сущность» («моя личность выступает как предметная, чувственно созерцаемая и потому стоящая вне всяких сомнений сила» (Маркс 2010: 383)). Идеал классиков марксизма – это вовсе не диктат массы, класса или коллектива, а свободная *творческая личность* (Фромм, 1992).

«Ловушка» заключается в двоякой сущности личности как социального феномена. Классики марксизма и их последователи стремились освободить человека от всех материальных ограничений, от всех форм «материального» отчуждения («человек человеку не средство, а цель»). Отсюда возникли представления о социализированных индивидах, которые сотрудничают друг с другом, занимаются творческой деятельностью, иногда соревнуются, но скорее ради удовольствия. Так, в фантастических повестях А. и Б. Стругацких (особенно ранних) изображается мир («Мир Полудня»), в котором труд из чего-то чуждого, неприятного, вынужденного, калечащего превращается в наслаждение, покорение неизведанного, творческое преобразование во имя красоты, добра и т.п. В Советском Союзе категория личности была нормативной: она противопоставлялась категории «индивид», ассоциировавшейся с буржуазным индивидуализмом, эгоизмом, изолированностью, враждой, конкуренцией (Тугаринов, 1978: 120–121). При этом всегда подчеркивалось, что никакого «сущностного» противоречия между личностью и коллективом нет. Как писал в 1952 г. М.Д. Каммари, «личность в условиях социализма не противопоставляет себя обществу, народу, напротив, в коллективе, в коллективном труде она находит неиссякаемый источник творческой энергии и вдохновения, счастье борьбы за коммунизм» (Каммари, 1952: 236).

Но проблема в том, что грань между личностью, стремящейся быть гармоничной частью коллектива, и личностью, *выбивающейся* из этого коллектива (в силу ее *индивидуальности*), размыта. Более соответствует действительности взгляд на личность как на двойственный феномен: как на *социальную индивидуальность*. Сама по себе личность (как явление) не есть нечто благое или негативное, но она может при определенных обстоятельствах быть как «гармоничной»¹, так и «выбивающейся» из коллектива и общественного целого, поскольку в личности заключено то, что можно ценить вопреки остальным вещам, ведь «я» находит «себя» только в поиске отличий от «других». Серьезное

¹ См. концепт личности у философов-персоналистов (Н.А. Бердяев, Ж. Мунье, Ж. Лакруа и многие другие).

ограничение марксистской теоретической оптики, в качестве основной причины отчуждающей конкурентной борьбы («всей старой мерзости»), полагающей именно нужду в *материальных благах*, продемонстрировал советский опыт параллельного роста материального благополучия и коррозии всех форм коллективизма и распространения «личностного модуса».

С приходом к власти Н. Хрущева «личностный» компонент общественного дискурса усиливается. Происходит постепенный отказ от грубого коллективизма в пользу более мягкого дискурса, связывающего индивида и индивидуальное потребление («догоним и перегоним Америку» именно по уровню производства и потребления) с успехами общества в целом. Автономизация потребителя, в конце концов, вела к *автономизации личности* (Бикбов, 2016: 210). Однако «обладание личностью» – не то же самое, что обладание капиталом или рабочей силой. Область производства личности (см. ниже) располагается по большей части за пределами капитализма. Представляется, что развернувшаяся еще в советские времена «борьба за личность» и была уже зачатком *посткапитализма*, мало заметного в силу отличий от шаблонных представлений о коммунизме как неантагонистической, бесклассовой стадии развития общества.

Долгое время считалось, что посткапитализм будет сильно отличаться от всех предшествующих формаций. На протяжении истории менялись способы возвышения в конкурентной борьбе одних людей над другими (от убийства до рыночной конкуренции). Менялись и ключевые блага, за которые велась борьба. В первобытную эпоху борьба велась за *средства поддержания самой жизни* (растительная еда, мясо и т.п.)¹; в сословно-классовую эпоху желанной целью для многих являлось обладание ресурсами и средствами *производства* благ, удовлетворяющих жизненные потребности (земля, замки, сами люди, прикрепленные к земле, и т.п.); в капиталистическую эпоху акцент смещается: производятся уже не столько блага, удовлетворяющие жизненные потребности, сколько *желания* и средства их удовлетворения. В связи с этим никогда не наблюдалось никаких «моральных разрывов» между общественными формациями: обобщенный капиталист был, грубо говоря, таким же «злодеем», эксплуататором, эгоистом, как и феодал; просто способы производства, которые он внедрял, были в технологическом плане более передовыми. Более того, феодал мог быть одновременно и капиталистом (а также, к примеру, феодал рабовладельцем или рабовладелец капиталистом). Предполагаемый коммунизм из этого ряда выбивался. Проблема в том, что идеологи марксизма не просто упустили из виду область «производства желаний», продлившую жизнь капитализму² (что потом стало объектом критики «новых левых», представителей Франкфуртской школы и др.), но и сильно ошиблись в прогнозах относительно сферы производства личности, в которой де-факто сохранялась конкурентная борьба, обеспечивавшая одних преимуществами, а других оставлявшая на «обочине жизни».

В Советском Союзе не просто воспитали «буржуазную личность» (особенно ускорились эти процессы, когда в официальном дискурсе закрепилась формулировка «всесторонне развитая личность»). В сложном *формационном слоеном пироге* зародилась новая посткапиталистическая «прослойка». СССР стал жертвой не только буржуазного стремления к изобилию предметов потребления («как на Западе»). Его уничтожила *личность*, поставившая свою свободу выше коллектива; *личность*, для которой *самовыражение* стало дороже *равенства*. Эту «суверенную личность» СССР сам создал, как и сферу производства личности с ее героями, выдающимися деятелями, знаменитостями³ и прочими «новыми аристократами», новым «праздным классом». Долгая социальная *революция личности* началась еще тогда. Но то, что в то время имело форму зачатков, сегодня становится заметной силой, меняющей общество. Проблески формирующейся *новой антагонистической общественной формации* уже можно увидеть невооруженным глазом.

¹ Поэтому, на мой взгляд, не совсем корректно первобытную общественную формацию считать неантагонистической. В конце концов, даже если внутри первобытных племен не существовало классового расслоения, сами племена неизбежно враждовали за территории, стада и т.п.

² Собственно говоря, в СССР так и не произошло «освобождения» от буржуазных общественных отношений, которые пронизывали советское общество. Поэтому СССР оставался частью капиталистической мир системы (формации).

³ К примеру, в области спорта происходили процессы селебритизации, как и в западных странах (при общем сопротивлении движения физкультурников). Несмотря на попытки «приручить» и «коллективизировать» личность и сделать из спортивных знаменитостей примеры для подражания, результат оказался прямо противоположным: эти знаменитости все чаще оказывались самыми настоящими индивидуалистами, ведущими разгульный образ жизни и т.п. Причем, этот «разгульный» образ жизни становился все более привлекательным для широких слоев населения (Дюфрес, 2018).

Контуры новой антагонистической формации

На самом деле обосновать, что социальная революция личности – это процесс перехода к новой антагонистической формации, не так просто. Во-первых, слово «личность» в нашем языке имеет много позитивных коннотаций. В конце концов, очень долгое время «личность» ассоциировалась с некоей высшей формой бытия (не обычный человек, а *личность*). Многие годы пропагандировалось, что личность определяется заслугами, вовлеченностью в общественную жизнь, способностью приносить пользу всему человечеству. Во-вторых, не все марксисты и борцы за коммунизм исключали наличие *противоречий* в посткапиталистическом обществе. Поэтому нужно четко различать социальные противоречия как неизбежное следствие несовершенной природы человека (даже если он стремится к совершенству) и общественный антагонизм как состояние *разорванности* общества на *враждующие* социальные группы, преследующие противоположные интересы. Можно предложить основные признаки антагонистической общественной формации и обосновать, что складывающиеся посткапиталистические общественные отношения им вполне соответствуют.

1. *Общественное производство сконцентрировано на созидании конкурентных и исключаемых благ.* Под ними стоит понимать блага, которые не могут потребляться всеми без исключения. Дом или, скажем, диван теряют свою потребительную ценность, если ими могут в любой момент воспользоваться все без исключения (общественные блага), не говоря уже о таких вещах, как нижнее белье. Многие левые теоретики считают, что производство знаний – это принципиальный сдвиг в сторону общественных благ, а значит – коммунизма (см., напр.: Горц, 2010). Так как знания становятся ключевым фактором производства, то верный шаг на пути к коммунизму – уничтожить копирайт и открыть широкий доступ к знаниям или идеям. Однако данные теоретики не замечают того, что творческий человек в процессе производства знаний и идей параллельно производит *личность* как благо, удовлетворяющее массу потребностей: в самовыражении, уважении, признании и т.д. Сегодня социологические опросы в развитых странах показывают, что для молодых людей *быть личностью*, находиться в центре внимания, иметь славу и известность – куда более желанное состояние, чем одно только материальное благополучие. Профессии, в которых центральное значение имеет личность, являются наиболее популярными: блогер, фотомодель, музыкант и т.п.¹ Но личность, в отличие от знания, невозможно реплицировать без утраты потребительной ценности, она неразрывно связана с определенным человеком. Поэтому можно сказать, что личность как благо «абсолютно исключается»: то, что я имею в качестве моей личности – это только *моя* личность и ничья другая. «Обладать» личностью – значит иметь в своем распоряжении благо, которое *исключает* других в качестве его потенциальных потребителей.

2. *В производстве наиболее востребованных благ задействованы дефицитные (ограниченные) ресурсы.* Это ведет к ожесточенной конкурентной борьбе, в которой одни выигрывают, а другие оказываются в проигрыше. В первобытную эпоху основным дефицитным ресурсом была *еда*; в сословно-классовую эпоху более важное значение приобретает *земля*; в эпоху капитализма, соответственно, важнейший ограниченный ресурс – это сам капитал. Сегодня он постепенно теряет значение. Куда более значимым становится другой ограниченный ресурс – *внимание* (см.: Wenger, 2020). «Обладать» личностью – значит «обладать» той или иной «долей» общественного внимания. Последнее имеет свои естественные пределы (численность населения, время, которое люди тратят на общение, потребление «персонифицированных» благ и т.п.), и вовсе не каждый способен заполучить его равную долю. Герои, звезды, микроселебрити и прочие публичные фигуры – это новая аристократия, «захватывающая» общественный дискурс. Выигрывает тот, кто в той или иной степени *известен*, способен *привлекать внимание, проникать в умы* людей.

3. *Доступ к ключевому ограниченному ресурсу обеспечивает весомые преимущества, способствующие формированию господствующего класса (или господствующего социального слоя).* Так, в сословно-классовую эпоху земля не только обеспечивала пропитанием и необходимыми для повседневной жизни ресурсами. На этой земле обитали люди, становившиеся воинами или производившие оружие; на лугах паслись лошади, которых задействовали в кавалерийских войсках и т.д. и т.п. Вла-

¹ См.: VLOG'S A JOB Children turn backs on traditional careers in favour of internet fame, study finds. A survey of a thousand children has revealed nearly three-quarters of young people are considering career in online videos (2017), *The Sun*, 22.05. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/3617062/children-turn-backs-on-traditional-careers-in-favour-of-internet-fame-study-finds/> (дата обращения: 26.09.2020); American kids would much rather be YouTubers than astronauts (2019), *arstechnica.com*, 16.07. URL: <https://arstechnica.com/science/2019/07/american-kids-would-much-rather-be-youtubers-than-astronauts/> (дата обращения: 26.09.2020).

деть обширными территориями означало обладать потенциально мощной армией и всеми необходимыми ресурсами для ее обеспечения. В капиталистическую эпоху подобные свойства имел капитал (всесилие «денежных мешков»). Сегодня уже «обладание личностью» – важнейший ресурс политического влияния. Технологии социальных медиа дают знаменитым людям невиданные ранее инструменты воздействия на мнения и убеждения масс. Быстро растет количество медийных инфлюенсеров. При этом лидеры мнений сами по себе становятся «средствами массовой информации» (разрушение двухступенчатого потока коммуникации¹). Публичные люди высказываются по любым вопросам 24 ч. в сутки, перехватывая инициативу по формированию повестки дня (показательны кейсы «молниеносной политизации»: например, политизация социально-медийного инфлюенсера А. Водонаевой в январе 2020 г. и многие другие подобные случаи). Гигантскими темпами расширяется прослойка известных людей (крупные «френдлорды» с десятками и сотнями миллионов подписчиков в социальных медиа, инфлюенсеры-миллионники и микроселебрити и даже своеобразные нано-селебрити или нано-инфлюенсеры (менее 10 000 подписчиков в социальных медиа²)). Происходит селебритизация политики и политизация селебрити (West, Orman, 2003; Street, 2004; Wheeler, 2013). Люди, «обладающие личностью», все чаще вовлекаются в политику: как в качестве непосредственно политиков (от Чиччолины до А. Шварценеггера и В. Зеленского) или гражданских активистов, так и в качестве лиц, оказывающих поддержку кандидатам на выборах (celebrity endorsements)³ или лидеров мнений (Marsh, Hart, Tindall, 2010). Даже «обычные», профессиональные политики стремятся стать политиками-звездами, перенимая маркетинговые приемы шоуменов или кинозвезд: общаясь с публикой в соцсетях, появляясь в телешоу, заручаясь поддержкой других знаменитостей (Wheeler, 2013). При этом те, «кто использует стратегии ЕСР (“everyday celebrity politicians”), – отмечают М. Вуд, Дж. Корбетт и М. Флиндерс, – становятся все более успешными благодаря широким изменениям в природе “общества знаменитостей”, которое все больше сосредоточивается на “обычных” людях в “экстраординарных” ситуациях, о чем свидетельствуют реалити-шоу, такие как “Х-фактор”» (Wood, Corbett, Flinders, 2016: 583). Всех тех, кто конвертирует свою популярность в «политический капитал», можно обозначить термином «персоналиат». *Персоналиат* – это «захватчики дискурса», те, кто «обладает личностью» и имеет доступ к ключевому ресурсу XXI в. – общественному вниманию.

4. Тем не менее, все вышесказанное еще не говорит о том, что мы наблюдаем *антагонистическую* общественную формацию. В конце концов, личностный успех вполне можно объяснить заслугами, везением, природными дарованиями. Антагонистическая формация характеризуется не просто *неравенством* или *господством* одного социального слоя. *В рамках антагонистической общественной формации высший класс тем или иным способом эксплуатирует «низшие» слои населения.* История знает большое количество форм эксплуатации: от рабства до присвоения прибавочной стоимости. Персоналиат эксплуатирует всех тех, кто «не обладает личностью» (имперсоналиат), весьма специфическим образом.

Здесь необходимо ответить на вопрос, чем же, собственно, является процесс *производства* личности. Прежде всего стоит отметить, что этот процесс не может быть сугубо индивидуальным. Личность не есть монада. Личность – это целиком продукт *коллективного производства*. Она рождается в языке, в дискурсе, в циркулирующих идеях и нарративах, в *общении*. Рождение личности – это всегда коммуникативный и интерактивный процесс. Популярная личность невозможна без усилий огромного числа людей: без идейных предшественников и вдохновителей, без внимания аудитории, без попыток «простых людей» проникнуться ценностями, которые разделяет та или иная личность, без рекомендаций, сплетен и слухов, без многих часов, ушедших на чтение, созерцание, слушание, вникание, без критики или одобрений, без потраченных денег на билеты, собрания, книги, картины, концертные площадки, красные дорожки и т.п. Однако для существования популярной личности необходимо, чтобы все остальные оставались «безликим» большинством – имперсоналиатом⁴. Личность, таким образом, «присваивает» затраченный «общественный труд», а главное – внимание. Вся коллективная работа по производству личности присваивается одним популярным человеком, а потому довольно часто мы встречаем типичные проявления меритократического дискурса о *выдаю-*

¹ См. концепцию двухступенчатого потока коммуникации в: Katz; Lazarsfeld 1955.

² См.: Celebrity, to micro, to nano influencers... what's next? (2020), *The Shelf*. 30.07. URL: <https://www.theshelf.com/industry-news/celebrity-micro-nano-influencers-whats-next/> (дата обращения: 26.09.2020).

³ А потому возникает прямая ассоциация с княжескими «дружинами» или королевскими свитами, когда, скажем, кандидаты на пост Президента США стремятся окружить себя максимальным количеством влиятельных знаменитостей.

⁴ Хотя здесь имеет место быть своеобразная «диалектика»: ведь от вкусов этого «безликого» большинства, его капризов зависит и судьба той или иной популярной личности.

*щется деятеле*¹, который достигает успеха якобы исключительно по причине своего таланта, имеет право на все блага, обусловленные известностью (и, соответственно, право на наслаждение своей личностью как *исключительностью*) (Фрэнк, 2019).

Более того, можно говорить, что популярная личность «крадет» личности остальных, ведь «захват дискурса» означает, что остальным «коллективного внимания» остается куда меньше (или не остается вовсе). Отчасти можно согласиться с идеалистическим представлением о «взаимобогащении личностей» в процессе диалога (Бузгалин, 2018). Коллективное производство личности означает, что представители имперсоналиата могут из этого процесса извлечь что-то и для себя: блага, создаваемые творческими личностями (скажем, видеоролики, музыка или книги), какие-то идеи, которые они потом могут творчески развить и т.д. Однако в действительности *диалог* исключительно редок. Возвышение личности – это не просто присваивание доли общественного внимания и вытеснение всех остальных из общественного дискурса, но также «кража личности»: *убеждение* как вытеснение личностной позиции другого; *навязывание* определенных культурных кодов, чтобы быть (хотя бы!) понятым многими; *создание стилей, жанров или научных парадигм*, которых необходимо придерживаться коллективно в ущерб собственной индивидуальности; игра на эмоциях восторга, побуждающая идентифицировать «себя» (читай – терять часть себя) с выдающейся личностью (как крайнее проявление – синдром поклонения знаменитостям (celebrity worship syndrome)) и т.д. *Присвоение* и *кража* личности – формы посткапиталистической эксплуатации.

5. Наконец, еще одним признаком антагонистической общественной формации является *расхождение интересов господствующего класса с интересами эксплуатируемых классов*. Идеология любого господствующего класса стремится быть «универсальной», то есть обращается в том числе и к социальным «низам», убеждая их принимать сложившийся порядок. Так, в сословно-классовую эпоху нахождение аристократов на вершине социальной лестницы объяснялось естественным неравенством (к примеру, миф Платона о том, что бог вложил в души правителей, стражей закона, землевладельцев и ремесленников золото, серебро, железо и медь соответственно) или, скажем, волей Бога. Буржуазная эпоха наполнилась мифами о безмерном трудолюбии (протестантская этика), творческом гении и удаче парвеню и будущих основателей олигархических династий. Даже при растущем социально-экономическом неравенстве 1% наиболее богатых в США успешно пользовался и во многом продолжает пользоваться мифом об «американской мечте»: будто бы каждый, если сильно захочет, благодаря преимуществам рыночной экономики, может «выбиться в люди» и стать богатым и успешным. Соответственно все эти идеологические конструкции были необходимы, чтобы заставить широкие массы поверить в то, что интерес представителей господствующей прослойки – это и их интерес тоже. Сегодня происходит нечто подобное. Представители персоналиата сдвигают акценты: теперь для них (от буржуазной богемы (Брукс, 2013) до многих популярных блогеров) важны уже не столько деньги, сколько их «креативная» трата, в которой раскрывается *индивидуальность*. Распространяется миф о том, что творчество вообще-то нечто совершенно безобидное (можно сказать, практически «святое», ибо в идеале – не купленное и не проданное); что каждый может взять в руки камеру, что-то заснять, выложить в Интернет, а наутро проснуться *кем-то*. Теперь уже популярность можно оправдывать *чистым талантом*: то, что досталось исключительно благодаря творческим дарованиям. В сущности, мы имеем модернизированную версию аристократической идеологии: все равны, но некоторые люди просто в силу своей *яркой личности* «равнее» других.

Вышесказанное не означает, что «классовое» сознание² персоналиата мало чем отличается от буржуазного. Персоналиат по-своему *антибуржуазен*. Для «выдающихся личностей» (и тех, кто желает ими стать) главное – *свобода* во всех ее проявлениях. Потому, скажем, борьба «новых левых» против различных форм угнетения (против расовой дискриминации, за права представителей сексуальных меньшинств, женщин и т.п.), сочетающаяся с антибуржуазным дискурсом (интерсекциональность), – это уже во многом проявление социальной революции личности. В конце концов, в то время как в СССР зарождающийся персоналиат разрушал «тоталитарную» систему во имя политических свобод и личности, на Западе происходила «тихая революция» (см., напр.: Inglehart 1971) – увеличение доли людей, придерживающихся постматериалистических ценностей и стремившихся к самореализации. И сегодня актуализация дискурса о посткапитализме, о безусловном доходе и многом дру-

¹ Этот дискурс довольно стар. В конце концов, и в буржуазную эпоху self-made man был своего рода выдающейся личностью. Революция личности не означает, что ранее личностей не существовало. Скорее, речь должна идти о перестановке акцентов: «личностный» аспект бытия выступает на первый план.

² Пока еще формирующееся, но уже «узнаваемое» в дискурсе творческих элит, интеллигенции, медийных инфлюенсеров и пр.

гом – это проявления формирующегося «классового сознания» персоналиата. Однако это «классовое сознание» имеет характерные черты «оторванности» от запросов социальных низов. Так, крах СССР как отчасти проявление социальной революции личности сильно ударил по благосостоянию подавляющего большинства населения (по сути, речь должна идти о социально-экономической *катастрофе*). В США «тихая революция» прошла почти безболезненно, но пик ее (1970-е и 1980-е гг.) пришелся как раз на эпоху перехода к неолиберализму, последствия чего сегодня тоже приближаются к катастрофическим (протесты BLM, хаос и аномия в период пандемии COVID-19 как наглядные проявления). Борющихся за свободу личностей мало интересуют проблемы «безликих» нищих или бедных трудящихся, так как сами они находятся в состоянии «экзистенциальной безопасности», а потому реальность интерпретируется ими в категориях свободы/несвободы, а не недостатка/нужды.

Здесь нет никакого противоречия: антибуржуазность персоналиата не означает искреннего движения к подлинному равенству и братству. Представители персоналиата – это люди, *уже добившиеся успеха*, а потому и имеющие политическое *влияние*. Этос творческой личности есть этос *свободы самовыражения*. При этом совершенно не важно, что успех данной конкретной личности мог оказаться следствием везения или удачного стечения обстоятельств. Главное – уничтожить «очаги несвободы», все бюрократическое и стесняющее: «сократить» громоздкие и якобы неэффективные институты социального государства, избавиться от больших и иерархических организаций, устроить весь мир по образу и подобию офиса Google. Соответственно выстраиваются специфические идеалы посткапиталистического общества: в котором каждому гарантируется определенная экономическая «подушка безопасности» в виде безусловного дохода (небольших ежемесячных гарантированных пособий всем без исключения гражданам), национальные государства и международные организации уступают место самоорганизующимся группам, творческая конкуренция способствует возвышению наиболее талантливых; а всем остальным вполне можно довольствоваться статусом потребителей, живущих на общественную ренту.

Заключение

Посткапиталистическая стадия развития общества может оказаться далекой от коммунистических идеалов. Мы живем в эпоху социальной революции личности, во время перехода к новой антагонистической общественной формации. Нужно отдавать себе отчет в этом по довольно простой причине: любая антагонистическая общественная формация является набором альтернатив. Антагонизм – это не доминирование и тем более, не поглощение. Важнейшая особенность любой антагонистической формации заключается в том, что ни одна из противоборствующих сторон не может одержать окончательную победу без полного краха цивилизации. В конце концов, античная культура, наука или искусство были непредставимы без труда крестьян и рабов. Промышленная революция, облегчившая жизнь почти всем людям на Земле, также не произошла бы без эксплуатации рабочего класса. То же самое и сегодня: вряд ли мы сможем «уничтожить» или «забыть» личность. Творческая конкуренция личностей крайне полезна для общества, ведь в ее результате рождаются новые идеи, теории и концепции, подходы и решения. Вряд ли у нас будет моральное право лишать кого-либо права наслаждаться успехами и достижениями. Однако можно бороться за потенциально лучшую версию посткапитализма. В этом смысле, возможно, потребует критически взглянуть на само слово «личность». Сегодня мы нуждаемся в «критике личности», подобно тому как зарождающаяся буржуазная эпоха нуждалась в «критике капитала» (что, собственно, и сделали К. Маркс и Ф. Энгельс). В конце концов, ключевой нормативной категорией левого дискурса может быть не столько личность¹, сколько *человек*, который не обязательно является выдающимся, знаменитым или влиятельным, но зато все еще нужен обществу, готов трудиться на благо всего человечества и находить смысл жизни в дружном покорении «царства необходимости».

¹ Или, по крайней мере, всегда пояснять, какая сторона личности подчеркивается: индивидуальная или социальная. В конце концов, личность можно понимать как *вовлеченность в жизнь общества*, саму погруженность в «жизненный мир».

Список литературы / References

- Бикбов, А. (2016) *Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики. [Bikbov, A. (2016) *Grammar of Order: A Historical Sociology of the Concepts That Change Our Reality* [Grammatika poriyadka. Istoricheskaya sotsiologiya ponyatii, kotorye menyayut nashu real'nost']. Moscow: HSE Publishing House (In Russ.).]
- Брегман, Р. (2018) *Утопия для реалистов. Как построить идеальный мир*. Москва: Альпина Паблишер. [Bregman, R. (2018) *Utopia for Realists: How We Can Build the Ideal World* [Utopiya dlya realistov. Kak postroit' ideal'nyi mir]. Moscow: Al'pina Publ. (In Russ.).]
- Брукс, Д. (2013) *Бобо в раю. Откуда берется новая элита*. Москва: Ад Маргинем. [Brooks, D. (2013) *Bobos in Paradise: The New Upper Class and How They Got There* [Bobo v rayu. Otkuda beretsya novaya elita]. Moscow: Ad Marginem Publ. (In Russ.).]
- Бузгалин, А. В. (2018) 'Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все?', *Социологические исследования*, 7, сс. 43–53. [Buzgalin, A. V. (2018) 'Creative economy: private intellectual property or ownership by everybody of everything?' [Kreativnaya ekonomika: chastnaya intellektual'naya sobstvennost' ili sobstvennost' kazhdogo na vse?], *Sociological Studies*, 7, pp. 43–53 (In Russ.).]
- Ван Парайс, Ф., Вандерборхт, Я. (2020). *Базовый доход: Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики. [Van Parijs, P., Vanderborght, Y. Y. (2020). *Basic Income. A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy* [Bazovyi dokhod: Radikal'nyi proekt dlya svobodnogo obshchestva i zdorovoi ekonomiki]. Moscow: HSE Publishing House (In Russ.).]
- Горц, А. (2010) *Нематериальное: Знание, стоимость и капитал*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики. [Gorz, A. (2010) *The Immaterial: Knowledge, Value and Capital* [Nematerial'noe: Znanie, stoimost' i kapital]. Moscow: HSE Publishing House (In Russ.).]
- Дюфрес, С. (2018) 'Спортивные знаменитости: возникновение и эволюция феномена в СССР', *Социология власти*, 2 (30), сс. 83–100. [Dufraisse S. (2018) 'The advent of sport celebrities: how to analyze the celebrity phenomena in the Soviet Union' [Sportivnye znamenitosti: vzniknovenie i evolyutsiya fenomena v SSSR], *Sociology of Power*, 2 (30), pp. 83–100 (In Russ.).]
- Каммари, М. Д. (1952) *Марксизм-ленинизм о роли личности в истории*. Москва: Государственное издательство политической литературы. [Kammari, M. D. (1952) *Marxism-Leninism on the role of the individual in history*. [Marksizm-leninizm o roli lichnosti v istorii]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury (In Russ.).]
- Лаццарато, М. (2007) 'Предприятие и неомонадология', *Логос*, 4, сс. 168–198. [Lazzarato, M. (2007) 'Enterprises and Neomonadology' [Predpriyatie i neomonadologiya], *Logos*, 4, pp. 168–198 (In Russ.).]
- Маркс, К. (2010) 'Заметки по поводу книги Джемса Милля' в: Маркс, К. *Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы*. Москва: Академический проект, сс. 359–384. [Marx, K. (2010) 'Notes on James Mill' [Zametki po povodu knigi Dzhemsa Millya] in: Marx, K. *Economic and philosophic manuscripts of 1844 and other early philosophical works* [Ekonomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 goda i drugie rannie filosofskie raboty]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ, pp. 359–384 (In Russ.).]
- Мейсон, П. (2016) *Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему*. Москва: Ад Маргинем. [Mason, P. (2016) *Post-Capitalism. A Guide to Our Future* [Post-kapitalizm. Putevoditel' po nashemu budushchemu]. Moscow: Ad Marginem Publ. (In Russ.).]
- Руллани, Э. (2007) 'Когнитивный капитализм: déjà vu?', *Логос*, 4, сс. 64–69. [Rullani, E. (2007) 'Cognitive capitalism: déjà vu?' [Kognitivnyi kapitalizm: déjà vu?], *Logos*, 4, pp. 64–69 (In Russ.).]
- Срничек, Н., Уильямс, А. (2019) *Изобретая будущее. Посткапитализм и мир без*

- труда. Москва: Strelka Press [Srnicek, N., Williams, A. (2019) *Inventing the Future. Postcapitalism and a World Without Work* [Izobretaya budushchee. Postkapitalizm i mir bez truda]. Moscow: Strelka Press Publ. (In Russ.)].
- Стэндинг, Г. (2014) *Прекариат: новый опасный класс*. Москва: Ад Маргинем Пресс. [Standing, G. (2014) *The Precariat: The New Dangerous Class* [Prekariat: novyi opasnyi klass]. Moscow: Ad Marginem Press (In Russ.)].
- Тугаринов, В. П. (1978) *Природа, цивилизация, человек*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета. [Tugarinov, V. P. (1978) *Nature, civilization, man* [Priroda, tsivilizatsiya, chelovek]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta (In Russ.)].
- Фромм, Э. (1992) 'Марксова концепция человека' в: Фромм, Э. *Душа человека*. Москва: Республика, сс. 375–414. [Fromm, E. (1992) 'Marx's Concept of Man' [Marksova kontseptsiya cheloveka] in: Fromm, E. *Human Soul* [Dusha cheloveka]. Moscow: Respublika Publ., pp. 375–414 (In Russ.)].
- Фрэнк, Р. (2019) *Успех и удача. Фактор везения и миф меритократии*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики. [Frank, R. (2019) *Success and Luck: Good Fortune and the Myth of Meritocracy* [Uspekh i udacha. Faktor vezeniya i mif meritokratii]. Moscow: HSE Publishing House (In Russ.)].
- Хардт, М., Негри, А. (2006) *Множество: война и демократия в эпоху империи*. Москва: Культурная революция. [Hardt, M., Negri, A. (2006) *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire* [Mnozhestvo: voyna i demokratiya v epokhu imperii]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ. (In Russ.)].
- Frase, P. (2016) *Four Futures: Life After Capitalism*. London: Verso Books.
- Inglehart R. (1971) 'The Silent Revolution in Europe: Intergenerational Change in Post-Industrial Societies', *The American Political Science Review*, 65 (4), pp. 991–1017.
- Katz, E., Lazarsfeld, P. F. (1955) *Personal Influence: The Part Played by People in the Flow of Mass Communications*. Glencoe, Illinois: The Free Press.
- Marsh, D., Hart, P., Tindall, K. (2010) 'Celebrity Politics: The Politics of the Late Modernity', *Political Studies Review*, 8 (3), pp. 322–340. DOI: 10.1111/j.1478-9302.2010.00215.x.
- Rifkin, J. (2015) *The Zero Marginal Cost Society: The Internet of Things, the Collaborative Commons and the Eclipse of Capitalism*. New York, NY: Palgrave.
- Street, J. (2004) 'Celebrity politicians: popular culture and political representation', *The British Journal of Politics and International Relations*, 6(4), pp. 435–452. DOI: 10.1111/j.1467-856X.2004.00149.x.
- Sunkara, B. (2019) *The Socialist Manifesto: The Case for Radical Politics in an Era of Extreme Inequality*. New York, NY: Basic Books.
- Wenger, P. (2020) *World After Capital* [electronic resource]. Available at: URL: <https://worldaftercapital.org/> (Accessed: 26 September 2020).
- West, D., Orman, J. (2003) *Celebrity Politics*. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall.
- Wheeler, M. (2013) *Celebrity Politics: Image and Identity in Contemporary Political Communications*. Cambridge: Polity Press.
- Wood, M., Corbett, J., Flinders, M. (2016) 'Just Like Us: Everyday Celebrity Politicians and the Pursuit of Popularity in an Age of Anti-politics', *The British Journal of Politics and International Relations*, 18(3), pp. 581–598. DOI: 10.1177/1369148116632182.

Статья поступила в редакцию: 04.12.2020

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 25.02.2021

Статья принята к печати: 30.04.2021

“ANOTHER” POST-CAPITALISM. THE REVOLUTION OF PERSONALITY AND THE NEW ANTAGONISTIC SOCIOECONOMIC FORMATION

D. A. Davydov

D. A. Davydov, PhD in Political Science, Senior Researcher, Philosophy Department, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the RASciences, Russia, Yekaterinburg.
E-mail: davydovdmity90@gmail.com (ORCID: 0000-0001-7978-9249. ResearcherID: O-3033-2017).

Abstract

The article considers the transition to a post-capitalist society as a social revolution of personality. The author proves that such a revolution has been taking place for a relatively long time: as a process of the gradual rise of the personaliat – a stratum of popular creative persons (“people with personality”). Simultaneously, it is argued that in the emerging social relations, within which the personaliat dominates, there are all the signs of an antagonistic socioeconomic formation: social production is concentrated on the creation of competitive and excluded goods (personality production); limited resources are involved in the production of the most demanded goods (attention); access to a key limited resource provides significant advantages that contribute to the formation of a ruling class (the personaliat); the “higher” strata exploit the “lower” (“appropriation” and “theft” of personality); the interests of the ruling class are at odds with the interests of the exploited classes. Finally, it is shown that any antagonistic socioeconomic formation is characterized by a multitude of institutional incarnations, and therefore the domination of the personaliat can be challenged by representatives of the impersonaliat who question the normative value of the category of “personality”.

Keywords: post-capitalism; capitalism; communism; social revolution; socioeconomic formation; personality; the personaliat; the impersonaliat; unconditional income.

Мировая политика и международные отношения

УДК-327

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-2-37-48

**WHEN THE EU HITS HOME: NATIONAL DETERMINANTS OF
NON-COMPLIANCE WITH THE EUROPEAN UNION LAW**

A. B. Sorbale

Sorbale Aleksei Borisovich, postgraduate student, senior lecturer at the Department of Political Science and International Affairs,

National Research University “Higher School of Economics”, Russia, St. Petersburg.

E-mail: asorbale@hse.ru (ORCID: 0000-0002-1430-6559. ResearcherID: T-4884-2018).

Abstract

This study analyzes 25,516 cases of violation of the European Union law by 28 Member States from 1993 to 2018. I strive to outline the national level determinants of differentiation in the pool of member countries by the total number of the EU law violations. As a key method of analysis, logistic regression is used, where factors of GDP per capita (PPP), polarization of the parliament, fragmentation of the party system, regional strategies and quality of governance are used as country attributes. The analysis demonstrates that all country attributes are significantly related to all four quartiles of the outcome, which rank member states depending on the number of violations during the period under review: from the smallest share of violated directives (Q1) to the largest share of violated directives (Q4). The results of the study demonstrate the empirical relevance of the theoretical perspective of “worlds of compliance” formulated by G. Falkner et al. (2007) for the categorization of EU member states in their reactions to the compliance efforts of the EU.

Keywords: EU law; non-compliance; “worlds of compliance”; EU members; logistic analysis; state capacity; state autonomy.

Introduction

The main goal of the European Union (EU) in the process of expanding and unifying its legal space and setting its authority and power is to force the EU Member States (MS) to transpose, implement and apply the parts of the *acquis communautaire*. In the academic literature this enforcement and the reaction of the EU states to the enforcement actions of the EU are labeled under the term “compliance with the European Union law” (Thomson, 2007; Schimmelfennig, 2007; Börzel et al., 2010; Sedelmeier, 2012; Börzel & Sedelmeier, 2017). The desire of the EU to force all member countries to comply with the EU law is determined by two reasons. The first reason is that the unified normative space is directly related to the idea of creating a functioning supranational EU governance (Banchoff & Smith, 2005). The second reason is the EU’s commitment to the ideological position “one size fits all”, which implies not only normative, but also political, economic and cultural unification of the EU states (Börzel & Risse, 2004). It is clear though that the different degree of compliance of the member countries with the EU law becomes an obstacle to the implementation of the “united Europe” (Swedberg, 1994; Smith, 2008) project.

Hypothetical expectations related to the likelihood of multi-level governance problems within the European Union were confirmed empirically. Since the mid- 1990s, researchers track the growing differentiation in the pool of the EU Member States in terms of their compliance with the European Union law. Over the past 25 years, countries such as Estonia, Lithuania and Slovenia have been incorporating parts of the EU legislation with minimal violations (Tallberg and Jönsson, 2001; Goetz, 2004; Verheijen, 2007; Börzel, 2010), while France, Italy and Portugal demonstrate failures in this process almost every year (Pollack, 2006; Thomson, 2007; Börzel, 2010). This study targets state autonomy and state capacity as two potential explanations for such a differentiation in the level of compliance of the EU Member States.

The paper is divided into four sections. The first section looks at two basic approaches that strive to reveal the reasons for non-compliance in the European Union – structural and consociational. The same sec-

tion focuses on the factors of state autonomy and state capacity of the EU Member States, which underlie the strategies of voluntary and involuntary (non-)compliance. The second section describes the study design, variables' encoding and the stages of modelling. The third section presents the results of logistic regression. The fourth section is devoted to the interpretation of the results obtained and gives the conclusions of the study.

State of the Art

Structural and Consociational approaches to the Problem of Non-Compliance

The empirical puzzle associated with different progress of EU member countries in the implementation, transposition and application of the *acquis* is the subject of controversy in two theoretical approaches: (1) structural and (2) consociational.

In the models build by the proponents of structural approach, the advantage of the “regulatory dictate” is always on the side of one of the parties of the two-level game, while the other side is forced to follow the competitor’s rules. P. Haas (1998), J. Tallberg (2002), A. Slaughter et al. (2000) stress that the EU acts as a “normative dictator” creating the uniform rules of the game for all Member States and monitoring their observance. It is the choice of the states whether to follow these rules, still the EU has an ultimate right and monopoly to punish the violators of the created “normative ideal” (Checkel, 2001; Heidbreder, 2011). An alternative approach to exploring the (non-)compliance patterns in the EU reverses the observed hierarchical model and highlights the EU Member States and their behavioral strategies. The proponents of this approach stress the ability of national political actors to find an equilibrium point that would maximize the gains from adopting EU’s rules of the game and use the available resources to approximate the result of “bargaining” to this point of equilibrium (Mendrinou 1996; Paraskevopoulos 1998). In both versions of the structural approach, the state’s decision on the preferred compliance strategy and the final motivation of (non-)compliance is determined by its economic and administrative resources and the efficiency of their distribution and allocation at the national level (Börzel, 2002; Börzel et al., 2010; Knill & Lenschow, 2005).

Structural approach is often criticized for reductionism and hierarcisation of relations between the EU Member States and supranational institutions. According to W. Carlsnaes (1992: 247), issues related to multi-level authority and accountability, are not limited to clarifying the relationship of the “primacy” of a particular level of decision-making in the structure of the European Union. M. Gabel (1998), B. Soetendorp and R. Andeweg (2001), M. Bogaards (2002), P. Kraus (2006) and many other authors demonstrate that the decision-making architecture in the EU is closest to the model of consociational democracy, which was theorized by A. Lijphart (1971). M. Burgess (2002) emphasizes that the decision-making process in the European Union is based on cooperation mechanisms involving both the intergovernmental and supranational level. The focus of research on compliance within the framework of the consociational approach, is the principle of subsidiarity. The principle of subsidiarity, first formalized in the Treaty on European Union (TEU), explicitly states that if a question can be resolved at a certain level of decision-making, it should not be transferred to a higher level of authority. The consociational approach takes into account the influence of national actors and institutions upon (non-)compliance of the EU member countries and describes the struggle of national actors for an acceptable legal status quo (Börzel, 2002).

Thus, the structural and consociational approaches offer two broad explanations for the different levels of compliance with the EU law. For the structural approach, the reason for the compliance failures in some countries is that they are not able to follow the Brussels’ guidelines due to a lack of necessary economic, administrative and bureaucratic resources. The consociational approach, in turn, considers the reasons for non-compliance with the EU law through the inability of national actors to reach a compromise on the compliance agenda. The next section describes two key concepts that underlie these two explanations – state capacity and state autonomy.

State Capacity and State Autonomy in the Context of (Non-)compliance

State capacity emphasizes the importance of the amount and diversity of resources available, as well as their allocation by the national institutions and actors for the issues related to compliance. For example, J. Tallberg (2002), T. Verheijen (2007), A. Dimitrova (2011) and C. Kaya (2019) allocate administrative capacity as the basis for successful compliance. Using a set of 27 EU countries, E. Thomann and A. Zhelyazkova (2017) show that in most cases countries with high administrative capacity and professional bureaucracy adopt the EU directives timely with no or almost no violations.

The alternative concept is state autonomy which dominates the works of consociationalists. Most of

the researchers that seek to identify the reasons for differentiation in the pool of the EU countries in terms of compliance understand state autonomy in T. Skocpol's (Skocpol, Evans and Rueschemeyer, 1999) terms, that is as the ability of actors in power to make decisions and form political agenda, abstracting from the potential influence of other actors and groups. Students of (non-)compliance measure state autonomy of the EU states in the number of veto-players, which participate in the process of transposition, implementation and application of the required directives (Hille & Knill, 2006; Noutcheva & Bechev, 2008; Sedelmeier, 2012).

Political parties and national legislatures as a whole play an important role in the works of the state autonomy scholars. According to P. Taggart and A. Szczerbiak (2004), the parliament is the "guardian of national interests", which ratifies international agreements and makes changes in national legislation. D. Finke and T. Dannwolf (2015) stress that over the past 15 years, issues that relate to the European Union have become extremely politicized at the national level, and therefore the discussion of these issues often leads to a clash of values and interests of large parliamentary groups.

T. Börzel (2001) raises the important topic of bargaining between national and subnational levels of governance during the application and enforcement of the EU directives. Using the examples of Spain and Germany, the author argues that the success of compliance directly depends on the ability of national elites to negotiate with the regions and provide them with compensation for the costs that the regions incur due to adaptation to the changed normative reality and the creation of the necessary infrastructure. Börzel's idea is developed by N. Dörrenbächer (2017) and J. Schmälter (2018), who note that the regional elite and the actors of the national administrative system ensure "street-level compliance", that is, the implementation and application of directives on the ground.

H. Klüver (2009) and C. Kaya (2019) research the special role of interest groups and NGOs in the (non-) compliance process. The first role of interest groups and non-government organizations is to act as watch dogs for the European Commission: they monitor the actions of national authorities in the area of compliance and inform the normative regulator of any violations by a member state that were made at an early stages of compliance.

Thus, theorists of state capacity and state autonomy propose two scenarios of non-compliance. The first scenario is caused by the *inability* of the Member States to follow the rules of the game established by Brussels, due to the lack of effective bureaucracy, financial and administrative resources. The second scenario indicates the *reluctance* of countries to comply with the EU law, which is fueled by their large political and economic resources and the absence of consensus among the leading national actors and groups on the compliance agenda. In the academic literature these two scenarios are labelled under the names of involuntary and voluntary non-compliance, respectively (Börzel, Hofmann, & Sprungk 2004; G. Falkner et al. 2004; Jano 2016; Thomann & Sager 2017).

Voluntary and Involuntary Non-compliance in the EU

One can identify the cornerstone reason for voluntary non-compliance with the EU law: a powerful economy that is able to neutralize the consequences of potential financial sanctions for non-compliance (Haas 1998). Thus, countries choose a strategy of voluntary non-compliance if they can avoid potential sanctions for non-compliance or if the cost of the sanctions imposed is insignificant for them.

States that voluntarily comply with the European Union law are the exact opposite of the countries described above. According to G. Falkner et al, "small countries with effective bureaucracy" (2004: 412) are the best compilers. In other words, good compliance in this group of states is provided either by a well-developed administrative apparatus, which allows countries to reduce costs from adopting new rules of the game or economic non-readiness to take on the costs of non-compliance, and thereby choose compliance as the most profitable alternative.

Involuntary non-compliance, in turn, is determined by the absence of a baseline characteristic, which is noted as a key condition for successful transposition, implementation, and application of parts of the *acquis*. This characteristic is an effective bureaucratic system. According to C. Knill and J. Tosun (2009), D. Toshkov (2007) and K. Staroňová (2013), the weakness of the bureaucratic system lies at the heart of most compliance failures. B. Steunenbergh and D. Toshkov (2009), conducting a statistical study of non-compliance of the EU-15 and EU-10 countries, highlight the ineffectiveness of bureaucracy as a significant variable for explaining involuntary non-compliance. Another reason for involuntary non-compliance may be low state autonomy, which does not allow national actors to come to a consensus on the issue of compliance (Tallberg, 2000; Chandler, 2010).

The strategies to respond to compliance requirements are most fully explained by G. Falkner et al. (Falkner, Hartlapp, & Treib 2007). The authors identify three "worlds of compliance": "world of law ob-

servance”, “world of domestic politics” and “world of transposition neglect.” In the “world of law observance”, one can find states, for which “compliance goal overrides domestic concerns” (Falkner, Hartlapp, & Treib 2007: 405). Such countries rarely show non-compliance and quickly correct violations of the EU law. “World of domestic politics” includes countries for which home policy has an extremely important value and “obeying EU rules is at best one goal among many” (Falkner, Hartlapp, & Treib 2007: 405). Such countries often face problems of non-compliance and risk to fail transposition, implementation, and application of the required part of the *acquis* if it directly contradicts national interests. Finally, countries from the “world of transposition neglect” show an absolute lack of interest in the issue of compliance. They begin to act only after the Commission and the ECJ begin the process of infringement and often only imitate the implementation and application of directives (Falkner, Hartlapp, & Treib 2007: 405).

The next section details the analytical steps to identify the national-level determinants of the strategies of voluntary and involuntary (non-)compliance of the EU Member States. The analysis tends to check the relevance of G. Falkner et al.’s assumptions on the compliance behavior strategies of the EU countries.

Modelling (Non-)compliance in the European Union

Study Design

In order to analyze the influence of factors of state autonomy and state capacity on (non-)compliance of the EU member countries with the EU law, I take the time period from 1993 to 2018. The choice of this period is due to historical reasons. In 1992 the Maastricht Treaty was signed and in 1993 it entered into force. This treaty endowed the EU institutions (European Commission, European Court of Justice and the Council of Ministers) with great powers in imposing sanctions and punishments against countries that do not comply with the EU law (Lampinen & Uusikyla, 1998). In turn, 2018 is chosen as the end point, since the countries of the European Union continue to violate the EU law, and for some countries the number of violations increases from year to year (Börzel, Hofmann, & Panke, 2012) therefore it is important to trace the dynamics of these violations. At the same time, I strive not to reduce the sample, and therefore do not consider the period, when the UK’s compliance with the EU law has not been monitored (2019-2020). The total number of observations is 25,583 (total number of the EU law violations), but there is a differentiation at the level of individual states, which is due to the different period of their EU membership. As a key method of data analysis, I use multi-level logistic regression.

Stage 1: Outcomes

The outcome variable *share of violated directives of the European Union* is ordinal and contains the following categories:

1. Q1 (best compliers): 0.1%-2.0% of total number of the EU directives
2. Q2: 2.0%-5.0% of total number of the EU directives
3. Q3: 5.0%-8.0% of total number of the EU directives
4. Q4 (worst compliers): >8.0% of total number of the EU directives

To encode this variable, I use the data of the Annual Reports on Monitoring the Application of Community Law by each country for the period from 1993 to 2018, as well as the Berlin Infringement Database (Börzel & Knoll, 2012)¹. The percentage of violated directives was calculated for each member state individually from the date of the state's accession to the European Union. The thresholds for quartiles (Q1-Q4) are set in accordance with the thresholds used in the annual reports of the European Commission on monitoring of the application of EU law, which track the progress of member countries in the area of compliance.

Stage 2: Country Covariates

The pool of state covariates chosen for analysis is divided into two groups, correlated with the two concepts to be explored in this paper: state capacity and state autonomy.

Consider the factors of state capacity. The level of economic power is one of the most important factors determining the state's ability to provide a sufficient basis for a correct and rapid transposition and implementation of the *acquis* (Börzel, 2010). Harmonization of the national legislation with the EU law often requires large expenditures of the national budget. It can be assumed that compliance process for richer

¹ Berlin Infringement Database contains the information on the number and types of infringements for the period from 1995 to 2014. I supplemented the missing data for the periods 1993-1994 and 2015-2018 with the help of Annual Reports on Monitoring the Application of Community Law.

member countries is less burdensome than for poorer ones, so they comply faster and with fewer violations. The factor of quality of governance is treated as the quality of public institutions. I assume that countries where bureaucratic institutions are better developed have less problems with the implementation of the parts of *acquis* and spend less time and resources on the compliance program.

The variable GDP per capita (PPP) is encoded using World Bank Open Data (2018). It is an index that includes three categories: high GDP per capita (value “1”), medium GDP per capita (value “2”), and low GDP per capita (value “3”). The covariate quality of governance is encoded using the Worldwide Governance Indicators (2018) data. It is the logarithmized index that includes three categories: high quality of governance (value “1”), medium quality of governance (value “2”) and low quality of governance (value “3”).

The second group of factors is devoted to state autonomy: (1) ideological polarization of the parliament, (2) fragmentation of the party system, (3) strategy of regional authorities.

P. Statham and H. Trezn (2015) argue that the boundaries of ideological polarization often coincide with the dividing lines in the national parliaments on (non-)compliance with the EU law. I assume that the conflicts associated with the implementation of the parts of European Union legislation are integral parts of the full-scale debate between the parties in the parliaments of EU Member States.

The ideological polarization factor is encoded using data from the Manifesto Project (2018). This index has three categories: high polarization (value “1”), medium polarization (value “2”) and low polarization (value “3”). The thresholds are determined based on the categorization provided by the Manifesto Project: 1, 0.5 and 0, respectively.

To encode the fragmentation of the party system parameter, I calculate the effective number of parties (ENP) for each country on a yearly basis, starting from the moment the country joined the European Union. The fragmentation factor has three categories: high fragmentation (value “1”), medium fragmentation (value “2”) and low fragmentation (value “3”). The thresholds are defined as follows: value “1” – ENP of 5.5, value “2” – ENP of 3.5, value “3” – ENP of 2.5 and correspond to the thresholds, widely recognized in the literature on the party systems fragmentation (Laakso & Taagepera, 1979; Golosov, 2010).

The parameter of the strategies of regional authorities is based on data from transcripts of the Committee of the Regions plenary sessions and Monthly Summary of Council Acts, released by the Secretariat of the EU Council of Ministers. This is a binary variable with the following categories: “1” – presence of a conflict between the center and the regions on a specific compliance agenda (confrontation strategy), “0” – absence of a conflict between the center and the regions on a specific compliance agenda (cooperation strategy). Each member states appoints a specified number of delegates to the Committee of the Regions, which purpose is to represent the interests of regional and local communities at the supranational level and to provide recommendations to other EU institutions for decisions touching the regional level. The Committee does not have much normative weight in the EU architecture, however, it can serve as an arena for expressing dissatisfaction of regional authorities with the actions of the central/federal authorities and declaration of the existing conflict between the center and the regions. It can be assumed that a mismatch between the interests of regional stakeholders and the central government can lead to specific compliance violations due to the resistance of “state-level bureaucracy” to the compliance agenda, enforced by the central authorities (Dörrnbächer, 2017; Schmälter, 2018). As part of the encoding, a country received a value of “1” if at least once during the year under review, the vote of the majority of the deputies of its national delegation in the Committee of the Regions on a given directive differed from the vote of the representative (national minister) of this state in the Council of Ministers on the same directive.

Statistical Analysis

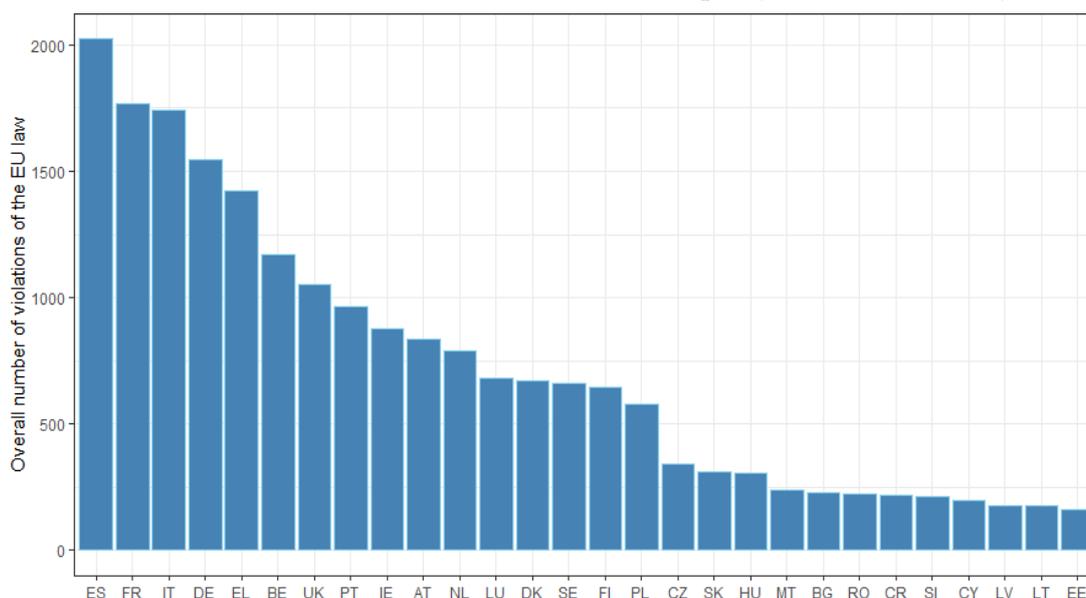
The statistical analysis was performed using RStudio 1.3. For bivariate associations between state autonomy and state capacity variables and the frequency of violations of the EU law, I calculated the percentages of violations in the total pool of the EU directives for the period from 1993 to 2018 for each state under consideration and performed analyses using the chi-square test. Analyses were performed for all samples, and were also stratified by geographical dimension West-East (EU-15 vs post-2004 members). I estimated the adjusted odds ratios (ORs) and 95% confidence intervals (CIs) for the total share of the EU law violations by random intercept, logistic regression models. All outcomes were grouped by quartile and included simultaneously in the model.

Results

The pool of EU Member States is differentiated by the total number of violations of the EU law for the entire period under consideration (1993-2018). Figure 1 serves to better illustrate this cleavage. In this section, I use the theory by G. Falkner et al. (2007) in order to trace and interpret the reaction of the EU member countries to the European Union's enforcement in the field of compliance. I consider EU states from two perspectives: (1) state capacity and (2) state autonomy. The state capacity perspective allows to identify the institutional and administrative characteristics of the states, which contributed or, conversely, impeded the transposition, implementation and application of the *acquis*. The state autonomy perspective, in turn, touches on the issues of the ability of national actors to promote, block or adjust the compliance agenda.

Figure 1. Overall number of violations of the EU law by the EU Member States, 1993-2018¹

Table 1 summarizes the characteristics of state capacity and state autonomy of the EU countries. In

total, Western EU countries violated 6.9% of EU directives from May 1993 to May 2018. For the countries of Eastern Europe for the period from May 2004 to May 2018 this figure is 4.5%. Both indicators are weighted. Bivariate analysis shows that all country covariates, that is, GDP per capita (PPP), polarization of the parliament, fragmentation of the party system, regional strategies and the quality of governance, affect the share of violated EU directives. However, it should be noted that the factor of fragmentation of the party system for the countries of the EU-East group does not demonstrate significant relation to the outcome.

Table 1

Characteristic of the EU states. Total share of violations of the EU law

Variables	All (EU-28)		EU-West		EU-East	
	<i>n</i>	% of violated EU directives	<i>n</i>	% of violated EU directives	<i>n</i>	% of violated EU directives
Geography						
EU-West	18,516	6.9				
EU-East	7,337	4,5				
<i>p</i> < 0.05 ^a						
GDP per capita (PPP)						
Low	18	5.5	0	0.0	18	5.5
Medium	129	3.9	23	0.2	126	3.7

¹ The figure uses the data of Berlin Infringement Database (Börzel & Knoll, 2012) and Annual Reports on Monitoring the Application of Community Law (2018).

End of table 1

Variables	All (EU-28)		EU-West		EU-East	
	<i>n</i>	% of violated EU directives	<i>n</i>	% of violated EU directives	<i>n</i>	% of violated EU directives
High	153	4.1	131	4.0	22	0.1
<i>p</i> < 0.001 ^a <i>p</i> < 0.001 ^a <i>p</i> < 0.001 ^a						
Polarization of the parliament						
Low	119	0.5	77	0.1	42	0.4
Medium	103	2.3	81	1.4	22	0.9
High	78	5.0	13	2.2	65	2.8
<i>p</i> < 0.001 ^a <i>p</i> < 0.05 ^a <i>p</i> < 0.001 ^a						
Fragmentation of the party system						
Low	95	1.1	71	0.7	24	0.4
Medium	122	1.3	56	0.4	66	0.9
High	27	2.4	11	2.0	16	0.4
<i>p</i> < 0.05 ^a <i>p</i> < 0.05 ^a n.s. ^a						
Regional strategies						
Cooperation	218	2.7	134	0.3	84	2.4
Conflict	51	3.4	28	4.5	23	3.9
<i>p</i> < 0.05 ^a <i>p</i> < 0.05 ^a <i>p</i> < 0.05 ^a						
Quality of governance						
Low	48	3.4	0	0.0	48	3.4
Medium	119	2.0	15	0.2	104	1.8
High	133	2.6	111	1.9	22	0.7
<i>p</i> < 0.05 ^a <i>p</i> < 0.05 ^a <i>p</i> < 0.05 ^a						

^ap-value for chi-square test

The results of the logistic regression with the outcome *share of violated directives of the European Union* are presented in Table 2. All attributes are related to the outcome. If one considers the results in terms of the outcome's quartiles, the least number of violations was likely to be committed by countries with medium GDP per capita (PPP), low legislature's polarization and fragmentation of the party system, low share of conflicts between the center and regions, and high quality of governance. The individual attributes for the second quartile are largely similar to the first one: medium GDP per capita (PPP), medium parliament's polarization and low fragmentation of the party system, cooperation strategy of the regions, and high quality of governance. The third quartile is related to the following individual country attributes: high GDP per capita, high polarization of the parliament and fragmentation of the party system, priority of cooperation in the relationships between the regions and the center, and high quality of governance. Finally, the fourth quartile, which denotes the worst compliers, is related to low GDP per capita, medium polarization of the national legislature, high fragmentation of the party system, conflict strategy of the regions, and average quality of governance.

Table 2

Results of Logistic Regression Analysis: Adjusted Odds Ratios and 95% Confidence Intervals for Share of Violated Directives of the European Union

Variables	Q1 (best compliers)		Q2		Q3		Q4 (worst compliers)	
	OR	95% CI	OR	95% CI	OR	95% CI	OR	95% CI
GDP per capita (PPP)								
Low	1.00		1.00		1.00		1.07+	(0.59–1.93)
Medium	1.11** *	(0.83–1.48)	1.35**	(0.87–2.10)	0.91	(0.60–1.36)	1.31	(0.97–1.77)
High	1.17	(0.87–1.56)	1.34	(0.87–2.09)	1.01*	(0.67–1.52)	1.53	(1.14–2.05)

End of table 2

Variables	Q1 (best compliers)		Q2		Q3		Q4 (worst compliers)	
	OR	95% CI	OR	95% CI	OR	95% CI	OR	95% CI
Polarization of the parliament								
Low	0.65**	(0.47-0.89)	1.00		1.00		1.00	
Medium	1.30	(0.97-1.74)	1.56*	(1.02-2.40)	1.14	(0.74-1.76)	0.76*	(0.61-0.90)
High	1.22	(0.91-1.65)	1.06	(0.67-1.68)	1.35**	(0.90-2.03)	0.51	(0.40-0.64)
Fragmentation of the party system								
Low	1.48**	(0.94-2.35)	1.64**	(1.35-3.16)	1.00		1.00	
Medium	1.07	(0.80-1.44)	1.00	(0.65-1.56)	1.19	(0.79-1.81)	1.24	(0.92-1.66)
High	0.98	(0.73-1.31)	0.93	(0.60-1.45)	1.05*	(0.69-1.58)	1.03**	(0.67-1.58)
Regional strategies								
Cooperation	1.34**	(0.98-2.69)	1.06*	(0.70-1.61)	1.14**	(0.80-1.91)	1.00	
Conflict	1.07	(0.80-1.43)	1.14	(0.74-1.76)	1.06	(0.71-1.60)	1.51+	(0.99-2.32)
Quality of governance								
Low	1.00		1.00		1.00		1.00	
Medium	1.02	(0.70-1.34)	1.23	(0.78-1.93)	0.95	(0.63-1.41)	1.03**	(0.76-1.39)
High	1.54**	(1.14-2.08)	2.07**	(1.30-3.27)	1.19*	(0.77-1.83)	0.51	(0.40-0.64)
In (variance of random intercept)	-2.90		-1.58		-2.66		-2.98	
<i>p</i> value for variance of random intercept	0.28		0.15		0.36		0.44	
Number of observations	4,396		3,535		14,838		2,815	

*** $p < 0.001$, ** $p < 0.01$, * $p < 0.05$, + $p < 0.1$.

Discussion and Conclusion

In this research, I used the combination of structural and consociational approaches to study the phenomenon of (non-)compliance. The major reason for this symbiosis is that I explored different contexts of (non-)compliance: both purely hierarchical relations and consociational models of communication. The theoretical perspective of “worlds of compliance” construct four quartiles of compliance.

The first quartile unites the “best compilers”: Cyprus, Estonia, Latvia, Lithuania, and Slovenia. The reasons for their high compliance rate lie in the high state capacity, that is, the well-functioning bureaucracy and developed administrative apparatus and high state autonomy, which, first of all, is expressed in the Euro-optimistic position of the major veto players and cooperation strategy of the regional elites.

The second quartile unites Bulgaria, Croatia, Czech Republic, Poland, Romania and Slovakia. The key determinants of violations of the EU law in these countries are weak bureaucracy and relatively low level of economic power (Bulgaria and Romania), high polarization and fragmentation of national legislatures along the ideological and compliance lines (Czech Republic, Croatia and Slovakia), as well as conflicts between the center and regions on the distribution of say and pay rights in the context of compliance (Poland).

The third quartile compliance is the largest one: it unites Austria, Denmark, Finland, Greece, Hungary, Ireland, Luxembourg, Malta, the Netherlands, Portugal and Sweden. All countries of the Third world are distinguished by a fairly well-developed bureaucratic and administrative systems and, in most cases, non-compliance at the national level is explained by low state autonomy: Euro-skeptic position of the major parties, intra-party conflicts on the compliance agenda and conflicts between the center and the regions.

The fourth quartile includes the main violators of the EU law: Belgium, Germany, France, Italy, Spain and the UK. The countries of the fourth quartile assess the gains and losses from compliance and non-compliance with the EU law in each particular case, and often consider the potential sanctions for violating the EU law as less costly than adopting the *acquis*. The national determinants of non-compliance include the conflict nature of relations between the regions and the center (Spain, Germany and Belgium) and the general lack of political will, reinforced by party cleavages on the compliance agenda (France, Italy and the UK).

From this it follows that four quartiles of the EU states can be divided into three worlds, designed by G. Falkner et al. (2007): a world of law observance (first quartile), a world of transposition neglect (part of the second and third quartiles, fourth quartile) and a world of domestic politics (part of the second and third quartiles).

The symbiotic research seems to be effective when it comes to the issues of multi-level governance in the European Union. The generalizability and comparability of the results can be enhanced by performing a study with a wide range of factors of national and supranational nature and expanding the pool of cases to the EU candidate countries and specific types of the EU law violations.

Acknowledgements

The results of the project “Strategies and mechanisms of stability in multilevel political systems”, carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2020 were used in this paper.

Список литературы / References

- Annual Reports on Monitoring the Application of Community Law (2018) *European Commission* [online]. Available at: URL: https://ec.europa.eu/info/publications/annual-reports-monitoring-application-eu-law_en (Accessed: 4 September 2020).
- Banchoff, T., and Smith, M. (2005) ‘National identity and EU legitimacy in France and Germany’ in: Beetham, D. (ed.) *Legitimacy and the European Union*. Routledge, pp. 194–213.
- Bogaards, M. (2002) ‘The Consociational Analogy of the European Union: A Rejoinder to Crepaz with a Comment on Kaiser’, *European Union Politics*, 3, pp. 501–503.
- Börzel, T. A. (2001) ‘Europeanization and territorial institutional change: toward cooperative regionalism’, *Transforming Europe: Europeanization and domestic change*, pp. 137–158.
- Börzel, T. A. (2002) ‘Member State Responses to Europeanization’, *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 40(2), pp. 193–214. doi: 10.1111/1468-5965.00351.
- Börzel, T. A. et al. (2010) ‘Obstinate and inefficient: Why member states do not comply with European law’, *Comparative Political Studies*, 43(11), pp. 1363–1390. doi: 10.1177/0010414010376910.
- Börzel, T. A. (2010) ‘The Transformative Power of Europe Reloaded: The Limits of External Europeanization’, *KFG Working Paper Series*, 11, pp. 1–30.
- Börzel, T. A., Risse, T. (2004) ‘One Size Fits All! EU Policies for the Promotion of Human Rights, Democracy and the Rule of Law’, *Workshop on Democracy Promotion*, Stanford University, 49(January 2004), pp. 0–32.
- Börzel, T. A., Hofmann, T. and Panke, D. (2012) ‘Caving in or sitting it out? Longitudinal patterns of non-compliance in the European Union’, *Journal of European Public Policy*, 19(4), pp. 454–471. doi: 10.1080/13501763.2011.607338.
- Börzel, T. A., Hofmann, T. and Sprungk, C. (2004) ‘Why Do States not Obey the Law? Non-Compliance in the European Union’, Paper prepared for presentation at Leiden Conference, 49(0).
- Börzel, T. A. and Sedelmeier, U. (2017) ‘Larger and more law abiding? The impact of enlargement on compliance in the European Union’, *Journal of European Public Policy*, 24(2), pp. 197–215. doi: 10.1080/13501763.2016.1265575.
- Carlsnaes, W. (1992) ‘The Agency-Structure Problem in Foreign Policy Analysis’, *International Studies Quarterly*, 36(3), p. 245. doi: 10.2307/2600772.
- Chandler, D. (2010) ‘The EU and southeastern Europe: The rise of post-liberal governance’, *Third World Quarterly*, 31(1), pp. 69–85. doi: 10.1080/01436590903557330.
- Checkel, J. T. (2001) *Why comply? Social learning and European identity change*, *International Organization*. doi: 10.1162/00208180152507551.
- Dimitrova, A. (2011) ‘Enlargement, Institution-Building and the EU’s Administrative Capacity Requirement’, *West European Politics*, (December), pp. 171–190.
- Dörrenbächer, N. (2017) ‘Europe at the frontline: analysing street-level motivations for the use of European Union migration law’, *Journal of European Public Policy*, 24(9), pp. 1328–1347. doi: 10.1080/13501763.2017.1314535.

- Falkner, G. et al. (2004) 'Why Do Member States Fail to Comply? Testing the Hypotheses Suggested in the Literature', *Complying with Europe? The Impact of EU Minimum Harmonisation and Soft Law in the Member States*, (June), pp. 272–308.
- Falkner, G., Hartlapp, M. and Treib, O. (2007) 'Worlds of compliance: Why leading approaches to European Union implementation are only "sometimes-true theories"', *European Journal of Political Research*, 46(3), pp. 395–416. doi: 10.1111/j.1475-6765.2007.00703.x.
- Finke, D. and Dannwolf, T. (2015) 'Who let the dogs out? The effect of parliamentary scrutiny on compliance with EU law Who let the dogs out? The effect of parliamentary scrutiny on compliance with EU law', *Journal of European Public Policy*, 0(0), pp. 1–21. doi: 10.1080/13501763.2014.1000364.
- Gabel, M. (1998) 'Public support for European integration: An empirical test of five theories', *Journal of Politics*, 60(2), pp. 333–354. doi: 10.2307/2647912.
- Golosov, G. (2010) 'The effective number of parties: A new approach', *Party politics*, 16.2, pp. 171–192.
- Haas, P. M. (1998) 'Compliance with EU directives: Insights from international relations and comparative politics', *Journal of European Public Policy*, 5(1), pp. 17–37. doi: 10.1080/13501768880000021.
- Heidbreder, E. G. (2011) 'Structuring the European administrative space: Policy instruments of multi-level administration', *Journal of European Public Policy*, 18(5), pp. 709–727. doi: 10.1080/13501763.2011.586800.
- Hille, P. and Knill, C. (2006) "'It's the bureaucracy, stupid": The implementation of the *acquis communautaire* in EU candidate countries, 1999–2003', *European Union Politics*, 7(4), pp. 531–552. doi: 10.1177/1465116506069442.
- Hughes, J., Sasse, G. and Gordon, C. (2004) 'Conditionality and compliance in the EU's eastward enlargement: Regional policy and the reform of sub-national government', *Journal of Common Market Studies*, 42(3), pp. 523–551. doi: 10.1111/j.0021-9886.2004.00517.x.
- Jano, D. (2016) 'Compliance with EU Legislation in the Pre-accession Countries of South East Europe (2005 – 2011): A Fuzzy-set Qualitative Comparative Analysis', *Journal of European Integration*, 38(1), pp. 1–22. doi: 10.1080/07036337.2015.1055738.
- Kaya, C. (2019) 'Providing information and building capacity: interest group involvement in the application of EU law', *West European Politics*, 2382(May 2018), pp. 1–20. doi: 10.1080/01402382.2018.1463723.
- Klüver, H. (2009) 'Measuring interest group influence using quantitative text analysis', *European Union Politics*, 10(4), pp. 535–549. doi: 10.1177/1465116509346782.
- Knill, C. and Lenschow, A. (2005) 'Compliance, competition and communication: Different approaches of European governance and their impact on national institutions', *Journal of Common Market Studies*, 43(3), pp. 583–606. doi: 10.1111/j.0021-9886.2005.00570.x.
- Knill, C. and Tosun, J. (2009) 'Post-accession transposition of EU law in the new member states: A cross-country comparison', *EIOP European Integration Online Papers*, 13(SPEC. ISSUE 2), pp. 1–18. doi: 10.1695/2009018.
- König, T. and Luetgert, B. (2009) 'Troubles with transposition? Explaining trends in member-state notification and the delayed transposition of EU directives', *British Journal of Political Science*, 39(1), pp. 163–194. doi: 10.1017/S0007123408000380.
- Kraus, P. (2006) 'Legitimacy, Democracy and Diversity in the European Union', (January 2006), pp. 203–224.
- Laakso, M. and Taagepera, R. (1979). "Effective" number of parties: a measure with application to West Europe', *Comparative political studies*, 12(1), pp. 3–27.
- Lijphart, A. (1971) 'Comparative Politics and the Comparative Method', *American Political Science Review*, 65(03), pp. 682–693. doi: 10.2307/1955513.
- Manifesto Project Dataset (2018) Manifesto Project [online] Accessed at: <https://manifesto-project.wzb.eu/datasets> (Accessed: 4 September 2020).
- Maniokas, K. (2009) 'Conditionality and compliance in Lithuania: The case of the best performer', *EIOP European Integration Online Papers*, 13(SPEC. ISSUE 2), pp. 1–16. doi: 10.1695/2009020.
- Noutcheva, G. and Bechev, D. (2008) The

- successful laggards: Bulgaria and Romania's accession to the EU, *East European Politics and Societies*. doi: 10.1177/0888325407311793.
- Pollack, M. A. (2006) *Rational Choice and EU Politics*. Handbook of European Union Politics. SAGE Publications Ltd', (12), pp. 31–57. doi: doi: http://dx.doi.org/10.4135/9781848607903.
- Schimmelfennig, F. (2007) 'Strategic calculation and international socialization: Membership incentives, party constellations, and sustained compliance in Central and Eastern Europe', *International Institutions and Socialization in Europe*. doi: 10.1017/CBO9780511618444.003.
- Schmälter, J. (2018) 'A European response to non-compliance: the Commission's enforcement efforts and the Common European Asylum System A European response to non-compliance: the', *West European Politics*, 2382, pp. 1–24. doi: 10.1080/01402382.2018.1427947.
- Sedelmeier, U. (2012) 'Is Europeanisation through Conditionality Sustainable? Lock-in of Institutional Change after EU Accession', *West European Politics*, 35(1), pp. 20–38. doi: 10.1080/01402382.2012.631311.
- Skocpol, T., Evans, P. and Rueschemeyer, D. (1999) 'Bringing the state back: Strategies of analysis in current research', pp. 1–18.
- Slaughter, A.-M., Moravcsik, A. and Keohane, R. O. (2000) 'Legalized Dispute Resolution: Interstate and Transnational', *International Organization*, 54(3), pp. 457–488.
- Smith, A. (2008) 'National Identity and the Idea of European Unity', 68(1), pp. 55–76.
- Staroňová, K. (2013) 'Transpozícia a v nových členských krajinách EÚ', pp. 48–71.
- Statham, P. and Trenz, H. J. (2015) 'Understanding the mechanisms of EU politicization: Lessons from the Eurozone crisis', *Comparative European Politics*, 13(3), pp. 287–306. doi: 10.1057/cep.2013.30.
- Steunenbergh, B. and Toshkov, D. (2009) 'Comparing transposition in the 27 member states of the EU: The impact of discretion and legal fit', *Journal of European Public Policy*, 16(7), pp. 951–970. doi: 10.1080/13501760903226625.
- Swedberg, R. (1994) 'The Idea of 'Europe' and the Origin of the European Union - A Sociological Approach', 23, pp. 378–387.
- Taggart, P. and Szczerbiak, A. (2004) 'Contemporary Euroscepticism in the party systems of the European Union candidate states of Central and Eastern Europe', *European Journal of Political Research*, 43(1), pp. 1–27. doi: 10.1111/j.1475-6765.2004.00143.x.
- Tallberg, J. (2000) 'The anatomy of autonomy: An institutional account of variation in supranational influence', *Journal of Common Market Studies*, 38(5), pp. 843–864. doi: 10.1111/1468-5965.00267.
- Tallberg, J. (2002) 'Paths to compliance: Enforcement, management, and the European Union', *International Organization*, 56(3). doi: 10.1162/002081802760199908.
- Tallberg, J. and Jönsson, C. (2001) 'Compliance Bargaining in the European Union', *ECISA International Conference*, pp. 1–38.
- Thomann, E. and Sager, F. (2017) 'Moving beyond legal compliance: innovative approaches to EU multilevel implementation Moving beyond legal compliance: innovative', 1763(May). doi: 10.1080/13501763.2017.1314541.
- Thomson, R. (2007) 'Time to comply: National responses to six EU labour market directives revisited', *West European Politics*, 30(5), pp. 987–1008. doi: 10.1080/01402380701617407.
- Toshkov, D. (2007) 'Transposition of EU social policy in the new member states', *Journal of European Social Policy*, 17(4), pp. 335–348. doi: 10.1177/0958928707081065.
- Verheijen, T. (2007) 'Administrative Capacity in the New EU Member States: The Limits of Innovation?', *World Bank working paper*.
- World Bank Open Data (2018) The World Bank [online]. Available at: URL: https://data.worldbank.org/ (Accessed: 4 September 2020).
- Worldwide Governance Indicators. (2018). The World Bank [online]. Available at: URL: https://datacatalog.worldbank.org/dataset/worldwide-governance-indicators (Accessed: 4 September 2020).

Статья поступила в редакцию: 24.12.2020

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 25.02.2021

Статья принята к печати: 30.04.2021

КОГДА ЕС ПОПАДАЕТ ДОМОЙ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ НЕСОБЛЮДЕНИЯ ПРАВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

А. Б. Сорбалэ

Сорбалэ Алексей Борисович, аспирант, старший преподаватель Департамента политологии и мировой политики,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Санкт-Петербург.

E-mail: asorbale@hse.ru (ORCID: 0000-0002-1430-6559. ResearcherID: T-4884-2018).

Аннотация

В этом исследовании анализируется 25 516 случаев нарушения права Европейского союза 28 государствами-членами с 1993 по 2018 гг. Мы стремимся определить факторы, детерминирующие дифференциацию в пуле стран-членов по общему количеству нарушений права ЕС. В качестве ключевого метода анализа используется логистическая регрессия, где в качестве атрибутов рассматриваемых стран используются факторы ВВП на душу населения (ППС), идеологическая поляризация парламента, фрагментация партийной системы, региональные стратегии и качество управления. Анализ показывает, что все национальные атрибуты в значительной степени связаны со всеми четвертью квартилями результата, которые ранжируют государства-члены в зависимости от количества нарушений в течение рассматриваемого периода: от наименьшей доли нарушенных директив (Q1) до наибольшей доли нарушенных директив (Q4). Результаты исследования демонстрируют эмпирическую актуальность теоретической перспективы «миров комплаенса», сформулированной Г. Фолкнер и соавторами (2007) для классификации стран-членов ЕС по степени их реакции на нормативно-принудительные стратегии Европейского союза.

Ключевые слова: право ЕС; несоблюдение; «миры комплаенса»; страны-члены ЕС; логистический анализ; государственная состоятельность; государственная автономия.

Финансовая поддержка: В работе использованы результаты проекта «Стратегии и механизмы устойчивости многоуровневых политических систем», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в 2020 году.

УДК-327

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-2-49-58

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ЕС В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО РЕЖИМА (НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ «КОЛАРКТИК 2014–2020»)

Е. А. Маслова

Маслова Елена Александровна, кандидат политических наук, доцент кафедры интеграционных процессов, старший научный сотрудник,

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»;

старший научный сотрудник,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Европы Российской академии наук.

E-mail: e.maslova@inno.mgimo.ru (ORCID: 0000-0002-2493-3900. Researcher ID: J-3216-2013).

Аннотация

Представлен анализ приграничного сотрудничества между странами Северного Калотта (Финляндией, Норвегией, Швецией) и Северо-Западом России в рамках программы «Коларктик». На сегодняшний день приграничное взаимодействие России и ЕС является одним из немногих каналов для диалога в условиях режима санкций и контрсанкций двух сторон. Анализ программы ЕС «Коларктик» осуществляется через призму макрополитического контекста политики ЕС, в частности, через его экологическое, арктическое и приграничное измерения, а также в рамках качества отношений по линии Россия – ЕС. Дана краткая характеристика приграничного сотрудничества ЕС как одной из составляющих Европейской политики и Европейского инструмента соседства. Рассмотрена стратегия и основные императивы ЕС в Арктике. Показано, что ЕС не обладает достаточными инструментами для политического влияния в Арктике, при этом интерес к региону только усиливается. Свое участие в арктической повестке ЕС видит прежде всего через получение статуса наблюдателя в Арктическом совете. Императивы политики ЕС в Арктике – это устойчивое развитие и защита окружающей среды, смягчение последствий изменения климата, защита прав автохтонного населения, многостороннее управление и проведение научных исследований. Проанализирована экологическая составляющая в арктической повестке ЕС. Выделены основные принципы экологической повестки ЕС, аргументы ЕС в пользу активного участия в Арктике, а также интересы, которые преследует ЕС в Арктике. С одной стороны, ЕС выражает обеспокоенность по вопросам изменения климата и ухудшения экологической обстановки, с другой – намерен наращивать импорт энергоресурсов из региона. Подведены итоги реализации первого периода Программы «Коларктик 2007–2013» и промежуточные итоги Программы «Коларктик 2014–2020»; проанализирована санкционная риторика ЕС и ее соотношение с программой «Коларктик», которая остается за пределами европейских санкций. Автор приходит к выводу, что помимо задачи по снижению периферийности территорий, ЕС преследует и политические цели реализации программы, в частности, «Коларктик» – один из немногих инструментов, позволяющих укреплять свое политическое присутствие в арктическом регионе, а также утверждать свою роль как глобального экологического лидера.

Ключевые слова: приграничное сотрудничество; европейская политика соседства; сотрудничество России и ЕС; «Коларктик»; арктическая политика ЕС; экологическая политика ЕС; Арктика.

«Коларктик» – программно-финансовый инструмент Европейского союза для осуществления приграничного сотрудничества между странами Северного Калотта (Финляндией, Норвегией, Швецией) и Северо-Западом России. При этом экологическая составляющая играет главенствующую роль в реализации этой программы. Соответственно, при анализе реализации программы «Коларктик» необходимо учитывать как непосредственные итоги реализации программы «Коларктик», так и мак-

рополитический контекст политики Европейского союза, в частности, экологическое, арктическое и приграничное измерения, а также качество отношений по линии Россия – ЕС.

Приграничное сотрудничество как один из приоритетов внешней политики ЕС

Приграничное сотрудничество традиционно является одним из приоритетов Европейского союза. Изначально ЕС реализовывал программы приграничного сотрудничества внутри сообщества между странами-членами посредством проведения политики сплочения (региональной политики), суть которой состояла в сближении стран Союза не только по уровню экономического развития, – зачастую речь шла именно о приграничном взаимодействии и сотрудничестве еврорегионов (Scott, 2015; Зонова, 1999). Впоследствии, с расширением ЕС на восток, приграничное сотрудничество обрело и внешний контур со странами, не входящими в Союз.

Европейская политика соседства (ЕПС) была запущена в 2004 г.¹, ее основная цель – поддерживать и способствовать стабильности, безопасности и процветанию в странах Европейского соседства. В 2007 г. Европейская комиссия представила новый финансовый инструмент – Европейский инструмент соседства и партнерства (ЕИСП) – для содействия реализации ЕПС, в частности, посредством трансграничного и регионального сотрудничества. С тех пор ЕС активно реализует Европейскую политику соседства на различных направлениях (Север, Юг, Восток). Одной из составляющих Европейского инструмента соседства и партнерства на северном направлении является программа «Коларктик»².

Программа «Коларктик» является одной из семи программ приграничного сотрудничества между Россией и Европейским союзом (реализуются также программы «Карелия», «Латвия-Россия», «Литва-Россия», «Эстония-Россия», «Польша-Россия», «Юго-Восточная Финляндия-Россия») и одной из программ, реализуемых на территории Баренцева Евро-арктического региона (БЕАР), при этом из всех программ только «Коларктик» охватывает всю территорию БЕАР (Sebentsov, 2018; Sebentsov, 2020).

Арктическая стратегия ЕС

Международное сотрудничество в Арктике ведется на нескольких уровнях. В первую очередь, это многосторонний диалог (Арктический совет, Совет Баренцева / Евроарктического региона, Совет министров северных стран и другие международные организации). Во-вторых, диалог ведется на уровне регионального и субрегионального сотрудничества (см. также: Харлампьева, Лагутина, 2011). Европейский союз стремится активно присутствовать и участвовать на обоих уровнях.

В Еврокомиссии Арктику курирует Генеральный директорат по региональной политике (DG Regio), который призван поддерживать и привлекать инвестиции в арктический регион, особенно в приграничные регионы (в первую очередь, в «европейскую Арктику»). Упор в работе делается на исследованиях и инновациях (научном освоении Арктики), повышение конкурентоспособности малых и средних предприятий (МСП) и поддержке перехода к низкоуглеродной экономике.

Арктика является одной из зон, где ЕС стремится активно присутствовать и проявлять свою акторность (Еремина, 2019). Однако из стран-членов только Дания входит в т.н. «арктическую пятерку», при этом ее арктическая территория – Гренландия, не является частью ЕС; приарктические Швеция и Финляндия не имеют прямого выхода к Северному Ледовитому океану и соответственно в «пятерку» не входят³. Полноправными членами Арктического совета из стран ЕС являются Дания, Финляндия и Швеция (Вылегжанин, 2021). Тем не менее, можно говорить о том, что ЕС как интеграционное объединение обладает крайне ограниченными ресурсами в Арктике, при этом интерес к региону лишь возрастает с каждым годом (Liborgious, 2020).

Началом арктической политики ЕС считается появление документа «К будущей морской политике ЕС: европейский подход к морям и океанам» (2006 г.)⁴, в котором обозначалась неразрывная

¹ Policy, *EU Neighbours*. URL: <https://www.euneighbours.eu/en/policy>.

² Kolarctic Cross Border Cooperation 2014–2020. URL: <https://kolarctic.info/>.

³ Уткин С. ЕС и Арктика: присматриваясь к будущему, *PCMД*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/es-i-arktika-prismatrivayas-k-budushchemu/>.

⁴ Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: Towards a future Maritime Policy for the Union. A European vision for the oceans and seas. 07 июня 2006 г., *European Commission*. URL: <https://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2006/EN/1-2006-275-EN-F1-1.Pdf>; Green Pa-

связь ЕС с Арктикой – географически, исторически (в т.ч. через участие в исследованиях и освоении) и экономически. В 2008 г. Еврокомиссия выпускает документ «Европейский союз и арктический регион»¹, в котором излагается позиция и интересы ЕС в Арктике. На протяжении последующих лет ЕС регулярно выпускает различные документы о политике ЕС в Арктике. Основную их суть можно свести к тому, что ЕС намерен играть все более заметную роль и усиливать свое влияние в Арктике. Одна из главнейших задач ЕС – получение статуса наблюдателя при Арктическом совете.

Пока этого не произошло ЕС реализует свои интересы (а) на национальной основе – через Данию, Финляндию, Швецию; (б) через Норвегию и Исландию² которые являются участниками программы ЕС «Северное измерение».

Свою арктическую политику ЕС реализует через программу «Северное измерение», Интеррег и ЕИСП (две программы – «Карелия» и «Коларктик»). Нельзя сказать, что эти меры являются мощным инструментом влияния ЕС в регионе. Свое участие в арктической повестке ЕС видит прежде всего через получение статуса наблюдателя в Арктическом совете (АС). Однако Арктический совет уже неоднократно откладывал рассмотрение заявки ЕС на получение статуса наблюдателя³⁴. И на сегодняшний день ЕС вряд ли может претендовать на его получение, в т.ч. из-за позиции России (которая, в свою очередь, опосредована санкциями ЕС). Страны «ядра» ЕС (Франция и Германия) уже имеют статус наблюдателей в АС, а также свою национальную повестку в регионе.

Императивы политики ЕС в Арктике – это устойчивое развитие и защита окружающей среды, смягчение последствий изменения климата, защита прав автохтонного населения, многостороннее управление и проведение научных исследований. Руководство ЕС неоднократно постулирует в различных документах, что Арктика – это «зона мира, процветания и конструктивного международного сотрудничества»⁵.

Сегодня одним из главнейших аргументов ЕС в пользу более активного участия в жизни Арктики является экологический.

Экологическая политика ЕС в Арктике

Современный Европейский союз берёт на себя роль трендсеттера мировой экологической повестки. В глобальном мире ЕС видит себя не только конкурентоспособной мировой экономикой, но и лидером зеленой революции (к 2050 г. поставлена цель достичь «углеродного нейтралитета»).

К основным принципам экологической повестки ЕС можно отнести следующие:

- превентивные действия;
- возмещение ущерба окружающей среде, главным образом, через устранение его источников;
- финансовой компенсации («загрязнитель платит»);
- устойчивое развитие;
- выбор наилучшего из возможных путей охраны окружающей среды, согласно которому страны-участницы могут вводить более строгие меры, чем это предусмотрено актами ЕС (Голдин, Паникар, Соколова, Тюрикова, 2017).

ЕС не скупится на проведение экологической политики, специальных исследований, осуществление мониторинга и скрининга окружающей среды – как в Европе, так и за ее пределами. Таким образом ЕС видит свою экологическую ответственность и за пределами территории стран-членов ЕС.

Основные аргументы ЕС в пользу активного участия в Арктике можно свести к следующему:

per: Towards a future Maritime Policy for the Union. A European vision for the oceans and seas. 07 июня 2006г., *European Commission*. URL: https://europa.eu/documents/comm/green_papers/pdf/com_2006_0275_en_part2.pdf.

¹ Communication from the Commission to the European Parliament and the Council: An integrated European Union policy for the Arctic. 20 ноября 2008 г., *European External Action Service*. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/arctic_region/docs/com_08_763_en.pdf.

² Исландия официально отозвала свою заявку на членство в ЕС, что вызвало сожаление высшего руководства ЕС, которое рассматривало вступление Исландии как укрепление арктических позиций ЕС.

³ Arctic Council rejects EU's observer application, *EU Observer*. 30.04.2009. URL: <https://euobserver.com/environment/28043>.

⁴ Canada signals new era for Arctic Council, *The Globe and Mail. Politics*. 15.05.2013. URL: <https://www.theglobeandmail.com/news/politics/canada-signals-new-era-for-arctic-council/article11951388/>.

⁵ Speech by High Representative/Vice-President Josep Borrell at the Arctic Frontiers conference: Arctic. 2 февраля 2021 г., *European External Action Service*. URL: https://eeas.europa.eu/arctic-policy/eu-arctic-policy/92475/arctic-speech-high-representativevice-president-josep-borrell-arctic-frontiers-conference_en.

- загрязнение окружающей среды в Арктике имеет негативное влияние на жизнь европейцев и автохтонных народов, проживающих на территории ЕС;
- ЕС берет на себя ответственность за свои загрязнения в регионе (ЕС является одним из загрязнителей региона по количеству парниковых выбросов и черного углерода);
- за Полярным кругом живут народы, которые имеют культурные связи с финскими и шведскими коренными народами;
- ЕС обладает технологиями, в т.ч. для безопасной и устойчивой работы в климатических условиях Арктики, и поэтому способен смягчить негативные последствия загрязнения окружающей среды (Голдин, Паникар, Соколова, Тюрикова, 2017).

К числу *реальных интересов ЕС* в Арктике можно отнести как политические (наращение политического веса в глобальном мире, проявление «акторности», в т.ч. через влияние в Арктике), так и экономические (добыча различных ресурсов, в т.ч. рыбных, нефти и газа; развитие туризма; развитие транспортно-логистического комплекса Севморпути).

Политика ЕС в Арктике амбивалентна – с одной стороны, ЕС выражает беспокойство по поводу изменения климата и ухудшения экологической обстановки, с другой – намерен наращивать импорт энергоресурсов из региона (в т.ч. в рамках концепции энергетической безопасности и диверсификации поставщиков) (Данилов, 2017).

Итоги реализации первого периода Программы «Коларктик 2007–2013»

Фактическая реализация первого периода реализации Программы «Коларктик 2007–2013» началась в 2010 г. с продлением срока окончания проектов до 2015 г. Итоги реализации программы были подведены в 2017 г., в целом программа была признана успешной всеми сторонами¹.

Во-первых, все целевые количественные индикаторы проектов были выполнены, а в ряде случаев многократно перевыполнены (Кудряшова, Зарубина, 2019). Однако на основе представленных индикаторов Программы трудно оценить, была ли причина такой «эффективности» в том, что проекты действительно были чрезвычайно успешными или же в том, что установленные первоначально цели и показатели были заниженными. В любом случае, достижение целей и превышение показателей создало основу для положительного восприятия программы «Коларктик».

В отношении главной цели – снижения периферийности БЕАР – ЕС осознает, что «Коларктик» является лишь вспомогательным и относительно небольшим элементом с ограниченным ресурсом, который лишь отчасти способствует постепенному снижению «синдрома периферийности». Тем не менее, Программа способствовала привлечению финансовых и интеллектуальных ресурсов, что благоприятно сказалось на социо-экономическом развитии региона. Программа придала новый импульс развитию сотрудничества в БЕАР².

Согласно данным социологических опросов, наполнение проектов Программы соответствовало потребностям и ожиданиям жителей региона³. Ее актуальность представляется устойчивой по отношению к потребностям и задачам программных территорий и населения.

При этом проекты социально-культурной направленности привели к укреплению диалога между сторонами, включая уровень “*people 2 people*”. Некоторые исследователи полагают, что можно говорить о начале формирования т.н. «Баренц-идентичности» (Lagutina, 2019).

В то же время можно говорить об асимметричном характере реализации программы – в основном реализуются проекты регионального сотрудничества между Россией и Финляндией (Норвегия критично высказывалась по этому поводу). Ниже (таблица) представлены данные с указанием числа реализуемых проектов между регионами-участниками.

¹ The Kolarctic CBC Programm, *Kolarctic Cross Border Cooperation 2014-2020*, pp. 8–9. URL: <https://kolarctic.info/wp-content/uploads/2016/10/jop-approved-18122015-ec.pdf>.

² Ex-post Evaluation of 2007-2013 ENPI CBC Programmes, *European Commission*, III, pp. 159–160. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/ex_post_evaluation_of_2007-2013_enpi_cbc_programmes_report.pdf.

³ Ex-post Evaluation of 2007-2013 ENPI CBC Programmes, *European Commission*, I, pp. 20, III, pp. 270–287. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/ex_post_evaluation_of_2007-2013_enpi_cbc_programmes_report.pdf.

Число проектов «Коларктик 2007–2013» между регионами-участниками

Страны и регионы	Лапландия	Мурманск	Норботтен	Финнмарк	Тромс	Архангельск	Нурланд	НАО
Лапландия (Финляндия)	-	35	17	13	12	11	7	4
Мурманская область (Россия)		-	17	12	10	7	7	2
Норботтен (Швеция)			-	5	6	8	4	-
Финнмарк (Норвегия)				-	5	3	4	-
Тромс (Норвегия)					-	5	3	-
Архангельская область (РФ)						-	3	1
Нурланд (Норвегия)							-	
Ненецкий автономный округ (НАО) (Россия)								-

В заключение можно отметить, что основным акцентом реализации практически всех программ (46 из 51) стало образование и наука. Это нашло отражение в широком участии научно-исследовательских институтов и университетов в Программе.

По итогам работы ЕС выявил следующие проблемы, которые наиболее остро проявляются в БЕАР: практически отсутствие сотрудничества с МСП; нехватка высокообразованных сотрудников; недостаточно используемое природное и культурное наследие, трудности с коммуникациями и транспортом; периферийный статус региональной экономики; депопуляция; общие экологические проблемы¹.

Эти вопросы были рассмотрены и преобразованы в цели и приоритеты Программы – опыт, приобретенный в ходе реализации Программы «Коларктик 2007–2013» использовался впоследствии для запуска второго периода Программы «Коларктик 2014–2020».

«Коларктик 2014–2020»

Начало реализации второго периода программы было также отложено из-за того, что стороны долго не могли согласовать программу. Россия ратифицировала Соглашение о финансировании и реализации Программы в августе 2018 г.²; непосредственная реализация программы началась к концу 2018 г., итоги будут подведены в 2022 г.

¹ Ex-post Evaluation of 2007-2013 ENPI CBC Programmes, *European Commission*, I, pp. 2–5. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/ex_post_evaluation_of_2007-2013_enpi_cbc_programmes_report.pdf.

² Соглашение Россия-Коларктик (2016), *МИД РФ. Правовой департамент*, 29 дек. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/multilateral_contract/-/storage-viewer/multilateral/page-1/59038?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keyword

Основная цель программы не изменилась – это снижение периферийности северных территорий четырех стран – Норвегии, России, Швеции и Финляндии. В рамках программы реализуется три магистральных направления сотрудничества: экономическое, социальное и экологическое. При этом особое внимание уделяется принципу устойчивого развития.

Двумя приоритетными осями программы являются:

- 1) жизнеспособность арктической экономики, природы и окружающей среды;
- 2) свобода перемещения людей, товаров и знаний.

Проекты, реализуемые в рамках первой или второй оси должны соответствовать тематическим целям: развитие бизнеса, малых и средних предприятий; охрана окружающей среды, смягчение последствий изменения климата и адаптация к ним; повышение доступности регионов, развитие устойчивых, в т.ч. к климатическим воздействиям, сетей и систем транспорта и связи; содействие обустройству границ и управление ими, приграничной безопасности, мобильности и управлению миграцией.

На сегодняшний день реализуется 36 проектов: 28 проектов по направлению «жизнеспособность арктической экономики, природы и окружающей среды», остальные 8 – по второму направлению «свобода перемещения людей, товаров и знаний»¹.

При этом 11 проектов соответствуют тематической цели – «развитие бизнеса, малых и средних предприятий», 10 – «охрана окружающей среды, смягчение последствий изменения климата», 7 – «повышение доступности регионов, развитие устойчивых, в том числе к климатическим воздействиям, сетей и систем транспорта и связи», один – «содействие обустройству границ и управлению ими, приграничной безопасности, мобильности и управлению миграцией» (один проект может одновременно соответствовать нескольким тематическим целям). Таким образом, можно говорить о том, что акцент с образовательной компоненты сместился в пользу экологической.

Наибольшее программное финансирование (10 млн 305 тыс. евро) получил проект по реконструкции таможенного пункта Райа-Йоосеппи, задачей которого является организация бесперебойной работы пограничной службы и таможни (от России партнером выступает Минтранс)².

Из всех 29 проектов в четырех Россия участвует как ведущий партнер (инициатор). В этих проектах партнерами с российской стороны выступают: Всемирный фонд дикой природы, САФУ, Мурманскавтодор, Мурманский центр стандартизации, метрологии и испытаний.

К *предварительным итогам реализации «Коларктик 2014–2020»* можно отнести следующее:

Во-первых, социальные и политические последствия реализации Программы более ощутимы, чем экономические. Программа предоставляет возможность для диалога различным заинтересованным сторонам: организациям гражданского общества, местным и региональным властям, научным и бизнес-кругам. Во многом диалог в рамках «Коларктик 2014–2020» основан на уже существующих работающих сетях, которые появились в рамках первой Программы.

Одним из основных достижений Программы считается создание атмосферы сотрудничества и диалога. Так, например, между пограничными ведомствами Финляндии и России проводятся регулярные рабочие встречи.

Укрепление доверия также оказало положительное влияние на процессы управления внутри Программы. Например, в начале программы российские партнеры не соглашались вносить авансовые платежи из российских фондов. Теперь авансовые платежи допустимы, в то время как российские партнеры уже не всегда используют эту возможность.

Безусловно, Программа предложила благоприятную основу для содействия социально-экономическому развитию приграничных территорий. Многие страны-участницы начали приграничное сотрудничество еще до ЕИСП. Однако до этого финансирование со стороны ЕС было более скромным (проекты финансировались двумя разными инструментами: Интеррег для стран-членов ЕС и ТАСИС – для стран-партнеров). Запуск ЕИСП в 2006 г. создал единый политический инструмент, объединяющий ресурсы Европейского фонда регионального развития и ЕИСП.

Наличие общей платформы ЕИСП подразумевает совместное управление, которое значительно упростило администрирование программ приграничного сотрудничества. На уровне проектов это сделало партнерство более реальным и устойчивым за счет разработки и реализации общих меропри-

s=Коларктик&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1.

¹ Projects, *Kolarctic Cross Border Cooperation 2014-2020*. URL: <https://kolarctic.info/our-projects/>.

² Raja-Jooseppi BCP development and reconstruction; traffic arrangements, buildings and technology, *Kolarctic Cross Border Cooperation 2014-2020*. URL: <https://kolarctic.info/our-projects/>.

ятий посредством единого контракта с участием партнеров по обе стороны границы с единым заказчиком. Новый инструмент (ЕИСП) был основан на общей стратегии, связанной с целями Европейской политики соседства, которая дала странам-участницам более четкую основу для согласования целей и приоритетов их сотрудничества с учетом конкретных потребностей их приграничных территорий.

В отличие от двусторонних и региональных программ ЕИСП, где руководящая роль Европейской комиссии более выражена, программы приграничного сотрудничества ЕИСП предоставляют странам-участницам инициативу по определению и реализации целей и приоритетов сотрудничества. Программы сыграли важную роль в развитии институционального потенциала, повышении ответственности и укреплении связей между национальными и региональными администрациями участвующих стран.

Хотя в Программе и участвуют регионы четырех стран, основная плотность сотрудничества скапливается вокруг российско-финского взаимодействия.

Как уже было отмечено, если сравнивать программы первого и второго этапа реализации, то можно говорить о смещении акцентов. На первом этапе акцент делался на вопросах образования, науки и исследований, на втором этапе произошла переориентация и «Коларктик 2014–2020» сместил акценты в пользу устойчивого развития и экологии. Можно предположить, что внимание к экологической проблематике будет только усиливаться в рамках реализации «Коларктик», что является магистральной тенденцией политик Европейского союза.

Режим ограничительных мер

Европейский союз ввел первые односторонние ограничительные меры в отношении России в 2014 г. – когда уже шел первый период реализации программы «Коларктик 2007–2013». Тогда существовал значительный риск того, что все программы приграничного сотрудничества с участием России будут приостановлены¹. Однако после обсуждений между высокопоставленными официальными лицами в Хельсинки и в Москве именно финны, при молчаливой поддержке россиян, взяли на себя ведущую роль в выступлениях в Брюсселе с целью предотвращения приостановления программы «Коларктик» и «Россия – Юго-Восточная Финляндия». Финское руководство настаивало на долгосрочной важности конструктивных отношений с Россией².

В отчете ЕС (2018 г.) по предварительным итогам реализации «Коларктик 2014–2020» сказано: «Сотрудничество с Российской Федерацией остается важной чертой приграничного сотрудничества, несмотря на текущие проблемы в отношениях между ЕС и Россией. В рамках дипломатических мер, принятых ЕС в ответ на незаконную аннексию Крымского полуострова и действия России по дестабилизации восточной Украины, Европейский совет принял решение сохранить проекты, касающиеся *исключительно* приграничного сотрудничества и гражданского общества»³. В этом же отчете постулируется: «Важной особенностью приграничного сотрудничества остается сотрудничество с Российской Федерацией».

Такая позиция полностью соответствует «пяти принципам», которые ЕС утвердил в отношении России в марте 2016 г.: (1) выполнение Минских соглашений как ключевое условие любого существенного изменения позиции ЕС по отношению к России; (2) укрепление отношений с восточными партнерами ЕС и другими соседями, включая Центральную Азию; (3) усиление устойчивости (resilience) ЕС (энергетическая безопасность, гибридные угрозы); (4) *выборочное взаимодействие с Россией по вопросам, представляющим интерес для ЕС*; (5) *необходимость налаживания контактов между людьми и поддержки российского гражданского общества*⁴.

¹ Лидеры ЕС поручили ЕК приостановить ряд программ сотрудничества с РФ (2014), *РИА Новости*, 17 июля. URL: <https://ria.ru/20140717/1016288418.html>, Ex-post Evaluation of 2007-2013 ENPI CBC Programmes, *European Commission*, II, p. 66. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/ex_post_evaluation_of_2007-2013_enpi_cbc_programmes_report.pdf Т. 2. С. 66.

² Финляндия: Приграничное сотрудничество не будет остановлено из-за санкций ЕС против России (2014), *Иносми*, 19 июля. URL: <https://inosmi.ru/world/20140719/221771791.html>.

³ European Neighbourhood Instrument Cross-Border Cooperation Programme 2014-2020. Mid-term review (2017), *European Commission*. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/180611_eni_cbc_-_mid-term_review.pdf.

⁴ Remarks by High Representative/Vice-President Federica Mogherini at the press conference following the Foreign Affairs Council (2016), *European External Action Service*, 14 март. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/5490/remarks-by-high-representative-vice-president-federica-mogherini-at-the-press-conference-following-the-foreign-affairs-council_en.

Приграничное сотрудничество является одним из немногих направлений, где диалог РФ с ЕС реально работает. В текущий момент приграничное сотрудничество является каналом для сотрудничества между сообществами по обе стороны границы, а также закладывает основы для более глубокого регионального сотрудничества в будущем.

Помимо этого политического взаимодействия на высоком уровне, Программа приграничного сотрудничества является одной из немногих областей, в которых продолжают практические операции на рабочем уровне между Россией и ЕС.

Эти практические связи могут также способствовать политическим и дипломатическим усилиям на более высоком уровне. Опыт реализации этих проектов может быть использован впоследствии в качестве платформы для сотрудничества и диалога в других областях. Однако это возможно только в том случае, если базовая политическая среда будет благоприятной, что на сегодняшний день выглядит очень маловероятно. Ключевым моментом в санкционном режиме ЕС остаются упомянутые выше «пять принципов». При этом, главным пунктом является первый – выполнение Минских соглашений. Важно отметить, что несмотря на ЕСовскую риторику об «аннексии Крыма», вопрос территориальной принадлежности Крыма не является строго принципиальным для руководства ЕС (такую позицию высказывали чиновники Европейской службы внешних связей ЕС при личной беседе с автором).

Сегодня программа «Коларктик» остается за пределами европейских ограничительных мер. И дело не только в том, что реализуемые проекты носят деполитизированный характер, когда основная тематика проектов – инфраструктура и экология. По своей природе санкции ЕС направлены против лиц и компаний, которые, по мнению руководства ЕС, причастны к конфликту на Востоке Украины. В программе «Коларктик» от России участвуют НПО, университеты, гражданское общество. Конечными бенефициарами реализуемых проектов являются непосредственно жители БЕАР, основной формат программы – это *“people to people”*. Поэтому можно говорить о том, что введение санкций не укладывается в санкционную риторику ЕС.

Для ЕС программа «Коларктик» важна с точки зрения продвижения своих интересов, в особенности в Арктике. Через программы приграничного сотрудничества, в т.ч. через «Коларктик» ЕС утверждается как «покровитель» региона, проецируя при этом свою нормативную силу через введение экологических норм и стандартов. При этом, Программа является одним из инструментов ЕС «приблизиться к Арктике».

Как уже отмечалось, особое внимание при реализации проектов ЕС уделяет экологии и устойчивому развитию, что укладывается в логику позиционирования ЕС как глобального экологического лидера. «Зелёная» повестка ЕС встраивается в общий политико-идеологический дискурс и становится частью нормативной силы Союза. Экологическое лидерство укрепляет роль ЕС как глобального лидера. В ближайшем будущем это может позволить ЕС проводить экологически обоснованную политику за пределами ЕС (Romanova, 2010).

Экологическая доминанта во многом определяет позицию ЕС по защите своих интересов в Арктике. Так, например, ЕС призвал Международную морскую организацию запретить использование тяжелого горючего топлива для арктических судов, мотивируя это угрозой для окружающей среды¹. В случае несогласия со своим требованием ЕС пригрозил запретить всем иностранным судам, использующим подобное топливо, заходить в свои порты. Очевидно, что подобный пример является не просто заботой ЕС об экологии, но прямым проявлением нормативной экологической силы. ЕС намерен распространить свои нормы и стандарты на весь арктический регион в различных сферах – мореплавания и судоходства, навигации, рыболовства и т.п. Тем самым, использовать свои конкурентные преимущества в борьбе за право управления Арктикой и добычей природных ресурсов.

Выводы

Программа приграничного сотрудничества «Коларктик» – в первую очередь, инструмент добрососедства, ресурс социально-экономического развития БЕАР, который стимулирует экономический рост в регионе; это финансовый инструмент, позволяющий развиваться местным и региональным инициативам приграничных территорий восьми регионов четырех стран. При этом основными бенефициарами являются жители региона.

¹ Protect the Arctic from emerging risks, urge MEPs (2017), News European Parliament. 21 янв. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20170130IPR60273/protect-the-arctic-from-emerging-risks-urge-meps>.

Приграничное сотрудничество является одним из важнейших направлений европейской политики соседства. Через программы ЕПС и ЕИСП Европейский союз реализует свой интерес в создании благоприятной буферной зоны и минимизации угроз безопасности. При этом ЕПС и ЕИСП являются зонтичными программами, в то время как для каждой программы приграничного сотрудничества существуют отдельные приоритеты и стратегии. Так, приоритетными направлениями на северном направлении ЕС зафиксированы борьба с изменениями климата, устойчивое развитие и международное сотрудничество.

«Коларктик» – пример успешного прагматического сотрудничества. Преимуществом программы является то, что стороны понимают цели своего сотрудничества, при этом ни один из участников вне ЕС не ставит своей целью членство в ЕС, пусть даже в отдаленной перспективе (как это происходит, например, в программах ЕПС «Восточное партнерство» или Центральноазиатская стратегия).

В текущих условиях охлаждения отношений между Россией и ЕС, когда реализация большинства программ партнерства и сотрудничества заморожена, приграничное сотрудничество остается реально работающим механизмом и площадкой для диалога, потенциальным инструментом восстановления взаимного доверия и сотрудничества между Россией и ЕС. Это межрегиональное взаимодействие работает даже в условиях сложной политико-психологической ситуации в Европе. При анализе возможных рисков (санкционных или приостановления программы) со стороны ЕС, необходимо принимать во внимание более широкий контекст, в частности, лидерские амбиции ЕС, которые распространяются и на Арктический регион, а также санкционную риторику.

Программы приграничного сотрудничества реализуются внутри ЕС и за пределами внешних границ ЕС через работу над общими проблемами, выходящими за пределы приграничных регионов одной страны. ЕС неоднократно подчеркивает, что изменение климата и ухудшение экологической обстановки в Арктике затрагивает непосредственно интересы самого ЕС и его граждан (в т.ч. ЕС научно обосновывает этот тезис через проведение соответствующих исследований, мониторинга и скрининга).

ЕС уже доказал свою состоятельность как экологического лидера в глобальном масштабе. В то же время ЕС стремится к укреплению своих политических позиций в мире как глобального актора, а не просто к созданию наиболее конкурентной экономики.

ЕС не только утверждает себя в качестве флагмана международной климатической политики, но и делает экологию одним из важнейших принципов, в частности, в отношениях с третьими странами. Экологические нормы и стандарты становятся частью нормативной силы ЕС.

ЕС предлагает свою кандидатуру в качестве эксперта по проведению арктических исследований (и активно проводит масштабные научные исследования), развитию энергосберегающих технологий и бережному использованию ресурсов Арктики. Наука служит инструментом участия в управлении и развитии Арктики. При этом ЕС ограничен в своих ресурсах влияния в Арктике, но стремится продвигать свои интересы через нормативную силу - создание и продвижение своих норм, в частности, экологических. Одной из главнейших задач ЕС является получение статуса наблюдателя при АС.

Для ЕС программа «Коларктик» – один из немногих инструментов реализации своей политики в Арктическом регионе, через который Союз намерен поддержать свои арктические амбиции. Другими словами, программа будет осуществляться до тех пор, пока будет отвечать в первую очередь геополитическим интересам Брюсселя.

Список литературы / References

- Вылегжанин, А. Н. (2021) *Арктический совет: статус и деятельность*. Доклад №67/2021. Москва: НП РСМД. [Vylegzhanin, A. N. (2021) *Arctic Council: status and activity* [Arkticheskij Sovet: status i deyatelnost']. Moskva: RSMD (In Russ.)].
- Голдин, В. И., Паникар, М. М., Соколова, Ф. Х., Тюрикова, И. И. (2017) *Международные отношения в Арктике: место и роль Европейского Союза*. Учебное пособие. Архангельск: САФУ. [Goldin, V. I. & Panikar, M. M. & Sokolova, F.H. & Tyurikova, I. I. (2017) *International Relations in the Arctic: the Place and role of the European Union* [Mezhdunardondie otosheniia v Arktike: mesto i rol' Evropeiiskogo Soyuz]. Arkhangel'sk: SAFU (In Russ.)].
- Данилов, Д. А. (2017) 'Арктическая политика Европейского союза: основы и эволюция'. *Обозреватель*, 11, сс. 16–32. [Danilov, D. A. (2017) 'European Union Arctic Policy: foundations and evolution' [Arkticheskaja politika Evropejskogo sojuza: osnovy i evolutsiya], *Observer*, 11, pp.16–32. (In Russ.)].

- Еремина, Н. В. (2019) 'Арктическая политика Европейского союза: задачи и проблемы'. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, 4, сс. 30–39. [Eremina, N. V. (2019) 'European Union Arctic Policy: tasks and problems' [Arkticheskaja politika Evropejskogo sojuza: zadachi i problemy], *Ojkuмена.Regional researchers*, 4, pp. 30–39. (In Russ.)].
- Зонова, Т. В. (1999) 'От Европы государств к Европе регионов?', *Полис*, 5, сс. 155–164. [Zonova, T. V. (1999) 'From Europe of States to Europe of Regions?' [Ot Evropу gosudarstv k Evrope evroregionov?], *Polis*, 5, pp. 155–164. (In Russ.)].
- Кудряшова, Е., Зарубина, Л. (2019) 'Программы приграничного сотрудничества как ресурс социально-экономического развития Баренцева региона', *Современная Европа*, 4, сс. 85–96. [Kudryashova, E. & Zarubina, L. (2019) Cross-border Cooperation programs as a resource for socio-economic development of the Barents Region [Programmy prigranichnogo sotrudnichestva kak resurs social'no-ekonomicheskogo razvitiya Barenceva regiona'], *Contemporary Europe - Sovremennaya Evropa*, 4., pp. 85–96. (In Russ.)].
- Харламповева, Н. К., Лагутина, М. Л. (2011) 'Транснациональная модель арктического управления в XXI веке'. *Арктика и Север*, 3, сс. 64–83. [Kharlampyeva, N. K., Lagutina, M. L. (2011) 'Transnational Model of the Arctic Management in the XXI century' [Transnatsionalnaya model' arkticheskogo upravleniya v 21 veke], *Arktika i Sever*, 3, pp. 64–83. (In Russ.)].
- Lagutina, L. (2019) *Identity construction in the Barents Euro-Arctic region – cultural cooperation as an instrument*. Master's thesis. Tampere.
- Liborius, S., Maika, R., Bertelsen, R. J., Vyakhireva, N., Skak, M. (2020) 'Russia and Denmark: Issues of Interaction in the Arctic and the Baltic Sea region'. Report No. 54/2020 *The Russian International Affairs Council* (RIAC). Moscow: NP RIAC.
- Romanova, T. (2010) 'What is Political Ecology?', *Russia in Global Affairs*, 4.
- Sebentsov, A. B. (2020) 'Cross-border cooperation on the EU-Russian borders: results of the program approach', *Geography, environment, sustainability*, 13 (1), pp. 74–83.
- Sebentsov, A. B. (2018) 'Institutional dimension of cross-border cooperation on Russian borders', *Regional Studies*, 3(66), pp. 66–75.
- Scott, J. W. (2015) 'Bordering, Border Politics and Cross-Border Cooperation in Europe' in: Celata F., Coletti, R. (eds.) *Neighbourhood Policy and the Construction of the European External Borders*. Cham: Springer, pp. 27–36. DOI: 10.1007/978-3-319-18452-4_2.

Статья поступила в редакцию: 24.03.2021

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 25.04.2021

Статья принята к печати: 30.04.2021

RUSSIA-EU COOPERATION IN THE CONTEXT OF THE SANCTIONS REGIME (ON THE EXAMPLE OF THE KOLARCTIC 2014–2020 PROGRAM)

E. A. Maslova

E. A. Maslova, Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Department of Integration Studies and Senior Researcher,

MGIMO University, Russian Federation, Moscow;

Senior Researcher,

The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: e.maslova@inno.mgimo.ru (ORCID: 0000-0002-2493-3900. Researcher ID: J-3216-2013).

Abstract

The article analyses the cross-border cooperation between the Northern Calotte states (Finland, Norway, Sweden) and the North-West of Russia within the framework of the Kolarctic program. Nowadays, in the context of the sanctions and counter-sanctions between Russia and the EU, cross-border cooperation is one of the few channels for dialogue between them. The paper analyses the EU Kolarctic program regarding the macro-political context of the EU policy and its environmental, Arctic and border dimensions in particular. The author reveals that the EU has neither Arctic territories nor sufficient tools for political influence in the Arctic region, however, its interest in the region is continuously growing. The EU regards its participation in the Arctic agenda primarily in the context of obtaining observer status in the Arctic Council. European Union expresses concern about climate change and environmental degradation, while seeking to increase imports of energy from the region. The author comes to the conclusion that in addition to the task of reducing the periphery of territories, the EU also pursues the political goals through the program. For instance, strengthening the political presence of the EU in the Arctic region as well as to strengthening its role as a global leader on environmental issues.

Keywords: Cross-border cooperation; European Neighbourhood Policy; EU-Russia cooperation; Kolarctic; EU Arctic policy; EU environmental policy; Arctic.

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-2-59-70

ДИНАМИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УКРАИНЫ В ДИСКУССИИ ПО ВОПРОСУ ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

И. В. Жирун

Жирун Ирина Васильевна, аспирант Школы по политическим наукам, приглашенный преподаватель факультета мировой экономики и мировой политики, Департамент политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Москва. E-mail: iryna.zhyrun@gmail.com (ORCID: 0000-0002-6527-4665. ResearcherID: G-1700-2018).

Аннотация

Данная работа анализирует оспариваемые значения идентичности в конкурирующих проектах национальной идентичности на примере дискуссии о евроатлантической интеграции среди политических элит Украины в 2008 и 2018 гг. Автор выделяет три проекта идентичности, основанных на разном понимании внешнеполитического курса евроатлантической интеграции. Самое значимое изменение проекта идентичности состоит в доминирующей позиции про-евроатлантического дискурса, который оспаривался в 2008 противниками вступления в НАТО. Тем не менее, после трансформации политического контекста Украины в 2014 г. некоторые представители элит продолжают артикулировать проект национальной идентичности, в котором Украина конструируется как внеблоковое государство. В обоих периодах среди элит существует консенсус относительно репрезентации Украины как европейской и демократической страны. Несмотря на внутри- и внешнеполитические изменения, в течение десятилетия устойчивы дискурсивные репрезентации Украины как жертвы и колониальной страны. В одном из проектов идентичности агрессором и колонизатором выступает Россия, в другом – США. Динамика национальной идентичности отражается в следующих изменениях: «расширение» репрезентации идентичности на бóльшую аудиторию, «сдвиг» репрезентации в другую категорию внутри одного дискурса, а также «заимствование» и адаптация репрезентаций конкурирующими дискурсами идентичности.

Ключевые слова: дискурс-анализ; евроатлантическая интеграция; национальная идентичность; парадоксальный подход, качественные методы, Украина.

В постсоветский период Украина столкнулась с трудным выбором между европейским и российским векторами развития. Мультикультурное общество и разный исторический опыт регионов оказались труднопреодолимым препятствием, как для единства страны (Korostelina, 2014; Kulyk, 2016; Pop-Eleches & Robertson, 2018; Zhurzenko, 2014), так и для решений, связанных с внешнеполитическим выбором (White *et al.*, 2010; White & Feklyunina, 2014). Исследователи отмечали наличие взаимоисключающих нарративов, свойственных Украине накануне 2014 г. (Korostelina, 2014; Zhurzhenko, 2014). События Евромайдана повлекли переосмысление национальной идентичности, что особенно заметно по изменению отношения к языковым практикам (Kulyk, 2017), украинской этнической и гражданской идентичности (Kulyk, 2016). В то же время изменения идентичности в отношении внешнеполитического курса исследовались в меньшей степени.

События Оранжевой революции в 2004 г. и Евромайдана в 2013–2014 гг. были истолкованы некоторыми исследователями как приверженность Украины европейскому выбору (Pop-Eleches & Robertson, 2018; Kulyk, 2016). Европейский выбор подразумевает членство во многих европейских структурах: в ОБСЕ, Совете Европы и в НАТО. В предыдущих исследованиях тема НАТО рассматривалась как дополнение к евроинтеграционному процессу Украины (White & Feklyunina, 2014). Однако Европейский союз (ЕС) и НАТО являются независимыми друг от друга организациями с различными интеграционными целями, поэтому исследование конструирования национальной идентичности в отношениях с НАТО заслуживает отдельного внимания. Тем более, что в период после собы-

тий 2014 г., в силу новых вызовов безопасности, возросла значимость сотрудничества между НАТО и Украиной.

Для украинского общества интеграция в Европейский союз является менее дискуссионным вопросом, чем евроатлантическая интеграция. Во времена Советского Союза НАТО выступало в роли символического Другого, однако после обретения независимости среди элит не было единого мнения, кто является Другим (Kuzio, 2001) – Россия или Запад. Предпочтения внешнеполитического курса радикально отличались среди элит и населения регионов страны (White *et al.*, 2010; White & Feklyunina, 2014). Традиционно, западные области поддерживали евроатлантический вектор, тогда как южные и восточные регионы выступали против членства в блоке. Правые силы конструировали идентичность Украины как страны, которая должна придерживаться европейского внешнеполитического курса, тогда как левые настаивали на создании двуязычной, би-культурной и федеративной Украины, близкой к России и Белоруссии (Prizel, 1998). Изменение внешне и внутривнутриполитического контекста после 2014 г. подталкивает к исследованию динамики изменений в отношении к членству в Альянсе и роли национальной идентичности в этом процессе.

Исследователи давно обратили внимание на взаимосвязь внутренней и внешней политики Украины (Prizel, 1998; Molchanov, 2002; Shulman, 2002). Сразу после обретения независимости, в украинском обществе выявилось наличие взаимоисключающих видений будущего, которые касались определения значения украинского государства и идентичности (Prizel, 1998: 367). Внешняя политика выступает инструментом конструирования национальной идентичности, которая может влиять на изменение «содержания» (смыслов) национальной идентичности и на степень сплоченности национального общества (Shulman, 2002). То, каким образом субъекты и объекты сконструированы в дискурсе, позволяет понять, почему те или иные политические действия стали возможны (Doty, 1993). В случае Украины, дискуссия о внешней политике во многом происходит из-за конфликтующих проектов национальной идентичности, которые оспаривают ее «содержание» (Shulman, 2002). Исследователи подчеркивают роль президента Украины в смене внешнеполитического курса (Prizel, 1998), а также отсутствие единогласия среди политических партий (Prizel, 1998; Melnykovska *et al.*, 2011), которые также являются важными акторами в конструировании идентичности. Сразу после обретения независимости политические элиты предприняли попытку сконструировать идентичность Украины как центрально-европейской страны, что могло бы стать залогом успешной интеграции с Европой (Burant, 1995; Prizel, 1998). Однако направление внешней политики по европейским интеграционным процессам не соответствовало представлениям населения об Украине: в 1995 г. только 5% населения Украины считало себя европейцами (Prizel, 1998: 375). Конструирование России как Другого усугубило региональные различия и закрепило регионализм партий, превратив внешнюю политику в выбор между Россией и Европой (Prizel, 1998: 373). Более поздние исследования указывают на роль ценностей и норм – элитами было заявлено, что украинская идентичность основывается на европейских ценностях, которые предопределили выбор «европейского будущего» (Shyrokykh, 2018).

Данная работа анализирует динамику национальной идентичности, используя качественные методы исследования. Она показывает, каким образом смыслы национальной идентичности оспариваются в дискурсе элит, как некоторые репрезентации национальной идентичности воспроизводятся конкурирующими проектами идентичности, обеспечивая их продолжение во времени.

Методология и методы исследования

Идентичность «производится, воспроизводится, трансформируется и деконструируется» (De Cella *et al.*, 1999: 153) дискурсивно. В данном исследовании национальная идентичность понимается как система дискурсивных репрезентаций. Понятие «репрезентации идентичности» используется вместо «идентичности» для того, чтобы подчеркнуть изменчивость и непостоянство идентичности (Klotz & Lynch, 2007: 13). Репрезентации – это «вымысел, который основывается на языке, но не является нейтральным» означаемым (Dunn, 2008: 80). Они ведут к политическим последствиям, так как позволяют акторам «знать» объект. Некоторые из репрезентаций склонны к изменению, иные неизменны во времени. Понимание идентичности как системы репрезентаций помогает операционализировать изменчивость идентичности и оспаривание смыслов.

Идентичности свойственна парадоксальность: изменение и непрерывность, оспаривание и консенсус конструируемых смыслов (Rumelili & Todd, 2018). Анализ идентичности сквозь призму данных парадоксов служит цели выявления динамики идентичности. Национальные идентичности конструируются разными акторами. Таким образом, одновременно существует множество репрезен-

таций идентичности, смыслы которых конкурируют между собой. Следовательно, национальная идентичность является предметом борьбы за доминирование и гомогенизацию смыслов.

Критерием для определения проекта национальной идентичности и репрезентаций, которые его составляют, служит позиция по внешнеполитическому курсу. В нашем случае, на основе отношения к политике евроатлантической интеграции Украины в дискурсивных высказываниях были выявлены три проекта национальной идентичности. Они были условно обозначены, как конкурирующие дискурсы *за-НАТО*, *против НАТО*, и *средняя позиция*, в которых конструируются разные проекты идентичности. Средняя позиция исключает вопрос НАТО из повестки дня, считая приоритетными не внешнеполитическое направление, а вопросы национального характера. На основе репрезентаций идентичности, которые воспроизводились в дискурсах элит, построена модель национальной идентичности (рис. 1). Репрезентации идентичности в каждом дискурсе относятся к четырем категориям: сотрудничество с НАТО, евроатлантическая интеграция, международная и национальная сферы.

Конститутивная роль дискурсов в производстве идентичностей подчеркивается в рамках дискурсивной традиции (Diez, 1999). Дискурсивные подходы представляют широкие возможности для анализа изменения идентичности (Жирун, 2019). Они позволяют охватить многообразие репрезентаций и выявить конкурирующие проекты национальной идентичности.

Рис. 1. Модель национальной идентичности Украины в дискурсе о евроатлантической интеграции

Данное исследование использует анализ предиката как основной метод дискурс-анализа (Miliken, 1999). Этот метод подразумевает анализ частей речи, которые относятся к объекту исследования – существительному или имени собственному. В данном исследовании кодировались части текста, относящиеся к словосочетаниям с «держава, країна, Україна, громада» и словосочетания с прилагательным «украинский». Местоимения служат для выводов по концептуализации групповой идентичности, как для «своих», так и для «чужих» (Chilton & Schäffner, 2002: 30). Так как национальная идентичность является коллективной, наше исследование включает в анализ предикаты, которые относятся к местоимениям «мы, нас, наши».

В целях сравнительного анализа изменений национальной идентичности и выявления ее динамики, данная работа берет за основу аналитическую рамку парадоксального подхода (Rumelili & Todd, 2018). Следовательно, мы фокусируемся на анализе репрезентаций идентичности, которые оспариваются акторами или же являются предметом консенсуса. Также анализируется изменения и непрерывность репрезентаций национальной идентичности в дискурсах элит в 2008 и 2018 гг., когда евроатлантическая интеграция была общественно значимым и спорным вопросом. Политика евроатлантической интеграции Украины с 2008 по 2018 гг. отмечалась своей непоследовательностью, но в выбранных временных отрезках официальная политика была направлена на евроатлантическую интеграцию. На протяжении 2018 г. конституционные изменения, направленные на закрепление внешнеполитического курса в НАТО, были предметом дискуссий среди политических элит и в Верховной Раде. В 2019 г. поправки в конституцию были приняты и вошли в силу. Преамбула конституции Украины дополнилась фразой «необратимости евроатлантической интеграции». Следовательно, начиная с 2019 г., все высказывания против членства в НАТО могут восприниматься как антиконституционные и наказуемые. Так как исследование построено на компаративном анализе проектов национальной идентичности, основанных на выборе внешнеполитического курса, изменения в законодательстве вынуждают ограничить временные рамки 2018 г., когда открытая дискуссия по данному вопросу была возможна.

Эмпирический материал собран из официальных интернет-сайтов государственных институтов Украины и НАТО. Ключевые слова для поиска включали в себя слова «НАТО» и «евроатлантический» на украиноязычных сайтах, и «Ukraine» – на англоязычном сайте НАТО. Материал анализа

состоит из 59 документов за 2008 г. и 39 документов за 2018 г. Включены все доступные материалы с 1 января по 31 декабря каждого года. Тексты были собраны с официальных сайтов институтов, которые играют ключевую роль в обсуждении и внедрении политики евроатлантической интеграции: Администрация Президента Украины (1 в 2008 и 10 в 2018), Комиссия НАТО-Украины (5 и 3, соответственно), НАТО (8 и 1), Верховная Рада Украины (41 и 24). Отправной точкой для сбора эмпирического материала были события, касающиеся отношений между Украиной и НАТО. Официальные ресурсы не содержали данных по некоторым из них. Когда тексты выступлений отсутствовали, автор обращался к медиа-источникам для поиска дополнительной информации. Таким образом, материалы 2008 г. были дополнены 4 источниками из СМИ. Среди них интервью с министром иностранных дел П. Порошенко, речь Президента В. Ющенко на ланче Атлантического Совета и на пресс-конференции, а также выступление на пресс-конференции представителей Вооруженных Сил Украины и Министра Обороны Украины. При этом анализировалась только прямая речь представителей украинских элит.

Дискуссия о евроатлантической интеграции: акторы и позиции

В период с 2008 по 2018 гг. официальная внешняя политика по отношению к евроатлантической интеграции претерпела кардинальные изменения. В 2008 г. интеграция в НАТО являлась приоритетом для правительства Ющенко, но с приходом к власти Януковича Украину провозгласили нейтральным государством. После 2014 г. политику нейтральности отменили, а в 2018 г. Верховная Рада поддержала изменения в Конституцию Украины и закрепила стремление к евроатлантической интеграции в основном законе. Анализ выделяет конкурирующие проекты идентичности среди элит (см. табл. 1), которые соответствуют критерию отношения ко внешнеполитическому курсу евроатлантической интеграции: за-НАТО, против-НАТО и среднюю позицию¹, с определением приоритета национальной, а не внешней политики. К элитам относятся представители власти и оппозиции, которые имеют легитимность и оказывают влияние на принятие решений – это представители парламента, комитетов, и т.д.

Данная работа фокусирует внимание на динамике идентичности – её изменении/неизменности, непрерывности и оспариваемости репрезентаций. Следовательно, из множества эмпирически выявленных репрезентаций в каждом из проектов идентичности сравниваются те репрезентации, которые оспариваются конкурирующими дискурсами, изменяются или не изменяются с 2008 по 2018 г. Таблица 1 отображает динамику конкурирующих проектов идентичности, сравнивая наполнение (смыслы) репрезентаций национальной идентичности.

Таблица 1

Избранные репрезентации в конкурирующих проектах национальной идентичности в 2008 и 2018 гг.

Дискурс за НАТО		Дискурс против НАТО		Дискурс средней позиции	
2008	2018	2008	2018	2008	2018
Кооперация с НАТО	Кооперация с НАТО	Кооперация абсурдна	-	Кооперация с НАТО	Кооперация с НАТО
Член НАТО в будущем	Член НАТО в будущем	Членство невозможно	Нейтральность	Внеблоковая / нейтральная	Член НАТО в будущем
Решение о членстве: НАТО	Решение о членстве: Украина	Решение о членстве: народ Украины	-	Решение о членстве: НАТО	-
НАТО и Украина сообщество	НАТО и Украина сообщество	Украина как ресурс	-	-	-
Прогрессивная страна	Прогресс не достаточен	Членство, как регресс	-	Развита, но в плачевном состоянии	-

¹ В данной работе «позиция», «дискурс» и «проект идентичности» используются синонимично, согласно нашему определению идентичности как дискурсивного конструкта.

Окончание табл. 1

Дискурс за НАТО		Дискурс против НАТО		Дискурс средней позиции	
2008	2018	2008	2018	2008	2018
Борющаяся с трудностями страна	Борющаяся с трудностями страна	-	-	-	-
Демократическая страна	Демократическая страна	-	-	Стремится к демократии	-
Разделенное общество	Объединенное общество	Разделенное общество	-	Разделенное общество	-
Международный актор	Международный актор	Участник в международных конфликтах	-	Участие в международных организациях	Недостаточно международных связей
Член европейской системы безопасности	Член европейской системы безопасности	Основатель европейской системы безопасности	-	-	-
Украина - Европа	Украина - Европа	-	Европейская страна	-	-
Зависимая страна	Зависимая страна	-	-	Зависимая страна	Зависимая страна
Жертва исторических событий	Жертва агрессии	Жертва	-	-	-
-	Украина пост-колониальная	Оккупированная страна	-	Необходим «хозяин»	-

В Верховной Раде Украины проправительственные партии выступали с поддержкой политики евроатлантической интеграции в обоих периодах. Разная внешнеполитическая ориентация партий была отмечена исследователями и до 2008 г. (Nikulin & Selyutina, 2007). Украинские исследователи Никулин и Селютина отмечают, что отношения с Россией и НАТО являлись самыми важными темами во внешнеполитической сфере. В 2008 г. сторонниками интеграции в НАТО являлись блок «Наша Украина – Народная самооборона» и «Блок Юлии Тимошенко». В 2018 г. проинтеграционную политику поддерживали «Европейская Солидарность», фракция «Национальный Фронт», партия «Самопомощь», «Батькивщина», «Радикальная партия». Против интеграции в НАТО выступали «Коммунистическая партия Украины» и члены «Партии Регионов», которые настаивали на внеблоковом нейтральном статусе. Для представителей данной позиции внешняя политика не являлась приоритетом. Они считали необходимым сосредоточить усилия на решении внутренних проблем, поэтому поддерживали политику нейтралитета, признанного на международном уровне. Это была немногочисленная группа, к которой принадлежали члены «Партии Литвина» и представители некоторых других партий.

После событий Украинского кризиса 2014 г. сотрудничество с НАТО вышло на новый уровень, также официально возобновилась политика евроатлантической интеграции. За это время проекты национальной идентичности претерпели существенные изменения. Однако несмотря на приверженность евроатлантической интеграции официального Киева в 2018 г, необходимость интеграции в НАТО оспаривается ее противниками. Оспаривание выражается в присутствии проекта идентичности «средней позиции». Радикальное неприятие членства в НАТО как проекта идентичности практически отсутствует. В 2014 г. «Коммунистическая партия» была запрещена. Некоторые бывшие члены «Партии Регионов» сохранили свои депутатские мандаты в рамках партии «Оппозиционный блок» и некоторых других партий. Преобразование партий после 2014 г. в некоторой степени объясняет трансформацию дискурса об интеграции, так как из политического поля были исключены ее самые ярые противники.

Консенсус и оспаривание репрезентаций идентичности в 2008 г.

На Бухарестском саммите 2008 г. Украина впервые заявила о желании присоединиться к Плану Действий по Членству. Вопрос присоединения к НАТО являлся причиной разногласий среди политических элит. Это привело не только к политическому кризису, но и к артикуляции альтернативных проектов национальной идентичности и оспариванию репрезентаций Украины в отношениях с НАТО. Следующий этап анализа нашей работы представляет собой сравнение репрезентаций идентичности в аспектах их оспаривания и консенсуса в 2008 г.

Таблица 2

Оспаривание и консенсус репрезентаций Украины в 2008 г.

Оспаривание	Консенсус
Украина и НАТО: сообщество / ресурс	Украина: европейская страна
Член НАТО: необходимость/угроза	Украинское общество: разделенное, но демократическое

Одной из оспариваемых репрезентаций в проектах идентичности за-НАТО и против-НАТО является репрезентация отношений между НАТО и Украиной – являются они сообществом или же Украина служит для НАТО ресурсом. Дискурс за НАТО конструирует Украину как равную НАТО. У них общие цели и угрозы, они в равной степени разделяют бремя и ответственность за поддержание региональной безопасности, поэтому сотрудничество взаимовыгодно. В дискурсе против НАТО, наоборот, артикулируется репрезентация, в которой Украина служит чужим целям. Во-первых, Украина служит буфером НАТО против России. Во-вторых, она является ресурсом военного персонала для конфликтов за рубежом в качестве «пушечного мяса». В случае вступления в НАТО украинские солдаты «заменяют американских солдат в Ираке и Афганистане»¹, а на территории Украины разместят военные базы НАТО и системы противоракетной обороны.

Членство Украины в НАТО конструируется как необходимость в дискурсе за НАТО и как угроза в дискурсе ее противников. Необходимость евроатлантической интеграции обосновывается рядом причин. Например, членство в НАТО остановит рост социального неравенства, будет способствовать демократизации общества и обеспечит поддержку национальных реформ со стороны НАТО. Успех на национальном уровне может оказаться благоприятным для международной сферы: демократизация Украины выгодна Европе. НАТО также заинтересовано в членстве, так как это сделает «возможным обеспечение его идеалов на большей территории»². Кроме позитивного влияния на политическую и социальную сферы, евроатлантическая интеграция – это «геостратегический и цивилизационный выбор». Альтернативы евроатлантической интеграции не существует. НАТО конструируется как внешняя сила, которая имеет исключительно положительное влияние на Украину, а членство в НАТО – как благо.

Противники членства Украины в НАТО оспаривают всецело положительные репрезентации интеграции конструированием угрозы. Вовлечение Украины в любой блок будет иметь катастрофические последствия как для Украины, так и для Европы. Отсутствие национального консенсуса по этому вопросу порождает социальные разногласия, и политический кризис негативно отражается на динамике социального и экономического развития. Контраст создается и в международном измерении: Украина не защищена, а находится в опасности, сотрудничая с НАТО. Это вовлекает страну в конфликты за пределами её государственных границ. Поддержка интеграционной политики представляет угрозу для внутривнутриполитической ситуации.

Несмотря на оспаривание репрезентаций, некоторые аспекты идентичности являются предметом консенсуса: европейской идентичности Украины и разделенного, но демократического общества.

¹ Сесійний зал Верховної Ради України (2008) 'Засідання двадцять перше', *Официальный сайт Верховной Рады Украины* [Электронный ресурс]. URL: <https://portal.rada.gov.ua/meeting/stenogr/show/34.html> (дата обращения: 13.01.2020).

² Federal News Service Washington, D. C. (2008) Transcript, Ukrainian President Viktor Yushchenko, *Atlantic Council*. [online]. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/commentary/transcript/transcript-ukraine-president-victor-yushchenko/> (accessed on: 16 January 2020).

Европейское будущее и «европейскость» Украины являются общепринятыми и неоспариваемыми репрезентациями. Политический курс направлен на то, чтобы Украина достигла «европейского уровня жизни», «европейских стандартов экономического, социального, демократического развития»¹. Даже в дискурсе против НАТО нейтралитет не противоречит «желанию достичь наилучших европейских примеров в развитии экономики, решения социальных проблем, функционирования демократических институтов, того, что принято называть европейским выбором»².

Артикуляция европейского аспекта идентичности Украины более разнообразна в дискурсе сторонников евроатлантической интеграции. Атлантика конструируется территориально: «бассейну Атлантического океана принадлежит и Черное море, и Балтийское, в том числе»³. Помимо утверждений, что Украина является частью Европы, артикулируется наличие общего исторического прошлого. Приводятся примеры того, как войска Богдана Хмельницкого сражались в составе французских войск в XVII в. Конструирование идентичности в рамках географической принадлежности и общего исторического прошлого способствует артикуляции украинской идентичности, как европейской.

Национальный раскол так же, как и демократическая природа украинского общества, являются повсеместно разделяемыми репрезентациями в конкурирующих проектах идентичности. Украина возмущена нарушением норм международного права и готова к демократическим трансформациям под эгидой евроатлантических (и европейских) норм и ценностей. Раскол по вопросу атлантической интеграции является доказательством демократической природы украинского общества, поскольку только в демократическом обществе возможен плюрализм мнений. Сторонники членства в НАТО более оптимистичны относительно возможности преодолеть разногласия. Они понимают НАТО как общую цель, которая сплотит общество и элиты – евроатлантическая интеграция может стать общим делом, которое послужит национальному единству. Противники интеграции, наоборот, придерживаются мнения, что вопрос НАТО усугубит национальные разногласия, что особенно опасно для ситуации в Крыму.

Изменения идентичности в 2018 г.

После 2014 г. украинская политическое поле претерпело значительные изменения во внешне-политическом направлении. Соответственно, в 2018 г. позиция сторонников евроатлантической интеграции стала доминирующей. Дискурс против-НАТО трансформировался в репрезентацию Украины как нейтрального государства. Сторонники средней позиции приняли возможность членства НАТО в будущем. Репрезентации идентичности Украины претерпели следующие изменения по сравнению с 2008 г. (см. табл. 3): Украина представлена как менее прогрессивная в развитии, общество преодолело раскол по интеграции в НАТО, возросло значение Украины на международном уровне, но появился внутренний вооруженный конфликт.

Ранее в дискурсе подчеркивался успех проведения реформ, конфликты разрешались мирно и правительство придерживалось позиции политической преемственности. Несмотря на позитивные сдвиги относительно политики евроатлантической интеграции, репрезентации Украины в 2018 г. артикулируются с разочарованием. Развитие страны не находится на ожидаемом уровне, а прежние вызовы остались. Однако украинская идентичность артикулируется как более прогрессивная в сфере военной мощи. В то время, как подготовка армии была проблематичной десять лет назад, в 2018 г. элиты считают, что украинская армия превратилась в одну из самых лучших армий континента. Из периферии, нуждающейся в помощи, Украина преобразовалась в восточный фланг НАТО, готовая защитить европейское сообщество, цивилизацию и весь «свободный мир».

¹ Сесійний зал Верховної Ради України (2008) 'Засідання перше', *Офіційний сайт Верховної Ради України* [Электронный ресурс]. URL: <https://portal.rada.gov.ua/meeting/stenogr/show/541.html> (дата обращения: 13.01.2020).

² Сесійний зал Верховної Ради України (2008) 'Засідання шосте', *Офіційний сайт Верховної Ради України* [Электронный ресурс]. URL: <https://portal.rada.gov.ua/meeting/stenogr/show/378.html> (дата обращения: 13.01.2020).

³ Сесійний зал Верховної Ради України (2008) 'Засідання шіснадцятье', *Офіційний сайт Верховної Ради України* [Электронный ресурс]. URL: <https://portal.rada.gov.ua/meeting/stenogr/show/389.html> (дата обращения: 13.01.2020).

Изменение и непрерывность репрезентаций Украины в 2018 г.

Изменение	Изменяющиеся, но непрерывные	Непрерывность
Эффективность развития: «больше» / «меньше»	Жертвы и Оккупированность	Европейскость Демократичность
Расколотовое общество / Единство	Зависимая страна	Евроатлантическое сообщество
Международный актер	-	Борющаяся с трудностями страна

Трансформацию претерпела репрезентация национального раскола по вопросу евроатлантической интеграции. В 2018 г. «большинство в украинском обществе», «более 70 процентов населения»¹, поддерживают вступление в НАТО. Политические элиты всего лишь подтверждают стремления нации, голосуя за евроатлантические законы.

В 2008 г. репрезентация решения по членству в НАТО принадлежала категории международной сферы (рис. 1). В 2008 г. она сместилась с международной категории репрезентаций до национальной, ответственность за членство сдвинулась от союзников в сторону национального парламента. Таким образом, решение о присоединении Украины к НАТО принимается Украиной, а не членами НАТО. Следовательно, Украине приписывается гораздо более важная роль в вопросе интеграции, чем это было в 2008 г., когда она ждала решения НАТО принять ее.

В 2018 г. Украина – это активный и независимый член международного сообщества. Согласно мнению элит, «Украина пребывает в эпицентре процессов, которые определяют будущее континента и мира»². Тем не менее, десятилетием ранее у Украины была более широкая повестка дня в плане международного сотрудничества. Она являлась активным участником Совета Европы, присоединилась ко Всемирной Организации Торговли, готовилась принимать Европейский чемпионат по футболу. Сотрудничество с Европейским союзом развивалось в нескольких направлениях: энергетической политике, торговле, политике безвизового режима. В 2018 г. международная сфера кооперации, декларируемая в дискурсе, уменьшилась до заявлений о бывшем ядерном статусе и активном участии в международных процессах.

Непрерывность репрезентаций идентичности в позиции за-НАТО

Дискурсивный проект идентичности Украины за НАТО наиболее полно сохранился и расширил набор репрезентаций. Европейская принадлежность Украины более выражена в 2018 г. Ранее элиты конструировали идентичность Украины как Европы в значении географической принадлежности и как часть европейской системы безопасности, которая артикулировалась, по большей мере, в институциональном дискурсе. В 2018 г. репрезентации Украины как Европы артикулируются политическими акторами всех уровней, как в двухсторонних встречах между представителями НАТО и Украины, так и депутатами Рады. Европейский компонент стал неотъемлемой частью украинской идентичности: Украина разделяет европейские ценности и будет членом Европейского союза в будущем. Демократическая составляющая идентичности также нашла свое продолжение в дискурсах 2018 г.

Непрерывной является репрезентация Украины как части евроатлантического сообщества. Сотрудничество с НАТО является приоритетом. Однако общие угрозы безопасности изменились из символических заявлений на явно выраженного и конкретного общего врага – Россию.

Репрезентации Украины как страны, которая находится в затруднительном положении, являются постоянными в обоих периодах, включенных в анализ. Реформы не проходят так эффективно, как ожидалось, и вызовы сохраняются. В 2008 г. борьба Украины с трудностями относилась к меж-

¹ Сесійний зал Верховної Ради України (2008) 'Засідання десяте', *Офіційний сайт Верховної Ради України* [Електронний ресурс]. URL: <https://portal.rada.gov.ua/meeting/stenogr/show/6900.html> (дата обращения: 13.01.2020).

² Сесійний зал Верховної Ради України (2008) 'Засідання десяте', *Офіційний сайт Верховної Ради України* [Електронний ресурс]. URL: <https://portal.rada.gov.ua/meeting/stenogr/show/6900.html> (дата обращения: 13.01.2020).

дународной сфере (рис. 1): внешней политике и реализации реформ по стандартам НАТО. Десятилетие спустя трудности проявляются на национальном уровне. Украина борется с коррупцией, бедностью и агрессией со стороны России. Возможность приблизиться к интеграции в НАТО артикулируется как упущенный шанс.

Изменяющиеся, но непрерывные репрезентации

Анализ обнаружил две репрезентации идентичности, которые присутствуют в обоих временных периодах, но находят свое продолжение в конкурирующих дискурсах: Жертвы и Оккупированной / Зависимой страны.

Репрезентации Украины как жертвы присутствуют как в дискурсе за-НАТО, так и против-НАТО в 2008 г. В дискурсе за-НАТО, Украина является жертвой исторических событий. Она лишилась своей независимости множество раз, страдала от дезинформации и потеряла миллионы жизней в результате политических процессов предыдущего столетия. Актеры позиции против-НАТО артикулируют репрезентацию Украины как жертвы экономического кризиса. В 2018 г. репрезентации идентичности нашли свое продолжение в репрезентации Украины как жертвы военной агрессии. Следует вывод, что репрезентация жертвы является постоянной, но со временем меняется «агрессор», причиняющий страдания.

Репрезентации Украины как оккупированной страны воспроизводились дискурсом против-НАТО в 2008 г. Украина артикулировалась элитами как протекторат, оккупированный США, а президент Ющенко и правящая коалиция как защитники проамериканских и про-натовских интересов: «Ющенко побежал в Белый Дом за поддержкой»¹. Сторонники средней позиции в 2008 г. конструируют оккупированную Украину в рамках ее неспособности жить без «хозяина», так как страна не может взять на себя ответственность и действовать независимо. В 2018 г., однако, репрезентация оккупированной Украины артикулируется в дискурсе за-НАТО. Украина представлена как (пост-) колониальная страна. Евроатлантическая интеграция является способом покинуть «сферу российского влияния», «империальную орбиту Кремля», и является частью процесса деколонизации Украины. Таким образом, репрезентации колонизированной/зависимой страны конструируются во всех дискурсах, но в разный временной промежуток. Агент колонизаторской политики изменяется в каждом дискурсе. В дискурсе против-НАТО в его качестве выступает Соединенные Штаты Америки, а в дискурсе за-НАТО – Россия.

Заключение

Анализ идентичности как набора репрезентаций в дискурсе позволяет понять то, каким образом происходит изменение идентичности. В дискуссии о евроатлантической интеграции Украины конструируются три проекта идентичности, каждый из которых состоит из набора репрезентаций. К 2018 г. в них наблюдается ряд изменений. Самое заметное изменение состоит в доминантной позиции про-евроатлантического дискурса и маргинализации дискурса против-НАТО в 2018 г. Однако, несмотря на изменение политической конъюнктуры, дискурс против НАТО не исчез полностью.

В евроатлантическом дискурсе элит репрезентациям свойственны следующие изменения: распространение репрезентации на более широкую аудиторию элит; изменение состава репрезентаций в моделях идентичности, которые могут «сдвигаться» из одной категории в другую; «заимствование» и видоизменение репрезентации конкурирующим проектом идентичности.

Некоторые репрезентации идентичности могут распространиться на более широкую аудиторию акторов, а также способны обретать новые смыслы. В случае Украины происходит расширение компонента идентичности из узкой сферы институциональных отношений на более широкие слои политических элит. Например, такая динамика свойственна репрезентации Украины как европейской страны. Изначально ее значение было связано, в основном, с контекстом европейской системы безопасности. Но в 2018 г. компонент европейской составляющей идентичности обретает новые значения – это не только территория, но ценности и цивилизация.

Согласно модели идентичности (см. рис. 1), возможен «сдвиг» репрезентации в рамках одного дискурса в другую категорию. Например, из международной сферы в национальную, что свидетельствует об изменении идентичности. Принятие решения по членству в НАТО служит примером такого

¹ Сесійний зал Верховної Ради України (2008) 'Засідання сімнадцяте', *Официальный сайт Верховной Рады Украины* [Электронный ресурс]. URL: <https://portal.rada.gov.ua/meeting/stenogr/show/557.html> (дата обращения: 13.01.2020).

изменения. В 2008 г. это было руководство НАТО, репрезентация международного уровня, а в 2018 г. – Украина, национального уровня. Сдвиг репрезентации принятия решений вносит понимание в то, каким образом стало возможным (или необходимым) закрепить евроатлантическую интеграцию в национальном законодательстве.

Заемствование репрезентаций акторами, которые воспроизводят конкурирующие дискурсы, обеспечивает идентичности неизменность. С течением времени (или с изменением обстоятельств) возможно «заемствование» репрезентации у другого дискурса, даже если он являлся конкурирующим. Примером служат репрезентации Украины как жертвы и оккупированной страны, которые переходят из дискурса против-НАТО в дискурс за-НАТО, изменив агента, который выступал обидчиком. Стратегия «заемствования» и адаптации репрезентации способствует продолжительности идентичности во времени. Тема оккупации уже была отмечена в литературе по украинской идентичности. Согласно Ефемищ (2018), риторика постколониального прошлого Украины используется как во внутривнутриполитической борьбе, так и во внешней политике.

Конкурирующие проекты идентичности разделяют некоторые репрезентации идентичности. Неоспариваемые репрезентации, т.е. те, по которым достигнут консенсус, можно признать доминирующими. Такими являются репрезентации Украины как европейской и демократической страны. Исследователи подчеркивают важность компонента европейскости для украинской идентичности (Orlova, 2017; White and Feklyunina, 2014). Анализ дискурса элит по вопросу евроатлантической интеграции, показывает, что изменения национальной идентичности частичны. Во многом, официальный дискурс продолжает репрезентации, наблюдаемые в 2008 г.

Список литературы / References

- Ефемищ, Н. М. (2018) 'Прошлое в конструировании национальной идентичности: гранд-нарративы Украины', *Вестник Пермского Университета. Политология*, 2, pp. 77–90. DOI: 10.17072/2218-1067-2018-2-77-90. [Yefimishch, N. M. (2018) 'The past in constructing national identity: Grand narratives of Ukraine' [Proshloe v konstruirovani natsionalnoy identichnosti: grand-narrativy Ukrainy], *Review of Political Science*, 2, pp. 77–90 (In Russ.)].
- Жирун, И. В. (2019) 'Изменение, сдвиг или трансформация: анализ методологических подходов к исследованию национальной идентичности', *Вестник Пермского Университета. Политология*, 13(3), pp. 68–77. DOI: 10.17072/2218-1067-2019-3-68-77. [Zhyrun, I. V. (2019) 'Change, shift or transformation: analysis of methodological approaches to national identity research' [Izmenenie, sdvig ili transformatsia: analiz metodologicheskikh podkhodov k issledovaniju natsionalnoy identichnosti], *Review of Political Science*, 13 (3), pp. 68–77 (In Russ.)].
- Burant, S. R. (1995) 'Foreign Policy and National Identity: A Comparison of Ukraine and Belarus', *Europe-Asia Studies*, vol. 47, 7, pp. 1125–1144.
- Chilton, P. and Schäffner, C. (2002) 'Introduction: themes and principles in the analysis of political discourse', in: Chilton, P. and Schäffner, C. (eds) *Politics as text and talk: analytic approaches to political discourse. Discourse approaches to politics, society and culture*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, pp. 1–41.
- De Cellia, R., Reisigl, M. and Wodak, R. (1999) 'The discursive construction of national identities', *Discourse and Society*, 10(2), pp. 149–173.
- Diez, T. (1999) 'Speaking' Europe': the politics of integration discourse', *Journal of European Public Policy*, 6(4), pp. 598–613.
- Doty, R. L. (1993) 'Foreign Policy as Social Construction: A Post-Positivist Analysis of U.S. Counterinsurgency Policy in the Philippines', *International Studies Quarterly*, 37 (3), pp. 297–320.
- Dunn, K. C. (2008) 'Historical Representations' in: Klotz, A., Prakash, D. (eds.) *Qualitative Methods in International Relations*. New York: Palgrave Macmillan, pp. 78–92.
- Klotz, A. and Lynch, C. (2007) *Strategies for Research in Constructivist International Relations*. New York and London: M.E. Sharpe.
- Korostelina, K. V. (2014) 'Conflict of national narratives of Ukraine Euromaidan and beyond', *Die Friedens-Warte*, 89(1/2), pp. 269–290.

- Kulyk, V. (2016) 'National Identity in Ukraine: Impact of Euromaidan and the War (b)', *Europe - Asia Studies*, 68(4), pp. 588–608. doi: 10.1080/09668136.2016.1174980.
- Kulyk, V. (2017) 'Identity in Transformation: Russian-speakers in Post-Soviet Ukraine', *Europe-Asia Studies*, 71(1), pp. 156–178.
- Kuzio, T. (2001) 'Identity and Nation-Building in Ukraine: Defining the 'other'', *Ethnicities* 1 (3), pp. 343–65.
- Melnykovska, I., Schweickert, R. and Kostuchenko, T. (2011) 'Balancing National Uncertainty and Foreign Orientation: Identity Building and the Role of Political Parties in Post-Orange Ukraine', *Europe - Asia Studies*, 63 (6), pp. 1055–1072.
- Milliken, J. (1999) 'The Study of Discourse in International Relations: A Critique of Research and Methods', *European journal of international relations*, 5(2), pp. 225–254.
- Molchanov, M. A. (2002) 'National Identity and Foreign Policy Orientation in Ukraine', in: Kuzio, T., Molchanov M.A. and Moroney J. (eds.) *Ukrainian Foreign and Security Policy: Theoretical and Comparative Perspectives*. Westport: Praeger. 227–263.
- Nikulin, V., Selyutina, V. (2007) 'Geopolitical Orientations of Ukrainian Political Elites and the Electoral Campaign of 2006', *Perspectives on European Politics and Society*, 8 (4), pp. 544–558.
- Orlova, D. (2017) "'Europe" as a Normative Model in the Mediatized Discourse of Ukrainian Political Elites', *Europe - Asia Studies*. Routledge, 69(2), pp. 222–241. doi: 10.1080/09668136.2017.1295302.
- Pop-Eleches, G., & Robertson, G. B. (2018) 'Identity and political preferences in Ukraine—before and after the Euro-maidan', *Post-Soviet Affairs*, 34(2–3), pp. 107–118.
- Prizel, I. (1998) *National Identity and Foreign Policy: Nationalism and Leadership in Poland, Russia and Ukraine*. Vol. 103. Cambridge University Press.
- Rumelili, B., Todd, J. (2018) 'Paradoxes of identity change: Integrating macro, meso, and micro research on identity in conflict processes', *Politics*, 38(1), pp. 3–18. doi: 10.1177/0263395717734445.
- Shulman, S. (2002) 'The Internal-External Nexus in the Formation of Ukrainian National Identity: The Case for Slavic Integration' in: Kuzio, T. and D'Anieri, P. (eds.) *Dilemmas of State-Led Nation Building in Ukraine*, Praeger, pp. 103–129.
- Shyrokykh, K. (2018) 'The Evolution of the Foreign Policy of Ukraine: External Actors and Domestic Factors', *Europe-Asia Studies*, 70 (5), pp. 832–850.
- White, S. and Feklyunina, V. (2014) *Identities and foreign policies in Russia, Ukraine and Belarus. Other Europes*. New York: Palgrave Macmillan.
- White, S., McAllister, I. and Feklyunina, V. (2010) 'Belarus, Ukraine and Russia: East or West?', *British Journal of Politics and International Relations*, 12(3), pp. 344–367. doi: 10.1111/j.1467-856X.2010.00410.x.
- Zhurzhenko, T. (2014) 'A Divided Nation? Reconsidering the Role of Identity Politics in the Ukraine Crisis', *Die Friedens-Warte*, 89(1/2), pp. 249–267.

Статья поступила в редакцию: 05.11.2020

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 18.03.2021

Статья принята к печати: 30.04.2021

**DYNAMICS OF THE UKRAINIAN NATIONAL IDENTITY
IN DEBATES ON EURO-ATLANTIC INTEGRATION**

I. V. Zhyrun

I. V. Zhyrun, PhD student of Doctoral School of Political Science, visiting scholar at Faculty of World Economy and International Affairs,
Department of Politics and Governance,
National Research University “Higher School of Economics”, Russia, Moscow.
E-mail: iryana.zhyrun@gmail.com (ORCID: 0000-0002-6527-4665. ResearcherID: G-1700-2018).

Abstract

This paper analyses changes of meanings of identity in competing projects of national identity in case of debates among the Ukrainian elites on the issue of Euro-Atlantic integration in 2008 and 2018. The author identifies three projects of identity, which are based on a different understanding of foreign policy in relation to Euro-Atlantic integration. The most significant change of identity is the dominant position of the pro-Euro-Atlantic discourse that was contested in 2008 by the opponents of NATO membership. However, after the transformation of the political context in Ukraine in the post-2014 period, some representatives of the elites continue to support the project of identity in which Ukraine is constructed as a non-bloc state. In both periods the elites reach a consensus on Ukraine's representation as a European and democratic country. Despite changes in the domestic and international contexts, discursive representations of Ukraine as a victim and a colonial state, where Russia or the United States presented as aggressors and colonizers, continue to exist. The changes in dynamics of national identity are as follows: expansion of an identity representation on a larger audience, a “shift” of a representation into another category within the same discourse, and “borrowing” and adoption of a representation by competing identity discourses.

Keywords: discourse analysis; Euro-Atlantic integration; national identity; paradox approach; qualitative methods; Ukraine.

УДК-327:352(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-2-71-81

ГОРОД ЕКАТЕРИНБУРГ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ АКТОР В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Ф. Е. Золотарев

Золотарев Федор Евгеньевич, магистрант,

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург.

E-mail: fedor.zolotarev.ekb@gmail.com (ORCID: 0000-0002-8789-0856).

Аннотация

Исследование направлено на изучение города в качестве участника международных отношений. Через теории парадипломатии, глобальных городов и нового регионализма город рассматривался как объект изменений. Цель исследования – показать, что город обладает потенциалом и ресурсами для самостоятельного участия в международных отношениях. Для объяснения этого процесса применяется концепт акторности, используемый теоретиками нового регионализма. Показано разнообразие подходов к определению акторности в качестве атрибута самостоятельного участника международных отношений. В отсутствие универсального определения параметров акторности города, автором предложена собственная модель. Ее основными компонентами являются идентичность, практическое целеполагание, признание и наличие фактов деятельности. Акторность города подробнее рассмотрена на примере г. Екатеринбурга, в международной деятельности которого реализуется каждая из этих черт. В качестве источниковой базы были использованы официальные документы муниципалитета и его ведомств, новостные сводки по международной деятельности города и международным мероприятиям, интервью с бывшими представителями и сотрудниками администрации г. Екатеринбурга. В ходе анализа данных был сделан вывод об эволюции международной деятельности города, которая при сохранении ограниченной автономии подвержена тесной коллаборации со Свердловской областью.

Ключевые слова: Екатеринбург; Свердловская область; акторность; негосударственный актор; глобальный город; мировой город; парадипломатия; сети городов.

Активизация роли современных городов вызывает интерес у многих ученых. Исследованием городов занимаются социологи, политические географы, урбанисты, политологи. Основной интерес социальных и политологических исследований сфокусирован вокруг глобальных и мировых городов, мегаполисов и международных городов, имеющих экономическую, логистическую или стратегическую значимость. В отсутствие однозначной трактовки и четких границ, город как объект исследования приобретает широкое трактование (Бойцова, 2015: 122). Несомненный интерес вызывают крупные мегаполисы. В международных рейтингах г. Нью-Йорк, Токио, Сан-Паулу и другие рассматриваются в качестве «цепочек сетей», самостоятельно образующих иерархии и уровни взаимодействия. Город в этой интерпретации определяется как субъект, аккумулирующий потоки информации, ресурсов и людей. Однако не каждый город, достигающий крупных размеров и вовлекающийся в международные процессы, получает статус глобального. Появление и развитие крупных и международных городов в странах Азии и Африки, рост городов Евразии вызывает интерес для исследователей.

Сравнительно недавно города стали объектами исследований международных отношений. Благодаря влиянию глобализации города наравне с транснациональными компаниями, неправительственными организациями стали активными участниками мировой политики. Исследованию роли городов в международных отношениях посвящены работы по парадипломатии. Города изучаются как участники международной деятельности, внешнеэкономических связей (см., например, Вербицкая и Михайленко, 2018; Arteev, 2018; Liu and Song, 2019; Tavares, 2016). Другая группа работ посвящена роли городов в формировании современных регионов. Теоретики «нового регионализма» акцентируют свое внимание на микрорегионализме и роли современных городов в этом процессе. Изменения в

экономической и пространственной сфере активизируют участие городов во внешней среде. Появляется феномен «города-региона». (Calzada, 2015; Calzada, 2018). Ряд исследований посвящен анализу концепции «глобального города». Участие городов в мировой политике связано с изменениями внутри национальных государств: аккумуляция экономики и знаний в крупных мегаполисах (Бойцова, 2015; Curtis, 2016; Nijman, 2016), развитие гражданских сообществ на местах и складывание трансграничных сетевых структур межгородского взаимодействия (Мартьянов, 2013). Глобальность города все слабее соотносится с его географическим расположением и все больше с его заметностью в международном пространстве (Савкин, 2009; Acuto, 2013).

Особенностью современных подходов является то, что города, ранее выступавшие только как объекты исследований, теперь приобретают собственную субъектность и выражают ее через автономное участие в глобальных процессах. Термин «акторность», введенный в оборот теоретиками нового регионализма, стал применяться не только к регионам, но и к городам. Он отражает процесс конструирования реальности, в которой факт существования определяется через динамичный процесс коммуникации и действий (Drieskens 2017). Проблематика акторности раскрывается в ряде работ, посвященных анализу регионов (Bretherton and Vogler 2006, Hettne and Soderbaum 2005), негосударственных акторов (Aydinli 2013, Савкин 2009).

Цель данной статьи – на основе современных подходов к городу определить его отличительные черты как участника международных отношений. С одной стороны, это позволит расширить теоретическое поле в исследовании современных городов. В предлагаемой модели мы отталкиваемся от характеристик исследователей акторности в отношении Европейского союза (Bretherton and Vogler 2006, Drieskens 2017), отдельно акцентируя внимание на вовлеченность города в проведение мегасобытий (Трубина 2012). С другой стороны – эта модель предоставит новый эмпирический материал для изучения современных городов на примере Екатеринбурга.

Структурно статья выстроена следующим образом. Вначале рассмотрен блок текстов, в которых поднимается проблематика концепта акторности и ее применение к негосударственным участникам международных отношений. Затем рассматривается формирование акторности у города-региона, как ранее не рассматриваемого объекта в исследованиях, дана частная модель характеристик для оценки этой акторности. Анализ г. Екатеринбурга позволяет выявить черты, по которым можно констатировать, что город обладает акторностью и тем самым участвует в международных отношениях. В заключение дана оценка акторности Екатеринбурга, показаны основные проблемы для дальнейшего развития города в качестве самостоятельного актора.

Разнообразие концептов акторности

В классических международных отношениях актором, или действующим лицом, является национальное государство. Для современного этапа развития науки и возросшей роли негосударственных участников подобная модель не только обладает предельностью в объяснении текущих процессов, но также редуцирует разнообразие форм субъектов мировой политики. В этом случае для обозначения актора становится важным несоответствие признакам национального государства, а наличие определенного набора характеристик «действия» во внешней среде. Для обозначения этого феномена используется концепт акторности.

В научной среде нет консенсуса относительно того, что из себя представляет акторность и на каких качественных характеристиках возможно ее операционализирование (Drieskens, 2017: 1535). Отсюда возникает пространство для широкой трактовки термина. В самом общем виде акторность – это обозначение присутствия автономного субъекта во внешней среде, способность к самостоятельной деятельности.

Вопрос о сущности феномена привел в академическом сообществе к разделению на приверженцев двух подходов. Для первого характерно использование теоретико-методологической рамки нелиберальных концепций международных отношений. В этом случае город как субнациональная единица государства, неспособная действовать ему вопреки, не признается самостоятельным действующим субъектом без патронажного государства (Савкин, 2009: 177; Curtis 2016: 459). Представители второго подхода рассматривают негосударственных акторов в качестве полноценных автономных субъектов. В своих работах они прибегают к объяснению с помощью положений, взятых из теорий социального конструктивизма и парадипломатии (Drieskens, 2017; Lie and Song, 2019).

Второй подход, в свою очередь, включает в себя два больших течения: исследование акторности у субгосударственных образований, имеющих выраженный интерес в политической плоскости

(террористические группы, ТНК, общественные движения, внутригосударственные регионы и т.п.), и у наднациональных политических объединений (региональные интеграционные проекты) (Aydinli, 2013; Drieskens, 2017; Bretherton and Vogler 2006; Lie and Song 2019).

Первые попытки осмыслить и охарактеризовать феномен приходится на 1970-е гг. и связаны с возросшей ролью международных и региональных организаций, как, например, ООН и Европейские сообщества (Drieskens, 2017: 1538). Сам термин впервые использовал профессор Шведского института международных отношений Шёстедт Г. Через акторность он пытался объяснить, каким образом Европейским сообществам удается представлять себя во внешней среде (Bretherton and Vogler, 2006: 28; Drieskens, 2017: 1536). С подписанием Маастрихтского договора и созданием Европейского союза интерес к деятельности региональной организации за пределами своей географии только возрастал. Это сказалось и на исследовании акторности, которое получило разные модели описания.

Так, профессор Гётеборгского университета Хеттне Б. под акторностью понимает способность последовательно действовать на внешнем уровне, обладание участниками общих ценностных подходов и принципов, внутренней легитимности процесса принятия решения, способности разграничивать приоритеты политики и возможности использовать политический, экономический и иной набор инструментов (Hettne, 2005: 561). Следовательно, акторность как феномен связывают с действиями за пределами национальных границ государства или географических территорий субъекта (Hettne and Soderbaum, 2005: 538).

Альтернативный взгляд на акторность Европейского союза предложили исследователи Фоглер Дж. и Брезертон Ш. Они выделили четыре типа акторности, каждый из которых по-своему объяснял положение объединенной Европы в глобальной политике: международно-правовую, поведенческую, структурную и социально-конструктивистскую (Bretherton and Vogler, 2006: 12–20).

Эти примеры не являются исчерпывающими: разнообразие подходов к определению феномена приводит к тому, что предлагаемые характеристики зачастую пересекаются или вовсе дублируют друг друга. Однако акторность не является эксклюзивным атрибутом Европейского союза, а поэтому отождествление акторности лишь с наднациональными процессами было бы ошибочным (Drieskens, 2017: 1538). Каждая предлагаемая модель носит специфичный характер, который нельзя однозначно назвать универсальным. Так, профессор университета Билькент Эрсель Айдинли для оценивания акторности у прибегающих к насилию негосударственных акторов или агентов (прежде всего террористических групп) предложил использовать три переменные: степень автономности субъекта, уровень репрезентации и качество влияния (Aydinli, 2013: 428).

В этом многообразии акторность города и города-региона остается не до конца изученным феноменом. Некоторые исследователи, в частности, Мойсио С. и Джонас Э., отмечают их заметное участие в мировой политике и глобальном управлении (Moisiu and Jonas, 2018: 293), но оставляют открытым вопрос относительно механизмов оценки и набора характеристик, по которым делается данный вывод. Следовательно, необходимой задачей остается концептуализация акторности города и выделения ее основополагающих элементов.

Формирование нового феномена: «акторность» города

Участие городов как автономных субъектов отражает изменение природы международных отношений. Доминирование государств с их концептом суверенитета, исключительным положением и политическими практиками сосуществует с набирающими вес и более заметными негосударственными акторами. Наряду с глобальными и мировыми городами, которые уже успели зарекомендовать себя в этом качестве, активнее проявляют себя и те города, которые необязательно входят в индексируемые рейтинги: например, в систему оценивания глобальных и мировых городов мозгового центра британского университета Лафборо (Globalization and World Cities), Глобального индекса силы городов (Global Power Index City) или американской консалтинговой компании по вопросам управления А.Т. Кирни (Kearney Index).

Однако вне зависимости от статуса, модели поведения городов на международной арене выстраиваются в определенной логике. Так, город способен имитировать деятельность современных государств, воспроизводя формы и практики государственных взаимоотношений во внешней политике (Tavarez, 2016: 1-7). Например, Сингапур, который будучи городом, имеет статус государства со всеми вытекающими из этого особенностями: суверенная территория, признанный на международном уровне статус, место полноправного члена в международных и региональных организациях.

Акторность города строится на совокупности характерных черт, которые подкрепляются набором инструментов. Акторность зависит от действий самого субъекта, который совершает тот или иной акт в соответствии с целеполагающей логикой (Nijman, 2016: 217), однако при учете существующего международного контекста. В связи с этим, можно выделить четыре составляющие акторности города: идентичность, практическое целеполагание, признание и наличие фактов деятельности города. Данный набор частично перекликается с моделью Фоглер и Брезертон (Vogler and Bretherton, 2006), но также носит авторский вклад. В частности, критерий наличия фактов деятельности важен, поскольку отражает динамичный характер участия города в международном пространстве.

Идентичность

Под идентичностью в контексте данного исследования понимается способность разграничить «внешнее» и «внутреннее», определять контуры своей самости. Бинарное разделение на «Я-Другие» позволяет городу не только осознавать себя в качестве автономного участника международных отношений, но также отделяет его от государства и выделяет среди остальных городов (Langenhove, 2003: 23–24). Свое влияние на уникальность города оказывает историко-политический и культурный контекст, экономический вес в государственных или международных рамках (Calzada, 2015: 354; Calzada, 2018: 269). Идентичность города находится в прямом соотношении с тем, каким статусом обладает город, каким образом он формирует свой имидж и задействует свой бренд. Восприятие города со стороны формируется не только при его активном, но и при пассивном участии. Проведение мегасобытий в городе оставляет в общественном сознании людей определенный отпечаток, который также связан с процессом конструирования идентичности города (Трубина, 2012: 109). Безусловно, вопрос идентичности, ее становления и развития требует отдельного фундаментального изучения в рамках международных отношений. Наличие идентичности города влияет на осознанность и самость субъекта, что выражается во внешней среде: конкретно, в умении выстраивать цели и задачи.

Практическое целеполагание

Способность к рационализации своих действий, выстраивание последовательной политики образуют практическое целеполагание. На практике это отражается в задачах и пунктах городских планов и стратегий развития, которые принимают уполномоченные на то органы городского управления. Приступив к планированию своего развития, что нередко сопряжено с вопросами безопасности в неклассических для государства областях (окружающая среда и экология, информационная среда), город бессознательно подтверждает свою сопричастность к международно-политической реальности. Создание и трансформации собственных квази-институтов для обеспечения деятельности во внешней среде по-своему отражает осознанность в отношении предпринимаемых решений. Однако практика внешних представительств или офисов в других крупных городах необязательно институализирована. В ее основе лежит поиск соотношения между оптимальной выгодой от точечных связей и затрачиваемыми ресурсами (Tavares, 2016: 97–99). Отсюда может страдать уровень дипломатичности отношений города с другими акторами, отказ от церемониальных традиций в угоду деловому характеру ведения политики.

Признание

Поведенческим компонентом акторности города является признание со стороны других акторов международных отношений (Nijman, 2016: 229). Город стремится к признанию посредством действий и ответов на них: переговорные процессы, обмены делегациями. Высшей степенью признания является юридическое подтверждение через нормотворчество. Так, заключение соглашений между городами, с международными организациями и институтами государства говорит о взаимной заинтересованности сторон. Важна сама интеракция между городом и любым другим негосударственным актором, так как посредством этих действий подтверждается определенная обособленность и автономность субъекта, способного на принятие решений (Vogler and Bretherton, 2006: 15–16).

Наличие фактов деятельности

Идентичность, практическое целеполагание и признание со стороны других акторов международных отношений не может обойтись без деятельности самого города, стремящегося заявить о себе во внешней среде. В его распоряжении находится широкий спектр деятельности, носящий как индивидуальный, так и коллективный характер. Высокую эффективность и результативность деятельности города дают коллективные, сетевые форматы работ: вес и заметность от них зачастую выше, чем деятельность отдельного города (Acuto, 2013: 296). Например, Нантская декларация мэров городов 2013 г., направленная на устранение последствий и угрозы изменения климата, предшествовала появлению межгосударственного климатического саммита в Париже в 2015 г., что сказалось на ходе обсуждения и принятия уже межгосударственного договора (Nijman, 2016: 227).

Сам характер соглашений чаще всего носит необязывающий характер (например, меморандумы о взаимопонимании и сотрудничестве), что оставляет больше пространства для маневров по сравнению с государствами. Заключение договоров с другими акторами является основными, но не исчерпывающими инструментами в арсенале города, среди которых можно отметить такие, как (Nijman, 2016: 235–240):

- организация встреч, ведение переговорного процесса;
- участие в организованных государствами, международными организациями конференциях и иных мероприятиях;
- создание платформ и площадок для коллективного участия городов (формирование городского нетворкинга) и др.

Итак, четыре критерия акторности позволяют детальнее рассмотреть участие города в международных отношениях. В качестве примера обратимся к г. Екатеринбург, акторность которого в последнее время подтверждается различными источниками.

Акторность Екатеринбурга

Екатеринбург – это город-миллионник¹, являющийся центром Уральского региона. Город, история которого насчитывает почти три века, был заложен в период расцвета Российской империи. Наличие крупной производственной, людской и ресурсной базы, которая качественно приросла в период Советской власти, придали поступательное развитие городу в XX в. Расположение на важном участке транспортно-логистического маршрута России сделало Екатеринбург важным пунктом в масштабе всей страны и Евразии. По словам В. Мартьянова, с 2000-х гг. город стал воплощением эффективной «воронки» по привлечению инвестиций, экономически активных людей, международных агентств и событий, позволяющей стать воротами в глобальный мир (Мартьянов, 2013: 18).

В советское время город был переименован в честь российского революционера Я. Свердлова. Известно о двух соглашениях города о побратимстве с английским Бирмингемом и румынской Тимишоарой. В период после Второй мировой войны до окончания существования СССР Свердловск был закрытым городом для иностранцев. Это объяснялось стратегическим положением и концентрацией важных государственных промышленных и научных предприятий. Ситуация изменилась в 1990-е гг. с процессом создания федеративной системы в Российской Федерации. Назначение на пост мэра Екатеринбурга А. Чернецкого и назначение на пост главы Свердловской области Э. Росселя дали стимул для развития. Экономический рост сопровождался конкуренцией между командами региональной и муниципальной власти, что позитивно сказалось на Екатеринбурге.

Город концентрировал большее количество инвестиций, в нём происходило открытие офисов иностранных компаний и фирм. Торговые представительства, консульские учреждения иностранных государств открывались в Екатеринбурге. По большинству основных статистических показателей экономического и социального развития в 1992–2008 гг. город опережал другие города-миллионники. Эволюция развития г. Екатеринбурга и его роли в международных связях региона, перспективы формирования агломерации, дают хороший эмпирический материал для анализа и трактовки феномена акторности.

¹ Численность населения Свердловской области на 1 января 2020 г. (2020), Официальная статистика. Свердловская область. Население, 20 мая, *Управление федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области*. URL: <https://sverdl.gks.ru/folder/29698> (дата обращения: 20.08.2020).

Идентичность Екатеринбурга

Под идентичностью города мы понимаем такой набор факторов, благодаря которым город конструируется в качестве связного целого. Разделяемое людьми общее знание о городе (история, знаковые места) и наличие символического капитала (бренд, имидж) являются основой для формирования идентичности. Идентичность остается процессом динамичного восприятия: город и его черты определяются внутренними и внешними субъектами в лице горожан и иностранных граждан, что приводит к разным результатам с течением времени.

Так, Екатеринбург из индустриально-хозяйственно-научного центра трансформировался в современный многофункциональный город. Имидж Екатеринбурга в качестве «индустриальной столицы региона» ставит его в ряд с другими крупными городами страны. Использование этого ресурса позволяет транслировать оформленный образ города, показывает его конкурентные преимущества. Екатеринбург стремится стать городом «новой индустриализации»¹, что означает развитие с учетом своей исторической специфики, базирующейся на промышленном укладе, но с использованием и внедрением передовых технологических элементов. По мнению ученого секретаря Института философии и права УрО РАН Мартыянова В., «это позволит Екатеринбургу выйти за рамки неэффективных локальных идентичностей и самоопределений» (Мартыянов, 2013: 20).

Для идентичности Екатеринбурга очень важно восприятие города самими горожанами, его гостями и туристами. Социальные взаимодействия людей в пространстве города влияют на формирование облика, наполняют его множеством смыслов. Через различные масштабные мероприятия (мегасобытия) город получает действенный механизм конструирования общественного мнения. Они могут носить как массовый характер и быть направленным прежде всего на обычных граждан, так и иметь государственное и международное значение. Мегасобытия по своей природе ориентированы на все человечество, широко освещаются при помощи средств массовой информации (Трубина, 2012: 109).

Екатеринбург зарекомендовал себя в качестве международной переговорной площадки. Так, в 2003 г. состоялся российско-германский саммит с участием глав государств обеих стран². В 2009 г. город принимал сразу два крупных международных события: саммит Шанхайской организации сотрудничества и первый саммит БРИК³. В 2013 г. прошел саммит Россия-Европейский союз с участием главы РФ и руководителей европейских наднациональных структур⁴. В 2019 г. Екатеринбург стал площадкой для проведения второго Глобального саммита по производству и индустриализации (GMIS-2019), совместной инициативы министерства энергетики и промышленности Объединенных Арабских Эмиратов и Организации Объединенных Наций по промышленному развитию (UNIDO)⁵, а также проводил форум Всемирного дня городов при участии международной организации ООН-Хабитат (UN-НАБИТАТ)⁶.

Помимо крупных межгосударственных событий в арсенале Екатеринбурга имеется огромное число общественных и специализированных мероприятий, которые влияют на формирование имиджа города. Промышленная выставка ИННОПРОМ, которая уже более десяти лет обладает статусом международной площадки инноваций, собирающей промышленников и компании из-за рубежа, работает на сохранение статуса города как индустриального центра⁷. В 2018 г. Екатеринбург вместе с другими городами России принимал Чемпионат Мира по футболу, в рамках которого только Екате-

¹ О Стратегическом плане развития Екатеринбурга (с изменениями на 25 мая 2018 г.), *Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации*. URL: <http://docs.cntd.ru/document/802003648> (дата обращения: 15.08.2020).

² Цена саммита. Встреча Владимира Путина и Герхарда Шредера принесла миллиард евро (2003), *Коммерсантъ*, 28 окт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/423378> (дата обращения: 15.08.2020).

³ Поездка в Екатеринбург. Саммит ШОС. Первый Саммит БРИК (2009), *Президент России*. 15–16 июня. URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/23/events/5144> (дата обращения: 16.08.2020).

⁴ Саммит Россия – Европейский Союз (2013), *Президент России*. 3–4 июня. URL: <http://kremlin.ru/catalog/regions/SVE/events/18255> (дата обращения: 16.08.2020).

⁵ Глобальный саммит по производству и индустриализации (2019), *Президент России*, 9 июля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60961> (дата обращения: 16.08.2020).

⁶ В Екатеринбурге открылся форум Всемирного дня городов ООН-Хабитат (2019), *Коммерсантъ*, 31 окт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4143100> (дата обращения: 16.08.2020).

⁷ ИННОПРОМ-2019 подводит итоги (2019), *Свердловский областной Союз промышленников и предпринимателей*, 15 июля. URL: <http://sospp.ru/news/innoprom-2019-podvodit-itogi/> (дата обращения: 16.08.2020).

ринбург посетили свыше 150 тыс. человек за период отборочных матчей¹. Уральская ночь музыки, которая является самым массовым ежегодным культурным мегасобытием на Урале, в 2019 г. за сутки собрала около 300 тыс. человек², что говорит о культурной привлекательности города и огромных внутренних ресурсах.

Практичное целеполагание

Определение самого себя в качестве субъекта в рамках международных процессов отражено в принятых и действующих документах Екатеринбурга. Их наличие говорит о том, что город способен на выстраивание собственной траектории развития, прогнозирование своих целей и действий. Так, в уставе отражено, что в полномочия города и его органов входит осуществление международных и внешнеэкономических связей (Ст.10.1, пункт 8). Подробнее это раскрывается через программные документы, направленные на многостороннее развитие города.

В Генеральном плане Екатеринбурга, принятом Екатеринбургской городской думой в июле 2004 г., делается упор на трансформацию города из «индустриально-хозяйственно-научного центра в современный многофункциональный центр с элементами мирового города». Город сочетает в себе несколько статусов: ядро локальной агломерации, столицу Свердловской области, Уральского Федерального округа и Евразийского материка. Подобные формулировки отражают высокие позиции, на которые претендует город в долгосрочном периоде.

Стратегический план развития Екатеринбурга, который разрабатывался в 2002–2003 гг. и перепел два переиздания (в 2010 и 2018 гг.), остается основным путевым документом для понимания того, каким город видит себя в среднесрочной перспективе. План выполняет роль действенного инструмента для приобретения и поддержания конкурентных преимуществ Екатеринбурга, который соперничает с другими городами и соседствующими агломерациями не только за количественные ресурсы, но и за благоприятное положение в мире³.

В соответствии с положениями стратегий, Екатеринбург претендует на становление в качестве центра связи Европейской и Азиатско-Тихоокеанской торгово-экономической зоны, превращение в развитый, в полной мере выполняющий функции столичного центра город международного значения, что в перспективе должно быть закреплено на законодательном уровне. В качестве ориентиров и моделей городского развития составители стратегий ссылаются на примеры как европейских, так и азиатских городов с международными деловыми контактами. Среди них упоминаются г. Дюссельдорф, Монреаль, Барселона, Будапешт, Мюнхен, Милан, Турин, Санкт-Петербург, Шанхай и др.

Для обеспечения внешних связей города и его деятельности за пределами территорий своего муниципального образования в 2014 г. было создана отдельная институция. В соответствии с распоряжением Администрации города Екатеринбурга был создан Комитет по внешним связям (в 2019 г. был переименован в Управление по развитию внешнеэкономических связей), в обязанности которого входит сопровождение и помощь в организации международных мероприятий города, содействие его представления за пределами муниципального округа⁴.

Город стремится повысить эффективность международного сотрудничества, обеспечить свое представительство в глобальном пространстве. Для достижения этой цели г. Екатеринбург совсем недавно вошел в сетевые форматы сотрудничества между городами: в 2019 г. глава города стал членом Евразийского регионального отделения Всемирной организации «Объединенные города и местные власти»⁵.

Признание

Екатеринбург имеет диверсифицированные связи как с другими городами России и мира, так и с офисами международных организаций за рубежом. Правовую основу этих договоренностей со-

¹ «Очень мало ели и очень много пили». Итоги ЧМ-2018 в Екатеринбурге: сколько было выпито, съедено и потрачено (2018), *Znak*, 28 июня. URL: https://www.znak.com/2018-06-28/itogi_chm_2018_v_ekaterinburge_skolko_bylo_vypito_sedeno_i_potracheno (дата обращения: 16.08.2020).

² История UMN, Ural Music Night. URL: <https://uralmusicnight.ru/history> (дата обращения: 16.08.2020).

³ О Стратегическом плане развития Екатеринбурга (с изменениями на 25 мая 2018 года), *Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации*. URL: <http://docs.cntd.ru/document/802003648> (дата обращения: 15.08.2020).

⁴ Распоряжении Администрации г. Екатеринбурга №50-п от 25.04.2019.

⁵ Всемирный Совет ОГМВ, *Евразийское региональное отделение Всемирной организации «Объединенные Города и Местные Власти»*. URL: <http://euroasia-uclg.ru/about/world-council-uclg-euro-asia/> ((дата обращения: 15.08.2020).

ставляют соглашения и меморандумы, охватывающие сотрудничество в экономике, науке, культуре, торговле, транспорте, промышленном производстве и т. д. Договоренности избегают политизированных тем и не содержат положений, затрагивающих чувствительные для национального суверенитета вопросы. По линии городов-партнеров в Российской Федерации Екатеринбург поддерживает сотрудничество с Махачкалой, Краснодаром, Пермью, Самарой, Оренбургом, Нижним Тагилом, Казанью, Уфой¹. На международном уровне Екатеринбург обладает статусом города-побратима с Гуанчжоу (КНР) и Инчон (Республика Корея)², а также поддерживает сотрудничество еще с 21 городом из 15 стран Европы, Азии и Америки³.

Екатеринбург вовлекается в форматы сетевых отношений между городами по разным вопросам. В 2019 г. город официально получил статус члена Международной ассоциации «Евразийское региональное отделение Всемирной организации Объединенные Города и Местные Власти» в рамках участия в VI Конгрессе Всемирной организации «Объединенные города и местные власти» (ОГМВ).

Важным шагом по признанию Екатеринбурга в качестве отдельного участника мировой политики стало установление официального сотрудничества с международными организациями. В 2018 г. между Екатеринбургом и объединением организаций ООН по борьбе со СПИДом в Восточной Европе и Центральной Азии был подписан протокол о присоединении к Парижской декларации. Екатеринбург стал первым российским городом, который вошел в эту программу с другими городами стран Европы, Африки, Южной Америки. Осенью 2019 г. между Екатеринбургом и ООН-Хабитат был заключен меморандум о взаимопонимании, подписание которого состоялось в рамках визита главы организации Маймунах Мохд Шариф и проведения Всемирного дня городов⁴. Эти события показывают интерес внешних акторов к Екатеринбургу, который получил юридически оформленное признание. Через заключаемые соглашения г. Екатеринбург определялся как субъект, что говорит о качественном шаге вперед в качестве актора.

Фактическая деятельность города

Как центр Свердловской области и ядро агломерации Екатеринбург, благодаря своим географическим и пространственным особенностям, стал площадкой базирования дипломатических и консульских учреждений других стран, органов региональной и федеральной власти. В городе расположены аппарат федеральной власти Российской Федерации (институт полномочного представителя Президента России в Уральском федеральном округе), профильные министерства и правительство Свердловской области. В Екатеринбурге осуществляют свою деятельность 28 консульских учреждений, что накладывает на администрацию города обязательства по поддержанию контактов с представителями иностранных учреждений.

Кроме того, представители администрации г. Екатеринбурга и его профильных ведомств активно ведут парадипломатическую деятельность. Организуются двусторонние и многосторонние встречи не только между Екатеринбургом и другими городами мира, но также и с представителями регионального и государственного уровня (послами и посланниками национальных государств, региональных субъектов зарубежных стран), бизнес-структур.

Самостоятельно или в составе делегаций вместе с региональной властью Свердловской области представители администрации г. Екатеринбурга организуют международные мероприятия, принимают участие в конференциях и стремятся показать перспективные стороны города. Екатеринбург буквально вплетен в систему международного и государственного сотрудничества, что отражается на активности администрации Екатеринбурга: за период с августа 2014 по июнь 2020 гг. руководство

¹ Города-партнеры Екатеринбурга в Российской Федерации, *Официальный портал Екатеринбурга.рф*. URL: https://ekaterinburg.rf/официально/внешние%20связи/международные_связи/города-партнёры (дата обращения: 20.08.2020).

² Города-побратимы Екатеринбурга, *Официальный портал Екатеринбурга.рф*. URL: https://ekaterinburg.rf/официально/внешние%20связи/международные_связи/города-побратимы (дата обращения: 20.08.2020).

³ Сотрудничество Екатеринбурга с зарубежными городами, *Официальный портал Екатеринбурга.рф*. URL: https://ekaterinburg.rf/официально/внешние%20связи/международные_связи/Сотрудничество_зарубежные%20города (дата обращения: 20.08.2020).

⁴ UN-HABITAT and Yekaterinburg signed the Memorandum of Understanding (2019), *Eurasia Regional Section of the World organization "United Cities and Local Governments"*, 04 сент. URL: <http://euroasia-uclg.ru/en/news/novosti-partnerov-i-chlenov-ogmv/oon-khabitat-i-ekaterinburg-podpisali-memorandum-o-vzaimoponimanii/> (accessed: 20.08.2020).

города и представители его профильных департаментов и комитетов приняли участие в более, чем 186 международных мероприятиях.

При всем этом, город все чаще проявляет свою международную деятельность, участвуя в составе делегации региональной власти. Использование ресурсов вышестоящей инстанции для достижения общих целей (сделать Екатеринбург привлекательным международным городом) может быть оправдано результатами. Однако это способно возыметь кумулятивный эффект: город рискует утратить самостоятельность и видимость в международном пространстве, не будучи инициатором. Достижения города как международного актора осуществляются при помощи средств и ресурсов негородского бюджета и нематериального актива региональной и федеральной власти. Лоббирование интересов города «упаковывается» в более широкий интерес региона, что в определенной степени является вызовом для самоидентификации: интересы г. Екатеринбурга могут раствориться в интересах Свердловской области и крупного капитала, использующих город в качестве площадки.

Заключение

Города как участники международных отношений обладают отличительными чертами. Представленная модель акторности, критериями которой стали идентичность города, практическое целеполагание в программных и стратегических документах, признание со стороны внутренних и внешних акторов и деятельность города на международной арене, расширяют теоретическое поле исследований городов. Акторность становится маркером, по которому можно определять уровень участия в международных отношениях.

Екатеринбург как город и частный пример актора международных отношений становится все заметнее в глобальном пространстве. Относительно позднее проявление акторности компенсируется активной деятельностью города во внешней среде. В ход идет целый набор инструментов, апробированных другими мировыми и глобальными городами, регионами и негосударственными акторами.

Тем не менее, для города сохраняются пределы подобного участия. Цели Екатеринбурга носят функциональный и ограниченный характер. Как следствие, обладание особым пространственно-географическим расположением, историческим опытом и материальным и нематериальным ресурсным потенциалом слабо конвертируется в вес и заметность города. По данным Австралийского агентства информационных технологий «Тусинкноу» (2thinknow), занимающегося сбором и анализом больших данных, в 2019 г. Екатеринбург занял 416-ю строчку из 500 в рейтинге городов¹. Вдобавок к этому, администрация Екатеринбурга все больше попадает в зависимость от региональной и федеральной власти, что касается вопросов проведения и организации международных событий.

Модель оценки акторности на примере Екатеринбурга не является совершенной, однако она открывает путь для предметного обсуждения методов оценки роли и вклада городов в мировую политику. Представленные критерии акторности могут быть использованы для применения к другим городам и сравнения их между собой.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Свердловской области в рамках научного проекта № 20-414-660001 р_а.

¹ Innovation Cities™ Index 2019: Global, *Innovation Cities™ Program*. 2thinknow [Official Website]. URL: <https://www.innovation-cities.com/index-2019-global-city-rankings/18842/> (accessed: 08.01.2021).

Список литература / References

- Бойцова, О. Ю. (2015) 'К вопросу о политическом измерении «Глобального города»', *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 45(4), сс. 122–126. [Bojцова, O. Y. (2015) 'On the issue of the political dimension of "the Global City" [K voprosu o politicheskom izmerenii Globalnogo goroda], *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kultura*, 45(4), pp. 122–126. (In Russ.)].
- Вербицкая, Т. В. и Михайленко, Е. Б. (2018) 'Определение парадипломатии в российском и зарубежном политическом дискурсе', *Вопросы управления*, 51(2), сс. 14–20. [Verbicka-ja, T. V. and Mikhaïlenko, E. B. (2018) 'Definition of paradiplomacy in Russian and Foreign political discourse' [Opredelenie paradiplomatii v rossijskom i zarubezhnom politicheskom diskurse], *Voprosy upravlenia*, 51(2), pp. 14–20. (In Russ.)].
- Мартьянов, В. С. (2013) 'Дискурс будущего уральских Мегалополисов: к стратегии глобального города', *Дискурс Пи*, 11–12(1–2), сс. 15–21. [Martyanov, V. S. (2013) 'Discourse of the Future of the Ural Megalopolises: to the Strategy of the Global City' [Diskurs budushego ural'skich Megapolisov: k strategii globalnogo goroda], *Diskurs Pi*, 11–12(1–2), pp. 15–21. (In Russ.)].
- Савкин, Д. А. (2009) 'К вопросу об «акторности» глобальных городов в мировой политике', *Вестник СПбГУ*, 6(4), сс. 176–184. [Savkin, D. A. (2009) 'On the issue of the "actorness" of global cities in world politics' [K voprosu ob aktornosti globalnykh gorodov v mirovoj politike], *Vestnik SPbGU*, 6(4), pp. 176–184. (In Russ.)].
- Трубина, Е. Г. (2012) 'Полис и мегасобытия', *Отечественные записки*. 48(3). сс. 108–119. [Trubina, E. G. (2012) 'Polis and mega-ivents' [Polis i megasobytiya], *Otechestvennye zapiski*, 48(3), pp. 108–119. (In Russ.)].
- Acuto, M. (2013) 'World Politics by Other Means? London, City Diplomacy and the Olympics', *The Hague Journal of Diplomacy*, 8(3–4), pp. 287–311. DOI: 10.1163/1871191X-12341255.
- Arteev, S. P. (2018) 'Sub-state Actors in International Relations and the Evolution of Federalism (Cooperation between the Komi Republic and Hungary in the First Half of the 1990s.)', *MGIMO Review of International Relations*, 2(59), pp. 145–164 (In Russ.). DOI:10.24833/2071-8160-2018-2-59-145-164.
- Aydinli, E. (2013) Assessing violent nonstate actorness in global politics: a framework for analysis, *Cambridge Review of International Affairs*, 28(3), pp. 424–444. DOI: 10.1080/09557571.2013.819316.
- Bretherton, C. and Vogler, J. (eds.) (2006) *The European Union as a Global Actor*. 2nd edn. London and New York: Routledge.
- Calzada, I. (2015) 'Benchmarking future city-regions beyond nation-states', *Regional Studies, Regional Science*, 2(1), pp. 351–362. DOI: 10.1080/21681376.2015.1046908.
- Calzada, I. (2018) 'Algorithmic nations': seeing like a city-regional and techno-political conceptual assemblage', *Regional Studies, Regional Science*, 5(1), pp. 267–289. DOI: 10.1080/21681376.2018.1507754.
- Curtis, M. (2016) 'Cities and Global Governance: State Failure or a New Global Order?', *Millennium: Journal of International Studies*, 44(3), pp. 455–477. DOI: 10.1177/0305829816637233.
- Drieskens, E. (2017) 'Golden or gilded jubilee? A research agenda for actorness', *Journal of European Public Policy*, 24(10), pp. 1534–1546. DOI: 10.1080/13501763.2016.1225784.
- Hettne, B. (2005) 'Beyond the "new" regionalism', *New Political Economy*, 10(4), pp. 543–571. DOI: 10.1080/13563460500344484.
- Hettne, B. and Soderbaum, F. (2005) 'Civilian Power or Soft Imperialism? The EU as a Global Actor and the Role of Interregionalism', *European Foreign Affairs Review*, 10(4), pp. 535–552.
- Van Langenhove, L. (2003) *Theorising Regionhood*. Bruges: UNU Institute on Comparative Regional Integration Studies.
- Liu, T. and Song, Y. (2019) 'Beyond the hinterland: exploring the international actorness of China's Yunnan province', *International Relations of the Asia-Pacific*, 0, pp. 1–36. DOI: 10.1093/irap/lcz026.
- Moisio, S. and Jonas, A. E. (2018) 'City-regions and city-regionalism' in Paasi, J. et al. (ed.) *Handbook on the Geographies of*

Regions and Territories. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, pp. 285–297. DOI: 10.4337/9781785365805.
Nijman, J. E. (2016) 'Renaissance of the City as Global Actor: The role of foreign policy and international law practices in the construction of cities as global actors' in: Hellmann, G. (ed.) *The transformation of*

foreign policy: drawing and managing boundaries from antiquity to the present. Oxford: Oxford University Press, pp. 209–239.

Tavares, R (eds.) (2016) *Paradiplomacy. Cities and States as Global Players*. Oxford: University Press.

Статья поступила в редакцию: 22.09.2020

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 31.03.2021

Статья принята к печати: 30.04.2021

CITY OF YEKATERINBURG AS A GLOBAL ACTOR IN THE MODERN INTERNATIONAL RELATIONS

F. E. Zolotarev

F. E. Zolotarev, master's student,

Ural Federal University the first President of Russia B. N. Yeltsin, Russia, Yekaterinburg.

E-mail: fedor.zolotarev.ekb@gmail.com (ORCID: 0000-0002-8789-0856).

Abstract

The research aims to study a city as an actor in international relations. A city used to be seen as an object by researchers through the theories of paradiplomacy, global cities, and new regionalism. The research goal is to show that the city has the potential and resources for being an independent participant of international relations. To explain this process, the concept of actorness is used. The variety of approaches is shown to represent actorness as an attribute of an independent participant of international relations. Due to the absence of a universal set of parameters for the city's actorness, a new model with such factors as identity, practical goal-setting, recognition, and facts of activity, is proposed. City's actorness is considered in detail on the example of Yekaterinburg, which has implemented it in its international practices. The research base covers documents of the city council of Yekaterinburg and its departments, news reports on the city's international activities and international events, interviews with former representatives and employees of the city administration. The conclusion was made about the evolution of the city's international activities, which, while maintaining limited autonomy, is subject to close collaboration with the Sverdlovsk region.

Keywords: Yekaterinburg; Sverdlovsk region; actorness; non-state actor; global city; world city; paradiplomacy; city networks.

Acknowledgements: The work is implemented under RFBR and Sverdlovsk region grant No. 20-414-660001 p_a.

Политическое участие, публичная политика и выборы

УДК-323/2(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-2-82-95

**ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕМОБИЛИЗАЦИИ ГРАЖДАН
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

А. В. Соколов, А. В. Палагичева

Соколов Александр Владимирович, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-политических теорий факультета социально-политических наук, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова.
E-mail: alex8119@mail.ru (ORCID: 0000-0002-7325-8374).

Палагичева Ася Владимировна, ассистент кафедры социально-политических теорий факультета социально-политических наук, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова.
E-mail: fornighingale@gmail.com (ORCID: 0000-0001-9247-8412).

Аннотация

Рассмотрены понятие и сущность политической демобилизации граждан. Возникновение протестов в обществе сигнализирует о наличии социально-политических дисбалансов. Снижение участия граждан регулируется с помощью механизмов и инструментов политической демобилизации, которая разобщает и снижает способность общественных движений к развитию. Демобилизация также представлена в качестве процесса последовательных взаимодействий субъектов политики. Процессы демобилизации в современной России наиболее ярким образом отражены в конфликте между участниками коллективных действий и органами власти. Применяемые механизмы демобилизации оказывают воздействие на особенности политического поведения граждан, развитие гражданской активности в целом, а также на дальнейшее взаимодействие власти и общества.

На основе данных эмпирического исследования, проведенного методом опроса экспертов в субъектах Российской Федерации в период с 2014–2020 гг., а также анализа ряда протестных кампаний методом кейс-стади, выявлено влияние мер демобилизации на гражданскую активность, систему взаимодействий власти и общества, а также выявлена реакция граждан на демобилизационные действия власти.

Повышение мобилизационных процессов в 2020 г. говорит о существующей разбалансировке в общественных отношениях. Усиление интенсивности реализации мер противодействия протестной активности оффлайн и онлайн приводят к радикализации активности в сети, росту апатии и социального напряжения в реальном мире, а также к поиску новых возможностей и форм реализации протестных настроений в условиях их подавления.

Ключевые слова: демобилизация; протест; государство; общество; гражданская активность; Интернет.

Понятие и сущность политической демобилизации граждан

Формирование протеста является одним из показателей и сигналов о наличии дисбалансов в обществе. Политическая демобилизация призвана снижать уровень участия граждан в протесте и способность общественных движений к наращиванию протестных сил. В результате снижения протестной активности сигнал о дисбалансах и неудовлетворенностях социальных групп становится менее заметным, что замедляет формирование протеста и оказывает влияние на его дальнейшую судьбу.

Процессы политической демобилизации в современной России наиболее ярким образом отражаются в протесте и противоборстве власти и общественных групп. В качестве основных субъектов демобилизации выступают структуры государственной власти и объединенные группы граждан. Остальные субъекты (такие, как СМИ, лидеры мнений, политические партии и т.д.) имеют ключевое значение для создания коалиций и партнерств сторон, которые определяют шансы каждой из них на

успех. Стороны конфликта обладают собственным потенциалом и репертуаром действий. Результаты демобилизации проявляются в динамике и воздействуют на устойчивость государственной системы и гражданскую активность. Устойчивость государственной системы указывает на её способности восстанавливаться после нарушения равновесия и продолжать развиваться.

Политическая демобилизация, осуществляемая в процессе столкновения интересов власти и протеста, может рассматриваться в рамках концепции «сопоставительной политики» (С.Тэрроу), где протест является формой публичного оспаривания и коллективного сопротивления. По мнению Р.В. Савенкова, публичное оспаривание – это публичное возражение, несогласие граждан, их объединений с целью предотвращения решений или действий власти посредством существующих институтов и актуализации новых ресурсов и возможностей (Савенков, 2020: 39). Важным здесь является стремление оспаривания к учету мнения всех сторон в процессе принятия решения, а также стремление к созданию определенной диалоговой системы взаимоотношений власти и общества. Под протестным поведением автор понимает спонтанную, аффективную активность граждан, вызванную сбоем функционирования органов социального управления (Савенков, 2019: 129).

Некоторые ученые связывают возникновение протеста с субъективными факторами восприятия реальности, среди которых неудовлетворенность действительным положением дел в сравнении с желаемым благополучием, наличие обиды и чувства несправедливости. Протест как публичное выражение обиды, инакомыслия позволяет снять накопившееся напряжение (Travaglino, 2014).

По мнению ряда исследователей, понятие протеста выходит за рамки конвенциональных действий и признанных в обществе норм поведения (И. Друри, С. Скот). В то же время сторонники теории мобилизации ресурсов указывают на естественность возникновения общественных конфликтов. По их мнению, протест становится возможным в результате оптимизации ресурсов, организации деятельности и жесткой регламентации.

Протест также трактуется через процессы консолидации граждан и артикуляции их потребностей для оказания влияния на процесс принятия решений. Пустошинская О.С. указывает на присутствие в исследовательском поле понимания политического протеста, которое акцентирует внимание на функциональной составляющей (Пустошинская, 2010: 84). Дж. Дженкинс и Б. Кландерманс представляют протест в качестве прямых действий коллективного актора, направленных на пересмотр программы общественного развития, принципов организации публичного пространства, набора возможностей, предоставляемых членам социума в сфере перераспределения частных благ (Jenkins, Klandermans, 1995: 56).

Сетевой подход к пониманию протеста связан с особенностями построения его структуры – горизонтальные связи, доверительные отношения, общность целей, обмен ресурсами, эффективная коммуникация. Информационно-коммуникационные технологии стали инфраструктурой для реализации и развития сетевого протеста. А.И. Антоновский и Р.Э. Бараш указывают, что старые основания рекрутирования и инклюзии в протестное сообщество (групповая идентичность, групповая протестная идеология) утратили значение. Взамен возникли механизмы сетевой персонализации, основанные на личном выборе, что сделало возможными новые, более гибкие, свободные, доступные и демократичные критерии инклюзии в сетевое протестное сообщество (Антоновский, Бараш, 2019: 7).

Протестная активность, понимаемая как вовлеченность граждан в различные формы протестной активности (Волынчук, Соловченков, 2013: 27), приобретает вес и значение для общественно-политических процессов в результате мобилизации граждан. Тэрроу С. определяет демобилизацию как процесс снижения масштаба и пределов действий протестной активности (Tarrow, 1998: 147). При этом демобилизация и полное прекращение протестной активности не тождественны. Для процесса демобилизации характерны замедление агитационной активности, сокращение ресурсов вовлечения, снижение потенциала бросить вызов государству (Demirel-Pegg, Pegg, 2015: 655).

Демобилизация – это процесс, включающий последовательные взаимодействия субъектов, включая лидеров кампаний, активистов, массовую общественность и государство (Tarrow, 1989). С.Тэрроу и Д. Делла Порта (Porta, Tarrow, 1986) отмечают, что она является неизбежным результатом для разросшейся протестной кампании.

К. Дэвенпорт (Davenport, 2014: 21) указывает на четыре взаимосвязанных аспекта демобилизации:

1. Официальное прекращение и / или существенное изменение формального института, участвующего в оспаривании действий власти.
2. Уход отдельных лиц (членов) из соответствующих организаций – особенно учредителей и/или ядра активистов.

3. Прекращение или значительное сокращение диссидентского вмешательства (поведения).

4. Фундаментальный сдвиг в идеях соперника, уход от них (Faruque, 2019).

В своем исследовании А. Хонари (Honari, 2018: 956) на основании теорий общественных движений, определил стратегии, которые индивиды выбирают в ответ на подавление – в целом они демонстрируют воздержание от действий или сопротивление действиям власти. Подавление может привести как к нежеланию участвовать в протесте, так и к ряду побочных эффектов в долгосрочной перспективе, среди которых недовольство действиями власти, скрытая мобилизация активистов, поиск иных форм конфронтации. Согласно данной концепции, активисты выступают по отношению к государству как равные стратегические акторы.

Мобилизация и демобилизация как неотъемлемые этапы всего жизненного цикла протеста вытекают один из другого и имеют общую природу. Мобилизация и демобилизация действуют в одной реальности, однако, в разных направлениях.

Общественное движение, формируя организационную структуру, а также через расширение ресурсов и политических возможностей, осуществляет вовлечение граждан в коллективные действия. В исследовании семи случайно выбранных латиноамериканских стран Дж. Франклин обнаружил, что если общественные кампании привлекут большое количество участников, то претенденты будут более уверены в успехе протестов и, следовательно, будут чувствовать себя более защищенными. Однако, если уровень участия низок, репрессиями, вероятно, будет легче сдерживать участников кампании (Franklin, 2015).

Демобилизация, основываясь на тех же данных структуры и политических возможностей движений, становится барьером, выступает в качестве ограничителя для их развития и вовлечения граждан. Субъект демобилизации имеет свою организационную структуру и политические возможности, отличные от возможностей объекта. Механизмы и инструменты, позволяющие результативно вовлечь граждан в протест, оказываются под прицелом субъекта демобилизации и используются им для своей пользы.

В. Ласнье считает, что отсутствие внутреннего единства сделало кампанию «За честные выборы» в России в 2011 и 2012 гг. уязвимой для правительственных уступок. Несмотря на то, что в протестах участвовало значительное количество людей, кампания начала сворачиваться вскоре после президентских выборов в марте 2012 г. Правительство успешно отвлекло оппозицию от протестов, объявив о реформах, облегчающих регистрацию политических партий для участия в выборах в октябре 2012 г. Фракции начали добиваться регистрации вместо того, чтобы вкладывать свою энергию в протестную кампанию (Demirel-Pegg, 2017).

Т. Демирел-Пегг указывает, что существующие исследования о факторах демобилизации обычно начинаются с определения государственных стратегий, способностей организации в ведении конфликта или факторов индивидуального уровня, которые запускают процесс демобилизации (Demirel-Pegg, 2017). Однако необходимо рассматривать их в более широком контексте, так как они часто являются результатом эндогенной динамики, которая развивается в ходе мобилизационного процесса кампании.

Процессы демобилизации в современной России наиболее ярким образом отражаются в конфликте между участниками коллективных действий и органами власти. В данном исследовании рассмотрена демобилизация в протесте, где основными субъектами выступают государство и общественность. Остальные субъекты играют ключевое значение для создания коалиций и партнерств сторон, которые определяют шансы каждой из них на успех. Стороны конфликта обладают собственным потенциалом и репертуаром действий. Результаты демобилизации проявляются в динамике и воздействуют на устойчивость государственной системы и гражданскую активность. Устойчивость государственной системы указывает на её способности восстанавливаться после нарушения равновесия и бесперебойно развиваться.

Механизмы демобилизации, сформулированные С. Тэрроу (репрессии, содействие, истощение, радикализация, институализация), приводят к разобщению граждан. В результате каузальных связей запускаются новые процессы мобилизации и радикализации с использованием насильственных мер противоборства. Поставленные цели, достигаемые с помощью демобилизации, имеют результаты в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Представления о подобных репертуарах позволяют прогнозировать результаты от тех или иных мер демобилизации и принимать эффективные управленческие решения.

Методика исследования

Целью данной статьи – определение особенностей и специфики политической демобилизации граждан в протесте в России, а также выявление результатов её осуществления. Для сбора эмпирических данных была проведена серия опросов экспертов в субъектах Российской Федерации, обладающих необходимым уровнем компетентности в связи с их включенностью в региональный политический процесс в том или ином статусе. Осведомленность по проблемам исследования стала главным критерием при выборе участников опроса, которыми стали сотрудники региональных и местных органов власти, ученые, бизнесмены, члены и руководители общественных организаций, политических партий, представители СМИ и др.

Географическая выборка охватывает широкий спектр регионов страны. В соответствии с методикой выбранные для исследования регионы входят в восемь федеральных округов. В 2014 г. в исследование был включен 21 регион, в 2015 г. – 14, в 2017 г. – 15, в 2018 г. – 14, в 2019 г. – 15, в 2020 г. – 25 (см. табл. 1). Сохранение значительного географического охвата (даже при наличии незначительного изменения включаемых в выборку регионов) в ежегодных мониторингах позволяет учесть особенности социально-экономической и общественно-политической ситуации в различных территориях страны, при этом не придавая завышенного значения ни одной из них.

Охват всех ключевых экспертных групп по данной тематике позволяет говорить о валидности собранных данных как по выборке в целом, так и по отдельным регионам.

Распределение выборки и количество респондентов исследования

Субъект Федерации	2014	2015	2017	2018	2019	2020
Алтайский край	12	-	-	10	-	-
Белгородская область	-	-	-	-	-	12
Владимирская область	12	-	-	-	-	-
Вологодская область	11	-	-	-	-	11
Воронежская область	11	12	11	13	12	12
Забайкальский край	-	-	-	-	-	10
Иркутская область	14	11	10	11	10	
Кабардино-Балкарская Республика	-	-	-	-	-	12
Калининградская область	11	-	11	10	10	10
Кемеровская область	-	-	-	10	12	14
Кировская область	13	12	11	-	11	-
Костромская область	10	11	11	12	11	11
Краснодарский край	10	10	-	-	-	-
Нижегородская область	10	-	-	-	-	-
Новосибирская область	10	15	-	-	-	10
Приморский край	-	-	-	-	-	10
Республика Адыгея	11	11	12		11	12
Республика Башкортостан	10	11	10	10	10	10
Республика Бурятия	-	-	-	-	-	10
Республика Дагестан	12	13	11	-	13	13
Республика Карелия	11	-	-	-	-	-
Республика Марий Эл	-	-	-	-	-	11
Республика Мордовия	-	-	-	-	-	13
Республика Татарстан	10	10	10	11	12	13
Ростовская область	-	-	14	11	11	-
Самарская область	10	13	11	13	10	14
Саратовская область	12	14	14	13	-	-
Свердловская область	-	-	-	-	-	12

Окончание таблицы

Субъект Федерации	2014	2015	2017	2018	2019	2020
Ставропольский край	-	-	10	10	10	12
Тверская область	-	-	-	-	-	13
Ульяновская область	10	10	10	10	10	11
Хабаровская область	10	-	-	-	-	10
Челябинская область	-	-	-	-	-	10
Ярославская область	13	12	16	11	12	12
Всего	233	165	172	155	165	288

Опрос экспертов был проведен с помощью полуформализованной анкеты и заочного письменного сбора данных. Полученные по электронной почте анкеты эксперты заполняли самостоятельно. В исключительных случаях опрос проводился по телефону. Для обработки результатов опроса применялся статистический анализ данных в программном продукте SPSS.

Используемый метод независимых характеристик позволил обработать собранные данные таким образом, чтобы каждое описываемое явление получило обобщенную оценку на основе мнений независимых экспертов.

Для подтверждения собранных в ходе опроса экспертов данных было проведено «case-study», посвященное анализу и выявлению особенностей практик демобилизации граждан в протестных кампаниях в период с 2018 по 2020 гг. В результате сбора данных были рассмотрены конкретные протестные кампании, механизмы и инструменты их демобилизации. Критериями отбора кейсов были: масштабность протестной кампании, возможность осуществления анализа действий сторон, активные действия сторон мобилизации/ демобилизации, различный уровень общественного резонанса, территориальный охват (от регионального до всероссийского), различная тематика.

Метод «case-study» предполагает качественный анализ протестных кампаний по ряду переменных, исчерпывающее рассмотрение которых в результате позволяет сформировать представления о взаимосвязях и взаимозависимостях в объекте исследования. С точки зрения исследования протестной активности и мер её демобилизации в регионах выделялись следующие базовые переменные анализа:

- 1) проблема, лежащая в основе протестной активности;
- 2) субъекты протестной кампании;
- 3) временные рамки протестной кампании;
- 4) ресурсы, возможности, ограничения субъектов протестной кампании;
- 5) характер противоборства сторон конфликта;
- 6) типичные модели поведения субъектов протестной кампании;
- 7) формы протестной активности;
- 8) результативность протестной кампании.

В исследовании были проанализированы следующие протестные кампании:

- протест против передачи Исаакиевского собора Русской православной церкви (2017 г.);
- протест против фан-зоны Чемпионата мира по футболу (2018 г.);
- протест молодых семей Югры против невыплат жилищных субсидий программы «Доступное жильё — молодым» (2018 г.);
- протест против блокировки мессенджера Telegram (2018 г.);
- протест против повышения пенсионного возраста (2019 г.);
- «мусорные подмосковные протесты» (2019 г.);
- протест против застройки сквера в Екатеринбурге (2019 г.);
- протест против режима самоизоляции во Владикавказе (2020 г.);
- протест против ареста С.И. Фургала в Хабаровском крае (2020 г.).

Проведение исследования примеров протестных кампаний и демобилизации в их процессе осуществлялось следующими методами:

- сбор информации кабинетными методами исследований;
- исследование публикаций в СМИ и в социальных медиа.

Перекрестный анализ представленных кейсов и результатов опроса экспертов позволяют выявить наличествующее влияние демобилизации на гражданскую активность, подтвердить специфику и особенности демобилизационных процессов в России.

Результаты демобилизации граждан в протесте в России

Гражданские протесты как форма гражданской активности признаются сегодня одной из наименее развитых в российском обществе. Эксперты оценивают степень её развитости в 3,67 балла (по шкале от 1 до 10, где «1» - отсутствие развитости формы гражданской активности, а «10» - максимальная степень развитости формы гражданской активности). Более развитыми институтами, но всё еще довольно скромными, являются публичные слушания (4,52) и участие в выборах, референдумах (5,10). Всё остальное многообразие форм гражданской активности имеет более высокие оценки. Наиболее развитыми институтами являются волонтерская деятельность (6,57) и работа общественных организаций (6,04). Граждане чаще направляют свою активность в мирные, традиционные, институализированные формы. Их деятельность в большинстве случаев направлена на решение социальных проблем путем взаимодействия с властью, через попытки построения диалога с ней.

Однако, оценивая динамику протестных действий в 2020 г. в России, эксперты говорят о росте протестной активности (0,30 баллов – в офлайн и 1,01 – в онлайн, где по шкале от -5 до 5, где «-5» – резкое снижение протестных действий, 0 – отсутствие динамики; «5» – резкий рост протестных действий). Особенный подъем протестных акций наблюдался в сети. Ограничения в проведении массовых мероприятий в связи с пандемией послужили толчком к переходу протеста в онлайн-среду. Первые онлайн-митинги прошли в приложении Яндекс.Навигатор, что исследователи сегодня относят к новой модели протестной активности (Бронников, 2020). Однако, несмотря на запреты протеста в офлайн, активисты не перестали протестовать в реальном мире и нашли альтернативные формы выражения несогласия. Например, одиночные пикеты, которые породили новую форму с «очередью на одиночный пикет» во время акции в поддержку Ивана Сафронова. Государство реагирует на такую трансформацию санкциями и задержаниями. Вводятся понятия «одновременность», «общая организация» и «единство целей» пикета, также законом установлено допустимое расстояние между людьми. Еще одна ответная реакция граждан на ограничения действий во время режима самоизоляции продемонстрирована в протесте во Владикавказе. Её особенность заключается в том, что в процессе массовых задержаний часть представителей силовых структур отказывается от своих обязанностей и встает на сторону протестующих. В данном случае переломным моментом стало применение силовых мер подавления и разгона участников митинга.

Насыщенность российского общественно-политического процесса акциями протеста связана с возникновением череды проблем социального и политического характера, наличием претензий протестных групп к решениям власти в текущий период, возросшим чувством угнетенности и несправедливости. Ценностные ориентиры определяют решения и поведение, основываясь при этом на субъективном восприятии действительности. В связи с запретами оффлайн-мероприятий и акций происходит поиск иных путей и каналов отстаивания своих прав, переход в онлайн и в несанкционированные и неуправляемые формы активности. Адаптация, связанная с разного рода ограничениями гражданского протестного действия, проявляется двояко – демобилизующая часть населения, а другую часть, как показал 2020 год, вызывая на агрессию и мотивируя к протестным действиям. В результате разбалансировки в общественных отношениях и дестабилизации системы была нарушена регулируемость процессов гражданского участия, которая привела к необходимости экстренного реагирования.

Процессы демобилизации оказывают влияние на социально-политическую среду, которая трансформируется вместе и в результате динамики отношений власти и общества. Стратегии демобилизации, которые реализуются как меры противодействия, уступок, содействия или игнорирования в зависимости от факторов времени и контекста, приводят к разным результатам.

Как демонстрируют результаты опроса экспертов, причины, по которым органы власти выбирают стратегию во взаимоотношениях с протестующими, практически не меняются на протяжении всего периода лонгитюдного исследования, начиная с 2012 г. Угроза дестабилизации общественно-политической ситуации, малочисленность протестных акций являются главными ориентирами для власти. Противодействие протестующим оказывается и тогда, когда власти усматривают в действиях оппозиционных лидеров спекуляцию на общественных проблемах в личных целях.

Истории резонансных протестов 2020 г. (протесты в поддержку журналистов С. Прокопьевой и И. Сафронова, в Хабаровском крае, в Белоруссии, в поддержку А.Навального, в защиту шихана Куштау, против поправок к Конституции, против ограничений в период пандемии COVID-19, против несоблюдения необходимых условий работы врачей и невыплаты обещаемых компенсаций) подтверждают мнение экспертов, которые говорят, что страх возникновения социально-политической неста-

бильности в регионе имеет определяющее влияние на выбор стратегии действий органов власти. Высокая вероятность, что действия активистов достигнут определенного масштаба и повлекут за собой неустойчивость системы, нарушат её управляемость, в конечном счете стимулирует органы власти к необходимости выйти на контакт с недовольными. На это указывают 51,7% экспертов, что является самым высоким показателем за время исследования (с 2013 г.). При этом данный показатель значительно вырос и за 2020 г. (на 7,3 %).

Ф. Пивен и Р. Клоуэрд (Piven, Cloward, 1977) указывают, что разрушительный и непредсказуемый характер массовых протестов вынуждает власти идти на уступки протестующим в попытке установить сотрудничество. Как только протесты становятся более институционализированными, прежний энтузиазм уменьшается, и кампания демобилизуется. Как показывает пример протеста молодых семей в Ханты-Мансийском автономном округе (Палагичева, 2019), сохранение диалога с активистами за счет затяжных переговоров и заседаний, а также интеграция и сближение лидеров протеста с властью позволили деморализовать, а затем демобилизовать граждан.

Готовность власти выйти на коммуникацию и сотрудничество с протестными группами ограничены и зависят от уровня «разрушительной» силы протеста. Принимая решения, власти руководствуются представлениями о протесте как о деструктивной форме выражения неповиновения и угрозе для общественно-политического порядка. Динамика оценок экспертов заставила обратить внимание на ряд других причин, которые могут демонстрировать, как меняются некоторые ориентиры органов власти при выборе стратегий. Власть стала в меньшей степени (на 10,3%) видеть протестные акции как информаторов об актуальных проблемах общества и в связи с этим меньше поддерживать протестующих в решении их проблем. Увеличились показатели поддержки позиции (на 8,2% ответов экспертов), что власть воспринимает протестные акции как проявления девиантного поведения и стремится пресекать их.

Несмотря на то, что причины, по которым органы власти выбирают стратегию во взаимоотношениях с протестующими, остаются прежними, характер мер противодействия изменился. Он сместился с нежелательного (и поэтому неустойчивого) сотрудничества с протестующими, а также частого игнорирования малочисленных (и поэтому не столь заслуживающих внимания) протестных групп на открытое противодействие. Если в 2019 г. степень противодействия оффлайн- и онлайн-протестам составила 0,34 и 0,28 балла (где «-5» – противодействие протестной активности, «0» – отсутствие какого-либо воздействия, «5» – ориентация на сотрудничество), то в 2020 г. ситуация изменилась и числовые показатели приобрели отрицательные значения: -0,26 балла и -0,19 балла (соответственно).

Особенно высокую степень противодействия онлайн- и оффлайн-акциям отметили организаторы протестных онлайн-акций, перенося собственный опыт в данные оценки. Рядовые участники непротестных и протестных акций обеих площадок указывают на то, что наибольшему противодействию подверглись оффлайн-акции. Сами же организаторы протестных оффлайн-акций дают противоречивые оценки. Они считают, что государство ориентировалось на сотрудничество с оффлайн-акциями (0,946.), в то время как онлайн-акции встретили противодействие (- 0,44).

Примеры удовлетворения ряда протестных требований в 2019 г. (против строительства храма в Екатеринбурге, протесты в Шиесе, пожары в Сибири и т.д.) стали демонстрацией тенденции на поиск соглашений власти с протестными группами. Данные меры имели позитивные результаты в виде демобилизации и снятия части общественного напряжения. Протестная кампания против передачи Исаакиевского собора РПЦ (Палагичева, 2018), которая зародилась в 2017 г., разрешилась в пользу протестующих в 2019 г. в результате ряда факторов. Вопрос о передаче собора, ставший резонансным в 2017 г., приобрел острый конфликтный характер, привел к политизации протеста и долгое время не разрешался. Частичная смена городской власти, выборы губернатора в 2019 г., а также сохранившийся масштаб конфликта привел к уступкам власти.

В 2020 г. также можно отметить протесты, в результате которых власти пошли на уступки (запрет строительства углепогрузки у пос. Черемза, присвоение шихану Куштау статуса природного памятника). Однако данные кампании, которые произошли на общем фоне всплеска протестной активности, подтверждают тезис о том, что акции подобного масштаба, силы и значимости для консолидации граждан стимулируют власти к диалогу и поиску решения проблем.

Приспособление или поиск соглашений с оппозицией, вероятно, приводят к увеличению массовых акций, поскольку это сигнализирует о том, что у оппозиции есть шанс на успех (Rasler, 1996). Однако в этом случае, когда отсутствует ярко выраженная демобилизация граждан, происходит примирение граждан и власти на индивидуальном уровне. Вызванное сотрудничеством чувство консолидации успокаивает широкие массы. При этом важным является количественное соотношение уступок

и неудовлетворенных протестов на территории государства на определенном временном промежутке. Как указывают исследователи Гаврилов С. Д., Макаренко К. М., региональное пространство публичной политики определено, с одной стороны, дублированием общероссийских тенденций, с другой – уникальной исключительно для конкретного региона тематикой общественно-политической повестки дня (Гаврилов, Макаренко, 2020: 196).

Эксперты лонгитюдного исследования считают, что за последние 7 лет (с 2014 по 2020 гг.) выбор органов власти относительно форм противодействия организации и проведению протестных мероприятий кардинальным образом не изменился. По-прежнему главными механизмами и инструментами демобилизации являются:

1. Создание административных барьеров на пути организации уличных акций (так ответили 79,6% экспертов).

2. Давление на организаторов митингов, лидеров протестных групп (47,3%).

3. Преследование со стороны правоохранительных органов (40,4%).

4. Публикации в СМИ материалов, дискредитирующих протестные группы (35,6%).

Данные меры демобилизуют граждан, повышая цену их участия в протесте и затрудняя процессы организации и укрепления общественного движения. Таким образом представленные меры воздействуют на успех протестной кампании.

Однако в динамике исследования отмечается разная интенсивность в применении данных механизмов демобилизации. Особенность осуществления противодействия протестным мероприятиям в 2020 г. заключается в повышении интенсивности их применения по сравнению с 2019 г. Почти каждая из перечисленных форм противодействия, кроме публикаций в СМИ, использовалась чаще по сравнению с предыдущим годом (+ 8,3%, +12,3%, +10,2%). На это указывают оценки экспертов. Выросло значение в осуществлении силового давления на активистов протеста (+9,4%), приближаясь к показателям 2018 и 2012 гг. Множественные протестные акции 2020 г. сопровождалась применением мер «разгона», что диктуется необходимостью в условиях пандемии. Однако данная особенность отмечается и в предыдущие годы. В связи с этим можно говорить об открытом силовом противодействии протестным группам.

Давление на организаторов протеста, преследование правоохранителями являются частой практикой сопровождения акций протеста. Массовые задержания участников и организаторов акций протеста состоялись по поводу недопуска оппозиционных кандидатов на выборы в Мосгордуму. Задержание участников протестных акций становится привычной процедурой для местных и региональных протестов: в Екатеринбурге против строительства храма, в Хабаровском крае – в поддержку С. Фургала, во Владикавказе – против режима самоизоляции, а также более локальных – во множественных «мусорных» протестах и лагерях эко-активистов, выступающих против строительства мусоросжигательного заводов и свалок (Соколов, Палагичева, 2018).

Регулярные случаи подавления, арестов, обысков и других мер репрессивного характера демобилизации, особенно на коротком промежутке времени, создают кумулятивный и долгосрочный эскалационный эффекты. С течением времени происходят процессы накопления напряжения и нарастания конфликта даже при первоначальном сдерживании протеста путем повышения издержек на коллективные действия. Эффект от такого сдерживания может быть обнулен (White, 1989).

Например, после голосования по поправкам в Конституцию России (с 25 июня по 1 июля 2020 г.) на коротком временном промежутке состоялись аресты С. Фургала, И. Сафронова, обыски у активистов «Открытой России», отравление А. Навального. Одновременность этих разных случаев создает суммарный эффект в публичном пространстве. Затрагивая разные группы интересов, в условиях ограниченных ресурсов нарастающее напряжение является важным фактором для идентификации недовольных, политизации и возникновения коллективных действий.

Репрессии делегитимизируют государство и мотивируют большее число людей присоединиться к ненасильственной кампании. Протестующие заменяют ненасильственную тактику насильственной, когда репрессии повышают цену ненасильственных коллективных действий (Demirel-Pegg, Pegg, 2015: 655).

Использование публикации в СМИ материалов, дискредитирующих протестные группы, с целью противодействия протестным мероприятиям остается примерно на одном уровне по сравнению с прошлым годом (33,1% – 2019 г., 35,6% – 2020 г.). Коммуникативные механизмы и инструменты разобщения граждан привлекают меньшее внимание на фоне повышения силовых мер демобилизации. В действительности их применение распространено в российской практике. Анализ демобилизации

граждан в протесте против повышения пенсионного возраста продемонстрировал их результативность (Палагичева, Фролов, 2020).

Интернет-среда – это особая сфера для применения технологий демобилизации. Регулирование и контроль гражданской активности в сети, которое осуществляется государством, усиливается, начиная с 2017 г. (с момента начала исследования по данным показателям), что демонстрируют оценки экспертов. Введение новых регламентирующих правил поведения онлайн отражается на существовавших ранее представлениях об Интернет-пространстве как о свободных и безбарьерных площадках. Тенденция по управлению активностью в Интернете в России выражается в целом в увеличении контроля над: доступом к Интернет-ресурсам (блокировка Telegram (Палагичева, 2019), деятельностью Интернет-изданий, деятельностью физических и юридических лиц (нормативно-правовое регулирование).

Регуляция деятельности граждан в сети осуществляется в том числе посредством введения санкций и реальной ответственности за совершенные действия/высказывания. Онлайн-среда институализируется, становится менее вседозволенной, что стимулирует граждан реагировать на данные изменения тем или иным образом, в том числе через онлайн-активность.

Наложение ответственности на граждан отражается на их деятельности в сети, где информация становится публичной. Такая мера регулирования повышает риск от участия в протесте и организации самих акций. Одним из первых случаев применения закона о фейках стал административный протокол на Елену Калинину – организатора несогласованного митинга 7 апреля 2020 г. против строительства мусорного полигона на станции Шиес, из-за публикации-анонса о предстоящем шествии от 26 марта 2020 г. на её странице «ВКонтакте». В период пандемии и усугубления кризисного состояния общества нормативное регулирование информации ужесточилось.

Исследуя проблему гражданского участия в онлайн-сообществах, И.А. Бронников указывает, что онлайн-митинги будут постепенно внедряться в российский политический процесс. В этой связи онлайн-пространство становится более поляризованным и политически опасным. Доказано, что самоорганизация граждан в онлайн-сообществах способствует медленной трансформации существующего институционального каркаса (Бронников, 2020: 269). Онлайн-митинги могут служить сигналом неэффективности деятельности конкретных политических институтов.

В 2019 г. действия государства, направленные на регулирование Интернет-среды, не отразились на динамике онлайн-активности (так считают не более 50% экспертов). Часть опрошенных указали на замедление Интернет-активности в связи с опасениями за последствия своих действий (15,8%), чуть меньше (14,5% экспертов) считают, что замедление связано с адаптацией к новым условиям. Менее популярным среди экспертов (13,9%) стало мнение об ускорении динамики Интернет-активности, так как регулирование Интернета спровоцировало распространение протестных настроений онлайн-активистов. Самое непопулярное мнение (12,7% экспертов) гласит об ускорении активности в связи с поиском новых форм онлайн-активности. При этом содержание онлайн-активности не изменилось (так считают более половины экспертов – 56,8%), почти четверть опрошенных указывают на увеличение публикаций протестного характера, и 16,7% экспертов говорят о лоялизации гражданской активности в сети.

В 2020 г. воздействие от регулирования Интернет-пространства стало более ощутимым. Снизились показатели мнений экспертов, отмечающих отсутствие влияния на динамику онлайн-активности (на -7,8%). Выросло значение показателей, демонстрирующих страх пользователей сети за возможные последствия своих действий и снижение активности (+6,2%), распространение протестных настроений в сети и увеличение онлайн-активности (+2,9%), а также активизация граждан в сети в связи с поиском новых форм активности (+2%). В 2020 г. действиям гражданских активистов в Интернете всё чаще сопутствовал протестный характер. На радикализацию в коммуникациях и постах гражданских активистов указали 32,5% эксперта (+7,8% за год). При этом, по большей части содержание гражданской активности онлайн не изменилось (51,7%).

Результаты применения механизмов и инструментов демобилизации граждан зависят от реагирования активистов на данные меры, что, в свою очередь, имеет зависимость от состояния восприятия их удовлетворенности, наличия и остроты неразрешенных разногласий власти и общества, системы коммуникаций и т.д. Появление в обществе сегмента граждан, отвечающих на действия власти демонстрацией протестных установок в сети, указывает на их состояние фрустрации и, как следствие, проявление агрессии.

С.П. Поцелуев и Т.А. Подшибякина, исследуя политическую радикализацию в сетевой коммуникации и феномен эхо-камер, говорят о том, что постоянное общение в группах способствует укреп-

лению мировоззренческих предпочтений и позволяет убеждаться в правильности ценностного выбора. Кроме того, при встрече информации в Интернете, происходит выборочное восприятие в пользу той, которая ближе убеждениям индивида, что снова подкрепляет его собственную систему взглядов (Поцелуев, Подшибякина, 2018: 29).

В результате анализа кейсов протестных кампаний в России были выявлены случаи применения стратегии рефрейминга (Палагичева, 2020: 15), установление мотивационных фреймов для мобилизации граждан. Контент-анализ групп во Вконтакте, относящихся к протесту против строительства храма в Екатеринбурге, показал, что активисты «прочитывают» принятые меры демобилизации и оборачивают их выгодным для мобилизации граждан способом. Главным инструментом здесь являются социальные медиа, через которые возможна трансляция рефрейма и его распространение.

Регулирование Интернета в 2020 г. отозвалось в российском обществе поведенческой сегментацией граждан. Увеличилось количество активистов, которые демобилизуются, опасаясь за последствия своих действий в сети, и воздерживаются от активности. Возросло и количество активистов, которые негативно оценивают действия государства и, как следствие, все больше участвуют в протестной онлайн-активности. Данные представления и восприятия, а также тенденция к радикализации гражданской активности в Интернете в перспективе могут стать основанием для создания коллективной идентичности и групповой поляризации. В своих исследованиях Б. Кландерманс указывает на опасность радикализации, так как несмотря на демобилизующий эффект, она (часто вызванная неспособностью государства удовлетворить требования разочарованных, маргинализированных групп) способствует разрушительным формам политического участия, включая насильственные действия (Klandermans, 2014).

Заключение

Несмотря на то, что рост протестной активности и интенсификация противодействия ей не являются прямыми результатами применения инструментов демобилизации, эти показатели говорят о существующей разбалансировке общественных отношений и повышении мобилизационных процессов, что идет вразрез с целями применения мер демобилизации. С учетом этого и протестных событий 2020 г., можно считать обоснованными мнения экспертов о том, что меры по снижению участия граждан в протесте приводят к апатии, с одной стороны (46,5%), и росту общественного напряжения – с другой (34,4%). Опасность распространения социальной активности заключается в возможных масштабах её распространения как на другие социальные группы, так и на другие сферы жизни индивидов.

Демобилизация участников протеста, реализуемая онлайн и офлайн, влияет на реальную жизнь граждан. Они продолжают приобретать опыт участия в протесте и переживать его последствия. Задержания правоохранителями становятся привычными в сознании граждан, происходит адаптация к данным мерам. Часть населения демобилизуется, а часть становится более готовой рисковать. Формируется группа, которая не боится участвовать в несанкционированных действиях. Усиливаются моральные стимулы участия, которые основаны на образе подвига и героизации в противостоянии силе и власти.

Конфронтация части российского общества с органами власти происходит на двух уровнях – локальных протестов с городской тематикой и общефедеральной борьбой за «исправление» системы. Формы выражения несогласия граждан в условиях запрета на публичную протестную деятельность трансформируются, меняют площадки, радикализируются. Позитивные практики регулирования протестов включают применение последовательных мер системного характера для лоялизации протестных групп.

Финансовая поддержка

Статья подготовлена в рамках исследования, финансируемого за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МД-855.2020.6 «Мобилизация и демобилизация в современных практиках протестной активности».

Список литературы / References

Антоновский, А. И., Бараш, Р. Э. (2019) 'Социально-сетевые движения как метафора

искусственного интеллекта', *Вестник Томского государственного универси-*

- мета Философия. Социология. Политология*, 50, сс. 5–20. [Antonovskii, A. I., Barash, R. E. (2019) 'Social network movements as a metaphor for artificial intelligence' [Sotsial'no-setevye dvizheniya kak metafora iskusstvennogo intellekta], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 50, pp. 5–20. (In Russ.)].
- Бронников, И. А. (2020) 'Самоорганизация граждан в эпоху цифровых коммуникаций', *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2, сс. 269–285. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-14. [Bronnikov, I. A. (2020) 'Self-organization of citizens in the era of digital communications' [Samorganizatsiya grazhdan v epokhu tsifrovyykh kommunikatsii], *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*, 2, pp. 269–285. (In Russ.)].
- Волынчук, А. Б., Соловченков, С. А. (2013) 'Социальная напряженность и протестная активность в контексте анализа социальной безопасности', *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*, 1 (19), сс. 25–36. [Volynchuk, A. B., Solovchenkov, S. A. (2013) 'Social tension and protest activity in the context of social security analysis' [Sotsial'naya napryazhennost' i protestnaya aktivnost' v kontekste analiza sotsial'noi bezopasnosti], *Territoriya novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*, 1 (19), pp. 25–36. (In Russ.)].
- Гаврилов, С. Д., Макаренко, К. М. (2020) 'Характер протестной политической мобилизации в региональном публичном пространстве Волгоградской области', *Вестник Волгоградского государственного университета, Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*, 3, сс. 192–203. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.17>. [Gavrilov, S. D., Makarenko, K. M. (2020) 'The nature of protest political mobilization in the regional public space of the Volgograd region' [Kharakter protestnoi politicheskoi mobilizatsii v regional'nom publichnom prostranstve Volgogradskoi oblasti], *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 3, pp. 192–203. (In Russ.)].
- Давыдов, Д. А. (2020) 'Чей протест? Посткапиталистическая трансформация и антиномии "низовой" политической борьбы', *Общественные науки и современность*, 5, сс. 21–37. DOI: 10.31857/S086904990011119-2. [Davydov, D. A. (2020) 'Whose protest? Post-capitalist transformation and antinomies of the "grassroots" political struggle' [Chei protest? Postkapitalisticheskaya transformatsiya i antinomii "nizovoi" politicheskoi bor'by], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 5, pp. 21–37. (In Russ.)].
- Кынев, А. (2017) 'Качество региональных политических институтов: попытка измерения', *Политическая наука*, 4, сс. 259–281. DOI: 10.22394/2071-2367-2019-14-4-123-144. [Kynev, A. (2017) 'The quality of regional political institutions: an attempt to measure' [Kachestvo regional'nykh politicheskikh institutov: popytka izmereniya], *Politicheskaya nauka*, 4, pp. 259–281. (In Russ.)].
- Палагичева, А. В. (2018) 'Мобилизации граждан в протестную кампанию по сохранению музея-памятника Исаакиевский собор', *Материалы Всерос. патриот. форума "Россия: прошлое, настоящее, будущее"*, Шадринск, сс. 51–54. [Palagicheva, A. V. (2018) 'Mobilising citizens in a protest campaign to preserve the St. Isaac's Cathedral memorial museum' [Mobilizatsii grazhdan v protestnuyu kampaniyu po sokhraneniyu muzeya-pamyatnika Isaakievskii sobor], *Materialy Vseros. patriot. foruma "Rossiya: proshloe, nastoyashchee, budushchee"*, Shadrinsk, pp. 51–54. (In Russ.)].
- Палагичева, А. В. (2019) 'Технологии политической демобилизации граждан в протестных кампаниях', *Среднерусский вестник общественных наук*, 1, сс. 218–231. [Palagicheva, A. V. (2019) 'Technologies of political demobilization of citizens in protest campaigns' [Tekhnologii politicheskoi demobilizatsii grazhdan v protestnykh

- kampaniyakh], *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*, 1, pp. 218–231. (In Russ.).
- Палагичева, А. В. (2020) 'Политическая демобилизация в протесте по сохранению сквера у Театра драмы в Екатеринбурге: реакция граждан в социальных сетях', *Интернет и современное общество: сборник тезисов докладов конференции IMS-2020*, сс. 14–16. [Palagicheva, A. V. (2020) 'Political demobilization in the protest for the preservation of the square near the Drama Theater in Yekaterinburg: the reaction of citizens in social networks' [Politicheskaya demobilizatsiya v proteste po sokhraneniyu skvera u Teatra dramy v Ekaterinburge: reaktsiya grazhdan v sotsial'nykh setyakh], *Internet i sovremennoe obshchestvo: sbornik tezisev dokladov konferentsii IMS-2020*, pp. 14–16. (In Russ.).]
- Палагичева, А. В., Фролов, А. А. (2019) 'Технологии демобилизации граждан в протесте: на примере протестов против повышения пенсионного возраста в РФ', *Южно-российский журнал социальных наук*, 1, сс. 57–71. [Palagicheva, A. V., Frolov, A. A. (2019) 'Technologies of demobilization of citizens in protest: on the example of protests against raising the retirement age in the Russian Federation' [Tekhnologii demobilizatsii grazhdan v proteste: na primere protestov protiv povysheniya pensionnogo vozrasta v RF], *Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk*, 1, pp. 57–71. (In Russ.).]
- Попелуев, С. П., Подшибякина, Т. А. (2018) 'О факторах политической радикализации в сетевой коммуникации посредством «эхокамер»', *Научная мысль Кавказа*, 2, сс. 29–34. [Potseluev, S. P., Podshibyakina, T. A. (2018) 'On the factors of political radicalization in network communication through "echo chambers"' [O faktorakh politicheskoi radikalizatsii v setevoi kommunikatsii posredstvom «ekhokamer»], *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 2, pp. 29–34. (In Russ.).]
- Пустошинская, О. С. (2010) 'Политический протест как концепт: проблема дефиниции', *Альманах современной науки и образования*, 1–2, сс. 83–87. [Pustoshinskaya, O. S. (2010) 'Political protest as a concept: the problem of definition' [Politicheskii protest kak kontsept: problema definitsii], *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*, 1–2, pp. 83–87. (In Russ.).]
- Савенков, Р. В. (2020) '«Публичное оспаривание» в современных условиях: понятие, виды и формы', *Ценности и смыслы*, 2, сс. 36–51. DOI: <https://doi.org/10.24411/2071-6427-2020-10011>. [Savenkov, R. V. (2020) "Public challenge" in modern conditions: concept, types and forms' [«Publichnoe osparivanie» v sovremennykh usloviyakh: ponyatie, vidy i formy], *Tsennosti i smysly*, 2, pp. 36–51. (In Russ.).]
- Савенков, Р. В. (2019) 'Практики публичного оспаривания в центрально-чернозёмном регионе в 2018 г.: темы и модели', *Среднерусский вестник общественных наук*, 4, сс. 123–144. [Savenkov, R. V. (2019) 'Public challenge practices in the Central Chernozem Region in 2018: topics and models' [Praktiki publichnogo osparivaniya v tsentral'no-chernozemnom regione v 2018 godu: temy i modeli], *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*, 4, pp. 123–144. (In Russ.).]
- Соколов, А. В., Палагичева, А. В. (2018) 'Подмосковные протесты против мусорных полигонов: механизмы политической демобилизации', в: *Российская государственность в XXI веке: национальная идентичность и историческая память в условиях глобальной конкуренции*. сс. 190–194. [Sokolov, A. V., Palagicheva, A. V. (2018) 'Moscow region protests against landfills: mechanisms of political demobilization' [Podmoskovnye protesty protiv musornykh poligonov: mekhanizmy politicheskoi demobilizatsii] in: *Rossiiskaya gosudarstvennost' v XXI veke: natsional'naya identichnost' i istoricheskaya pamyat' v usloviyakh global'noi konkurentsii*. pp. 190–194. (In Russ.).]
- Davenport, C. (2014) *How Social Movements Die: Repression and Demobilization of the Republic of New Africa*, New York: Cambridge University Press.
- della Porta, Tarrow, S. (1986) 'Unwanted children: Political violence and the cycle of protest in Italy, 1966–1973', *European*

- Journal of Political Research*, 14(5–6), pp. 607–632.
- Demirel-Pegg, T. (2017) ‘The demobilization of protest campaigns’, *Oxford Research Encyclopedia of Politics*, pp. 1–24. DOI: 10.1093/acrefore/9780190228637.013.251.
- Demirel-Pegg, T., Pegg, S. (2015) ‘Razed, repressed and bought off: The demobilization of the Ogoni protest campaign in the Niger Delta’, *The Extractive Industries and Society*, 2 (4), pp. 654–663. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.exis.2015.09.004>.
- Faruque, O. M. (2019) ‘Contested Resource Extraction, Anti-Corporate Protests and the Politics of Movement Alliance in Bangladesh’, *Journal of Contemporary Asia*, 49 (3), pp. 410–433. DOI: 10.1080/00472336.2018.1506043.
- Franklin, J. C. (2015) ‘Persistent Challengers: Repression, Concessions, Challenger Strength, and Commitment in Latin America’, *Mobilization: An International Quarterly*, 20(1), pp. 61–80.
- Honari, A. (2018) ‘From «the effect of repression» toward «the response to repression»’, *Current Sociology Review*, 66(6), pp. 950–973.
- Jenkins, J. C., Klandermans, B. (1995) *The politics of protest. Comparative perspectives on states and social movements*. USA: University of Minnesota Press; UCL Press.
- Klandermans, P. G. (2014) ‘Identity Politics and Politicized Identities: Identity Processes and the Dynamics of Protest’, *Political Psychology*, 35 (1), pp. 1–22. DOI: 10.1111/pops.12167.
- Lasnier, V. (2017) ‘Demobilisation and its Consequences: After the Russian Movement «For Fair Elections»’, *Europe Asia Studies*, 5, pp. 771–793.
- Piven, F. F., Cloward, R. A. (1977) *Poor people’s movements: why they succeed, how they fail*. Pantheon books, New York.
- Rasler, K. (1996) ‘Concessions, repression, and political protest in the Iranian revolution’, *American Sociological Review*, 61(1), pp. 132–153.
- Tarrow, S. G. (1989) *Democracy and disorder: protest and politics in Italy, 1965-1975*. Oxford University Press, USA.
- Tarrow, S. G. (1998) ‘Power in movement: Social movements and contentious politics’, *Cambridge University Press*, p. 331.
- Travaglino, G. A. (2014) ‘Social sciences and social movements: the theoretical context’, *Contemporary Social Science*, 9 (1), pp. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1080/21582041.2013.851406>.
- White, R. W. (1989) ‘From peaceful protest Guerrilla War: micromobilization of the provisional Irish Republican Army’, *American Journal of Sociology*, 94(6), pp. 1277–1302.

Статья поступила в редакцию: 29.12.2020

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 06.03.2021

Статья принята к печати: 30.04.2021

FEATURES OF POLITICAL MOBILIZATION OF CITIZENS IN PROTEST IN MODERN RUSSIA

A. V. Sokolov, A. V. Palagicheva

A.V. Sokolov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of social and political theories of the Faculty of social and political sciences, Yaroslavl State University named after P. G. Demidov.
E-mail: alex8119@mail.ru (ORCID: 0000-0002-7325-8374).

A.V. Palagicheva, Assistant of the Department of socio-political theories of the Faculty of socio-political sciences, Yaroslavl State University named after P. G. Demidov.
E-mail: fornightingale@gmail.com (ORCID: 0000-0001-9247-8412).

Annotation

The article deals with the concept of political demobilization of citizens. The weakening of citizen participation in protests is regulated through political demobilization, which divides and reduces the ability of social movements to develop. The processes of demobilization in modern Russia are most clearly reflected in the conflict between the participants of collective actions and the authorities. The applied mechanisms of demobilization have an impact on the political behavior of citizens, the development of civil activity in general, as well as on the further interaction between the government and society.

Based on the data of an empirical study conducted by a survey of experts in the subjects of the Russian Federation in the period from 2014-2020, as well as the analysis of a number of protest campaigns by the case study method, the impact of demobilization measures on civil activity, the system of interaction between the authorities and society, and the reaction of citizens to the demobilization actions of the authorities is revealed.

The increase in mobilization processes in 2020 indicates the existing imbalance in public relations. The increased intensity of the implementation of measures to counter protest activity leads to radicalization of online activity, the growth of apathy and social tension offline.

Keywords: demobilization; protest; state; society; civic activity; Internet.

Acknowledgements: The work was prepared as part of a study funded by a grant from the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists MD-855.2020.6 "Mobilization and demobilization in modern practices of protest activity."

УДК-323:324:353(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-2-96-109

ИССЛЕДОВАНИЕ СОВМЕЩЕННЫХ ВЫБОРОВ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ И МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ 2020 Г.

А. Е. Любарев

Любарев Аркадий Ефимович, кандидат юридических наук, независимый исследователь.

E-mail: lyubarev@yandex.ru (ORCID: 0000-0001-8527-8818).

Аннотация

Анализируются итоги голосования на проходивших одновременно 13 сентября 2020 г. региональных и муниципальных выборах по партийным спискам в г. Сыктывкар и Воркута Республики Коми, г. Калуга Калужской области и в 12 районах Новосибирской области. Методами корреляционного и регрессионного анализа исследуется связь между результатами политических партий, участвовавших только в региональных выборах, и разностью результатов остальных партий на муниципальных и региональных выборах. Обсуждаются причины различного голосования избирателей на региональных и муниципальных выборах: разный набор партий в двух бюллетенях, разное расположение партий в бюллетенях, разное отношение избирателей к кандидатам, включенным в списки одной и той же партии на региональных и муниципальных выборах. Показано, что в разных регионах и даже в разных районах одного региона потери основных партий связаны с голосованием за различные малые партии. Обсуждается также место новых партий («Новые люди», «За Правду», «Зеленая альтернатива», Партия прямой демократии) в политическом спектре России. Сделан вывод о важности исследования совмещенных выборов для политической науки.

Ключевые слова: региональные выборы; муниципальные выборы; совмещение выборов; политические партии; электоральное поведение; корреляционный анализ; регрессионный анализ; Республика Коми; Калужская область; Новосибирская область.

В Российской Федерации широко практикуется совмещение выборов – проведение выборов разных уровней в один день. Эта практика начала складываться еще в 1990-е гг. и получила еще большее развитие с введением в 2012 г. единого дня голосования в сентябре. Так, 18 сентября 2016 г. во многих регионах выборы в Государственную думу совмещались с выборами региональных парламентов и/или глав регионов, а также с муниципальными выборами (Кынев и др., 2017: 10–11, 1115–1119). И в каждый из единых дней голосования 2013–2015 и 2017–2020 гг. в ряде регионов совмещались региональные и муниципальные выборы.

Совмещенные выборы представляют несомненный интерес для политологов, поскольку позволяют лучше понять электоральное поведение граждан. Особенно это касается случаев совмещения выборов разного уровня по партийным спискам. В редких случаях набор партий на выборах разного уровня оказывается одинаковым; и в этих случаях удобно сравнивать результаты одних и тех же партий. Примером могут служить выборы в Законодательное собрание Пермского края и в Пермскую городскую думу 2016 г. (Любарев и Кынев, 2017).

В большинстве случаев набор партий на выборах разного уровня различается. Чаще всего в выборах более высокого уровня (в Государственную думу по сравнению с региональным парламентом; в региональный парламент по сравнению с муниципальными выборами) участвует одна или несколько партий, не представленных на выборах более низкого уровня. И в этом случае избиратели, голосующие за данные партии на выборах более высокого уровня, вынуждены на других выборах голосовать иначе: либо за другую партию, либо делать бюллетень недействительным, либо голосовать против всех списков (в тех редких случаях, когда есть такая возможность).

Это позволяет, используя различные статистические методы, делать анализ совмещенных выборов и оценивать переток голосов между различными партиями. Фактически мы можем получить информацию о том, какие партии близки между собой в глазах избирателей, какие малые партии реально играют роль спойлеров ведущих партий и другую полезную информацию об электоральном

поведении граждан. Добавим также, что анализ совмещенных выборов позволяет выявлять некоторые аномалии в протоколах избирательных комиссий (Бузин, 2020: 110–111, 167, 561–562, 733–735), но это несколько иное направление исследований.

Опыт показывает, что результаты одной и той же партии на совмещенных выборах редко совпадают полностью. Иными словами, некоторая часть избирателей голосует различным образом. Это может быть обусловлено несколькими причинами. В первую очередь, из-за отмеченного выше различного набора партий в бюллетенях на разных выборах. Другая причина может быть связана с различным отношением к кандидатам, включенным в списки одной и той же партии на разных выборах. Такой эффект мы наблюдали на выборах 2016 г. в Пермском крае (Любарев и Ковин, 2017). Возможно влияние и других факторов, в том числе разного расположения партий в бюллетене. Наконец, нельзя исключить также ошибки избирательных комиссий при подведении итогов голосования и сознательные манипуляции (Кынев и др., 2017: 1033–1039; Любарев и Ковин, 2017; Бузин, 2020: 730–740).

К сожалению, до сих пор исследованию совмещенных выборов в России уделяется крайне мало внимания. Примером таких исследований может служить работа по выборам в Пермском крае 2016 г. (Любарев и Ковин, 2017). В настоящей работе мы продолжаем исследования в данном направлении.

Объектом исследования послужили выборы 13 сентября 2020 г. Они интересны, в первую очередь, тем, что в них приняли участие четыре вновь созданные партии – «Новые люди», «За Правду», «Зеленая альтернатива» и «Партия прямой демократии». И наше исследование призвано помочь понять их место в политическом спектре.

13 сентября 2020 г. избирались региональные парламенты 11 субъектов Федерации. Но только в трех из них эти выборы совмещались с муниципальными выборами, проводимыми по смешанной системе. Это: Республика Коми, где выборы в Государственный совет совмещались с выборами Советов городских округов Сыктывкара, Воркуты и Инты; Калужская область, где совмещались выборы областного Законодательного собрания и городской думы Калуги; Новосибирская область, где помимо областного Законодательного собрания по партийным спискам избирались Советы депутатов 16 муниципальных районов.

Целью настоящей работы является исследование совмещенных выборов в этих трех регионах.

Методика

Для анализа использовались данные об итогах голосования, размещенные на официальном портале ЦИК России, в разрезе избирательных участков (<http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom>). При этом в первую очередь исключались участки, данные с которых могли вносить искажения. Во-первых, участки, где разность между числом проголосовавших на региональных и муниципальных выборах превышала 20 человек. Это могло быть связано с наличием избирателей, имевших право голосовать на региональных, но не муниципальных выборах (обычная ситуация для участков, расположенных в больницах, а также участков, где голосуют студенты или военнослужащие) либо с ошибками или сознательными манипуляциями. В любом случае на таких участках сложно сравнивать итоги голосования на региональных и муниципальных выборах. Во-вторых, исключались небольшие участки, где голосовало менее 50 избирателей, поскольку в этих случаях даже небольшие в абсолютных числах отклонения дают значительную разницу в процентах.

Далее по каждому участку рассчитывалась разница процентов, полученных партиями, участвовавшими в обеих кампаниях, и вычислялись коэффициенты линейной корреляции между этой разницей и процентами, полученными на региональных выборах партиями, участвовавшими только в этих выборах (проценты, как обычно, рассчитывались от числа проголосовавших избирателей).

Для тех партийных пар, у которых получались значимые (для $p < 0,05$) коэффициенты корреляции, далее строились графики и вычислялись коэффициенты линейной регрессии. Если из графиков было видно, что есть участки с большими отклонениями, эти участки дополнительно исключались.

Воркута

Как отмечалось выше, в Республике Коми смешанная система на выборах 2020 г. применялась в трех городских округах – Инте, Воркуте и Сыктывкаре. Однако в Инте всего 24 избирательных

участка, из них в двух менее 100 избирателей. Это недостаточно для статистических исследований. Кроме того, в Инте в муниципальных выборах участвовали всего три партии.

В связи с этим мы ограничимся Воркутой и Сыктывкаром. Анализ выборов в Сыктывкаре будет посвящен следующему разделу.

В выборах Государственного Совета Республики Коми участвовали 8 партий – «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», «Зеленая альтернатива», «Родина», КПСС и «Коммунисты России». В выборах Совета городского округа Воркута – только четыре парламентские партии.

«Единая Россия», КПРФ и «Справедливая Россия» получили на выборах в Госсовет существенно меньше, чем в горсовет, заметно меньше и недействительных бюллетеней. И только у ЛДПР результаты обеих кампаний примерно одинаковы, даже в Госсовет чуть лучше.

Всего в Воркуте 50 избирательных участков. Мы исключили из анализа пять. Результаты по 45 оставшимся участкам мало отличаются от результатов по всем 50 участкам.

Коэффициенты корреляции между, с одной стороны, результатами «Зеленой альтернативы», «Родины», КПСС и «Коммунистов России» на выборах в Госсовет и, с другой стороны, разностью между результатами парламентских партий и долей недействительных бюллетеней на муниципальных и региональных выборах (то есть потерями этих партий из-за наличия в бюллетене других партий) представлены в табл. 1.

Таблица 1

Коэффициенты корреляции между результатами малых партий на выборах в Госсовет Коми в Воркуте и потерями парламентских партий в Воркуте на выборах в Госсовет по сравнению с муниципальными выборами

Партия	«Зеленая альтернатива»	«Родина»	КПСС	«Коммунисты России»
«Единая Россия»	0,569	0,175	0,225	-0,010
КПРФ	0,219	-0,058	0,344	0,121
ЛДПР	0,057	0,107	-0,117	0,251
«Справедливая Россия»	0,356	0,565	0,122	-0,153
Недействительные бюллетени	0,193	0,076	0,036	0,051

Примечание: жирным шрифтом выделены значимые результаты ($p < 0,05$).

Как видно из таблицы, значимыми являются корреляции результатов «Зеленой альтернативы» с потерями «Единой России» и «Справедливой России», результатов «Родины» с потерями «Справедливой России» и результатов КПСС с потерями КПРФ.

Отдельно мы посчитали корреляцию между потерями КПРФ и суммарным результатом КПСС и «Коммунистами России». Он получился немного выше, чем для одной КПСС (0,378), но все же не слишком высоким.

На рисунке 1 представлен график, иллюстрирующий зависимость потерь «Единой России» от результата «Зеленой альтернативы», а на рис. 2 – график, иллюстрирующий зависимость потерь «Справедливой России» от результатов «Родины». В обоих случаях разброс довольно большой (что иллюстрируют и не слишком высокие коэффициенты корреляции), тем не менее зависимость аппроксимируется прямой, выходящей практически из начала координат.

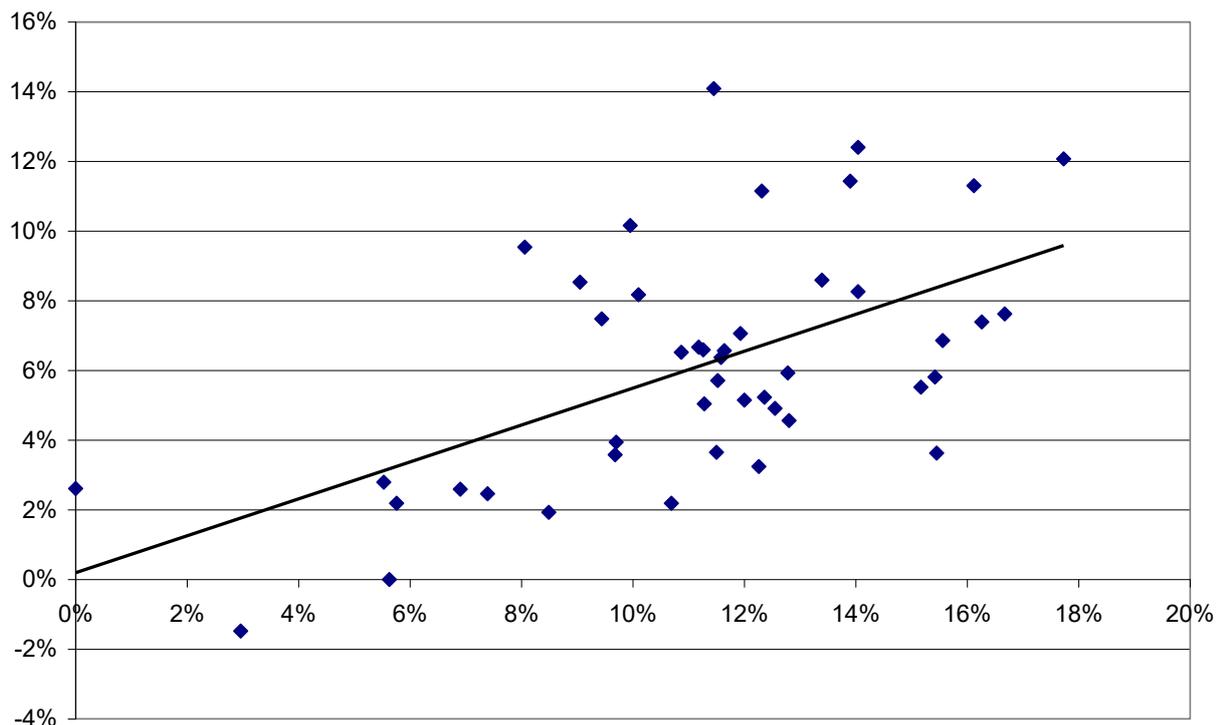

Рис. 1. Зависимость потерь «Единой России» на выборах в Госсовет Коми по сравнению с выборами в горсовет Воркуты от результатов «Зеленой альтернативы» на выборах в Госсовет Коми. Точки соответствуют избирательным участкам. Прямая – линия регрессии

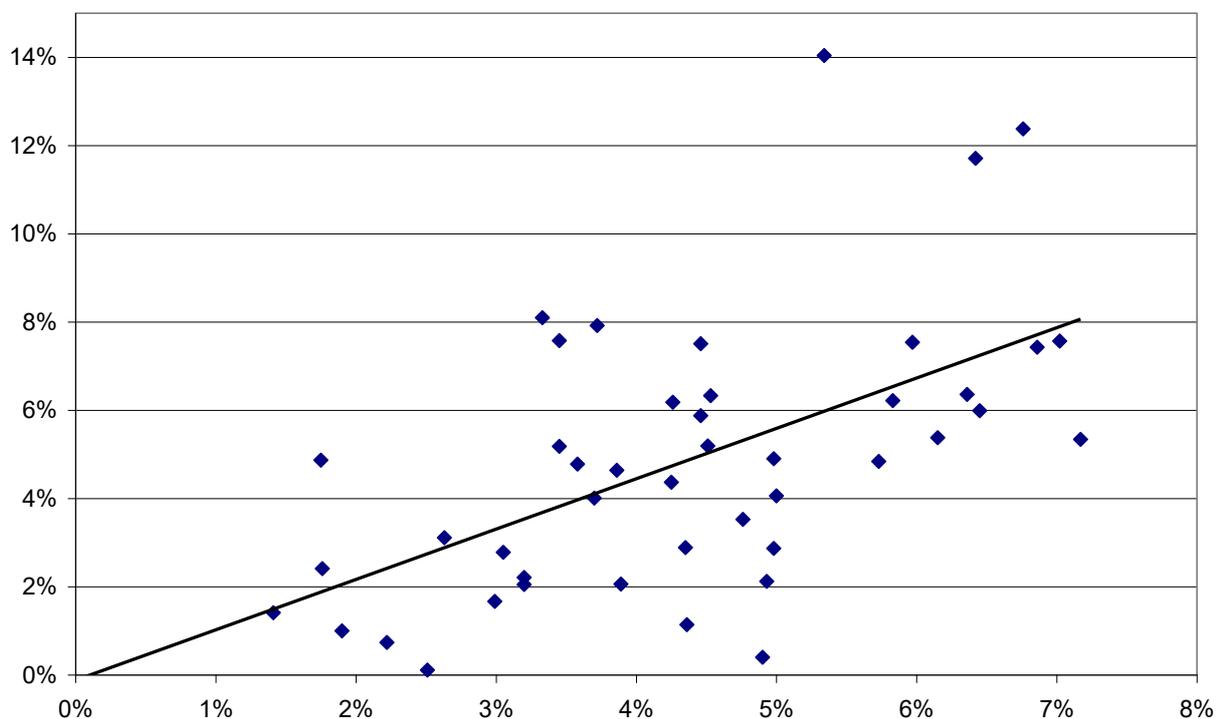

Рис. 2. Зависимость потерь «Справедливой России» на выборах в Госсовет Коми по сравнению с выборами в горсовет Воркуты от результатов «Родины» на выборах в Госсовет Коми. Точки соответствуют избирательным участкам. Прямая – линия регрессии

Для пары «Единая Россия» – «Зеленая альтернатива» зависимость аппроксимируется регрессионной прямой с коэффициентом наклона 0,530 и отсекаемым отрезком 0,002. Из этих данных мож-

но сделать вывод, что примерно 53% потерь «Единой России» (то есть около 3,5 процентных пунктов) связано с наличием в бюллетене по выборам в Госсовет «Зеленой Альтернативы».

Для пары «Справедливая Россия» – «Родина» зависимость аппроксимируется регрессионной прямой с коэффициентом наклона 1,14 и отсекаемым отрезком -0,001. При этом результат «Родины» составляет 4,5%, а потери «Справедливой России» – 4,8 процентных пункта. Таким образом, можно полагать, что избиратели, голосовавшие на выборах в Госсовет за «Родину», на выборах в горсовет почти целиком проголосовали за «Справедливую Россию».

Для пары КПРФ – сумма КПСС и «Коммунистов России» такой зависимости не получилось. Здесь аппроксимация дает наклон 0,628 и отрезок 0,059. При этом потери КПРФ составили 9,7 процентных пунктов, а суммарный результат двух альтернативных компартий – 6,1%. Таким образом, можно сделать вывод, что КПРФ потеряла голоса благодаря наличию в бюллетене на выборах в Госсовет не только спойлеров-коммунистов, но и «Зеленой альтернативы».

Сыктывкар

В выборах Совета городского округа Сыктывкар участвовали шесть партий – четыре парламентские, «Коммунисты России» и «Родина». Таким образом, только две партии («Зеленая альтернатива» и КПСС) участвовали в выборах в Госсовет, но не в выборах в горсовет.

Пять партий (все, кроме «Родины») на выборах в Госсовет получили меньший результат, чем на выборах в горсовет. При этом потери КПРФ оказались небольшими (0,2 процентных пункта), а больше всего потеряла «Единая Россия» (7,3 процентных пункта). Парадоксальным образом «Родина» получила значительно больше (на 4,7 процентных пункта) на выборах в Госсовет.

Корреляционный анализ по всем 111 избирательным участкам показал значимые значения коэффициента корреляции только для разности у «Единой России» и «Родины» – с результатами как «Зеленой альтернативы», так и КПСС. Но наиболее значимым (-0,861) оказался коэффициент корреляции между разностью у «Единой России» и у «Родины».

Однако, построив зависимость между разностями «Единой России» и «Родины», мы увидели, что участки можно легко разделить на два кластера. В первом (79 участков) разность у «Родины» лежит в интервале от -3,1 п.п. до 7,0 п.п., а у «Единой России» – от -6,5 п.п. до 8,8 п.п. Во втором (26 участков) разность у «Родины» лежит в интервале от -42,6 п.п. до -11,6 п.п., а у «Единой России» – от 15,3 п.п. до 38,3 п.п. Вне кластеров оказались 6 участков (из них у двух разность в числе проголосовавших соответственно 15 и 23, при этом на одном участке на выборах в Госсовет 35,3% недействительных бюллетеней).

Причина столь разных результатов может быть понятна в тех случаях, когда она связана с личностью тех или иных кандидатов, имеющих высокую локальную поддержку. Однако в этом случае аномалии обычно локализованы. В нашем же случае участки второго кластера оказались в разных округах по выборам в горсовет. Во всех 11 округах, подведомственных Сыктывкарской ТИК, оказались участки, входящие и в первый, и во второй кластеры.

Выявление причин такого раздвоения не входит в задачу данного исследования. Однако, учитывая явно аномальный характер результатов во втором кластере, мы исключили эти участки из рассмотрения. Также мы исключили шесть участков, не входящих ни в один из кластеров, и 18 участков, где разница в числе проголосовавших оказалась более 20, плюс один участок, где голосовало небольшое число избирателей.

Таким образом, для анализа использовались 60 участков. Здесь уже все шесть партий, включая «Родину», имеют более низкий результат на выборах в Госсовет по сравнению с городскими выборами. При этом потери «Единой России» уже не столь драматичны – 1,8 п.п. (у «Родины» 1,4 п.п., у «Справедливой России» 2,9 п.п., у ЛДПР 2,7 п.п.).

Коэффициенты корреляции и для 60 участков невысокие, даже значимые лишь немного превышают 5%-ный порог. Тем не менее, эти результаты выглядят осмысленными. Так, потери «Коммунистов России» имеют значимую корреляцию с результатами КПСС (0,377), и это подтверждает предположение, что третья компартия будет отнимать голоса скорее у второй, чем у первой (см. также рис. 3). У ЛДПР и «Справедливой России» потери слабо коррелируют с результатами «Зеленой альтернативы» (соответственно 0,296 и 0,260), у четырех других партий и недействительных бюллетеней корреляция незначима. По-видимому, «Зеленая альтернатива» отнимала голоса у всех партий, но в наибольшей степени – у ЛДПР и «Справедливой России».

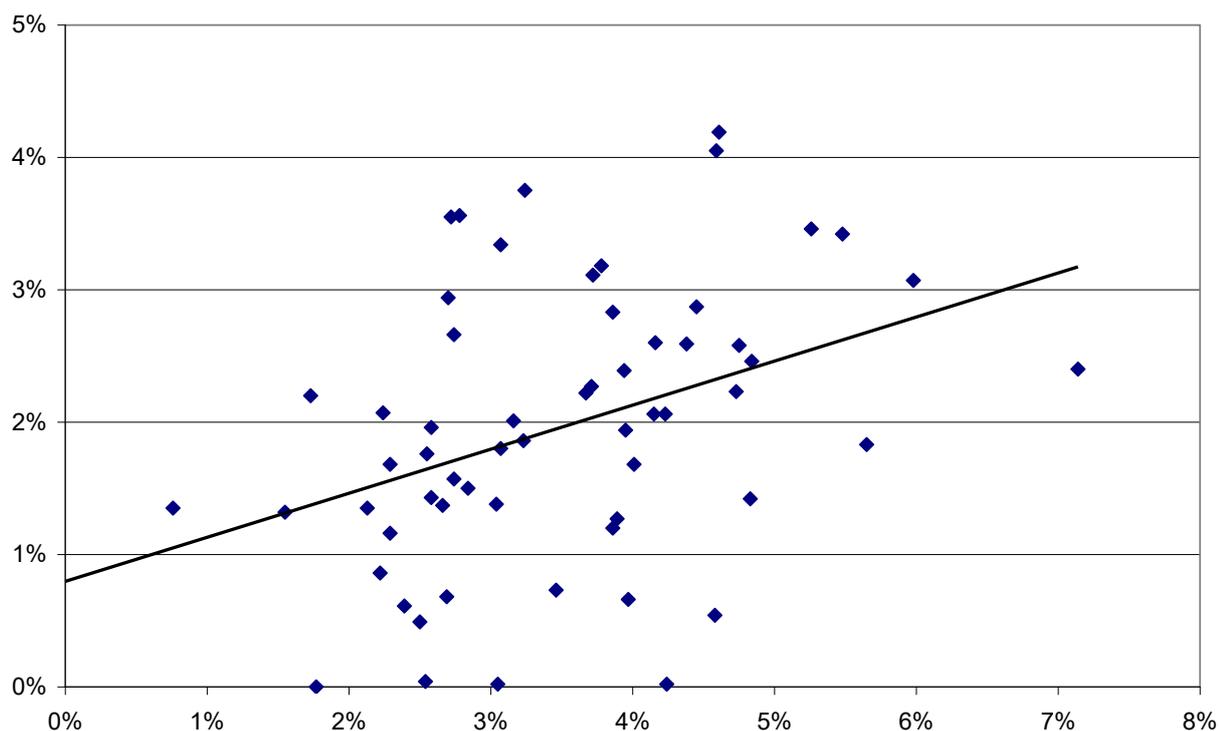

Рис. 3. Зависимость потерь «Коммунистов России» на выборах в Госсовет Коми по сравнению с выборами в горсовет Сыктывкара от результатов КПСС на выборах в Госсовет Коми. Точки соответствуют избирательным участкам. Прямая – линия регрессии

Новосибирский район

В Новосибирской области выборы по смешанной системе 13 сентября 2020 г. прошли в 16 районах. При этом в 11 из них участвовали только четыре парламентские партии. В Куйбышевском и Кыштовском районах не было списков «Справедливой России», в Чулымском – списка КПРФ. В Колыванском районе в выборах участвовали пять списков: помимо парламентских партий была также «Родина»; в Новосибирском районе – шесть списков.

Выборы в Колывановском, Куйбышевском, Кыштовском и Чулымском районах мы оставим без анализа. Поскольку Новосибирский район достаточно большой, мы рассмотрим его отдельно. Остальные 11 районов будут анализироваться в следующем разделе.

В Новосибирском районе в выборах районного Совета участвовали шесть партий: четыре парламентские, «Родина» и Российская партия пенсионеров за социальную справедливость (РППСС). При этом в выборах в Законодательное собрание по партийным спискам участвовали 10 партий. Таким образом, здесь четыре партии («Новые люди», РЭП «Зеленые», Партия Роста и «За Правду») участвовали в областных, но не в районных выборах.

Пять из шести партий на областных выборах получили меньшие результаты, чем на районных, и это, скорее всего, связано с присутствием в областном бюллетене еще четырех партий. Однако «Единая Россия» на областных выборах получила заметно больше (на 4,6 п.п.).

Всего в Новосибирском районе 74 избирательных участка. Мы исключили из анализа 17, из них 15 из-за больших расхождений в числе проголосовавших избирателей. Еще два участка исключены из-за аномальных результатов. Суммарные результаты по остальным 57 участкам немного, но существенно отличаются от результатов по всем участкам.

Коэффициенты корреляции между, с одной стороны, результатами партий «Новые люди», «За Правду», «Зеленые» и «Партии Роста» на выборах в Законодательное собрание и, с другой стороны, разностью между результатами остальных партий и долей недействительных бюллетеней на муниципальных и региональных выборах (то есть потерями этих партий из-за наличия в бюллетене других партий) представлены в табл. 2.

Коэффициенты корреляции между результатами малых партий на выборах в Законодательное собрание в Новосибирском районе и потерями других партий в Новосибирском районе на областных выборах по сравнению с муниципальными выборами

Партия	«Новые люди»	«За Правду»	«Зеленые»	«Партия Роста»
«Единая Россия»	0,093	0,041	0,122	-0,089
КПРФ	0,428	0,309	0,550	0,179
ЛДПР	0,087	0,048	-0,055	0,291
«Справедливая Россия»	0,592	0,501	0,386	0,120
РППСС	0,188	0,421	0,384	0,281
«Родина»	0,266	0,209	0,226	0,339
Недействительные бюллетени	0,310	0,188	0,194	0,114

Примечание: жирным шрифтом выделены значимые результаты ($p < 0,05$).

Как видно из таблицы, у потерь КПРФ и «Справедливой России» значимыми являются корреляции с результатами сразу трех партий – «Новые люди», «За Правду» и РЭП «Зеленые», но не с результатами «Партии Роста». Напротив, потери ЛДПР коррелируют именно с результатами «Партии Роста». У потерь РППСС значимая корреляция с результатами трех партий (кроме партии «Новые люди»), а у потерь «Родины» – с результатами «Новых людей» и «Партии Роста». Снижение доли недействительных бюллетеней значимо коррелирует только с результатами «Новых людей».

Потери / приобретения «Единой России» не имеют значимых корреляций с результатами четырех партий, участвовавших только в областных выборах. Однако они имеют небольшую, но значимую корреляцию с потерями ЛДПР (0,345) и РППСС (0,296).

Наиболее сильными оказались корреляционные связи между потерями «Справедливой России» и результатами «Новых людей», а также потерями КПРФ и результатами РЭП «Зеленые». Для этих пар мы построили графики (см. рис. 4 и 5) и определили параметры линейной регрессии.

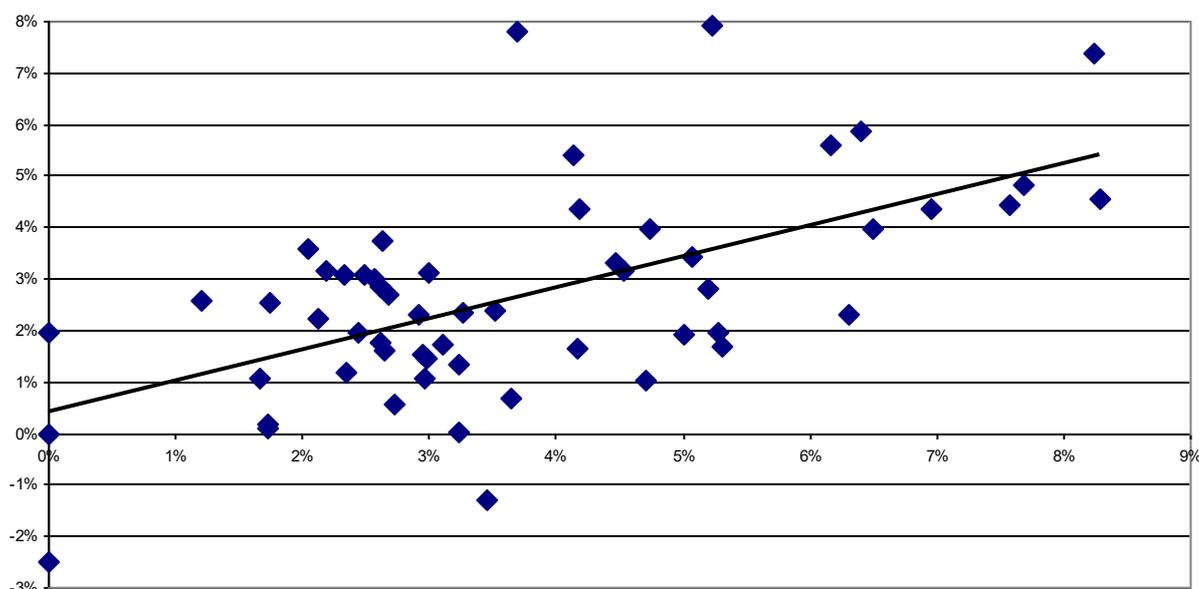

Рис. 4. Зависимость потерь «Справедливой России» на выборах в Законодательное собрание Новосибирской области по сравнению с выборами в Совет депутатов Новосибирского района от результатов партии «Новые люди» на выборах в Законодательное собрание Новосибирской области. Точки соответствуют избирательным участкам. Прямая – линия регрессии

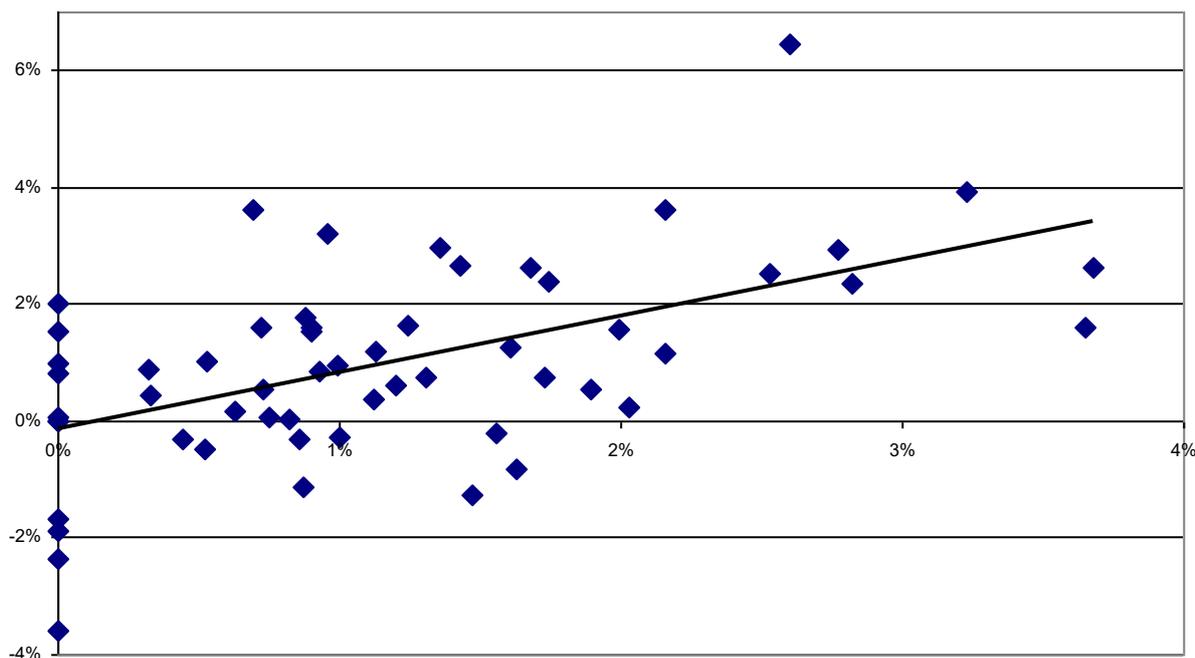

Рис. 5. Зависимость потерь КПРФ на выборах в Законодательное собрание Новосибирской области по сравнению с выборами в Совет депутатов Новосибирского района от результатов РЭП «Зеленые» на выборах в Законодательное собрание Новосибирской области. Точки соответствуют избирательным участкам. Прямая – линия регрессии

Для пары «Справедливая Россия» – «Новые люди» зависимость аппроксимируется регрессионной прямой с коэффициентом наклона 0,605 и отсекаемым отрезком 0,004. Из этих данных можно сделать вывод, что примерно 60% потерь «Справедливой России» связано с наличием в бюллетене по выборам в Законодательное собрание партии «Новые люди».

Для пары КПРФ – РЭП «Зеленые» зависимость аппроксимируется регрессионной прямой с коэффициентом наклона 0,972 и отсекаемым отрезком -0,001. Таким образом, потери КПРФ (1,3 п.п.) оказываются почти полностью покрываемыми за счет голосования за «Зеленых».

Другие районы Новосибирской области

Как отмечалось выше, в 11 районах Новосибирской области в выборах районных Советов участвовали одни и те же партии – четыре парламентские партии. Это Болотнинский, Доволенский, Каргатский, Купинский, Маслянинский, Мошковский, Северный, Сузунский, Татарский, Убинский и Чистоозерный районы. Для начала мы попробуем объединить данные об итогах голосования в этих районах и проанализировать их.

Здесь мы также видим, что три партии парламентской оппозиции на областных выборах получили более низкие результаты, чем на районных выборах (КПРФ на 3,0, ЛДПР на 3,8 и «Справедливая Россия» на 5,4 п.п.), что обусловлено присутствием в областном бюллетене дополнительно шести партий. А результат «Единой России» на областных выборах оказался немного выше (на 1,3 п.п.).

Всего в 11 районах было 409 избирательных участков. Для анализа мы первоначально отбрали 42, в том числе 8 участков, где разница в числе проголосовавших превышала 20, и 34 участка, где голосовало 50 избирателей и менее. Далее были исключены еще 12 участков с аномальными результатами. Результаты по оставшимся 355 участкам не сильно отличаются от результатов по всем участкам.

Коэффициенты корреляции между, с одной стороны, результатами непарламентских партий на выборах в Законодательное собрание и, с другой стороны, разностью между результатами парламентских партий и долей недействительных бюллетеней на муниципальных и региональных выборах (то есть потерями этих партий из-за наличия в бюллетене других партий) представлены в табл. 3.

**Коэффициенты корреляции между результатами непарламентских партий на выборах в
Законодательное собрание Новосибирской области
в 11 районах и потерями парламентских партий на областных выборах по сравнению
с муниципальными выборами**

Партия	РППСС	«Новые люди»	«За Правду»	«Родина»	«Зеленые»	«Партия Роста»
«Единая Россия»	0,190	0,217	0,180	-0,032	0,124	-0,017
КПРФ	0,291	0,185	0,032	0,155	0,054	0,095
ЛДПР	0,194	0,308	-0,024	-0,010	0,017	-0,026
«Справедливая Россия»	0,247	0,134	0,136	0,230	0,103	0,200
Недействительные бюллетени	0,184	0,173	0,052	0,091	0,090	0,073

Примечание: жирным шрифтом выделены значимые результаты ($p < 0,05$).

Как видно из таблицы, коэффициенты корреляции получились невысокие, но, тем не менее, в силу большого числа точек, среди них много значимых. И, глядя на таблицу, можно оценить, что РППСС и «Новые люди» отбирали голоса практически у всех парламентских партий, «За Правду» и «Зеленые» – в основном у «Единой России», «Родина» – в основном у КПРФ и «Справедливой России», «Партия Роста» – в основном у «Справедливой России».

Однако можно предполагать, что в отдельных районах ситуация различалась. Это видно, в частности, из табл. 4, где для каждого района (без исключенных участков) показаны потери парламентских партий и результаты трех непарламентских партий – РППСС, «Новые люди» и «Родины».

**Различия в результатах областных и районных выборов по районам
Новосибирской области, %**

Район	Результат в ЗС			Разность по району и области			
	РППСС	«Новые люди»	«Родина»	«Единая Россия»	КПРФ	ЛДПР	«Справедливая Россия»
Болотнинский	4,4	3,0	0,7	-3,6	3,9	3,2	5,0
Доволенский	6,6	2,3	2,6	-4,2	5,4	2,5	9,0
Каргатский	5,3	2,8	0,8	-1,3	4,8	3,8	2,5
Купинский	5,4	4,5	0,6	0,6	2,5	5,3	3,5
Маслянинский	4,0	3,1	0,3	-3,8	1,2	6,4	4,4
Мошковский	5,0	3,8	0,9	-2,3	3,0	5,7	5,4
Северный	5,6	7,6	0,6	-1,3	6,5	4,7	4,8
Сузунский	4,4	2,8	0,5	0,8	1,5	2,4	4,8
Татарский	4,5	3,0	0,5	-1,6	2,6	3,9	5,6
Убинский	5,8	4,0	0,9	-0,5	2,5	1,4	9,7
Чистоозерный	6,2	3,7	0,4	0,8	3,4	2,5	5,7

Мы видим, что различия между районами довольно существенные. Так, Доволенский район – единственный, где «Родина» получила существенный результат (с учетом исключенных участков 4,2%); в этом же районе лучший результат у РППСС, худший – у «Новых людей» и большие потери у «Справедливой России». В Северном районе наилучший результат у «Новых людей» и наибольшие потери у КПРФ. У ЛДПР наибольшие потери в Маслянинском районе. «Единая Россия» в трех районах на областных выборах понесла потери по сравнению с районными, а в восьми районах у нее на областных выборах лучший результат.

Попутно отметим, что исследование совмещенных выборов может пролить свет и на такой специфический вопрос, как роль первого места в избирательном бюллетене. На выборах районных Советов 13 сентября 2020 г. «Единая Россия» по жребию получила первый номер в четырех районах

– Купинском, Сузунском, Татарском и Чистоозерном. Случайно ли, что в этот ряд попали все три района, где «Единая Россия» получила на муниципальных выборах результат лучший, чем на выборах в Законодательное собрание? У «Справедливой России» первый номер был в Доволенском, Маслянинском, Северном и Убинском районах, при этом в Доволенском и Убинском у нее наибольшая разница между результатами районных и областных выборов.

Мы вычислили коэффициенты корреляции по 7 районам из 11 – кроме Доволенского, Каргатского, Северного и Убинского, где число участков менее 30 (от 32 в Болотнинском и Чистоозерном районах до 55 в Татарском районе). Значимыми получились положительные корреляции между:

- потерями «Единой России» и результатами РППСС в Мошковском (0,366) и Сузунском (0,486) районах;
- потерями «Единой России» и результатами «Новых людей» в Купинском (0,333) и Маслянинском (0,477) районах;
- потерями «Единой России» и результатами партии «За Правду» в Чистоозерном районе (0,432);
- потерями «Единой России» и результатами «Родины» в Татарском районе (0,378);
- потерями «Единой России» и результатами «Зеленых» в Купинском районе (0,435);
- потерями КПРФ и результатами РППСС в Болотнинском (0,429) и Мошковском (0,601) районах;
- потерями КПРФ и результатами «Зеленых» в Татарском районе (0,505);
- потерями ЛДПР и результатами РППСС в Купинском (0,444), Маслянинском (0,425) и Татарском (0,363) районах;
- потерями ЛДПР и результатами «Новых людей» в Купинском (0,341), Сузунском (0,415) и Татарском (0,361) районах;
- потерями «Справедливой России» и результатами РППСС в Сузунском (0,347) и Чистоозерном (0,382) районах;
- потерями «Справедливой России» и результатами «Новых людей» в Купинском (0,356) и Мошковском (0,423) районах;
- потерями «Справедливой России» и результатами партии «За Правду» в Маслянинском районе (0,433);
- потерями «Справедливой России» и результатами «Родины» в Маслянинском районе (0,356);
- потерями «Справедливой России» и результатами «Зеленых» в Мошковском районе (0,522);
- снижением доли недействительных бюллетеней и результатами РППСС (0,310), партии «За Правду» (0,300) и Партии Роста (0,304) в Купинском районе;
- снижением доли недействительных бюллетеней и результатами «Новых людей» в Сузунском (0,454) и Татарском (0,273) районах;
- снижением доли недействительных бюллетеней и результатами «Зеленых» в Чистоозерном районе (0,423).

Таким образом, мы видим, что в разных районах потери парламентских партий различным образом коррелируют с результатами непарламентских партий. Причины этого явления требуют дополнительного анализа.

В качестве иллюстрации на рис. 6 приведена зависимость потерь КПРФ от результатов РППСС в Мошковском районе. Она аппроксимируется регрессионной прямой с коэффициентом наклона 0,820 и отсекаемым отрезком -0,007. При этом потери КПРФ в Мошковском районе составляют 3,0%, а результат РППСС – 5,0%. Из этих данных можно сделать вывод, что в Мошковском районе РППСС отнимала голоса в основном у КПРФ.

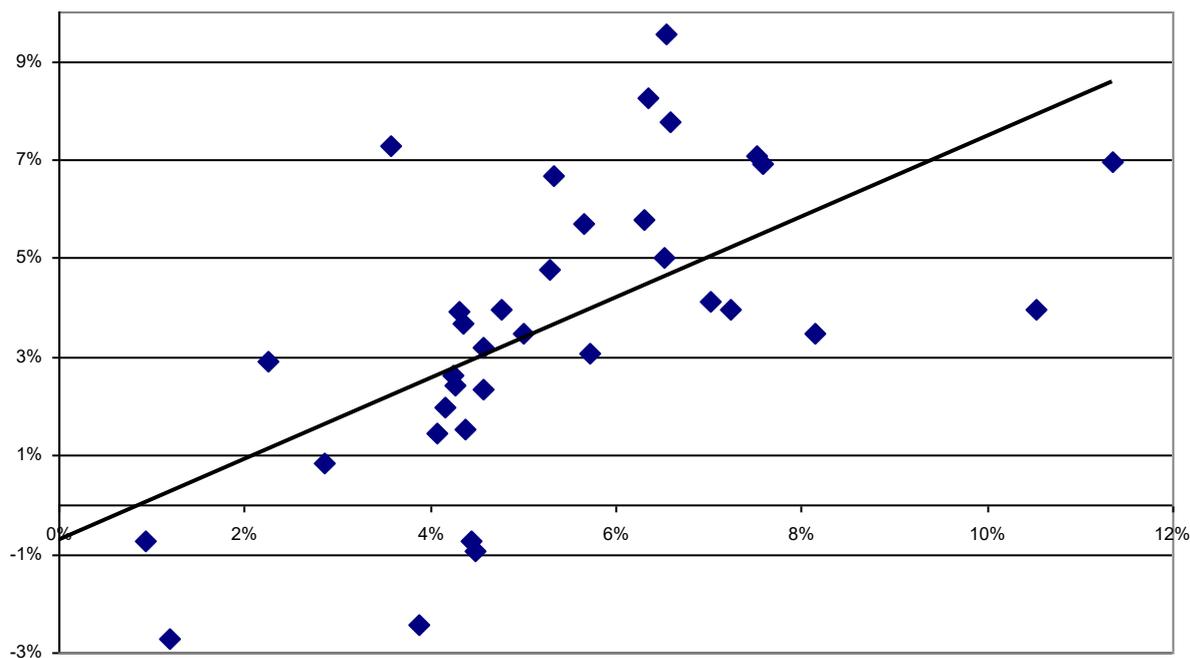

Рис. 6. Зависимость потерь КПРФ на выборах в Законодательное собрание Новосибирской области по сравнению с выборами в Совет депутатов Мошковского района от результатов РППСС на выборах в Законодательное собрание Новосибирской области. Точки соответствуют избирательным участкам. Прямая – линия регрессии

Калуга

В Калуге ситуация оказалась наиболее сложной. В выборах в Законодательное собрание участвовали 11 партий, в выборах городской Думы – 10. Но только 9 партий (четыре парламентские, «Новые люди», РППСС, «Коммунисты России», КПСС и «Партия Роста») участвовали в обеих кампаниях. Две партии («За Правду» и «Партия прямой демократии») участвовали только в областных выборах, а РОДП «Яблоко» – только в городских. Кроме того, на городских выборах в бюллетене была строка «против всех списков».

У большинства партий результаты на областных и городских выборах очень близки. Исключениями являются «Единая Россия» (разница 3,9 п.п.), КПРФ (1,2 п.п.), «Коммунисты России» (0,4 п.п.) и КПСС (-1,0 п.п.). При этом суммарный результат трех коммунистических партий на областных выборах составил 17,4%, а на городских – 16,8% (то есть разница всего 0,6 п.п.).

Разгадка различий в голосовании за коммунистов, возможно, кроется в последовательности их расположения в избирательном бюллетене. На областных выборах КПРФ имела первый номер, у «Коммунистов России» был третий номер, а КПСС занимала последнее, 11-е место. На городских выборах впереди шла КПСС (2-й номер), «Коммунисты России» были на 7-м, а КПРФ – на 8-м месте. Нетрудно предположить, что некоторая часть избирателей не пыталась разобраться в нюансах компартий, а голосовала за ту, которую первой увидела в бюллетене.

С другой стороны, у «Единой России» на городских выборах был первый номер, а на областных – второй, тем не менее, на городских выборах ее результат хуже.

Отметим также, что наличие в городском бюллетене строки «против всех» не сильно снизило долю недействительных бюллетеней – всего на 1,2 п.п., в то время как против всех городских списков голосовало 6,4%.

Всего в Калуге 156 избирательных участков. Мы сначала исключили 20, где разность между числом проголосовавших на областных и городских выборах превышала 20 человек. Далее были исключены 6 участков с высокими результатами РОДП «Яблоко» (12–21%) – это участки, относящиеся к округу № 24 по выборам Городской думы Калуги, где был избран кандидат от РОДП «Яблоко» А.Н.Колесников; на этих участках у «Единой России» результат на городских выборах был ниже на 6–12 п.п. Также исключен участок, где на городских выборах отмечен аномально высокий результат

«Коммунистов России» и одновременно большая разница у КПРФ. Исключение 27 участков мало повлияло на результаты, кроме РОДП «Яблоко» (ее результат снизился с 2,9 до 2,3%).

Большинство вычисленных нами коэффициентов корреляции оказались незначимыми. Но и те, которые превысили порог значимости, невелики. Таковы корреляция между потерями КПРФ на городских выборах по сравнению с областными и голосованием против всех списков на городских выборах (0,173), суммарными потерями трех компартий на городских выборах по сравнению с областными и результатом РОДП «Яблоко» на городских выборах (0,182), результатами партии «За Правду» на областных выборах и результатами РОДП «Яблоко» на городских (0,198), результатами «Партии прямой демократии» на областных выборах и результатами РОДП «Яблоко» на городских (0,184), разностями результатов «Коммунистов России» и КПСС (-0,225), разностями результатов КПРФ и суммы «Коммунистов России» и КПСС (-0,241).

Таким образом, картина получилась весьма нечеткая. Тем не менее, видно, что коммунистические партии отнимали голоса друг у друга, а за РОДП «Яблоко» на городских выборах хотя бы частично голосовали избиратели, которые на областных выборах поддержали коммунистов и новые партии.

Обсуждение результатов

Наши результаты показывают, что большая часть избирателей при совмещении выборов поддерживают одни и те же партии. Это вполне логично и соответствует различным теориям электро-рального поведения (Голосов, 2001: 223–253; The Routledge, 2018: 9–53).

Тем не менее, результаты одной и той же партии на совмещенных выборах редко совпадают полностью. Во вводной части мы обсуждали возможные причины этого явления: разный набор партий в бюллетенях, разное отношение к кандидатам, включенным в списки одной и той же партии на разных выборах, разное расположение партий в бюллетене, ошибки избирательных комиссий при подведении итогов голосования или сознательные манипуляции. Все эти факторы мы увидели в рассмотренных нами примерах.

В настоящей работе мы основное внимание уделяли исследованию связи между результатами партий, представленных только в одном бюллетене, и потерями партий, присутствовавших в двух бюллетенях. Для этого мы использовали корреляционный и регрессионный анализ. В одних случаях результаты получились достаточно тривиальными (связь голосования за «Родину» с потерями «Справедливой России» в Воркуте, связь голосования за КПСС с потерями «Коммунистов России» в Сыктывкаре), в других случаях – скорее неожиданными (связь голосования за РЭП «Зеленые» с потерями КПРФ в Новосибирском и Татарском районах).

Наиболее интересны данные, касающиеся четырех новых партий. «Новые люди» выступили достаточно успешно в большинстве регионов (Кынев, 2020: 25–26), при этом чаще всего они участвовали только в региональных выборах. Примером такого участия может служить Новосибирская область. Как показал наш анализ, в этом регионе «Новые люди» отбирали голоса практически у всех ведущих партий. Примерно то же самое можно сказать о партии «За Правду», хотя из-за более слабых результатов у нее реже наблюдались значимые корреляции.

О роли «Партии прямой демократии» мы можем судить только по выборам в Калуге, где у нее зафиксирована слабая, но значимая корреляция с РОДП «Яблоко», что неудивительно, учитывая либеральный имидж обеих партий.

Что касается «Зеленой альтернативы», то мы можем судить о ней на примере Республики Коми. В Воркуте мы видим явную связь голосования за новую партию с потерями «Единой России». В Сыктывкаре ситуация более сложная, в том числе и из-за выявленных аномалий; здесь больше похоже на то, что «Зеленая альтернатива» отнимала голоса у всех основных партий.

Отдельный интерес представляет ситуация с «Единой Россией». В Сыктывкаре и Воркуте, а также в трех районах Новосибирской области ее результаты на региональных выборах оказались ниже, чем на муниципальных, что можно объяснить наличием в региональном бюллетене дополнительных партий. В Калуге и большинстве районов Новосибирской области ситуация противоположная. Но если в Калуге городской бюллетень содержал строки, отсутствовавшие в областном (РОДП «Яблоко» и «против всех»), то в Новосибирской области такого фактора не было. Здесь можно думать, что сыграло роль разное отношение избирателей к областным и районным властям, но это предположение требует дополнительного изучения.

Также наше исследование дает пищу для размышлений о влиянии на итоги голосования расположения партий в бюллетене. Они связаны в том числе и с неоднократно высказанными обвинениями в манипуляциях при соответствующих жеребьевках (Кынев и др., 2017: 880–883). Этот вопрос также требует дальнейших исследований.

В целом можно сделать вывод, что исследования совмещенных выборов позволяют выявить ряд интересных явлений, связанных с электоральным поведением избирателей.

Список литературы / References

- Бузин, А. Ю. (2020) *Российские выборы: изнутри, снаружи, сбоку. Записки негосударственного человека*. Москва: КнигИздат. [Buzin, A.Yu. (2020) *Russian elections: inside, outside, on the side. Notes of a non-state person* [Rossiiskie vybory: iznutri, snaruzhi, sboku. Zapiski negosudarstvennogo cheloveka]. Moscow: KnigIzdat. (In Russ.)].
- Голосов, Г. В. (2001) *Сравнительная политология: учебник*. Санкт-Петербург: Издво Европ. ун-та. [Golosov, G. V. (2001) *Comparative Political Science: A Textbook* [Srvnitel'naya politologiya: Uchebnik]. Saint-Peterburg: European University Publishing House. (In Russ.)].
- Кынев, А. В. (2020) 'Запрос на перемены, низкая явка и трехдневное голосование', *Мониторинг региональных и местных выборов*, 13 сент. Доклад № 3. URL: https://liberal.ru/wp-content/uploads/legacy/files/articles/7668/Monitoring_Doklad_3_Kynev_konvertirovan.pdf (Дата обращения: 23 января 2021). [Kynev, A.V. (2020) 'Request for change, low turnout, and three-day voting' [Zapros na peremeny, nizkaya yavka i trekhdnevnoe golosovanie], *Monitoring of regional and local elections*, 13.09. Report No. 3. Available at: URL: https://liberal.ru/wp-content/uploads/legacy/files/articles/7668/Monitoring_Doklad_3_Kynev_konvertirovan.pdf (Accessed 23 January 2021) (In Russ.)].
- Кынев, А., Любарев А., Максимов А. (2017) *Как выбирала Россия – 2016. Результаты мониторинга избирательного процесса*. Москва: Фонд «Либеральная миссия». [Kynev, A., Lyubarev, A., Maksimov, A. (2017) *As Russia was chosen – 2016. Results of monitoring the electoral process* [Как vybirala Rossiya – 2016. Rezul'taty monitoringa izbiratel'nogo protsessa]. Moscow: The Foundation "Liberal mission". (In Russ.)].
- Любарев, А. Е., Ковин, В. С. (2017) 'Исследование совмещенных выборов: политические партии на выборах 2016 г. в Пермском крае', *Вестник Пермского университета. Политология*, 1, сс. 164–183. [Lyubarev, A. E., Kovin, V. S. (2017) 'The study of combined elections: political parties in the Perm region elections of 2016' [Issledovanie sovmeshchennykh vyborov: politicheskie partii na vyborakh 2016 g. v Permskom krae], *Review of Political Science*, 1, pp. 164–183. (In Russ.)].
- The Routledge Handbook of Elections, Voting Behavior and Public Opinion* (2018) Fisher, J., Fieldhouse, E., Franklin, M.N., Gibson, R., Cantijoch, M., and Wlezien, C. (eds). London and New York: Routledge.

Статья поступила в редакцию: 08.02.2021

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 26.04.2021

Статья принята к печати: 30.04.2021

THE STUDY OF COMBINED ELECTIONS: REGIONAL AND MUNICIPAL ELECTIONS IN 2020

A. E. Lyubarev

A. E. Lyubarev, PhD in Law, Independent Researcher.
E-mail: lyubarev@yandex.ru (ORCID: 0000-0001-8527-8818).

Abstract

The paper analyzes the results of voting at the regional and municipal elections held simultaneously on September 13, 2020 on party lists in the cities of Syktyvkar and Vorkuta of the Komi Republic, the city of Kaluga of the Kaluga Region and in 12 districts of the Novosibirsk Region. The correlation and regression analysis methods are used to study the relationship between the results of political parties that participated only in regional elections and the difference in the results of other parties in municipal and regional elections. The reasons for the choice difference in regional and municipal elections are discussed: varying set of parties in the two ballots, arrangement of parties in the ballots, and attitude of voters to the candidates included in the lists of the same party in regional and municipal elections. It is shown that in different regions and even in different districts of the same region, the losses of the main parties are associated with voting for various small parties. The place of new parties ("New People", "For Truth", "Green Alternative", "Party of Direct Democracy") in the political spectrum of Russia is also discussed. The conclusion is made about the importance of the study of combined elections for political science.

Keywords: regional elections; municipal elections; combination of elections; political parties; electoral behavior; correlation analysis; regression analysis; Komi Republic; Kaluga region; Novosibirsk region.

УДК-323:324:353(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-2-110-119

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАЦИИ ГОЛОСОВАНИЯ ЗА «ЕДИНУЮ РОССИЮ»: РОЛЬ ГЛАВ РЕГИОНОВ

Р. С. Мухаметов

Мухаметов Руслан Салихович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург.

E-mail: muhametov.ru@mail.ru (ORCID: 0000-0002-5175-8300. ResearcherID: M-7158-2016).

Аннотация

По итогам думских выборов 2016 г. «Единая Россия» получила 54,2% голосов избирателей в рамках пропорциональной системы. В региональном разрезе разброс голосов находился в промежутке между 35,19% (в Алтайском крае) и 96,29% (в Чеченской республике). Чем обусловлены региональные диспропорции в голосовании за партию «Единая Россия»? Данная статья имеет целью найти ответ на вышеназванный вопрос. В научной литературе существует несколько объяснительных моделей: одни исследователи это связывают со спецификой регионального политического режима, другие – с особенностями межэлитного взаимодействия, третьи – с влиянием этнического и экономического факторов. В настоящем исследовании тестируется концепция региональной политической машины и проверяется тезис о способности глав регионов обеспечивать более высокие электоральные результаты «партии власти». В рамках работы были выдвинуты следующие гипотезы: (1) доля голосов избирателей, полученных партией «Единая Россия» на думских выборах в регионе, будет выше, если руководителем ее регионального отделения является высшее должностное лицо субъекта РФ; (2) доля голосов избирателей, полученных партией «Единая Россия» на думских выборах в регионе, будет выше, если во главе региональной группы федерального списка кандидатов находится высшее должностное лицо субъекта РФ. Статистические вычисления произведены методом бинарной логистической регрессии. Проведенный автором регрессионный анализ показал, что ни одна из выдвинутых гипотез не получила своего подтверждения полностью. Из шести регрессионных моделей только три оказались значимыми. Каждый новый глава региона в корпусе руководителей региональных отделений партии добавил «Единой России» на думских выборах 2011 и 2007 гг. 13%. В 2016 г. увеличение количества губернаторов на первых местах региональных групп федерального списка кандидатов «партии власти» на 1 единицу привело бы к повышению электорального результата на 18%.

Ключевые слова: «Единая Россия»; «партия власти»; Госдума; электоральные исследования; парламентские выборы.

Несмотря на то, что существует огромное количество исследований, в которых говорится о слабости политических партий в постсоветской России (Hale, 2006: 4–5), на настоящий период времени можно констатировать, что политические партии являются неотъемлемым атрибутом политической системы страны, ни одни федеральные, региональные выборы не обходятся без участия партийных кандидатов. По данным Минюста, в России зарегистрировано 41 политическая партия. В то же самое время объектом настоящего исследования является одна партия, т.е. «Единая Россия». Этому есть несколько объяснений. Во-первых, она представляет собой партию парламентского большинства. В частности, в Госдуме седьмого созыва фракция «Единой России» насчитывает 343 депутата, шестого – 238, пятого – 315 и, наконец, четвертого – 223. Иными словами, по итогам выборов 2003 и 2011 гг. «Единая Россия» получила в Госдуме абсолютное большинство, в 2007 и 2016 гг. – конституционное большинство. Во-вторых, «Единая Россия» – самая многочисленная политическая партия в стране. Численность составляет свыше 2 млн 114 тыс. членов¹. В-третьих, партия позиционирует

© Мухаметов Р. С., 2021

¹ Всероссийская политическая партия «Единая Россия» (2016), *Досье*. URL: <https://tass.ru/info/2640831> (дата обращения: 02.12.2020).

себя как главный политический ресурс Президента РФ¹, который служит опорой президента в Госдуме в виде доминирующей фракции. Наличие пропрезидентского большинства в парламенте ведет к максимизации влияния президента на процесс принятия решений, помогает главе государства избавиться от необходимости вмешиваться в законодательный процесс (Голосов и Лихтенштейн, 2001).

18 сентября 2016 г. в единый день голосования прошли федеральные парламентские выборы, т.е. выборы депутатов Госдумы, по итогам которых политическая партия «Единая Россия» получила 54,2% голосов избирателей (в рамках пропорциональной системы). Это общероссийский показатель. Однако важно учитывать тот факт, что Россия – самая большая по площади территории страна в мире, регионы (группы регионов) которой отличаются между собой по самым разным показателям, начиная от численности населения, уровня урбанизации, доли русских в национальном составе и заканчивая уровнем и качеством жизни населения. В таких условиях и электоральные результаты «партии власти» в региональном разрезе также различались в 2016 г. – от 35,19% в Алтайском крае до 96,29% – в Чеченской республике.

В научной литературе существует несколько подходов к объяснению региональных диспропорции в голосовании за партию «Единая Россия». Во-первых, межрегиональные вариации поддержки «партии власти» объясняются степенью авторитаризма российских регионов. Петр Панов и Кэмерон Росс пришли к выводу, что авторитаризм является ключевой объясняющей переменной. Более сильные авторитарные правители способны контролировать региональные элиты и обеспечивать наилучшие результаты для «партии власти», оказывая административное давление на избирателей, что снижает уровень волатильности в поддержке партии (Panov and Ross, 2019; Panov and Ross, 2018). Во-вторых, исследования показывают, что существенные различия в моделях электорального доминирования «Единой России» в региональных парламентах зависят от конфигурации региональных элит и их стратегий (Panov and Ross, 2013). Получение партией и/или партийными кандидатами наиболее высоких электоральных результатов и явки, легитимирующих право на власть, зависит от поддержки ключевых элит, особенно муниципальных (Сироткина и Карандашова, 2017; Мухаметов, 2015). В-третьих, исследования показывают, что значимым фактором, влияющим на вариативность в голосовании за «Единую Россию», является доля этнических меньшинств и представителей «титульной национальности» в составе населения. Межрегиональные результаты голосования за «Единую Россию» в значительной степени объясняется плотностью этнических социальных сетей. Исследователи утверждают, что влияние доли нерусского населения на голосование за «партию власти» значительно возрастает, если нерусские группы хотя бы частично географически отделены от русских в пределах одного региона (Панов, 2019). Иными словами, высокая доля титульной этнической группы в составе населения помогает лишь в тех случаях, когда представители титульной группы проживают компактно, т.е. географически локализованы и сконцентрированы на определенной территории, так сказать, выделены (отделены) из / от других этнических групп (Minaeva and Panov, 2020). Наконец, Б. Розенфельд отмечает, что низкие экономические показатели подрывают популярность электоральных авторитарных режимов: избиратели, чьи экономические оценки (основанные на личном опыте и анализе местных условий) были отрицательными, с меньшей вероятностью поддержат доминирующую партию (Rosenfeld, 2018). Исследователи отмечают, что российский избиратель не апеллирует к краткосрочным факторам экономического голосования. Оно проявляется только в среднесрочной перспективе (Туровский, 2017: 59). Другие российские исследователи говорят об эффекте «ловушки бедности», что социально-экономическое благополучие населения влияет на исход выборов, иначе, чем предсказывается стандартными теориями экономического голосования, т.е. за партию власти голосуют бедные регионы: с более высокой безработицей, трансфертами, инвестициями, но с более низкими доходами и расходами (Щербак и др., 2017).

Таким образом, анализ научной литературы говорит о том, что объяснение причин региональных вариаций голосования за «партию власти» является достаточно популярным исследовательским направлением, поскольку в политологической литературе мы встречаем разные подходы к пониманию причин этих диспропорций. В настоящей статье в качестве концептуальной рамки исследования выбрана концепция политических машин, т.к. накануне парламентских выборов 2021 г. посты

¹ Медведев: «Единая Россия» – главный политический ресурс президента (2017). URL: <https://rg.ru/2017/01/22/medvedev-edinaia-rossia-glavnyj-politicheskij-resurs-prezidenta.html> (дата обращения: 02.12.2020).

руководителей региональных отделений партии занимают главы регионов¹. В этой связи исследовательский вопрос настоящей статьи сформулирован следующим образом: каким образом занятие губернаторами постов секретарей реготделений партии влияет на итоги думских выборов? В работе ставится задача определить роль глав регионов в электоральных результатах «Единой России» на трех последних парламентских выборах. В научной литературе сложился консенсус, что результаты регионального голосования можно рассматривать как итог работы политических машин, контролируемых влиятельными региональными руководителями (Golosov, 2014: 466). Используя данные ЦИК РФ об итогах выборов на уровне регионов, мы проверяем концепцию губернаторских политических машин эмпирическим путем. Наши результаты показывают, что утверждение, которое существует в научной литературе о способности губернаторского корпуса в целом обеспечить «партии власти» высокие проценты голосов избирателей на территории региона являются преждевременными.

Структура настоящей статьи следующая. Первая часть работы посвящена теоретическим основам исследования, а конкретно – концепции политических машин. Дизайн исследования (гипотезы, переменные и источники данных) представлен во втором разделе статьи. Итоги эмпирического анализа и их сравнение с ранее полученными результатами рассматриваются в третьей части настоящей работы. Наконец, в заключении мы обобщаем наши выводы.

Политические машины в регионах России: теоретическая основа исследования

Теоретические основы этого исследования связаны с концепцией политических машин. Данная концепция получает все большее признание в проводимых исследованиях в России. В научной литературе можно встретить два подхода к определению понятия политических машин. Во-первых, политические машины отождествляются с политическими партиями и другими политическими организациями, которые эффективно работают с электоратом для достижения победы на выборах. Во-вторых, термин «политическая машина» может относиться к политическим партиям и политическим организациям, которые используют материальные ресурсы для обеспечения поддержки избирателей и победы на выборах (Prasetyo, 2019: 321–322). Политическая машина (клиентелистская партия) в классическом понимании представляет собой организацию или группу лиц, которая мобилизует электоральную поддержку, предоставляя материальные блага и/или услуги избирателям в обмен на их голоса (Stokes, 2005: 315). В научной литературе политические машины обычно ассоциируются с покупкой голосов и практикой материального клиентоориентирования. Политические машины используют как минимум четыре клиентелистские стратегии: помимо покупки голосов есть и покупка явки, покупка воздержания и двойное убеждение (Gans-Morse, Mazzuca and Nichter, 2014: 3–4). Исследователи отмечают, что еще одной из клиентоориентированных стратегий выступает «предвыборный туризм», или «колонизация» избирательных округов, т.е. покупка переноса избирателями их регистрации из одного округа в другой с целью голосования за кандидата, которого поддерживает политическая машина (Hidalgo and Nichter, 2016: 436–437). Лица, которые определяют потребности клиентов, распределяют товары и контролируют поведение, называют политическими брокерами (Larreguy, 2013). Они являются низовыми протагонистами персонализированного и управляемого распределения государственных субсидий (Boni, 2020: 172). Исследователи говорят о четырех видах брокеров – независимый, партийный, организованный и гибридный (Holland and Palmer-Rubin, 2015).

Исследователи различаются во взглядах, говоря о предпосылках и причинах появления политических машин в России. Их возникновению способствовало сочетание двух обстоятельств: отсутствие жизнеспособных политических партий, проникающих на обширную периферию страны, а также рост внутринациональной избирательной политики (Golosov, 2013: 471). По мнению М. Бри, создание городских политических машин было обусловлено тремя факторами: существованием населения, зависящего от массового патронажа со стороны государства; наличием политических элит, которые зависят от результатов электоральной поддержки масс; обеспечением со стороны национальных элит благоприятной институциональной среды (состояния зависимости населения от государственной помощи) для функционирования городских политических машин (Brie, 1997).

Большой вклад в определение центров клиентского обмена на выборах в регионах России внес Генри Хейл. По его мнению, региональные политические машины в России опираются на сельские территории, районы компактного проживания этнических меньшинств, государственные ведом-

¹ Главы 13 субъектов РФ возглавят региональные отделения «Единой России» (2019). URL: <https://tass.ru/politika/7041802> (дата обращения: 02.12.2020); Партию власти усилят губернаторами (2020). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4298716> (дата обращения: 02.12.2020).

ства социального обеспечения (Hale, 2003). В исследовании Г. Голосова отмечается, что целевой аудиторией для политических машин в России выступают работники, занятые на государственных и частных предприятиях, бюджетники (врачи и школьные учителя), а наилучшие условия для обеспечения клиентского обмена предоставляются государственными больницами (Golosov, 2013: 477–478). В другой своей работе он обозначает территориальные основы политических машин в регионах России, а именно сельские и этнические районы (Tkacheva and Golosov, 2019). В многочисленных исследованиях подчеркивается, что политические машины, созданные главами регионов, оказались наиболее эффективными именно в национальных республиках. Одни исследователи считают, что этому способствовало несколько причин, среди которых плотность патронажных сетей среди аграрного населения этнических меньшинств, экономическое наследие советской эпохи, политизация и институционализация этничности являются ведущими объяснительными моделями (Шкель, 2019). Другие ученые говорят о том, что этнические боссы оказались в наибольшей степени заинтересованными в клиентском обмене (Goodnow, Mose and Smith, 2014). В ряде исследований отмечается, что одним из мест мобилизации избирателей для поддержки режима являются рабочие места, т.е. один из способов победы авторитарных лидеров на выборах – сотрудничество с работодателями и побуждение их мобилизовать своих работников для голосования за инкубента (Frye, Reuter and Szakonyi, 2020). Подчеркивается, что топ-менеджмент государственных предприятий, а также фирм, которые зависят от финансовой и организационной поддержки государства, с большей вероятностью мобилизуют своих работников (Frye, Reuter and Szakonyi, 2014). Эмпирические исследования показывают, что у мобилизации избирателей на рабочем месте в России есть две особенности: во-первых, запугивание более распространено, чем покупка голосов; во-вторых, запугивание избирателей особенно распространено в моногородах на градообразующих предприятиях (Frye, 2019). Необходимо отметить, что мобилизация избирателей на рабочем месте является широко распространенной практикой, присущей многим странам, а не только России (Hertel-Fernandez, 2016).

Исследователи отмечают, что ключевым актором, чьи политические машины и клиентские сети являются мощными инструментом мобилизации избирателей, являются главы регионов в России (Reuter, 2013). Многочисленные эмпирические исследования убедительно демонстрируют, что губернаторы в России играют решающую роль в обеспечении желательных для общенациональных властей результатов федеральных выборов. Губернаторы успешно используют свой политический контроль над регионами для оказания поддержки провластным кандидатам и партиям на общенациональных выборах (Tkacheva and Golosov, 2019). Относительный успех «Единой России» на выборах депутатов региональных парламентов в первой половине 2000-х гг. связывают с результатом усилий глав регионов, которые несли политическую ответственность за результаты «партии власти». Способность губернаторских политических машин обеспечивать высокие проценты «Единой России» на региональных выборах вынудило федеральный центр включить региональные политические машины в структуру «Единой России» путем отмены прямых выборов глав регионов и введения системы наделения полномочиями, т.е. *de facto* системы назначения губернаторов (Reuter and Remington, 2009). О. Рейтер отмечал, что губернаторы, которые имели доступ к автономным политическим ресурсам, более неохотно вступали в «Единую Россию» (Reuter, 2010). Как показывают исследования, продление полномочий / «переназначение» глав регионов зависит от их способности обеспечить благоприятные результаты для «Единой России» на региональных и федеральных выборах. Главный неформальный критерий эффективности, от которого зависит их политическая выживаемость, это результаты национальных, региональных и местных выборов (Reisinger and Moraski, 2013; Reuter and Robertson, 2012; Rochlitz, 2016). Однако важно подчеркнуть, что в ряде исследований данный тезис не подтверждается. Так, Г. Голосов и Т. Ткачева, проанализировав 59 регионов, где проводились губернаторские выборы с 2013 по 2015 гг., пришли к выводу, что решения Кремля, позволяющего некоторым главам регионов досрочно уйти в отставку с последующим избранием, не объясняется теорией «предвыборного вознаграждения» (Golosov and Tkacheva, 2018). В другом исследовании показано, что гипотеза о зависимости политической выживаемости губернаторов от итогов голосования в регионе за «Единую Россию» и Владимира Путина на федеральных выборах не находит подтверждения в реальности (Мухаметов, 2020).

Ученые, изучающие политическое выживание гегемонистских партий, подчеркивают важность интеграции элит. Так, Б. Магалони утверждает, что массовая поддержка и обеспечение «большой коалиции» позволяют режиму сдерживать раскол элит и манипулировать институтами, в одностороннем порядке контролируя конституционные изменения. С точки зрения исследователя, гегемонистские партии – это огромные правящие коалиции, которые существуют за счет распределения

государственных трофеев и покровительства. Иными словами, в основе создания гегемонистских партий и их электорального выживания лежит стратегия кооптации элит (Magaloni, 2006: 15–16). В авторитарных режимах государств Юго-Восточной Азии гегемонистские партии представляют собой, как отмечает Д. Слатер, «пакт о защите», т.е. проавторитарные коалиции, объединяющие элиты на основе общего восприятия угрозы (Slater, 2010: 15).

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно отметить, что доля голосов «Единой России» зависит в значительной степени от региональных «боссов», которые мобилизуют голоса избирателей. Как показывают исследования, ими могут выступать не только главы регионов, но и мэры городов (Гилев, Семенов и Шевцова, 2017; Сироткина и Карандашова, 2017). Однако подобные выводы сделаны на основе статистического анализа, как правило, результатов региональных выборов. В этих условиях есть основание проверить состоятельность концепции региональных политических машин на основе новых данных – федеральных парламентских выборов.

Дизайн исследования

Основные гипотезы исследования основаны на представленных выше теоретических соображениях.

Гипотеза 1: Доля голосов избирателей, полученных партией «Единая Россия» на думских выборах в регионе будет выше, если руководителем ее регионального отделения является высшее должностное лицо субъекта РФ.

Гипотеза 2: Доля голосов избирателей, полученных партией «Единая Россия» на думских выборах в регионе будет выше, если во главе региональной группы федерального списка кандидатов находится высшее должностное лицо субъекта РФ.

Статистические вычисления произведены методом линейной регрессии. Зависимой переменной является доля голосов избирателей, полученных партией «Единая Россия» на думских выборах по пропорциональной системе. В настоящем исследовании проверяются гипотезы по трем последним парламентским выборам – 2016, 2011 и 2007 гг. Источником данных по результатам парламентских выборов, а также федеральным спискам кандидатов в депутаты Госдумы, выдвинутые партией «Единая Россия», выступили данные ЦИК РФ. В настоящем исследовании независимая переменная получает значение 1, если руководителем регионального отделения «Единой России» (REG) или первое место в региональном списке кандидатов (PART) занимает губернатор. Список руководителей региональных отделений «партии власти» на 2007 г. взят из книги В.В. Иванова «Партия Путина: история “Единой России”» (Иванов, 2008: 335–342), на 2011 г. – с сайта wiki.politika.ru, на 2016 г. – с официального сайта партии.

Описательная статистика переменных представлена в табл. 1.

Таблица 1

Описательная статистика по переменным

Переменные	Минимум	Максимум	Среднее значение	Стандартное отклонение
Зависимые переменные				
Думские выборы 2016	35,19	96,29	51,6972	14,1916
Думские выборы 2011	29,0	99,5	49,162	16,9048
Думские выборы 2007	48,78	99,36	65,291	11,1559
Независимые переменные				
REG2016	0	1	0,1412	0,3502
REG2011	0	1	0,1084	0,3128
REG2007	0	1	0,1176	0,3241
PART2016	0	1	0,2118	0,4109
PART2011	0	1	0,5904	0,4947
PART2007	0	1	0,7294	0,4469

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты регрессионного анализа представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты линейной регрессии

Переменные	R-квадрат	Нестандартные коэффициенты		Стандартные коэффициенты	t	Значимость
		B	Станд. ошибка	Бета		
REG2016	0,007	3,443	4,431	0,085	0,777	0,439
REG2011	0,057	13,003	5,828	0,241	2,231	0,028
REG2007	0,14	13,018	3,498	0,378	3,722	0,000
PART2016	0,26	17,922	3,240	0,519	5,532	0,000
PART2011	0,044	7,171	3,712	0,210	1,932	0,057
PART2007	0,015	3,069	2,719	0,123	1,129	0,262

Как видно из табл. 2, полностью ни одна из гипотез не получила своего подтверждения. Необходимо отметить, что часть регрессионных моделей (REG2011, REG2007 и PART2016) значимы. Коэффициент B показывает, что каждый новый глава региона в корпусе руководителей региональных отделений партии добавил «Единой России» на думских выборах 2011 и 2007 гг. 13%. В 2016 г. увеличение количества губернаторов на первых местах региональных групп федерального списка кандидатов «партии власти» на 1 единицу привело бы к повышению электорального результата на почти 18%. В то же время построенные нами регрессионные модели описывают максимум 26 % случаев (PART2016), а минимум – 5% (REG2011).

Настоящий анализ будет ограничен, если остановить исследование на этом шаге. Представляется целесообразным предпринять попытку объяснения полученных результатов. Как было сказано выше, из шести регрессионных моделей три оказались значимыми. С нашей точки зрения, это вызвано большей долей представленности глав национально-государственных (республик) и национально-территориальных (автономная область и автономных округов) регионов в корпусе руководителей региональных отделений партии «Единая Россия» и региональных группах федеральных списков кандидатов (см. табл. 3).

Таблица 3

Представленность глав республик в федеральных списках кандидатов «Единой России» и в корпусе руководителей реготделений партии

Регрессионные модели	Значимость	Количество глав регионов (всего)	Количество глав регионов из национальных республики и авт-ых округов	
			в шт	в %
REG2016	0,439	12	5	41,6
REG2011	0,028	9	5	55
REG2007	0,000	10	6	60
PART2016	0,000	20	11	55
PART2011	0,057	49	21	42,8
PART2007	0,262	62	18	29

Из таблицы видно, что в значимых регрессионных моделях доля глав регионов из национальных республики и автономных округов составляет более 50%. Необходимо напомнить, что многие эмпирические исследования показывают, что для этнических территорий характерен повышенный фон голосования за «Единую Россию», о чем говорилось во введении.

Таким образом, полученные нами результаты исследования не совпадают с более ранними результатами исследований. Это связано с тем, что предшествующие выводы основывались либо на анализе выборов депутатов региональных парламентов, либо носили характер исследований, генерирующих гипотезы (Levy, 2008: 5). Вклад данной работы заключался в проверке предположения о способности политических машин во главе с губернаторами давать более высокие электоральные результаты на нескольких федеральных парламентских выборах.

Заключение

Электоральные вариации голосования за партию «Единой России» в региональном разрезе зависят от воздействия ряда факторов. Хотя большинство исследований сосредоточено исключительно на изучении влияния специфики регионального политического режима, межэлитного взаимодействия, этнического и экономического факторов, в этой статье предпринята попытка дать новое объяснение, тем самым внося вклад в научную дискуссию. В настоящей работе тестируется концепция политических машин в регионах. В более ранних работах утверждалось, что участие глав регионов в избирательной кампании «партии власти» является значимым фактором. В настоящей статье предпринята попытка определить роль губернаторов в исходе голосования за «Единую Россию». Результаты, полученные в ходе нашего исследования на основе статистического анализа данных трех последних думских выборов, опровергают и концепцию в целом, и способность губернаторов обеспечивать повышенный результат «Единой России» на федеральных выборах, в частности. Из этого следует, что замена руководителей региональных отделений партии и приход на эти посты губернаторов, предпринимаемая накануне парламентских выборов 2021 г., не окажет существенного положительного влияния на итоги голосования для «Единой России» при прочих равных условиях.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31049 «Региональная партийная элита: социально-демографические характеристики, каналы рекрутирования, карьерные траектории».

Список литературы / References

- Гилев, А., Семенов, А., Шевцова, И. (2017) 'Политические машины и их водители: электоральное администрирование на местном уровне', *Полития*, 3, сс. 62–80. [Gilev, A., Semenov, A., Shevcova, I. (2017) 'Political machines and their drivers: electoral administration at the local level' [Politicheskie mashiny i ih voditeli: jelektoral'noe administrirovanie na mestnom urovne], *Politeia*, 3. pp. 62–80. (In Russ.)].
- Голосов, Г., Лихтенштейн, А. (2001) 'Партия власти и российский институциональный дизайн: теоретический анализ', *Полис. Политические исследования*, 1, сс. 6–14. [Golosov, G., Lihtenshtejn, A. (2001) 'Party of power and Russian institutional design: a theoretical analysis' [Partija vlasti i rossijskij institucional'nyj dizajn: teoreticheskij analiz], *Polis*. *Politicheskie issledovanija*, 1. pp. 6–14. (In Russ.)].
- Иванов, В. В. (2008) *Партия Путина: история «Единой России»*. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 341 с. [Ivanov, V. V. (2008) *Putin's Party: the history of "United Russia"* [Partija Putina: istorija «Edinoj Rossii»]. Moscow: OLMA Media Group, 341 p. (In Russ.)].
- Мухаметов, Р. С. (2020) 'Кремль и переизбрание губернаторов: факторы поддержки', *Полития*, 4, сс. 137–152. [Mukhametov, R. S. (2020) 'The Kremlin and the re-election of governors: factors of support' [Kreml' i pereizbranie gubernatorov: faktory podderzhki], *Politia*, 4. pp. 137–152. (In Russ.)].
- Мухаметов, Р. С. (2015) 'Роль партии «Единая Россия» в консолидации элит на муниципальном уровне', *Ars Administrandi*, 1, сс. 85–94. [Mukhametov, R. S. (2015)

- ‘The Role of the United Russia party in the consolidation of elites at the municipal level’ [Rol' partii «Edinaja Rossija» v konsolidacii jelit na municipal'nom urovne], *Ars Administrandi*, 1. pp. 85–94. (In Russ.)]
- Панов, П. В. (2019) ‘Пространственная локализация этнических групп как фактор голосования на выборах в национальных республиках Российской Федерации’, *Вестник Пермского федерального исследовательского центра*, 2, сс. 53–62. [Panov, P. V. (2019) ‘Territorial localization of ethnic groups as a voting factor in elections in the national republics of the Russian Federation’ [Prostranstvennaja lokalizacija jetnicheskikh grupp kak faktor golosovanija na vyborah v nacional'nyh respublikah Rossijskoj Federacii], *Bulletin of the Perm Federal research center*, 2. pp. 53–62. (In Russ.)].
- Сироткина, Е., Карандашова, С. (2017) ‘Лояльность элит и выборы глав регионов: роль предвыборных конфликтов в исходе голосования’, *Полис. Политические исследования*, 6, сс. 76–91. [Sirotkina, E., Karandashova, S. (2017) ‘Loyalty of elites and elections of heads of regions: the role of pre-election conflicts in the outcome of voting’ [Lojal'nost' jelit i vybory glav regionov: rol' predvybornyh konfliktov v ishode golosovanija], *Polis. Politicheskie issledovanija*, 6. pp. 76–91. (In Russ.)].
- Туровский, Р. Ф. (2017) ‘Влияние экономики на электоральное поведение в России: работает ли «контракт» власти и общества?», *Полития*, 3, сс. 42–61. [Turovsky, R. F. (2017) ‘Influence of the economy on electoral behavior in Russia: does the "contract" of power and society work?’ [Vlijanie jekonomiki na jelektoral'noe povedenie v Rossii: rabotaet li «kontrakt» vlasti i obshhestva?], *Politia*, 3. pp. 42–61. (In Russ.)].
- Шкель, С. Н. (2019) ‘Бастионы традиции: этнический фактор и политические машины в регионах России’, *Полис. Политические исследования*, 1, сс. 49–70. [Shkel, S. N. (2019) ‘Bastions of tradition: ethnic factor and political machines in the regions of Russia’ [Bastiony tradicii: jetnicheskij faktor i politicheskie mashiny v regionah Rossii], *Polis. Politicheskie issledovanija*, 1. pp. 49–70. (In Russ.)].
- Щербак, А. Н., Смирнова, Д. О., Озернова, Е. П., Лепешко, Е. В., Купка, А. и Калинин, А. (2017) ‘Холодильник VS. телевизор? Экономическое голосование на выборах в Государственную думу РФ 2016 г.’, *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 3, сс. 137–155. [Shherbak, A. N., Smirnova, D. O., Ozernova, E. P., Lepeshko, E. V., Kupka, A., Kalinin, A. (2017) ‘Refrigerator VS. TV? Economic voting in the elections to the State Duma of the Russian Federation in 2016’ [Holodil'nik VS. televizor? Jekonomicheskoe golosovanie na vyborah v Gosudarstvennuju dumu RF 2016 g.], *Bulletin of Perm University. Series: Political Science*, 3. pp. 137–155. (In Russ.)].
- Boni, S. (2020) ‘Reconciling the State and Diffused Autonomy? Political Brokers in Venezuelan Poder popular’, *Latin America Perspectives*, 47 (4), pp. 170–189.
- Brie, M. (1997) ‘The Political Regime of Moscow – Creation of a New Urban Machine?’, *Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung GmbH (WZB) Reichpietschufer 50. D-10785. Berlin*. URL: <https://bibliothek.wzb.eu/pdf/1997/p97-002.pdf> (accessed on 02.12.2020).
- Frye, T. (2019) ‘Hitting Them With Carrots: Voter Intimidation and Vote Buying in Russia’, *British Journal of Political Science*, 49 (3), pp. 857–881.
- Frye, T., Reuter, O. and Szakonyi, D. (2020) ‘Vote Brokers, Clientelist Appeals, and Voter Turnout: Evidence from Russia and Venezuela’, *World Politics*, 71 (4), pp. 710–746.
- Frye, T., Reuter, O. And Szakonyi, D. (2014) ‘Political Machines at Work: Voter Mobilization and Electoral Subversion in the Workplace’, *World Politics*, 66 (2), pp. 195–228.
- Gans-Morse, J., Mazzuca, S. and Nichter, S. (2014) ‘Varieties of Clientelism: Machine Politics during Elections’, *American Journal of Political Science*, 58 (2), pp. 415–432.
- Golosov, G. (2013) ‘Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies’, *Demokratizatsiya*, 21 (4), pp. 459–480.
- Golosov, G. (2014) ‘The territorial genealogies of Russia's political parties and the transferability of political machines’, *Post-Soviet Affairs*, 30 (6), pp. 464–480.

- Golosov, G. and Tkacheva, T. (2018) 'Let My People Run. Pre-election Resignations of Russia's Governors, 2013–2015', *Problems of Post-Communism*, vol. 65, 4, pp. 243–252.
- Goodnow, R., Mose, R. and Smith T. (2014) 'Ethnicity and electoral manipulation in Russia', *Electoral Studies*, 36, pp. 15–27.
- Hale, H. (2003) 'Explaining Machine Politics in Russia's Regions: Economy, Ethnicity, and Legacy', *Post-Soviet Affairs*, 19 (3), pp. 228–263.
- Hale, H. (2006) *Why Not Parties in Russia? Democracy, Federalism, and the State*. New York: Cambridge university press.
- Hertel-Fernandez, A. (2016) 'How Employers Recruit Their Workers into Politics And Why Political Scientists Should Care', *Perspectives on Politics*, 14 (2), pp. 410–421.
- Hidalgo, F. and Nichter, S. (2016) 'Voter Buying: Shaping the Electorate through Clientelism', *American Journal of Political Science*, 60 (2), pp. 436–455.
- Holland, A. and Palmer-Rubin, B. (2015) 'Beyond the Machine: Clientelist Brokers and Interest Organizations in Latin America', *Comparative Political Studies*, 48 (9), pp. 1186–1223.
- Larreguy, H. A. (2013) 'Monitoring Political Brokers: Evidence from Clientelistic Networks in Mexico', *Epsa 2013 Annual General Conference Paper 655*. URL: <https://economics.mit.edu/files/8456/> (accessed on 02.12.2020).
- Levy, J. (2008) 'Case Studies: Types, Designs, and Logics of Inference', *Conflict Management and Peace Science*, 25, pp. 1–18.
- Magaloni, B. (2006) *Voting for Autocracy: Hege-
monic party survival and its demise in Mexico*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Minaeva, E. and Panov, P. (2020) 'Localization of Ethnic Groups in the Regions as a Factor in Cross-Regional Variations in Voting for United Russia', *Russian Politics*, 5, pp. 131–153.
- Panov, P. and Ross, C. (2019) 'Volatility in Electoral Support for United Russia: Cross-Regional Variations in Putin's Electoral Authoritarian Regime', *Europe-Asia Studies*, 71 (2), pp. 268–289.
- Panov, P. and Ross, C. (2018) 'The dynamic nationalisation of voting for United Russia: the stability / instability of regional deviations from national results', *East European Politics*, 34 (1), pp. 97–114.
- Panov, P. and Ross, C. (2013) 'Sub-National Elections in Russia: Variations in United Russia's Domination of Regional Assemblies', *Europe Asia Studies*, 65 (4), pp. 737–752.
- Reisinger, W. and Moraski, B. (2013) *Russia's Governors under Presidential Control, 2005–2012: A Survival Analysis of Gubernatorial Tenures*. URL: https://ir.uiowa.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1102&context=polisci_pubs (accessed on 02.12.2020).
- Reuter, O. (2013) 'Regional Patrons and Hegemonic Party Electoral Performance in Russia', *Post-Soviet Affairs*, 29 (2), pp. 101–135.
- Reuter, O. (2010) 'The Politics of Dominant Party Formation: United Russia and Russia's Governors', *Europe-Asia Studies*, 62 (2), pp. 293–327.
- Reuter, O. and Remington, T. (2009) 'Dominant Party Regimes and the Commitment Problem: The Case of United Russia', *Comparative political studies*, 42 (4), pp. 501–526.
- Reuter, O. and Robertson, G. (2012) 'Subnational Appointments in Authoritarian Regimes: Evidence from Russian Gubernatorial Appointments', *Journal of Politics*, 74 (2), pp. 1023–1037.
- Rochlitz, M. (2016) 'Political Loyalty vs Economic Performance: Evidence from Machine Politics in Russia's Regions', *Higher School of Economics Working Papers, Series: Political Science*, WP BRP 34/PS/2016. URL: <https://wp.hse.ru/data/2016/05/10/1129315894/34PS2016.pdf> (accessed on 01.03.2020)
- Rosenfeld, B. (2018) 'The Popularity Costs of Economic Crisis under Electoral Authoritarianism: Evidence from Russia', *American Journal of Political Science*, 62 (2), pp. 382–397.
- Slater, D. (2010) *Ordering Power: Contentious Politics and Authoritarian Leviathans in Southeast Asia*. Cambridge: Cambridge University Press,
- Stokes, S. (2005) 'Perverse Accountability: A Formal Model of Machine Politics with Evidence from Argentina', *American Political Science Review*, 99, 3, pp. 315–325.
- Tkacheva, T. and Golosov, G. (2019) 'United Russia's Primaries and the Strength of Po-

litical Machines in the Regions of Russia: Evidence from the 2016 Duma Elections', *Europe-Asia Studies*, 71 (5), pp. 824–839.

Prasetyo, W. (2019) 'Political Machine and Challenger Victory in a Javanese Village Chief Election', *PCD Journal*, 7 (2), pp. 317–348.

Статья поступила в редакцию: 11.01.2021

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 28.04.2021

Статья принята к печати: 30.04.2021

REGIONAL VARIATIONS OF VOTING FOR «UNITED RUSSIA»: THE ROLE OF REGIONAL HEADS

R. S. Mukhametov

R. S. Mukhametov, Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of Political Science,

Ural federal university named after the first president of Russia B.N. Yeltsin, Russia, Yekaterinburg.

E-mail: muhametov.ru@mail.ru (ORCID: 0000-0002-5175-8300. ResearcherID: M-7158-2016).

Abstract

According to the results of the 2016 Duma elections, "United Russia" received 54.2% of the vote under the proportional system. In the regional context, the spread of votes was between 35.19% (in the Altai Territory) and 96.29% (in the Chechen Republic). What causes regional disparities in the vote for the United Russia party? This article aims to find an answer to the above question. In this study, the concept of a regional political machine and the thesis about the ability of regional heads to ensure higher electoral results of the "party in power" are tested. Statistical calculations were performed using binary logistic regression. The regression analysis carried out by the author showed that none of the hypotheses was fully confirmed. Of the six regression models, only three were significant. Each new head of the region in the corps of heads of regional branches of the party added 13% to "United Russia" in the Duma elections in 2011 and 2007. In 2016, an increase in the number of governors in the first places of the regional groups of the federal list of candidates of the "party of power" by 1 unit would lead to an increase in the electoral result by 18%.

Keywords: «United Russia»; «party of power»; State Duma; electoral research; parliamentary elections.

Acknowledgements: The work is implemented under RFBR and EISI grant No. 20-011-31049 'Regional party elite: socio-demographic characteristics, recruitment channels, career trajectories'.

УДК-323:353(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-2-120-128

ПОСТКАРЬЕРА РОССИЙСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ 1991–2020: ОСНОВНЫЕ ТРАЕКТОРИИ

А. М. Флягин

Флягин Артем Михайлович, ассоциированный научный сотрудник,
Социологический институт РАН – филиала ФНИСЦ РАН, Россия, Санкт-Петербург;
аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: artemflyag@gmail.com (ORCID: 0000-0002-2538-0201. ResearcherID: K-6633-2018).

Аннотация

Проведён сбор и анализ биографий всех глав регионов, занимавших свои посты с 1991 по 2020 гг. Основным фокусом внимания данной работы стала карьера бывших глав регионов после их ухода с должности. Информацию о посткарьере региональных глав удалось найти в 268 случаях. Наиболее популярными направлениями постгубернаторской карьеры были федеральные органы власти и бизнес. Гораздо менее популярны региональные органы, а муниципальные органы власти почти не представлены. В большинстве случаев должность губернатора была «трамплином» в карьере. Анализ изменений основных направлений посткарьеры с течением времени показал чёткое отражение последствий политики рецентрализации: прослеживается маргинализация региональной и местной политики и нацеленность бывших губернаторов на переход в центральные органы власти. Помимо этого, высокая популярность бизнес-структур наталкивает на вывод о плутократизации регионального уровня власти. Чётко прослеживается большое количество назначений в Совет Федерации, который можно считать почётной синекурой для лояльных центру глав.

Ключевые слова: губернаторы; карьера; посткарьера; биографии; региональная власть; центр-регионы.

Исследование губернаторского уровня власти всегда привлекает большое внимание научного сообщества. Это можно объяснить тем, что губернаторская власть занимает промежуточное звено между локальными сообществами и центральными властями. Такое положение предоставляет определённый объём ресурсов, в распределении которых так или иначе губернаторы принимают непосредственное участие, будь то дотации от центральных властей или доходы регионального бюджета. Ко всему этому они так или иначе имеют подчинённое положение, по отношению к центральным властям, и вынуждены исполнять запросы, поступающие сверху, являясь проводником политики центральных властей в регионе, но при этом имеют возможность двусторонней коммуникации с центральными органами власти. Таким образом, губернаторы предстают как главные представители аккумулярованных интересов подконтрольного им региона, так и проводники воли центральных властей на местах.

Многие исследователи, как отечественные, так и зарубежные, описывают тонкости регионального политического процесса и предвыборной борьбы. Существует множество работ, описывающих как отдельные участки, ограничивающиеся узкими временными или территориальными рамками (Быстрова, 2018), так и масштабные, без преувеличения, хрестоматийные работы (Кынев, 2020). В данном исследовании автор концентрирует своё внимание на биографической составляющей губернаторского корпуса. Интерес к биографическому анализу губернаторского корпуса, особенно к вопросу, откуда в своей основной массе приходят губернаторы, с каким социальным бэкграундом, занимал не только российских исследователей, в том числе и автора данной работы (Флягин, 2020), но и зарубежных учёных. Так, например, совсем недавно вышло социально-историческое исследование биографий французских колониальных губернаторов, где авторы выделяют ряд карьерных паттернов и анализируют их распространённость в зависимости от исторического периода существования французской колониальной империи (Viallet-Thévenin and Chambru, 2020). Есть исследования источников рекрутирования губернаторов Мексики (Camp, 1974), Аргентины (Lodola, 2017), Брази-

лии (Fonteles, 2016). Это ещё раз подчёркивает высокий интерес к данному уровню власти во всём мире.

Безусловно, вопросы становления губернатора и его жизненного пути являются крайне важными и позволяют получить большой объём исследовательской информации. Но очень малое количество исследователей уделяют внимание постгубернаторской биографии бывших глав регионов. А ведь данная информация может дать ответ на целый ряд исследовательских вопросов: была ли должность губернатора трамплином, в какие сферы уходят губернаторы, каковы шансы на продолжение политической карьеры? Те или иные структуры, в которые уходят бывшие главы, могут косвенно свидетельствовать или подтверждать имеющиеся ранее данные об аффилированности интересов, которые продвигались региональным лидером, пока он был на посту. С другой стороны, уход с должности в результате конфликта или разногласий может сопровождаться выпадением персоны из элитного пула, но как часто это происходит? В отечественной науке тематике биографических исследований посткарьер элит уделяется очень малое внимание, из наиболее заметных можно назвать работы Д. Б. Тева, который исследовал карьерные траектории депутатов Государственной думы (Тев, 2018), членов Правительства РФ (Тев, 2019) и высшего звена Администрации Президента РФ (Тев, 2020). Исходя из этого, можно отметить, что тематика посткарьерных исследований элит в отечественной науке представлена очень ограниченно.

Данная работа посвящена анализу биографий глав субъектов РФ, которые занимали свой пост с декабря 1991 г. по 1 ноября 2020 г. Временно исполнявшие обязанности глав регионов в анализе не учитывались. Предметом исследования стала постгубернаторская биография, в частности, карьерные траектории экс-губернаторов после ухода с должности. Главный исследовательский вопрос можно сформулировать следующим образом: отразились ли на постгубернаторских карьерах социально-политические трансформации, произошедшие в России с 90-х гг. XX в. по настоящий момент.

Все биографические данные были получены из открытых источников сети Интернет. Источниками данных служили сайты региональных органов власти, персональные страницы глав, сайт Совета Федерации, материалы региональных и федеральных СМИ, открытые биографические базы данных.

Методологическим базисом выступает неонституциональное понимание роли и места элит в обществе. В рамках неонституционального подхода политические институты общества понимаются как тесная взаимосвязь формальных и неформальных норм, которые в итоге образуют сложные организационные отношения, формы взаимодействий и определяют саму деятельность людей, поддерживающих стабильность и воспроизводящих порядок в обществе (Патрушев, 2006: 15–16). В рамках этой логики хорошо вписывается понимание элиты как специфического института общества, где элиты предстают как упорядоченные, структурированные и рутинизированные группы, контролирующие стратегические позиции в рамках общества или его подсистем, что позволяет им оказывать влияние на распределение определённых общественных благ и принимать конечные решения для всего общества, что, в конечном итоге, позволяет им влиять на дизайн других общественных институтов (Дука, 2012: 52–53). В качестве основного исследовательского метода выбран структурно-биографический анализ, который состоит в сборе биографических сведений, их структурировании и последующем анализе полученных данных (Колесник и Тев, 2009: 77–79). Такая методика сочетает в себе качественные и количественные методы сбора и анализа данных и является оптимальной для решения поставленных задач.

Всего было собрано 411 анкет для 395 персоналий. Разница между количеством человек и количеством позиций обусловлена вхождением одного и того же человека на должности главы разных субъектов или перерывом в руководстве одним и тем же субъектом. Информация о прекращении срока полномочий в конкретном субъекте Федерации без их продления путём следующего за ним переизбрания/переназначения имелась в 323 анкетах. Какую-либо информацию о судьбе бывших губернаторов удалось найти только в 295 случаях из 323 или в 91,3%. Такой результат можно считать довольно хорошим, с учётом того, что такого рода информация в широком доступе оказывается гораздо реже, чем биографии, особенно это касается тех, кто ушёл в отставку в 90-е гг. Многие бывшие губернаторы просто пропадали из информационного поля и, нередко, следующей информацией о судьбе той или иной личности после оставления ею должности была информация о смерти после довольно длительного промежутка времени. Из-за вышеописанных сложностей со сбором информации, в рамках данной работы будет рассмотрена информация о первом известном месте работы после ухода с должности главы региона. Какую-либо информацию о месте работы после ухода с должности губернатора удалось найти только в 268 случаях или в 82,9% от общего числа прекративших свои

полномочия, остальные либо скончались, либо находились под следствием, либо данные по ним отсутствовали. Объём собранной информации достаточно высокий и позволяет делать репрезентативные выводы. Полученный массив информации о карьере, следующей за губернаторской, был разбит на укрупнённые смысловые группы в зависимости от профиля и масштаба деятельности.

Для удобства описания всё разнообразие названий должностей глав российских регионов: главы администраций, губернаторы, президенты и т.д. будут употребляться в качестве синонимов, обозначающих высшее должностное лицо в исполнительной ветви власти региона.

Таблица 1

Первая известная информация о судьбе глав регионов после отставки (N=323)

Направление биографии	Количество от общего числа, в %
Перешёл на другую работу	82,9
Под следствием	4,0
На пенсии	1,0
Скончался	3,4
Нет данных	8,7

Начиная рассматривать посткарьеру бывших губернаторов, хочется сразу закрыть вопрос гендерной представленности. Региональная политика в России по-прежнему остаётся приоритетом мужчин, что свидетельствует о несформированности институциональных механизмов продвижения женщин на ключевые посты в региональные органы власти (Чирикова, 2013: 29, 48–49). На момент написания данной работы на посту губернатора осталась только одна женщина – губернатор ХМАО Наталья Комарова. Остальные женщины, возглавлявшие регионы, уже покинули свои должности (N=5). Данное количество слишком мало, чтобы делать статистически значимые выводы и прогнозы, однако и такие данные представляют интерес для целостности картины исследования. Экс-глава администрации Корякского АО Валентина Броневич после отставки ненадолго ушла в бизнес, однако, позднее вернулась в региональные органы власти и работала на руководящих должностях в структурах округа, а после его объединения с Камчатской областью осталась работать в исполнительных органах нового субъекта. Три из пяти женщин-отставников перешли на работу в федеральные органы власти: экс-губернатор Забайкальского края Наталья Жданова перешла на должность советника в Министерство по делам Северного Кавказа; экс-губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко вошла в состав Совета Федерации; экс-губернатор Владимирской области Светлана Орлова стала аудитором Счётной палаты. Только последний экс-губернатор Мурманской области Мария Ковтун покинула органы власти, став президентом некоммерческой организации. Как можно видеть, для большинства женщин пост губернатора стал пропуском на федеральный уровень власти, и лишь для двух из них уход с должности вызвал переход в другую сферу или понижение во властной иерархии. Эти данные говорят о том, что в большинстве случаев женщины успешно встраиваются в систему власти и продолжают свою работу в её органах и после ухода из кресла регионального руководителя. Полученные данные являются типичными для всей совокупности бывших руководителей, поэтому нет оснований полагать, что женщины ущемлены или пользуются привилегиями в постгубернаторской карьере.

И теперь можно перейти к основным полученным результатам по посткарьеру бывших региональных глав.

Таблица 2

Первая известная должность после прекращения полномочий главы региона (N=268)

Область карьерной траектории	Количество от общего числа, в %
1. Федеральные органы власти в целом:	47,1
1.1. Федеральный парламент:	20,8
1.1.1. Государственная Дума	4,4
1.1.2. Совет Федерации	16,4

Окончание табл. 2

Область карьерной траектории	Количество от общего числа, в %
1.2. Федеральные исполнительные органы	15,2
1.3. Администрация Президента	11,1
2. Региональные органы власти в целом:	12,2
2.1. Региональный парламент	5,2
2.2. Региональные исполнительные	7,0
3. Муниципальные органы власти в целом	1,8
4. Бизнес	20,8
5. Международные отношения	4,4
6. Академическое сообщество	3,7
7. Общественные и консультативные организации	5,9
8. Прочее	4,1

Что можно увидеть в этих данных? Первое, и самое очевидное, что наиболее распространённым направлением дальнейшей карьеры был переход в федеральные органы власти. Наиболее частым был переход в Совет Федерации (далее СФ), в качестве представителя от исполнительной ветви власти региона. Данное развитие карьеры обнаруживается в 16,4% от общего числа всех известных карьерных переходов. Хотя случались и исключения, когда в СФ входили в качестве представителя от законодательного органа региона, например, в 2017 г. сразу два бывших губернатора Назаров В. И. в Омской обл. и Турчак А. А. в Псковской обл. перешли в СФ как представители региональных парламентов. Переход на работу в Совете Федерации считается почётной синекурой для бывших губернаторов и чаще воспринимается как почётная отставка или пенсия, нежели чем активное продолжение политической карьеры. Гораздо реже наблюдается переход в Государственную думу (далее ГД), так как характер процедуры занятия места в этой организации требует участия, пусть в некоторых случаях минимального и формального, в избирательной кампании. И, что немаловажно, требует связи с какой-либо политической партией. При этом, объём полномочий и возможностей участия в распределении ресурсов у депутата ГД потенциально ниже, чем у главы региона, при наличии необходимости участия в избирательной кампании со всеми вытекающими сложностями, отсюда и низкая заинтересованность в данном направлении. Далее по распространённости следуют исполнительные органы власти, где экс-главы уходили на различные высокие должности в федеральные министерства и ведомства, в том числе и возглавляли их. Часто, хотя и не всегда, новая деятельность на министерском посту была связана с характером и особенностями ранее возглавляемого региона, так, например, бывший губернатор Амурской обл. Козлов А. А. возглавил Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. Следом идёт Администрация Президента, куда уходили работать руководителями отделов, советниками и полномочными представителями Президента в различных, не всегда домашних для экс-губернатора, федеральных округах. С учётом «суперпозиции» президентской власти в Российской Федерации и того, что все кандидаты в главы регионов так или иначе проходят через данную структуру, переход на работу в неё можно считать довольно престижным восходящим витком карьерной лестницы. В целом, полученные данные свидетельствуют о том, что должность губернатора для большинства была трамплином в их карьерной лестнице.

Вторым по распространённости общим направлением посткарьеры был переход в бизнес-структуры. При этом наиболее часто встречаются три направления: банковские и финансовые структуры, компании со значимой долей государственного участия, значимые региональные предприятия. В большинстве случаев экс-губернаторы занимали кресла председателя совета директоров, генерального директора или, как минимум, члена совета директоров. Интерпретаций такого перехода может быть несколько. Первая заключается в том, что бизнес заинтересован заполучить опытного руководителя, имеющего большой опыт управленческой деятельности и обширную сеть связей, как внутри региона, так и в Москве. В случае госкомпаний или компаний со значимой долей участия государства ввод такого человека в совет директоров можно рассматривать, как внедрение представителя и выразителя государственных интересов в управленческие структуры организаций, либо как почётную синекуру. Нельзя исключать и коррупционную составляющую, когда бывший глава может получить хорошую должность в какой-либо компании, которой он ранее выделял какие-либо преференции или осуществлял общее покровительство, находясь на своём посту.

На третьем месте находятся региональные органы власти. Переход в исполнительные органы власти региона происходил всего на 1,8% чаще, чем в законодательные. При этом в трети случаев переход в рамках исполнительной ветви был на должность главы другого региона, а в остальных – на руководящие должности в рамках региональных администраций. Аналогичная картина типична и для законодательных органов, где почти в трети случаев переход осуществлялся на должности председателя законодательного органа, а в остальных случаях занималось кресло депутата или работника аппарата. Столь невысокая популярность региональных органов власти говорит о том, что горизонтальная мобильность в рядах экс-губернаторов востребована невысоко. В некотором смысле её можно рассматривать как горизонтально-нисходящую по причине потери значимого объёма властных полномочий, что так же может быть одним из объяснений низкого распространения этого направления.

Муниципальный уровень – наименее распространённый вариант перехода среди всех органов власти. Такой переход, определённо, является нисходящей мобильностью. Лишь в одном случае, экс-губернатору Воронежской обл. Цапину А. Н., удалось вернуться на региональный уровень власти. Остальные либо закончили свою карьеру, либо сменили сферу деятельности. Исходя из этого, можно считать, что переход на муниципальный уровень власти знаменует собой скорое завершение политической карьеры.

Гораздо чаще, чем в муниципальные органы власти, бывшие главы регионов уходили в общественные и консультативные органы. Спектр таких организаций достаточно широк и варьируется от консультативных организаций при федеральных органах власти до отраслевых региональных союзов и объединений. Переход на подобные должности оценить однозначно сложнее, но налицо факт потери объёма полномочий и возможностей к действию при переходе в данную сферу, пускай и в организации, функционирующие при центральных органах власти. Описать такой переход можно как сохранение определённых статусных позиций при утрате полномочий и то, с оговоркой, что данное описание в большей мере относится к консультативным органам при федеральных органах власти.

Другим интересным, но не самым распространённым направлением был переход на работу, связанную с международным сотрудничеством. Как правило, это были должности торговых представителей в других государствах, либо в организациях сотрудничества в рамках СНГ и стран ближнего зарубежья. Исключением можно считать экс-главу администрации Приморского края Кузнецова В. С., который после отставки занял должность генерального консула в г. Сан-Франциско, что можно считать очень хорошей должностью в развитой стране и тёплым местечком. Подобного рода деятельность, по оценке автора, в иерархической цепочке стоит выше губернаторской. Принимая во внимание, что характер подобной деятельности совершенно иной, чем управление регионом, и может состоять из выполнения чисто технических обязанностей, всё же нужно отметить, что представление интересов страны на международной арене требует тщательного подбора кадров, высокой личной дисциплины и чувства ответственности у дипломата, который осуществляет подобную деятельность. Потенциальный масштаб последствий ошибок на такой работе может быть гораздо выше, что возлагает очень высокие требования на лицо, которое ей занимается, и потому данный переход можно считать восходящей карьерной траекторией.

Ещё одним заметным направлением был переход в академическое сообщество. В данной категории, ушедшие из губернаторских кресел, занимали должности деканов, проректоров, ректоров или президентов ВУЗов, реже профессорские или научные должности. Новые должности занимались в соответствии с профилем своего образования или в соответствии с опытом предыдущей профессиональной деятельности. В большинстве случаев это был переход на административные или представительские должности с большим символическим капиталом и относительно скромными, по сравнению с губернаторскими, возможностями участия в распределении каких-либо ресурсов. Отсюда, такой переход можно считать относительно нисходящим.

Полученные данные уже достаточно интересны, но для проверки некоторых гипотез следует рассмотреть данные в динамике. Для этого было выбрано два периода для анализа: с 1991 по 2005 г. и с 2006 по 2020 г. Первый период характеризуется выборностью региональных руководителей, конкурентным и активным региональным политическим процессом, наличием у региональных руководителей относительно высокого объёма ресурсов (Treisman, 2002: 59-65). Несмотря на то, что выборы губернаторов были отменены в 2004 г., в данном случае нас интересуют отставки, в которые в 2005 г. в большинстве случаев выходили те, кто именно избирался до 2004 г. С 2006 г. по настоящее время в России наблюдается процесс укрепления вертикали власти, получивший название «рецентрализации» (Кынев, 2019). В рамках данного процесса наблюдалось уменьшение роли регионального политического процесса на фоне федеральной повестки дня, ориентация на интересы федерального

центра, распространение практики назначения «варягов» в регионы. Насколько это отразилось на региональном уровне власти можно оценить, в том числе, и из анализа посткарьер глав регионов.

Таблица 3

Первая известная должность по периодам (N=268)

Область карьерной траектории	Ушедшие в отставку с 1991 по 2005 гг. (N=126), в %	Ушедшие в отставку с 2006 по 2020 гг. (N=142), в %
1. Федеральные органы власти в целом:	38,0	55,5
1.1. Администрация Президента	10,3	11,9
1.2. Федеральные исполнительные органы	13,5	16,9
1.3. Федеральный парламент:	14,2	26,7
1.3.1. Государственная Дума	5,5	3,5
1.3.2. Совет Федерации	8,7	23,2
2. Региональные органы власти в целом:	19,0	6,3
2.1. Региональные исполнительные	10,3	4,2
2.2. Региональный парламент	8,7	2,1
3. Муниципальные органы власти в целом	3,1	0,7
4. Бизнес	19,8	21,8

Из приведённой выше таблицы можно извлечь ряд интересных наблюдений. Хорошо прослеживается рост количества переходов в федеральные органы власти, в особенности в СФ и, в меньшей степени, в исполнительные органы. Здесь хорошо прослеживается, что СФ стал активно использоваться как место для того, чтобы не «выбрасывать» бывших региональных руководителей из системы власти, если по той или иной причине лояльные центральным властям губернаторы не могут продолжать свои обязанности, и при этом не обременять их новыми трудностями. Почётная синекюра позволяет сохранить лояльность отставников без обременения последних особой ответственностью, что снижает риски появления оппозиции из числа «оставшихся за бортом». Вторым моментом в рамках данной тенденции можно отметить рост профессионализации власти, когда на достаточно высокие посты в федеральные органы можно попасть только путём приобретения весомого опыта работы в рамках системы власти на более низких должностях и уровнях, например, региональном. Об этом говорит то, что заметное число министерств и ведомств наполняется кадрами за счёт бывших губернаторов.

Увеличение числа переходов в федеральные органы происходило за счёт уменьшения количества переходов в региональные и местные органы власти. При этом наблюдается трёхкратное уменьшение переходов в оба направления. Говорит ли это о том, что экс-губернаторы стали успешнее? Сомнительно. Скорее в этих цифрах находят своё отражение институциональные преобразования отношений между центром и регионами. Снижение роли региональной и местной политики, отказ от выборности глав, перераспределение экономических ресурсов региона в пользу федерального центра привели к ориентации руководителей не на решение местных и региональных проблем, развитие региона, а на переход в центральные органы власти ради большего объёма подконтрольных ресурсов и полномочий. Решение текущих проблем перестало быть самоцелью, а стало необходимым условием для продвижения в рамках властной вертикали. Наряду с этим, в последние годы широкое распространение получила практика назначения в регион «варягов», которые не имеют значимой мотивации оставаться в нём после прекращения своих полномочий. Они временщики, для которых эта работа была лишь ступенью в рамках их персональной карьерной лестницы. По полученным данным «варяги» в три раза реже оставались в региональных органах власти. Они заметно чаще уходят в Администрацию Президента и, в целом, более половины из них уходит на федеральный уровень власти. Всё это можно считать свидетельством маргинализации регионального и местного политического процесса в угоду выстраивания властной иерархии, когда для управления регионом назначают кандидата из федерального центра и большинство губернаторов нацелены на переход в центральные органы власти, а не на продолжение жизни и карьеры в регионе.

Значительного роста количества переходов в бизнес не наблюдается, что может говорить об устоявшейся тенденции перехода в бизнес-структуры после окончания губернаторских полномочий определённого количества экс-руководителей. Но при этом цифра количества переходов в бизнес остаётся стабильно высокой: пятая часть всех экс-глав уходит именно туда. Данные наблюдения могут служить определённым подтверждением существования в российской системе отношений между властью и бизнесом модели «двери-вертушки», которая заключается в том, что представители бизнеса легко входят в органы власти и, наоборот, когда бывшие чиновники легко получают привилегированные места в бизнес-структурах. Как следствие, это подтверждает тезис о процессе плутократизации российской власти. Такое положение вещей грозит опасностью того, что региональные руководители в процессе принятия решений будут руководствоваться не интересами большинства жителей вверенного им региона, а узкими экономическими интересами определённых компаний, действующих в регионе, взамен на «золотой парашют» в виде кресла в совете директоров этой компании после своей отставки.

Подводя итог проделанной работе представляется необходимым кратко изложить полученные выводы:

1. Биографическая информация экс-губернаторов, касающаяся их постгубернаторского жизненного пути не всегда легкодоступна. Часть персоналий выпадает из информационного поля после прекращения полномочий. Тем не менее, удалось собрать информацию о 91,3% всех бывших губернаторов.

2. Региональная политика по-прежнему остаётся деятельностью мужчин. Количество женщин на высших должностях исполнительной власти регионов крайне мало. Однако каких-либо значимых особенностей в посткарьере экс-губернаторов женщин выявлено не было.

3. Наиболее частым направлением посткарьерного перехода стали федеральные органы власти. Региональные органы власти представлены слабо, местные органы власти практически не представлены. На основании этого можно сделать вывод, что наиболее часто встречается восходящая карьерная траектория, и для большинства должностей губернатора стала трамплином в карьере. При этом можно отметить профессионализацию власти, когда федеральные органы власти часто формируются из бывших губернаторов.

4. Крестемпоральное сравнение показало рост числа переходов в федеральные органы за счёт региональных и местных. В этом прослеживается влияние политики рецентрализации, которая привела к маргинализации региональной и местной политики.

5. Бизнес-структуры на протяжении длительного времени являются одним из основных направлений постгубернаторской карьеры, занимая второе место по распространённости. Такая ситуация, с учётом данных об источниках рекрутирования, говорит о тесном взаимопроникновении власти и бизнеса, что наталкивает на вывод о складывающейся плутократизации власти.

Финансовая поддержка

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-011-32122.

Список литературы / References

Быстрова, А. С. (2018) 'Отставки и выборы 2018 г.: обновление губернаторского корпуса, бассейн рекрутирования и карьеры новых персонажей', *Власть и элиты*, 5, сс. 331–359. [Bystrova, A. S. (2018) 'Resignations and elections 2018: renovation of governors list, pool of recruitment and careers of new persons' [Otstavki i vybory 2018: obnovlenie gubernatorskogo korpusa, bassein rekrutirovaniya i kar'ery novykh personazhei], *Power and elites*, 5, pp. 331–359. (In Russ.)]. DOI:<https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.12>.

Дука, А. В. (2012) 'О подходах к анализу властных элит', *Управленческое консультирование*, 47 (3), сс. 48–55. [Duka, A. V. (2012) 'Approaches to the analysis of power elites' [O podkhodakh k analizu vlastnykh elit], *Administrative Consulting*, 47(3), pp. 48–55. (In Russ.)].

Колесник, Н. В., Тев, Д. Б. (2009) 'Биография элиты: возможности социоструктурного анализа', *Социологические исследования*, 6, сс. 76–84. [Kolesnik, N. V., Tev, D. B. (2009) 'Elite Biography: Possibilities of Sociostructural Analysis' [Biografiya elity: vozmozhnosti

- sotsiostrukturnogo analiza], *Sociological Studies*, 6, pp. 76–84. (In Russ.).
- Кынев, А. В. (2020) *Губернаторы в России: между выборами и назначениями*. Москва: Фонд «Либеральная миссия». [Kynev, A. V. (2020) *Governors in Russia: Between Elections and Appointments* [Gubernatory v Rossii: mezhdru vyborami i naznacheniyami]. Moscow: Fond «Liberal'naya missiya». (In Russ.).]
- Кынев, А. В. (2019) 'Феномен губернаторов-«варягов» как индикатор рецентрализации (Опыт 1991-2018 гг.)', *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, 2, сс. 125–150. [Kynev, A. V. (2019) 'Phenomenon of "Varangians" governors as an indicator of recentralization (Experience 1991-2018)' [Fenomen gubernatorov-«varyagov» kak indikator retsentralizatsii (Opyt 1991-2018 gg.)], *Politeia*, 2, pp. 125–150. (In Russ.). DOI: 10.30570/2078-5089-2019-93-2-125-150.
- Патрушев, С. В. (ред.) (2006) *Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России*. Москва: ИСП РАН. [Patrushev, S. V. (eds.) (2006) *Institutional Political Science: Modern Institutionalism and the Political Transformation of Russia* [Institutsional'naya politologiya: sovremennyi institutsionalizm i politicheskaya transformatsiya Rossii]. Moscow: Ivannikov Institute for System Programming of the RAS. (In Russ.).]
- Тев, Д. Б. (2020) 'Высокопоставленные чиновники Администрации Президента РФ: каналы рекрутирования и карьера', *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(3), сс. 153–187. [Tev, D. B. (2020) 'Senior officials of the Presidential Administration of Russia: recruitment channels and career' [Vy`sokopostavlennye chinovniki Administraczii Prezidenta RF: kanaly` rekrutirovaniya i kar`era], *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 23(3), pp. 153–187. (In Russ.). DOI: 10.31119/jssa.2020.23.3.7.
- Тев, Д. Б. (2019) 'Члены правительства РФ: особенности постправительственной карьеры', *Мир России*, 28(4), сс. 6–29. [Tev, D. B. (2019) 'Members of the Russian government: features of post-government careers' [Chleny` pravitel'stva RF: osobennosti postpravitel'svennoj kar`ery], *Mir Rossii*, 28(4), pp. 6–29. (In Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-4-6-29.
- Тев, Д. Б. (2018) 'Депутаты Государственной думы РФ: особенности карьеры после прекращения полномочий', *Социологическое обозрение*, 17(1), сс. 106–133. [Tev, D. B. (2018) 'Deputies of the State Duma of the Russian Federation: career features after the end of term' [Deputaty` Gosudarstvennoj Dumy` RF: osobennosti kar`ery` posle prekrashheniya polnomochij], *Sociological review*, 17(1), pp. 106–133. (In Russ.). DOI: 10.17323/1728-192X-2018-1-106-133.
- Флягин, А. М. (2020) 'Как изменился портрет российского губернатора: анализ биографий глав регионов. 1991–2019 гг.', *Вестник Пермского университета. Политология*, 1, сс. 29–39. [Flyagin, A. M. (2020) 'How the portrait of the Russian governor has changed: an analysis of the biographies of the heads of Russian regions 1991–2019' [Kak izmenilsya portret rossijskogo gubernatora: analiz biografij glav regionov v 1991–2019 gg.], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 1, pp. 29–39. (In Russ.). DOI: 10.17072/2218-1067-2020-1-29-39.
- Чирикова, А. Е. (2013) 'Женщина во власти и бизнесе: сравнительный анализ российских и французских практик', *Сравнительная политика*, 2 (12), сс. 29–49. [Chirikova, A. E. (2013) 'Woman in power and business: a comparative analysis of Russian and French practices' [Zhenshchina vo vlasti i biznese: sravnitel'nyi analiz rossiiskikh i frantsuzskikh praktik], *Comparative Politics Russia*, 2 (12), pp. 29–49. (In Russ.).]
- Camp, R. (1974) 'Mexican Governors since Cardenas: Education and Career Contacts', *Journal of Interamerican Studies and World Affairs*, 16(4), pp. 454–481, DOI:10.2307/174798.
- Fonteles, J. (2016) 'Carreras políticas de los gobernadores brasileños', *Iberoamericana*, XVI(63), pp. 250–255. DOI:10.18441/ibam.16.2016.63.250-255.
- Lodola, G. (2017) 'Reclutamiento político subnacional. Composición social y carreras políticas de los gobernadores en Argentina', *Colombia Internacional*, (91), pp. 85–116, DOI:https://dx.doi.org/10.7440/colombiaint91.2017.03.

Treisman, D. (2002) 'Russia Renewed?', *Foreign Affairs*, 81(6), pp. 58–72.

Viallet-Thévenin, S. and Chambru, C. (2020) 'Attaining autonomy in the Empire: French
Статья поступила в редакцию: 20.01.2021

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 28.04.2021

Статья принята к печати: 30.04.2021

governors between 1860 and 1960', *Working Paper*, 366, pp. 1–36,
DOI:<http://dx.doi.org/10.5167/uzh-190546>.

POSTCAREER OF RUSSIAN GOVERNORS 1991–2020: MAIN DIRECTIONS

A. M. Flyagin

Flyagin Artiom Mikhailovich, associated researcher,
Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia, Saint-Petersburg;
postgraduate student,
Saint-Petersburg State University, Russia, Saint-Petersburg.
E-mail: artemflyag@gmail.com (ORCID: 0000-0002-2538-0201. ResearcherID: K-6633-2018).

Abstract

The author collected and analyzed the biographies of all heads of the Russian regions who held their posts from 1991 to 2020. The main focus of this work was the careers of former heads of regions after their end of term. Information about the post-career of regional heads was found in 268 cases. The most popular directions of the post-governor career were federal government and business. Regional administration is much less popular, and local administration are almost not represented. In most cases, the governorship was a springboard in one's career. An analysis of changes in the main directions of post-career development over time showed a clear reflection of the consequences of the policy of "recentralization": the marginalization of regional and local politics and the focus of former governors on the transition to central government are traced. In addition, the high popularity of business structures prompts the conclusion about plutocratization of the regional level of power.

Keywords: governors; career; postcareer; biographies; regional power; center-regions relationship.

Acknowledgements: The work is implemented under RFBR grant No. 20-011-32122.

УДК-323:535(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-2-129-141

УСЛОВИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ КОНСУЛЬТАТИВНЫХ СОВЕТОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

И. О. Вяткин, Ю. А. Кабанов, М. Е. Карягин,

С. М. Кукарцев, П. Д. Миронов

Вяткин Илья Олегович, студент образовательной программы «Политология и мировая политика» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия, Санкт-Петербург.

E-mail: i.o.viatkin@gmail.com (ORCID: 0000-0003-2746-3016).

Кабанов Юрий Андреевич, старший преподаватель департамента политологии и международных отношений,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Санкт-Петербург.

E-mail: ykabanov@hse.ru (ORCID: 0000-0002-4011-2010).

Карягин Михаил Евгеньевич, ведущий эксперт,

Центр политической конъюнктуры, Россия, Москва.

E-mail: karyaginm@gmail.com (ORCID: 0000-0001-8562-5840).

Кукарцев Станислав Михайлович, студент образовательной программы «Политология и мировая политика»,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Санкт-Петербург.

E-mail: kukartsevst@gmail.com (ORCID: 0000-0003-4884-1581).

Миронов Павел Дмитриевич, студент образовательной программы «Политология и мировая политика»,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Санкт-Петербург.

E-mail: mr.paul-grand@mail.ru (ORCID: 0000-0002-8595-7017).

Аннотация

Информационная открытость общественных консультативных советов является важным, но пока недостаточно полно изученным показателем их роли в публичной политике, отражающим их активность и готовность к «обратной связи» с гражданами. Исследователи часто подчеркивают низкую степень открытости советов и существенные диспропорции в ее развитии на федеральном и региональном уровне, однако причины подобной ситуации анализируются достаточно редко, особенно в сравнительной перспективе. Настоящая статья представляет собой попытку восполнить этот пробел и выявить условия, которые приводят к большей открытости советов. В качестве кейса выбран Санкт-Петербург. Для анализа открытости была собрана авторская база данных, содержащая как оценку открытости сайтов советов, так и переменные, отражающие условия их функционирования. Основным методом исследования выступил качественный сравнительный анализ нечетких множеств. Исследование строится вокруг двух теоретических ожиданий. С одной стороны, предполагается, что на открытость положительно влияет автономия совета в вопросах ведения сайта и организации деятельности, с другой – «посредническая», в противовес «экспертной», роль совета в публичной политике. По результатам анализа можно сделать вывод, что, хотя ни один из факторов нельзя считать гарантией открытости, различия в автономии и роли советов могут иметь значение. Автономия совета, понимаемая как продолжительность его существования и доля представителей некоммерческого сектора, представляется значимым условием независимо от той роли, которую исполняет ОКС, – «посредни-

ческой» или «экспертной»). В определенных случаях значение может приобрести независимость сайта совета, его ведомственная принадлежность, а также открытость «профильного» органа власти. Однако для полного понимания ситуации необходимо дополнительное изучение отдельных случаев. Тем не менее, важным вкладом данного исследования можно считать выработку целостной рамки для анализа открытости, которая может быть использована для анализа других случаев.

Ключевые слова: общественные консультативные советы; информационная открытость; публичная политика; качественный сравнительный анализ.

Введение

Общественные консультативные советы (ОКС) являются заметным феноменом государственного управления в России, однако их роль и место в институциональной структуре публичной политики определена не до конца. Одни исследователи трактуют их как элемент мониторинговой (Сунгуров, 2013) или делиберативной (Руденко, 2007) демократии, для других их появление укладывается в логику развития «гибридной» публичной политики (Кабанов, 2020; Owen & Bindman, 2017).

Одним из важных, но пока недостаточно изученных показателей роли ОКС в публичной политике, является их открытость: доступность информации об их деятельности для граждан. Как указывают исследователи, она не только отражает активность ОКС и качество «обратной связи» с обществом, но и является условием контроля за их деятельностью (Карягин, 2017; Батуев и др., 2020). При этом и на федеральном, и на региональном уровне наблюдаются значительные диспропорции в уровне информационной открытости (Батуев и др., 2020; Сунгуров и др., 2020).

Настоящая статья посвящена исследованию открытости региональных ОКС на примере Санкт-Петербурга. Несмотря на достаточно внимательное отношение городских властей к развитию информационных ресурсов, направленных на коммуникацию с гражданами (Kabanov & Chugunov, 2017) и долгую историю развития общественных советов (Горный, 2011), лишь немногие ОКС считаются эффективными и открытыми для общества (Сунгуров и др., 2020). В этой связи возникает исследовательский вопрос: какие условия способствуют большей информационной открытости ОКС?

Для анализа открытости мы собрали базу данных, содержащую как оценку открытости сайтов ОКС, так и переменные, отражающие условия функционирования советов, которые, как показывает литература, могут являться важными факторами открытости. Основной метод исследования в данной работе – качественный сравнительный анализ нечетких множеств (*fuzzy-set QCA*, *fsQCA*). Он позволяет определить комбинацию условий, приводящих к искомому исходу (в нашем случае – более высокой степени открытости), при этом в отличие от других вариаций метода, учитывая неполную принадлежность кейса к тому или иному множеству условий (Ragin, 2009). Однако из-за нехватки эмпирических данных отдельные предположения проверяются нами методами описательной статистики.

Открытость общественных советов: текущее состояние и причины различий

Проблема низкой информационной открытости неоднократно отмечалась в литературе, посвященной анализу эффективности консультативных структур. В частности, исследователи указывают на низкую осведомленность граждан о деятельности региональных ОКС и отсутствие данных об их работе (Сулимов и Титова, 2016; Зеленский, 2018). Схожая ситуация наблюдается и на федеральном уровне (Карягин, 2017; Батуев и др., 2020). Хотя авторы зачастую обозначают возможные причины этой ситуации, сами эти причины редко подвергаются комплексной теоретической концептуализации или систематической эмпирической проверке.

В изучении открытости органов власти (необязательно консультативных советов), как правило, авторы концентрируются либо на структурных условиях открытости (технологических, финансовых, организационных и др.), либо на мотивации и характеристиках конкретных лиц внутри органа власти или бюрократии в целом (Yavuz & Welch, 2014; Tavares & Da Kruz, 2017; Кабанов и Карягин, 2015; Kabanov et al., 2017). Адаптируя эти подходы к анализу ОКС, мы предлагаем сконцентрироваться на двух взаимозависимых ключевых условиях развития советов: во-первых, на их автономии от соответствующих органов власти, а во-вторых, на их роли в системе публичного управления.

Хотя некоторые исследователи не склонны считать автономию гарантией субъектности ОКС как актора (Сулимов, 2018), независимость и самостоятельность совета действительно признаются важным условием открытости. Так, А. Батуев и др. (2020) делают предположение, что «те [советы],

которые обладают большей автономией и влиянием, чаще могут добиваться большей открытости и участия в своей деятельности иных внешних общественных организаций» (Батуев, 2020: 28).

С организационно-технической точки зрения, автономия ОКС проявляется в том, может ли совет определять свою информационную политику. На эту гипотезу наводит интересное исследование общественных советов в Казахстане: «Советы полностью зависят от ... министерств в публикации и распространении их работы. Это делает органы, в отношении которых они играют контролируемую роль, привратниками в контексте их транспарентности перед обществом» (Knox & Janenova, 2018: 315). Данное предположение имеет смысл и в случае Санкт-Петербурга, где большинство сайтов ОКС располагаются на домене администрации Санкт-Петербурга (gov.spb.ru). На уровне эмпирики это, например, может проявляться в том, что информационная открытость ОКС напрямую зависит от открытости «профильного» органа власти (что, впрочем, может положительно сказываться, если орган власти поддерживает высокий стандарт открытости). Кроме того, большую роль играет наличие самостоятельного домена сайта ОКС в Интернете или непосредственный доступ ОКС к редактированию сайта на правительственном домене.

С содержательной точки зрения, автономия может быть связана с составом ОКС. Исследователи подчеркивают важность представленности разных типов акторов – государственных и негосударственных – в составе советов (Дьякова, 2018), особенно подчеркивая роль некоммерческих организаций (НКО), которая часто признается недостаточной (Горный, 2011; Петрова и Сунгуров, 2012; Сунгуров и др., 2020). Можно предположить, что в условиях, когда общество не способно оказать такого влияния на развитие открытости, как в демократических странах (Yavuz & Welch, 2014; Tavares & Da Kruz, 2017), именно негосударственные акторы становятся главным источником подобного запроса. Кроме того, свою роль может сыграть и возраст существования ОКС: можно предположить, что чем совет старше, тем больше он приобретает самостоятельности.

Второе условие открытости – это роль, которая отводится ОКС в системе публичной политики. И в зарубежной (Krick et al., 2019), и в российской науке (Сунгуров и Карягин, 2017; Дьякова, 2018; Дьякова и Трахтенберг, 2019) существует дискуссия относительно того, какова главная функция консультативных советов и что – общество или государство – является для них ключевым контрагентом. Так, А.Ю. Сунгуров и М.Ю. Карягин (2017) пришли к выводу, что «большинство экспертно-консультативных советов регионального уровня реализует преимущественно символическую функцию экспертизы» (с. 156). На преобладание экспертной функции и «профессионального» подхода (исходя из состава советов) указывает применительно к Свердловской области и Е.Г. Дьякова (2018). В то же время, как указывают Е.Г. Дьякова и А.Д. Трахтенберг (2019), для самих членов ОКС характерно восприятие себя «посредниками между властью и народом» (с. 181). Представляется, что информационная открытость ОКС будет тем больше, чем больше ориентация совета на общество. Подобная ориентация на практике может выражаться, во-первых, в упомянутой выше структуре совета – соотношении «экспертов» и «общественников» (Дьякова, 2018), во-вторых, в общей «социальной» направленности ОКС: в какой степени его функционал непосредственно затрагивает широкие общественные интересы или же касается узких технических аспектов. Наоборот, закрытые экспертные структуры оказывают ограниченную поддержку и легитимацию принятия решений, слабо вовлекая граждан и информируя их о своей деятельности. В связи с этим характерен общий низкий уровень открытости советов при губернаторе и правительстве Санкт-Петербурга, в отличие от советов при комитетах, отмеченный ранее А.Ю. Сунгуровым и др. (Сунгуров, 2020). Авторы исследования делают предположение, что «[сотрудники администрации губернатора] по умолчанию относились к этим советам, в рамках заседаний которых происходило прямое общение губернатора с его членами, как к событиям «для служебного пользования» (Сунгуров, 2020: 14).

На основании этого обзора мы можем выделить ряд условий (см. табл. 1), которые, как нам представляется, определяют уровень информационной открытости ОКС. Мы делаем предположение, что наибольший уровень открытости у советов, (1) чьи «профильные» органы власти обладают наибольшей открытостью; (2) обладающих собственным доменом; (3) в составе которых преобладают представители негосударственных структур, прежде, НКО; (4) который существует дольше; (5) чья тематика отражает бóльшую направленность на широкие общественные интересы; (6) более активных в медийном пространстве; (7) связанных с комитетами, нежели с губернатором или правительством.

Условия открытости ОКС

Концепт	Автономия ОКС	Роль ОКС
Концептуализация	Зависимость открытости ОКС от информационной политики и открытости «профильного» органа власти (например, комитета)	Преобладание «экспертной» или «общественной» функции в деятельности ОКС
Операционализация	Открытость «профильного» органа власти; Независимость домена сайта ОКС; Состав ОКС; Длительность существования ОКС.	Социальная релевантность тематики ОКС Активность ОКС в медийном пространстве; Состав ОКС; Принадлежность ОКС (губернатор, правительство, комитет).

Примечание.

Источник: составлено авторами на основе обзора литературы.

Переменные и первичный анализ

Наш ключевой исход, или зависимая переменная, представляет собой оценку информационной открытости ОКС, которая проводилась нами по методике «Инфометра»¹ и была апробирована ранее (Сунгуров и др., 2020). Мы оценили 46 ОКС (при их наличии) при органах исполнительной власти региона по восьми параметрам, характеризующим открытость информации на сайте о составе совета, его полномочиях и текущей деятельности². Результаты анализа продемонстрировали существенный разброс значений информационной открытости: от 0 до 100%, при среднем уровне открытости около 52%. Лидером мониторинга со стопроцентным показателем стал ОС по развитию малого предпринимательства при губернаторе Санкт-Петербурга.

Первым возможным условием открытости, или независимой переменной, является открытость «профильного» органа власти (комитета, правительства или губернатора), которая измерялась нами по схожей методике и содержательно таким же параметрам. Разброс значений открытости органов власти также оказался существенным: от 26,5 до 89,3%, при этом случаев, когда открытость органа власти выше открытости соответствующего совета и наоборот, оказалось примерно поровну.

Второе условие – независимость домена сайта – представляет собой бинарную переменную, где «1» обозначает сайт, не находящийся на официальном домене, и «0» – сайт ОКС, являющийся страницей на правительственном или ведомственном сайте (например, www.gov.spb.ru). Третье условие (состав совета) оценивалось исходя из данных официальных сайтов ОКС о составе на декабрь 2020 г. Было рассчитано процентное соотношение представителей органов власти, бизнеса, академического сообщества и некоммерческих организаций от общего числа членов совета. На основании данных сайтов была определена и длительность существования ОКС (четвертое условие).

Пятое условие – социальная релевантность ОКС, обозначает значимость деятельности Комитета, при котором состоит совет, для населения. Данный критерий, безусловно, является довольно спорным, учитывая, что он рассчитывался на основании оценки с участием двух экспертов, которые кодировали каждый совет с помощью бинарной кодировки: «1» обозначает совет, который, по мнению экспертов, касается вопросов, более близких к деятельности граждан (например, в эту группу попали советы, относящиеся к вопросам развития предпринимательства, социальной сферы, здраво-

¹ Подробно с методикой можно ознакомиться здесь: Методика мониторинга информационной открытости сайтов органов власти и общественных советов, *Сайт Проектного центра «Инфометр»*. URL: <http://infometer.org/monitoring/metodika/1.-opisanie-metodologii-monitoringa> (дата обращения: 05.12.2019).

² Критерии открытости: 1) наличие на сайте ФИО лиц, входящих в состав ОКС; 2) указание на организацию/орган/учреждение, представителем которых является лицо, входящее в состав ОКС; 3) наличие текста положения об ОКС при органе власти; 4) план предстоящих заседаний ОКС; 5) протоколы прошедших заседаний ОКС; 6) краткое информационное сообщение (новостная заметка) об итогах каждого проведенного ОКС заседания; 7) тексты решений ОКС, одобренных на его заседаниях; 8) ежегодный публичный отчет об итогах деятельности ОКС. Полные данные доступны по ссылке: URL: <https://clck.ru/QwTAj>.

охранения, ЖКХ). «0» обозначает советы, которые относятся к более техническим сферам (например, советы при Комитете по тарифам, Архивном комитете, Комитете государственного финансового контроля, Комитете по государственному заказу), а также к сферам, к которым, как представляется, граждане имеют не такое непосредственное отношение (например, советы при Комитете по внешним связям, Комитет по делам Арктики).

Шестое условие – активность в медийном пространстве – измерялось нами через упоминаемость ОКС в федеральных и региональных СМИ за период с 8 сентября 2019 г. по 8 сентября 2020 г. Для оценки использовался ресурс «Медialogия». Учитывались все упоминания объектов в СМИ, после чего производилась ручная проверка с удалением нерелевантных сообщений¹. Стоит отметить, что за указанный период нам удалось обнаружить лишь 955 упоминаний в СМИ обо всех советах, причем лидером вновь стал Совет по развитию малого предпринимательства (544 упоминания), за ним следуют Совет по стратегическому развитию и проектной деятельности в Санкт-Петербурге (103), а также ОС при Правительстве Санкт-Петербурга по вопросам отношения к домашним животным (94). Для 19 из 46 ОС упоминаний не было обнаружено, из-за чего можно сделать вывод о слабой и чрезвычайно неравномерной представленности ОКС в СМИ.

Наконец, седьмое условие – принадлежность совета – также определялась на основании того, к какому «профильному» органу он относится, и кодировалась бинарным значением: «1» – если совет при губернаторе, «0» – если при комитете или правительстве.

Из-за отсутствия отдельных данных по некоторым советам, наша итоговая выборка для качественного сравнительного анализа составила 36 советов. При этом в анализ также не были включены переменные, не демонстрирующие достаточной вариативности, а именно: независимость домена сайта, активность в медийном пространстве и принадлежность совета.

Первичный анализ трех указанных выше показателей не позволяет сделать однозначный вывод об их значимости. С одной стороны, самый открытый совет – по развитию малого предпринимательства – действительно имеет собственный домен (<http://osspb.ru/>) и наиболее ярко представлен в СМИ. Однако это практически единственный совет с независимым сайтом и активной информационной политикой, судя по всему, являющийся исключением из правила. Проведенный ранее глубокий анализ его деятельности показывает, что этот ОКС действительно обладает высокой степенью самостоятельности и автономии в организации сайта и работы совета в целом, а также явной ролью посредника между властью и бизнесом (Сунгуров и др., 2020). В меньшей степени, эти выводы применимы и к Общественному совету по вопросам отношения к домашним животным, также обладающему высокой степенью открытости (87,5%). Он занял третье место по упоминаемости (94 за год) и имеет отдельный, частично независимый сайт (субдомен правительственного домена, URL: <http://zoosovet.spb-gov.ru/>). Практически во всех остальных случаях, независимо от степени открытости, сайты ОКС представлены в виде страницы на сайте соответствующего органа власти, а сами советы практически не представлены в медийном пространстве. В этом смысле независимость сайтов и медийная активность являются, скорее всего, недостаточным, но не необходимым условием открытости. Отсутствие в большинстве случаев автономного сайта ОКС указывает, что их открытость может быть связана с открытостью органов власти, что будет далее протестировано.

Неоднозначная ситуация и с ведомственной аффилиацией советов. Действительно, средняя открытость советов при губернаторе значительно ниже, чем советов при комитетах или правительстве (при комитетах 53,34, при правительстве 49,1, при губернаторе 33,33%), что указывает на некоторую их закрытость и возможную «экспертную», нежели «посредническую» роль. Вместе с тем именно «губернаторский» совет по развитию малого предпринимательства парадоксальным образом возглавляет рейтинг открытости. Опять-таки, речь может идти об особом случае, но сама по себе принадлежность совета не позволяет судить о роли ОКС в публичной политике и определять его информационную открытость.

Относительно остальных условий, первичный анализ показывает, что между ними и открытостью ОКС также нет однозначной линейной зависимости. Как правило, встречаются случаи, когда открытость совета и органа власти либо сопоставимо большие, либо примерно одинаково низкие (за исключением случаев, когда сайта ОКС нет). Однако значимая корреляция между этими показателями отсутствует. То же самое касается и социальной релевантности: и среди более, и среди менее релевантных наблюдаются позитивные и негативные исключения, а среднее значение их открытости примерно одинаковое и находится в районе 50%. Именно поэтому мы можем говорить скорее о ком-

¹ Полные данные доступны по ссылке: URL: <https://clck.ru/QwTAj>.

бинации условий, которые могут способствовать открытости, для чего и используется качественный сравнительный анализ.

Качественный сравнительный анализ: дизайн и результаты

Качественный сравнительный анализ проводился в *RStudio* с использованием пакета *QCA* (Duşa, 2019) по устоявшейся методике (Schneider & Wagemann, 2010). Первым шагом является калибровка исходных значений, при которой наблюдениям присваивается значение членства в множестве от «0» (полное исключение) до «1» (полное включение). В анализе мы используем метод прямого присвоения с преобразованием исходных значений с помощью сигмовидной функции (Duşa, 2019)¹. Для этого определены пороговые величины («якоря») для калибровки. Пороговые величины для исхода – открытости ОКС (*Open*) – выбраны в соответствии с распределением значений показателей: 33, 52 и 66². Для открытости «профильного» органа (*Open_com*), исходя из среднего значения открытости, выбраны значения 38, 56 и 70. Для длительности существования ОКС (*Age*) – пороговые значения 3.1, 5.1, 7.1, исходя из разброса годов учреждения большинства советов и их среднего возраста. Относительно состава ОКС, мы полагаем, что если совет состоит из представителей некоммерческих организаций более чем на половину, то он относится ко множеству с высокой долей НКО (*Ngo_share*), в соответствии с чем «якоря» калибровки составляют 0.25, 0.39 и 0.52³. Наконец, социальная релевантность тематики ОКС (*Soc_rel*) является бинарным условием.

Первый шаг анализа заключается в определении необходимости условий для ожидаемого исхода (см. табл. 2). Результаты демонстрируют, что показатели всех условий не удовлетворяют одновременно пороговым значениям согласованности (0.9), покрытия (0.6) и релевантности (0.5), используемых для анализа необходимости условий (Schneider & Wagemann, 2007: 213–215). Таким образом, ни один из выделенных нами факторов не является необходимым условием информационной открытости ОКС.

Следующий шаг *fsQCA* – анализ достаточности условий – требует построения таблицы истинности, которая в нашем случае состоит из $2^4 = 16$ строк (конфигураций условий). Для определения «достаточности» строки используется параметр достаточности включения (*sufficiency inclusion score*), известный также как оценка согласованности (*consistency score*). Мы установили относительно либеральное значение данного параметра – 0.8, которое, тем не менее, позволяет сохранить приемлемый уровень значимости (Ragin, 2006: 293). К тому же, в таблице истинности наблюдается резкое падение значений оценок согласованности с 0.803 в шестой строке до 0.738 – в седьмой. Сокращенная версия таблицы истинности, в которой отражены строки, которым соответствует хотя бы один случай, представлена в табл. 3.

Таблица 2

Анализ необходимости условий (исход «большая открытость совета» (*Open*))

Условия	Согласованность (<i>Consistency of necessity</i>)	Покрытие (<i>Coverage of necessity</i>)	Релевантность (<i>Relevance of necessity</i>)
OPEN_COM	0.620	0.700	0.735
AGE	0.592	0.681	0.732
NGO_SHARE	0.480	0.712	0.830

¹ Все технические операции выполнены в *RStudio* с использованием пакета *QCA* (Duşa 2019).

² Это означает, что ОКС со значением открытости более 66% будут полностью включены в множество «более открытые», ОКС со значением менее 33% будут полностью исключены из него, а промежуточные значения относительно значения перехода (*crossover point*) 52% будут отнесены либо к скорее включенным, либо к скорее исключенным.

³ Мы использовали доли представителей бизнеса и академического сообщества (якоря калибровки: 0.08 - 0.16 - 0.33 и 0.1 - 0.21 - 0.32, соответственно) как казуальные условия вместо доли НКО, но полученные формулы решения объясняли открытость меньшего числа советов, будучи, в то же время, плохо генерализуемы.

Окончание табл. 2

Условия	Согласованность (<i>Consistency of necessity</i>)	Покрытие (<i>Coverage of necessity</i>)	Релевантность (<i>Relevance of necessity</i>)
SOC_REL	0.588	0.593	0.610
open_com	0.488	0.662	0.780
age	0.501	0.663	0.774
ngo_share	0.578	0.608	0.644
soc_rel	0.412	0.652	0.819

Примечания: Заглавные буквы обозначают присутствие условия, прописные – отсутствие.
Источник: расчеты авторов в *RStudio* с использованием пакета *QCA*.

Таблица 3

Таблица истинности (исход «большая открытость совета» (*Open*))

Soc_rel	Open_com	Age	Ngo_share	Исход	Включ.	Случаи
1	1	0	1	1	0.994	MDC, HOU
0	0	1	0	1	0.936	PRC, INF, TEC
0	1	1	1	1	0.921	PRP
1	1	1	1	1	0.905	SEN, INT
1	0	0	1	1	0.810	SOC, NAT, SCS, TOU
1	0	1	1	1	0.803	CON, MED, LAW, ENC
0	1	1	0	0	0.738	FIN, ARC, TAR, SCI
0	0	0	0	0	0.727	URB
1	0	0	0	0	0.704	EXT
0	1	0	0	0	0.703	ARA, ENG, COS, ATI
1	1	1	0	0	0.626	PET, RUB, TRA, ART
1	1	0	0	0	0.574	YOU, ECO, CUL, PRO
1	1	1	0	0	0.494	LAB
0	0	1	1	0	0.487	IND

Примечания: Значения аббревиатур ОКС представлены в онлайн-приложении (<https://clck.ru/QwTAj>).
Источник: расчеты авторов в *RStudio* с использованием пакета *QCA*.

Для логической минимизации таблицы истинности в соответствии с правилами булевой алгебры применяется алгоритм Куайна-Маккласки (*Quine – McCluskey*); мы использовали формулу промежуточного решения (*intermediate solution*)¹. Ориентировочные ожидания (*directional expectations*) были установлены таким образом, что мы скорее предполагаем присутствие всех условий, Формулу решения можно представить в следующей форме, где прописные буквы обозначают наличие казуального условия, а строчные – его отсутствие; “*” – логическое И, “+” – логическое ИЛИ, “=>” – причинно-следственную связь:

$$\text{SOC_REL*NGO_SHARE} + \text{AGE*OPEN_COM*NGO_SHARE} + \text{AGE*soc_rel*open_com*ngo_share} \Rightarrow \text{OPEN}$$

Эта формула также может быть представлена в виде таблицы, которая включает оценки показателей покрытия решения и случаев, объясненных каждой её частью (см. табл. 4).

¹ Альтернативные формулы решения представлены в онлайн-приложении: URL: <https://clck.ru/QwTAj>.

**Анализ достаточности – формула промежуточного решения:
исход ‘большая открытость совета’ (Open)**

Достаточные казуальные пути, соединенные логическим ИЛИ	Значение достаточности (Inclusion)	Общее покрытие (Raw coverage)	Уникальное покрытие (Unique coverage)	Объясненные случаи
$SOC_REL * NGO_SHARE$	0.739	0.408	0.242	SOC, NAT, SCS, TOU, MDC, HOU, CON, MED, LAW, ENC, <i>SEN, INT</i>
$AGE * OPEN_COM * NGO_SHARE$	0.909	0.227	0.046	PRP, <i>SEN, INT</i>
$AGE * soc_rel * open_com * ngo_share$	0.936	0.123	0.109	PRC, INF, TEC
Решение в целом:	0.791	0.577		
<p>Примечание: Заглавные буквы обозначают присутствие условия, прописные – отсутствие; ^{1*} обозначает логическое И. Курсивом выделены советы, покрытые более чем одним элементом формулы. Подчеркиванием выделены логические противоречия. Источник: расчеты авторов в <i>RStudio</i> с использованием пакета <i>QCA</i>.</p>				

Формула комплексного решения имеет довольно высокое значение достаточности включения (0.791) и объясняет тринадцать из двадцати трех или 56.5% более открытых советов¹. В данном случае мы исключаем три наблюдения, которые являются логически противоречивыми²: хотя эти случаи покрываются элементами формулы, в сущности, они являются менее открытыми советами. В свою очередь, десять более открытых советов, не соответствующих ни одной из конфигураций, требуют отдельного дополнительного изучения.

Таким образом, с учетом ограничений анализа, отраженных выше, мы можем определить три казуальных пути, которые могут способствовать повышению информационной открытости ОКС. Первая часть формулы ($SOC_REL * NGO_SHARE$) демонстрирует, что большая открытость советов с высокой социальной релевантностью тематики (условно, «посреднических» ОКС) объясняется за счет высокой доли представителей негосударственных организаций. Данный казуальный путь объясняет открытость большей части ОКС, уникально покрывая восемь случаев. В частности, такая модель характерна для советов при Комитетах по социальной политике (SOC), по вопросам законности, правопорядка и безопасности (LAW), по природопользованию, охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности (NAT), а также ОКС при Комитете по строительству (CON).

Вторая часть формулы ($AGE * OPEN_COM * NGO_SHARE$) представляется важным дополнением предыдущего казуального пути, поскольку показывает, что вне зависимости от социальной релевантности тематики ОКС, его открытость может обеспечиваться за счет комбинации значительного представительства членов НКО, длительного времени существования и высокой открытости профильного комитета. Исключая логически противоречивое наблюдение (INT), этот казуальный путь уникально покрывает единственный случай – Совет при Комитете имущественных отношений Санкт-

¹ Таблица 1.2. онлайн-приложения: URL: <https://clck.ru/QwTAj>.

² Среди них: Общественный совет при Комитете по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики в Санкт-Петербурге (INT), Общественный совет Комитета по развитию предпринимательства и потребительского рынка Санкт-Петербурга (ENC), Общественный совет при Комитете по развитию туризма Санкт-Петербурга (TOU),

Петербурга (PRP). При этом открытость по развитию малого предпринимательства при губернаторе Санкт-Петербурга (SEN) может объясняться как первой, так и второй частью формулы решения.

Третий компонент формулы решения ($AGE*soc_rel*open_com*ngo_share$) отражает иной механизм обеспечения открытости ОКС. Несмотря на низкую социальную релевантность, невысокую открытость профильного комитета и небольшое число членов НГО в составе (необходимые условия открытости в предыдущих двух конфигурациях), ключевую роль в обеспечении информационной открытости данных советов играет продолжительность его существования. По-видимому, такая модель характера для советов при Гостехнадзоре Санкт-Петербурга (ТЕС), Комитете по государственному заказу Санкт-Петербурга (PRC), Комитете по информатизации и связи (INF). Хотя из компетенции Комитетов следует, что советы должны выполнять скорее «экспертную» функцию, долгая практика работы совета позволяет повышать их открытость за счет стремления к большей автономии.

Таким образом, результаты анализа подтвердили некоторые из наших теоретических ожиданий, параллельно выявив комбинаторную природу их воздействия.

Заключение

Несмотря на недостаток необходимых данных и указанные выше ограничения, мы можем сделать предварительный вывод о том, что различия в автономии и роли являются важными условиями развития информационной открытости ОКС. Автономия, понимаемая как независимость сайта ОКС, в настоящий момент фактически отсутствует, хотя в тех случаях, где она есть, советы действительно показывают высокие результаты открытости. Вместе с тем в отдельных случаях отсутствие подобной автономии может и не являться проблемой, если открытость «профильного» органа власти является высокой. Однако в целом, это условие нельзя считать универсальным. Автономия, понимаемая как продолжительность существования совета и как доля представителей некоммерческого сектора, представляется более значимым условием открытости. При этом, судя по всему, она имеет значение независимо от той роли, которую исполняет ОКС. В частности, даже если ОКС обладает низкой социальной релевантностью тематики, автономия может способствовать развитию большей открытости совета. Что касается роли советов, то хотя есть косвенные признаки того, что «экспертные» ОКС более закрыты (если судить по принадлежности советов и их составу), результаты анализа не позволяют говорить об этом со всей уверенностью.

Следует отметить, что найденные решения покрывают лишь небольшую часть случаев, поэтому необходим дополнительный анализ, который планируется на следующем этапе исследования. Во-первых, предстоит дополнить эмпирическую базу недостающими данными, чтобы было возможно расширить выборку для качественного сравнительного анализа. Во-вторых, полезным дополнением станет использование качественных методов исследования, прежде всего, интервью с представителями совета и органов власти, чтобы более точно выявить мотивацию акторов становиться более открытыми. Тем не менее, важным вкладом данного исследования можно считать выработку целостной рамки для анализа открытости, которая может быть апробирована на других кейсах разными эмпирическими методами.

Финансовая поддержка

Текст подготовлен в рамках проекта «Общественно-консультативные советы как институты влияния экспертного сообщества и гражданских организаций на принятия политико-управленческих решений в г. Санкт-Петербурге» № 20-04-007 по конкурсу исследовательских проектов научно-учебных групп Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» (НУГ).

Список литературы / References

Батуев, А. Д., Комин, М. О., Коробкин, Е. Н. (2020) *Открытость Общественных советов при федеральных органах исполнительной власти в России*. Москва: Счетная палата Российской Федерации, Центр перспективных управленческих решений, 36 с. [Batuev, A. D., Komin, M. O., Korobkin, E. N.

(2020) *The Openness of Public Councils under Federal Executive Bodies in Russia* [Otkrytost' Obshchestvennyh sovetov pri federal'nyh organah ispolnitel'noj vlasti v Rossii]. Moscow: Accounts Chamber of Russian Federation, Center for Advanced Governance, 36 p. (In Russ.).

- Горный, М. Б. (2011) 'Общественные консультативные структуры при органах власти: опыт Санкт-Петербурга', *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*, 2(86), сс. 14–24. [Gornyj, M. B. (2011) 'Public Consultative Structures under the Government: Experience of St. Petersburg' [Obshchestvennye konsul'tativnye struktury pri organah vlasti: opyt Sankt-Peterburga], *Teleskop: zhurnal sociologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*, 2(86), pp. 14–24. (In Russ.)].
- Дьякова, Е. Г., Трахтенберг, А. Д. (2019) 'Общественные советы при органах исполнительной власти: эксперты, контролеры или мирские челобитчики?', *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6(154), сс. 180–201. [D'yakova, E. G., Trahtenberg, A. D. (2019) 'Public Councils under the Executive Branch: Experts, Supervisors, or Worldly Petitioners?' [Obshchestvennye sovetu pri organah ispolnitel'noj vlasti: eksperty, kontrolery ili mirskie chelobitchiki?], *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, 6(154), pp. 180–201. (In Russ.)].
- Дьякова, Е. Г. (2018) 'Формирование системы общественных советов при региональных органах исполнительной власти: экспертиза или представительство?', *XXI Уральские социологические чтения. Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития*. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 21, сс. 189–192. [D'yakova, E. G. (2018) 'Formation of a System of Public Councils under Regional Executive Authorities: Expertise or Representation?' [Formirovanie sistemy obshchestvennykh sovetov pri regional'nykh organah ispolnitel'noj vlasti: ekspertiza ili predstavitel'stvo?], *XXI Ural Sociological Readings. Social space and time of the region: problems of sustainable development*. Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet, 21, pp. 189–192. (In Russ.)].
- Зеленский, П. А. (2018) 'Эффективность работы общественных советов при органах государственной власти как показатель правовой культуры общества', *Правовая культура*, 4, сс. 69–78. [Zelenskij, P. A. (2018) 'The Effectiveness of the Work of Public Councils under State Authorities as an Indicator of the Legal Culture of Society' [Effektivnost' raboty obshchestvennykh sovetov pri organah gosudarstvennoj vlasti kak pokazatel' pravovoj kul'tury obshchestva], *The Legal Culture*, 4, pp. 69–78. (In Russ.)].
- Кабанов, Ю. А., Карягин, М. Е. (2015) "Необитаемые острова" открытости: проблемы открытых государственных данных в России', *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*, 11(4), сс. 38–51. [Kabanov, Y. A., Karyagin, M. E. (2015) "Uninhabited Islands" of Openness: Problems of Open State Data in Russia' ["Neobitaemye ostrova" otkrytosti: problemy otkrytykh gosudarstvennykh dannykh v Rossii'], *Political expertise: POLITEX*, 11(4), pp. 38–51. (In Russ.)].
- Кабанов, Ю. А. (2020) 'Публичная политика в гибридных режимах: обзор исследований', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 14(2), сс. 142–150. [Kabanov, Y. A. (2020) 'Public Policy in Hybrid Regimes: A Review' [Publichnaya politika v gibridnykh rezhimakh: obzor issledovaniy], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 14(2), pp. 142–150. (In Russ.)]. DOI: <http://dx.doi.org/10.17072/2218-1067-2020-2-142-150>.
- Карягин, М. Е. (2017) 'Информационная открытость деятельности экспертных сообществ на примере общественных советов при федеральных органах исполнительной власти РФ', в: Ясин, Е. Г. (ред.) *XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики., кн. 2, сс. 145–151. [Karyagin, M. E. (2017) 'Information Openness of the Activities of Expert Communities on the Example of Public Councils under the Federal Executive Bodies of the Russian Federation' [Informacionnaya otkrytost' deyatel'nosti ekspertnykh soobshchestv na primere obshchestvennykh sovetov pri federal'nykh organah ispolnitel'noj vlasti RF], in: Yasin, E. G. (ed.) *XVII April International Academic Conference on Economic and Social Development*. Moscow, Higher School of Economics Publishing House., b. 2, pp. 145–151 (In Russ.)].

- Петрова, Л. А., Сунгуров, А. Ю. (2012) 'Институты-посредники между органами власти и обществом: Случай Санкт-Петербурга', *Вопросы государственного и муниципального управления*, (2), сс. 78–96. [Petrova, L. A., Sungurov, A. Y. (2012) 'Mediators Institutes between Government and Society: Case of Saint-Petersburg' [Instituty-posredniki mezhdru organami vlasti i obshchestvom: Sluchaj Sankt-Peterburga], *Public Administration Issues*, (2), pp. 78–96. (In Russ.)].
- Руденко, В. Н. (2007) 'Консультативные общественные советы в системе делиберативной демократии', *Сравнительное конституционное обозрение*, 4(61), сс. 116–124. [Rudenko, V. N. (2007) 'Public Advisory Councils in the System of Deliberative Democracy' [Konsul'tativnye obshchestvennye sovery v sisteme deliberativnoj demokratii], *Comparative Constitutional Review*, 4(61), pp. 116–124. (In Russ.)].
- Сулимов, К. А. (2018) 'Консультативно-совещательные органы в современной России: субъектность без автономии?', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 12(3), сс. 88–102. [Sulimov, K. A. (2018) 'Consultative and Advisory Bodies in Modern Russia: Agency without Autonomy?' [Konsul'tativno-soveshchatel'nye organy v sovremennoj Rossii: sub"ektnost' bez avtonomii?], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 12(3), pp. 88–102. (In Russ.)]. DOI: <http://dx.doi.org/10.17072/2218-1067-2018-3-88-102>.
- Сулимов, К. А., Титова, С. Р. (2016) 'Консультативно-совещательные органы по межнациональным отношениям в современной России: представление базы данных', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 4, сс. 150–167. [Sulimov, K. A., Titova, S. R. (2016) 'Consultative and Advisory Bodies for Interethnic Relations in Modern Russia: Introducing a Database' [Konsul'tativno-soveshchatel'nye organy po mezhnacional'nyum otnosheniyam v sovremennoj Rossii: predstavlenie bazy dannyh], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 4, pp. 150–167. (In Russ.)].
- Сунгуров, А. Ю., Дубровский, Д. В., Карягин, М. Е., Тиняков, Д. К. (2020) 'Общественно-консультативные советы как форма вовлечения экспертного знания в процесс политико-управленческих решений (на примере г. Санкт-Петербурга)', *Вопросы государственного и муниципального управления*, 2, сс. 7–31. [Sungurov, A. Y., Dubrovsky, D. V., Karyagin, M. E., Tiniakov, D. K. (2020) 'Public Consultative Councils as a Way of Involving Expert Knowledge in Policy Decision Process (Case of St. Petersburg)' [Obshchestvenno-konsul'tativnye sovery kak forma вовлечeniya ekspertnogo znaniya v process politiko-upravlencheskih reshenij (na primere g. Sankt-Peterburga)], *Public Administration Issues*, 2, pp. 7–31. (In Russ.)].
- Сунгуров, А. Ю. (2013) 'Общественные советы как институты мониторинговой демократии? Опыт Краснодарского края', *Социум и власть*, 6 (44), сс. 48–54. [Sungurov, A. Y. (2013) 'Public Councils as Institutions of Monitoring Democracy? Experience of the Krasnodar Krai' [Obshchestvennye sovery kak instituty monitoringovoj demokratii? Opyt Krasnodarskogo kraja], *Society and Power*, 6 (44), pp. 48–54. (In Russ.)].
- Сунгуров, А. Ю., Карягин М. Е. (2017) 'Российское экспертное сообщество и власть: основные формы взаимодействия', *Полис*, 3, сс. 144–159. [Sungurov, A. Y., Karyagin, M. E. (2017) 'Russian Expert Community and Government: Main Forms of Interaction' [Rossijskoe ekspertnoe soobshchestvo i vlast': osnovnye formy vzaimodejstviya], *Polis. Political Studies*, 3, pp. 144–159. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.10>.
- Duşa, A. (2019) *QCA with R: A comprehensive resource*. New York: Springer International Publishing.
- Kabanov, Y., Karyagin M. and Romanov V. (2017) 'Politics of Open Data in Russia: Regional and Municipal Perspectives' in: Kumar, T.V. (ed.) *E-Democracy for Smart Cities. Advances in 21st Century Human Settlements*. Singapore: Springer, pp. 461–485. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-10-4035-1_15.
- Kabanov, Y. and Chugunov, A. V. (2017) 'Electronic "Pockets of Effectiveness": E-governance and Institutional Change in St.

- Petersburg, Russia' in: Janssen, M. et al. (ed.) *International Conference on Electronic Government*. Springer, Cham, LNCS, vol. 10428, pp. 386–398. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-64677-0_32.
- Knox, C. and Janenova, S. (2018) 'Public councils in Kazakhstan: a case of emergent participative democracy?', *Central Asian Survey*, (37)2, pp. 305–321. DOI: <https://doi.org/10.1080/02634937.2017.1410467>.
- Krick, E., Christensen, J. and Holst, C. (2019) 'Between 'Scientization' and a 'Participatory Turn'. Tracing shifts in the governance of policy advice', *Science and Public Policy*, 46(6), pp. 927–939. DOI: <https://doi.org/10.1093/scipol/scz040>.
- Owen, C. and Bindman, E. (2017) 'Civic participation in a hybrid regime: Limited pluralism in policymaking and delivery in contemporary Russia', *Government and Opposition*, 54(1), pp. 98–120. DOI: <https://doi.org/10.1017/gov.2017.13>.
- Ragin, C. C. (2006) 'Set relations in social research: Evaluating their consistency and coverage', *Political analysis*, 14(3), pp. 291–310. DOI: <https://doi.org/10.1093/pan/mpj019>.
- Ragin, C. C. (2009) 'Qualitative comparative analysis using fuzzy sets (fsQCA)' in: Rihoux, B. and Ragin, C. C. (ed.) *Configurational comparative methods: Qualitative comparative analysis (QCA) and related techniques*. Thousand Oaks, CA: Sage, pp. 87–121.
- Schneider, C. Q. and Wagemann, C. (2007) *Qualitative Comparative Analysis (QCA) und Fuzzy Sets: Ein Lehrbuch für Anwender und jene, die es werden wollen*. Opladen and Farmington Hills: Verlag Barbara Budrich.
- Schneider C. Q. and Wagemann, C. (2010) 'Standards of good practice in qualitative comparative analysis (QCA) and fuzzy-sets', *Comparative Sociology*, 9(3), pp. 397–418. DOI: <https://doi.org/10.1163/156913210x12493538729793>.
- Tavares, A. F. and da Cruz, N. F. (2017) 'Explaining the transparency of local government websites through a political market framework', *Government Information Quarterly*, 37(3), pp. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2017.08.005>.
- Yavuz, N. and Welch, E. W. (2014) 'Factors affecting openness of local government websites: Examining the differences across planning, finance and police departments', *Government Information Quarterly*, 31(4), pp. 574–583. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2014.07.004>

Статья поступила в редакцию: 17.12.2020

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 30.03.2021

Статья принята к печати: 30.04.2021

**INFORMATION OPENNESS OF PUBLIC ADVISORY COUNCILS
IN ST. PETERSBURG: COMPARATIVE ANALYSIS OF CONDITIONS**

I. O. Viatkin, Yu. A. Kabanov, M. E. Karyagin, S. M. Kukartsev, P. D. Mironov

I. O. Viatkin, student of the educational program "Political Science and World Politics",
National Research University Higher School of Economics, Russia, St. Petersburg.
E-mail: i.o.viatkin@gmail.com (ORCID: 0000-0003-2746-3016).

Yu. A. Kabanov, Senior Lecturer at the Department of Political Science and International Relations,
National Research University Higher School of Economics, Russia, St. Petersburg.
E-mail: ykabanov@hse.ru (ORCID: 0000-0002-4011-2010).

M. E. Karyagin, leading expert,
Center for Current Politics, Russia, Moscow.
E-mail: karyaginm@gmail.com (ORCID: 0000-0001-8562-5840).

S. M. Kukartsev, student of the educational program "Political Science and World Politics",
National Research University Higher School of Economics, Russia, St. Petersburg.
E-mail: kukartsevst@gmail.com (ORCID: 0000-0003-4884-1581).

P. D. Mironov, student of the educational program "Political Science and World Politics",
National Research University Higher School of Economics, Russia, St. Petersburg.
E-mail: mr.paul-grand@mail.ru (ORCID: 0000-0002-8595-7017).

Abstract

Information openness of public advisory councils is an important but underexplored indicator of their role in public policy. It reflects their activities, as well as the feedback mechanisms between citizens and councils. Scholars point out low information quality on federal and regional levels, but the reasons behind that rarely studied, especially from a comparative perspective. This paper attempts to fill in this gap by revealing the conditions leading to greater information openness. The authors choose St. Petersburg as a case and gather a dataset on 46 public councils. The key research method is the fuzzy-set qualitative comparative analysis. The framework is built on two expectations: the impact of councils' autonomy (in website management and general organization) and the role of councils ("intermediary" or "expert") on information openness. Due to several limitations, the results have not revealed any conditions which can be considered a guarantee for better openness. However, the preliminary conclusion is that the differences in autonomy and roles are important conditions. The autonomy of councils seems to be the most crucial factor. A valuable contribution of this paper is the framework of analysis that can be used for other cases and research strategies.

Keywords: public advisory councils; information openness; public policy; qualitative comparative analysis.

Acknowledgements: The text was prepared within the framework of the project "Public Advisory Councils as Institutions of Influence of the Expert Community and Civil Organizations on Political and Administrative Decisions in St. Petersburg" No. 20-04-007 under the competition of research projects of scientific and educational groups of the Program "Scientific Fund of the National Research University HSE" (NUG).

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-2-142-155

**ДИСКУРС «КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПОПРАВКИ» И «ПАНДЕМИЯ
КОРОНАВИРУСА» В ЦИФРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКЕ ДНЯ В 2020 г.:
АГИТАЦИЯ VS СДЕРЖИВАНИЕ В ОФИЦИАЛЬНЫХ СМИ**

Н. А. Рябченко, О. П. Малышева, И. В. Мирошниченко

Рябченко Наталья Анатольевна, кандидат политических наук, доцент кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования, Кубанский государственный университет.
E-mail: rrrnatali@mail.ru (ORCID: 0000-0001-6980-2894. ResearcherID: Q-8079-2016).

Малышева Ольга Петровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет.
E-mail: malisheva_83@mail.ru (ORCID: 0000-0001-8285-0508. ResearcherID: E-8066-2018).

Мирошниченко Инна Валерьевна, доктор политических наук, доцент, зав. кафедрой государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет.
E-mail: mirinna78@mail.ru (ORCID: 0000-0002-2650-6662. ResearcherID: Q-7280-2016).

Аннотация

На основе результатов эмпирического исследования обосновываются структурные, контекстуальные и технологические аспекты формирования цифровой политической повестки дня в онлайн-пространстве в условиях кризисных ситуаций. Разработанный авторами аналитический инструментарий, основанный на методах Data Science, позволил осуществить мониторинг новостного контента лидирующих национальных агентств «Интерфакс», «РИА Новости» и «ТАСС» в период март-сентябрь 2020 г., который характеризуется разворачиванием пандемии covid-19 и социально-политической напряженностью в российском обществе, вызванной конституционным реформированием в РФ. В результате проведенного исследования авторами были определены временные тренды формирования и позиционирования цифровой повестки дня новостными агентствами в отношении пандемии covid-19 и конституционных поправок. Авторами были выделены технологические стратегии формирования цифровой политической повестки дня официальными «провластными» СМИ: стратегия прагматического моделирования новостного дискурса, дискурсивной гeбepнaции новостного дискурса и дискурсивной диффузии новостного дискурса. В управлении актуальной политической повесткой дня «Конституционные поправки» СМИ были использованы технологические приемы онлайн-агитации граждан для их конвенциональной мобилизации в виде участия в голосовании на основе стратегии прагматического моделирования (вовлечение максимального количества участников в формируемое дискурсивное поле цифровой политической повестки с последующей концентрацией фокуса привлеченных участников на заданной тематике). Для нивелирования панических настроений и формирования конструктивного гражданского поведения в условиях пандемии СМИ были использованы технологические приемы онлайн-информирования граждан на основе стратегии дискурсивной гeбepнaции новостного дискурса («замораживание» коронавирусной повестки в период общероссийского голосования по поправкам в Конституцию РФ) и стратегия дискурсивной диффузии новостного дискурса («размывание» дискурсивного поля о пандемии).

Ключевые слова: цифровая политическая повестка дня; официальные СМИ; конституционные поправки 2020 г.; коронавирус; пандемия; управление общественным мнением; онлайн-пространство; сетевой анализ; лингводискурсивный анализ, социальный граф.

Введение

В современном научном дискурсе актуальны проблемы эффективного управления процессами цифровой сетевизации всех сфер общественной жизни. Они имеют сложную и многомерную природу и оказывают непосредственное влияние на обеспечение социально-политической и социально-экономической стабильности современных государств в условиях новых глобальных вызовов и угроз. Вместе с тем события 2020 г., связанные со стремительным распространением коронавируса, обусловили развитие масштабного по охвату стран и сфер общественной жизни многосоставного кризиса. Эта ситуация потребовала от правительств современных государств стратегических решений и новых мер реагирования. Принятые меры затронули сферы государственного управления, медицины и здравоохранения, общественной безопасности и контроля, а также ускорили процессы цифровизации в этих сферах.

В российском контексте решение государственных задач по минимизации ущерба от пандемии сопровождалось подготовкой и принятием поправок в Конституцию РФ. Это потребовало от органов власти значительных усилий по формированию позитивного общественного мнения и мобилизации населения для участия в общероссийском голосовании по вопросам принятия предлагаемых изменений, что обусловило нарастание поляризации в обществе. Возникшая на её основе социально-политическая напряженность приобрела политико-идеологические составляющие.

В данных условиях наблюдается качественно иное развитие гражданских коммуникаций, опережающих государство по скорости, направленности и креативности формирования цифровой повестки дня в онлайн-пространстве. По данным проекта «Интернет Live Stats» каждую секунду в онлайн-пространстве публикуется более 8 000 твиттов, 981 одна публикация в Instagram, добавляется более 81 000 новых материалов в систему Google, размещается более 83 000 видеороликов, генерируется более 89 000 килобайт информации¹. Данная информация способствует продуцированию дискуссий и обсуждений, возникновению фейковых новостей, трансформируя, тем самым, классические способы формирования политической повестки дня и предопределяя социальное действие граждан в офлайн-пространстве. Вместе с тем государство использует преимущественно традиционные способы коммуникации. Как следствие, его активность во многих случаях остается за пределами технологического формата общественной повестки, а в политико-управленческом и социально-коммуникативном арсенале преобладают «догоняющие» способы воздействия на общественное мнение и поведенческие практики граждан.

Одним из провластных традиционных каналов воздействия выступают официальные СМИ, которые в 2020 г. участвовали в формировании и поддержании определенного политического дискурса цифровой политической повестки в онлайн-пространстве РФ. Основными исследовательскими вопросами стали следующие: каковы особенности формирования дискурсов «Конституционные поправки» и «Пандемия коронавируса» в цифровой политической повестке дня? Какие стратегии и технологии использовали официальные СМИ для поддержания общественного внимания к формируемой цифровой политической повестке? Различались ли лингводискурсивные технологии применительно к двум эмпирическим кейсам? Как изменялся временной тренд позиционирования (а также удержания фокуса внимания общественности) двух выбранных дискурсов в цифровой политической повестке дня? Данное исследование позволяет определить содержание политической и общественной повестки, формируемой в онлайн-пространстве, а также предложить технологические приемы управления ими для обеспечения эффективности антикризисной коммуникации и социально-политической стабильности.

Цифровая политическая повестка дня в условиях инфодемии: теоретические рамки

Исследование цифровой повестки дня имеет многосоставную концептуальную структуру. Это определяется одновременным существованием в онлайн-пространстве разных по своему темпоральному происхождению явлений, что нашло свое отражение в теоретических конструкциях исследований массовых коммуникаций и публичного управления. Базовой теоретической рамкой исследования является категория «повестка дня» (agenda-setting theory), под которой понимается определенный набор проблем и сюжетов, представляемых СМИ, актуальных и важных для аудитории в определенный промежуток времени (McCombs, 2014; McCombs, 2013). Роль СМИ отражается в двух теоретиче-

¹ Internet Live Stats (электронный ресурс). URL: <https://www.internetlivestats.com/>

ских конструктах: в «постановке повестки дня» и «формировании повестки дня» (Fiske, 1986; *The Nerves of Government*, 1963). В первом случае речь идет о влиянии повестки дня, которую устанавливают СМИ, получая информацию от политиков и формируя общественное мнение. Согласно данной теории, СМИ не отражают социальную действительность, а фильтруют и конструируют ее в своих новостях. Во втором случае речь идет о формировании повестки дня как результата взаимодействия СМИ и общества, которая влияет на выработку государственных приоритетов и государственных решений. Концентрированность СМИ на некоторых проблемах и предметах принуждает общественность актуализировать эти проблемы как более важные, нежели другие. В современном онлайн-пространстве сохраняется роль традиционных СМИ, оказывающих непосредственное влияние в виде производства и тиражирования новостного контента в цифровом формате на постановку политической повестки дня, фокусируя внимание общественности на перечне проблем и интерпретации их содержания (Найбет, 2009).

В условиях цифровизации и сетевизации публичного пространства создаются условия для установок различных видов повестки дня: личная, или внутренняя, повестка дня, охватывающая наиболее важные для самого индивида социальные или политические проблемы; межличностная повестка дня, т.е. система приоритетов в отношении тех проблем, которые индивид обсуждает с членами своей микрогруппы; общественная повестка дня, т.е. представления индивида о том, какие проблемы наиболее важны для того сообщества, к которому он принадлежит (Дьякова, 2003). Существенным отличием политической повестки дня, устанавливаемой СМИ и разновидностями общественной повестки, формирующихся в онлайн-социальных сетях становится личные потребности граждан или сообществ, а также их личный опыт, влияющие на восприятие информации и определение приоритетности решения проблем (Казун, 2017). Для объяснения взаимовлияния различных повесток в публичном пространстве была разработана сетевая модель установления повестки дня (*network agenda-setting model*), допускающая возможность объединения разных повесток дня в «связки» (Vu, 2014), приобретающих в цифровой среде нелинейные конфигурации. В основе сетевого формата создания, потребления и тиражирования информация о тех или иных событиях – модель «настройки повестки дня», представленная тремя дискурсивными уровнями в представлении событий в виде фактических данных, интерпретации данных и их оценки различными субъектами.

Ситуация с распространением коронавируса поставила перед исследователями новые вопросы, связанные с формированием повестки дня в контексте инфодемии¹, или глобальной пандемии социальных сетей (Mavragani, 2020; Ballesteros, 2020; Плотицкина, 2021). Основные характеристики инфодемии – доминантное, по сравнению с достоверными данными, распространение ложной информации и фейковых новостей о covid-19 (о статусе и эволюции инфекции, масштабах и субъектах ее распространения, характере протекания заболевания, формах и методах лечения и профилактики); государственных и частных мерах противодействия пандемии, проблемах безопасности и социально-экономических последствиях пандемии. Объективный дефицит достоверной и оперативной информации о Covid-19 из официальных правительственных источников, организаций и экспертов системы здравоохранения, а также официальных СМИ, отсутствие накопленного практического опыта борьбы с коронавирусной инфекцией, введение карантинных мер и режима самоизоляции обусловили эмоциональную вовлеченность граждан в поиск, потребление и тиражирование информации в онлайн-пространстве в повседневных практиках (Радина, 2020).

Помимо основной категории «цифровая политическая повестка дня» особое значение для исследования дискурсов «конституционные поправки» и «пандемия коронавируса» имеет категория критического дискурс-анализа в интерпретации Тена ван Дейка (Dijk, 2008) и методика лингвистического анализа указанных выше политических феноменов (Jones, 2015; Рябченко, 2020). Дискурсивная интерпретация социальной действительности политическими акторами и отражение/конструирование этой действительности в онлайн-пространстве может целенаправленно изменять и трансформировать массовое сознание граждан (Русакова, 2006). Исследовательница Е.И.Шейгал подчеркивает то, что политический дискурс имеет реальное и виртуальное измерения. В реальном измерении – это тексты, которые воспроизводятся и циркулируют в социальном простран-

¹ Инфодемиология (т. е. информационная эпидемиология) – междисциплинарная наука в области информатики здравоохранения, использующая онлайн-данные для исследования инфодемии, моделей распространения, связанных со здоровьем (дез)информации, выявление, изучение и прогнозирование заболеваний. Методология инфодемиологии используется для решения проблем в системе здравоохранения, информирования общественности и агентов публичной политики (Posetti, J., Bontcheva, K. (2020) *Disinfodemic: Deciphering COVID-19 Disinformation*. UNESCO Policy Brief 1. (электронный ресурс). URL: https://en.unesco.org/sites/default/files/disinfodemic_deciphering_covid19_disinformation.pdf).

стве «здесь и сейчас». В виртуальном – это знаковое и символическое пространство, которое соединяет в себе вербальные и невербальные характеристики, основанные на нашей социальной практике, накопленном опыте в результате общения на политические темы (Шейгал, 2000).

Методика эмпирического исследования

Выбранные кейсы эмпирического исследования дискурсов «Конституционные поправки» и «Пандемия коронавируса» в цифровой политической повестке дня официальных СМИ в 2020 г. представляют исследовательский интерес по ряду общих и дифференцирующих причин:

- события, связанные с разворачиванием процессов, а также процесс принятия государственных решений, который сопровождает развитие данных ситуаций, имеют чрезвычайную важность для сохранения устойчивости и социальной стабильности в Российской Федерации;

- принятие поправок в Конституцию РФ и развитие чрезвычайной ситуации, связанной с распространением коронавирусной инфекции, охватывает интересы всего населения РФ и сферы публичного управления;

- события «Конституционные поправки» и «Пандемия коронавируса» охватывают период 2020 г. и являются лидирующими в информационных потоках в независимости от субъектов их формирования и распространения;

- кейс распространения коронавирусной инфекции на территории РФ и усилия государства и общества по противодействию ей имеют ярко выраженный глобальный социальный-экономический, событийно-информационный и политико-управленческий контекст;

- кейс внесения поправок в Конституцию РФ имеет важное политическое значение, связанное с укреплением государственности и переориентации государственных приоритетов.

Объектом эмпирического исследования стал массив сетевых данных, собранных методом сплошной выборки новостных статей, по ключевым словам, «коронавирус» и «конституция», опубликованных новостными агентствами «Интерфакс», «РИА Новости» и «ТАСС» на своих официальных сайтах. Отметим, что данные информагентства являются ведущими и крупнейшими информационными группами и сетевыми изданиями в РФ и странах СНГ¹ (в рейтинге «Медиалогия» все три агентства ежегодно занимают первые три места): «Интерфакс» позиционируется как «независимое информационное агентство»; «РИА Новости» (бренд МИА «Россия сегодня») и «ТАСС» являются государственными. Все три указанных группы СМИ – основные по популярности и охвату пользователей/читателей акторы формирования «провластной» и «независимой» цифровой политической повестки в онлайн-пространстве².

Полученная эмпирическая выборка содержит весь массив текстовых данных, опубликованных указанными СМИ на их официальных порталах³ в сети Интернет 18 – 25 марта 2020 г., 1 – 8 апреля 2020 г., 2 – 9 мая 2020 г., 18 июня – 8 июля 2020 г., 23 – 30 июля 2020 г., 6 – 19 сентября 2020 г. Выбор периодов был обусловлен изменением численности инфицированных covid-19 граждан на территории РФ и введением или изменением мер, направленных на противодействие пандемии и/или минимизацию ее последствий для российского общества, а также динамикой развития ситуации с вне-сением / обсуждением и подготовкой общероссийского голосования за конституционные поправки. Объем эмпирических данных составил:

- датасет «Конституция» свыше 5 000 публикаций;
- датасет «Коронавирус» свыше 10 000 публикаций.

Полученные данные были подвергнуты частотному анализу, в результате которого были сформированы датасеты «Конституция» и «Коронавирус», с разделением на подкатегории в соответствии с периодом сбора данных: «18 – 25 марта конституция», «1 – 8 апреля конституция», «2 – 9 мая конституция», «18 июня – 8 июля конституция», «23 – 30 июля конституция», «13 – 20 сентября конституция»; «18 – 25 марта коронавирус», «1 – 8 апреля коронавирус», «2 – 9 мая коронавирус», «18 июня – 8 июля коронавирус», «23 – 30 июля коронавирус», «6 – 19 сентября коронавирус». Для каж-

¹ Международная информационная группа «Интерфакс» (электронный ресурс). URL: <http://www.group.interfax.ru/rbr.asp?rbr=14>; История становления и развития медиагруппы «Россия сегодня» (электронный ресурс). URL: https://xn--c1acbl2abd1kab1og.xn--p1ai/about_us/.

² Индекс цитируемости (ИЦ) «ТАСС» в СМИ – 188 780,41; ИЦ «РИА Новости» в СМИ – 177 817,96; ИЦ «Интерфакс» в СМИ – 50 106,82 (Медиалогия: Топ-3 самых цитируемых информационных агентств - 2020 год (электронный ресурс). URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/8058/>).

³ Интерфакс (электронный ресурс). URL: <https://www.interfax.ru/>; Риа Новости (электронный ресурс). URL: <https://ria.ru/>; ТАСС (электронный ресурс). URL: <https://tass.ru/>.

дой подкатегории была вычислена относительная частотность, каждая подкатегория датасетов включила лексические единицы с относительной частотностью более или равно 1.

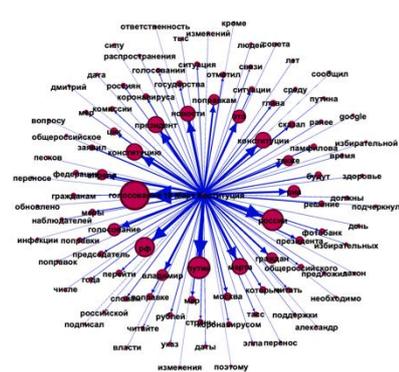
Для выявления доминирующих дискурсивных тематик в цифровой повестке дня, создаваемой официальными СМИ в онлайн-пространстве в период март – сентябрь 2020 г. была проведена сетевая визуализация эмпирических данных, которая основывалась на методике построения социальных графов тематики новостного контента в цифровом формате. С помощью программы Gephi, с использованием метода графовой визуализации, были визуализированы соотношения частотных единиц по каждой подкатегории датасета и составлены 12 социальных графов (рис. 1 и рис. 3). Данные графы включили в себя все частотные единицы, использованные в новостных сводках официальных СМИ в совокупности с ключевыми словами «конституция» и «коронавирус» в указанный период.

Построение визуальных моделей, на основе фиксации «удельного веса» определенной лексической единицы по отношению к другим единицам в отдельно взятой подкатегории датасета, позволило во временной динамике показать изменение доминирующих дискурсивных тем (проблематик) «Конституция» и «Коронавирус» в цифровой политической повестке в обозначенный период, формируемой информационными агентствами (официальными СМИ).

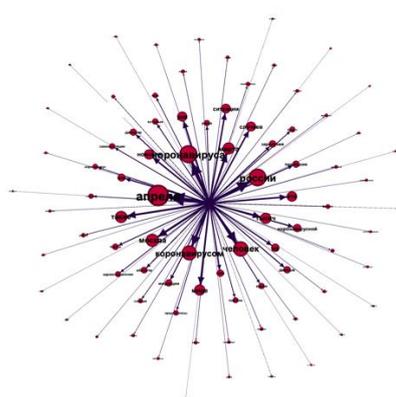
На полученных визуализациях (рис. 1 и рис. 3) частотные единицы представлены в качестве вершин или узлов и связаны с центральным хабом, являющимся ключевым словом «коронавирус» или «конституция» посредством линий, представляющих собой ребра – связи между лексическими единицами и центральным хабом. Пособством укладки ForceAtlas2 в программе Gephi была проведена процедура распределения узлов в пространстве для визуализации характера их взаимоотношений. Данная укладка позволяет отразить насыщенность цифровой повестки посредством визуализации плотности дискурсивного поля. Однородное распределение узлов в плотном дискурсивном поле, центрированная тенденция расположения крупных узлов – хабов – и их визуализация в виде плотного кольца позволяет сделать аналитические выводы том, что повестка создается тематически связными сообщениями, она насыщена тематиками и событиями. Разреженное неоднородное распределение узлов в дискурсивном поле, а также отсутствие четкой агрегации хабов вокруг центра говорят об отсутствии содержательного дискурса по данной тематике, ввиду естественно низкой событийности или недостаточного освещения событий СМИ.

Для выявления технологических приемов формирования и управления цифровой политической повесткой дня в онлайн-пространстве и оценке их эффективности были применены методы сетевого анализа, визуального анализа и лингводискурсивного анализа (контент-анализ, семантический анализ тегов и хештегов к полученным массивам эмпирических данных: дата-сетам, социальным графам и результатам визуализации).

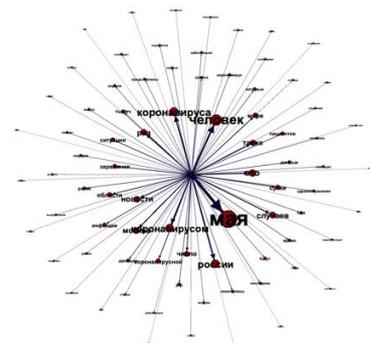
Дискурс «Конституционные поправки» в цифровой политической повестке дня официальных СМИ в 2020 г.: как выстраивалась стратегия агитации?

18 – 25 марта,
«конституция»

1 – 8 апреля,
«конституция»

2 – 9 мая,
«конституция»

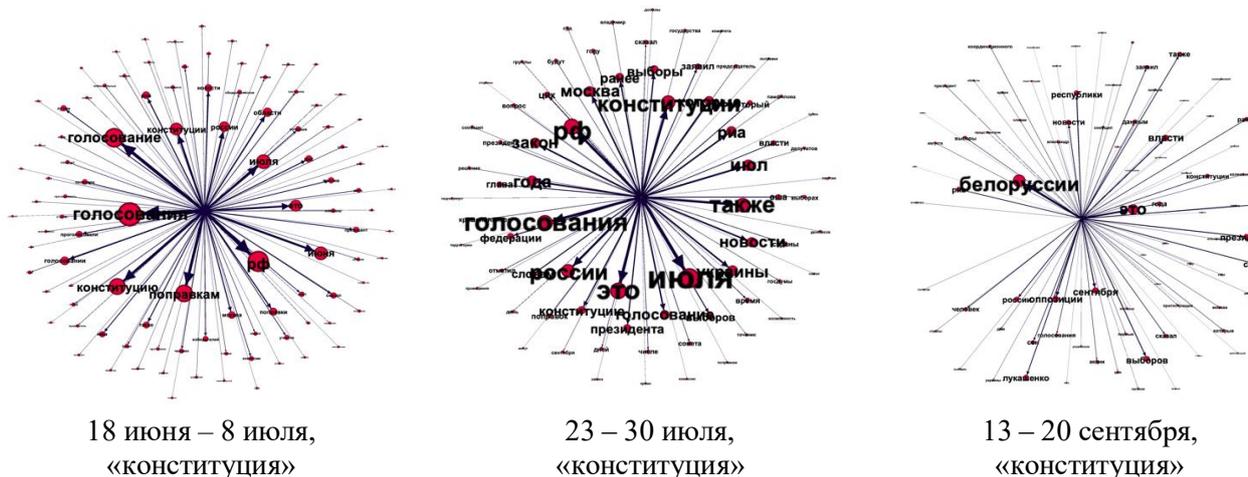

Рис. 1 Визуализация дискурса «Конституционные поправки» в цифровой политической повестке, формируемой информационными агентствами, и её динамика в период март – сентябрь 2020

Источник: результаты прикладного исследования авторов

Анализ социальных графов показал (рис. 1), что дискурс «Конституционные поправки» в цифровой политической повестке (март – сентябрь 2020 г.) постепенно трансформировался от широкомасштабного освещения событий социально-политической жизни, связанных с темой «Конституция», в марте и апреле. Данные частотного анализа и визуализации сетевых данных новостных повесток показывают изменение динамических характеристик дискурсивного поля: от плотного, центростремительного расположения хабов вокруг центра и их агрегацией вокруг центра в конце июля после голосования до постепенного разрежения дискурсивных полей и полного отсутствия агрегации хабов вокруг центра.

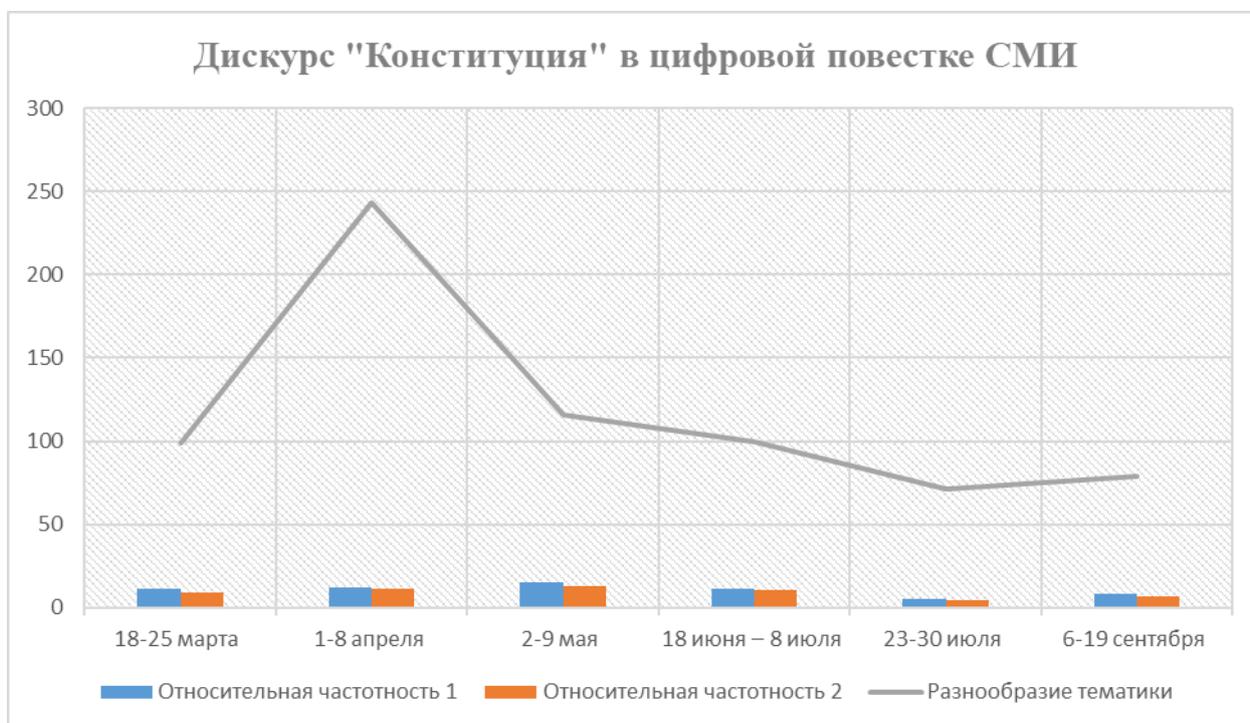

Рис. 2 Визуализация частотностей дискурса «Конституционные поправки» в цифровой политической повестке, формируемой официальными СМИ

Источник: результаты прикладного исследования авторов

Анализ частотностей (рис. 2) показал, что колебание насыщенности дискурса «Конституция» в период с 18 марта по 19 сентября 2020 г. происходило по опережающему принципу (относительно события голосования / социального явления) с пиком в апреле 2020 г., сокращением вдвое в мае и незначительным спадом к началу общероссийского голосования по поправкам в Конституцию РФ, падением ниже мартовской отметки к августу и незначительным увеличением к сентябрю 2020 г., то есть расширение круга освещаемых вопросов было максимальным в апреле 2020 г. при сохранении устойчивого фокуса на определенных темах («голосование» и «Путин» в марте, «Конституция», «РФ», «голосование», «поправки» – в апреле, «Владимир Путин», «Россия» – в мае, «голосование», «РФ», «поправки», «Конституция» – в июне).

В период после общероссийского голосования по поправкам в Конституцию РФ на 30% сокращается круг освещаемых проблем при снижении максимального значения относительной частотности (интенсивности упоминания единиц с максимальной относительной частотности) вдвое. В период 23 – 30 июля основными темами стали «июль», «РФ», «голосование», «Конституция», «Россия», «Украина», «закон», «Москва». Однако в сентябре обсуждение Конституции, президента и голосования уходит на периферию дискурсивного поля и в повестке на первый план выходит обсуждение «Белоруссии», «власти», «оппозиции», «выборов президента республики», «Лукашенко» (рис. 2).

Таким образом, мы можем выделить два этапа в трансформации дискурса «Конституционные поправки» в цифровой политической повестке, формируемой информационными агентствами, – до и после общероссийского голосования по поправкам в Конституцию РФ, каждый из которых отличается характерной дискурсивной стратегией.

На первом этапе мы наблюдаем расширение круга освещаемых проблем для вовлечения в дискурсивное поле большего количества «читателей»¹ / участников (стратегия вовлечения) при сохранении интенсивности обсуждения основных тем для формирования определенного фокуса восприятия (стратегия прагматического моделирования) за счет сохранения стабильности в обсуждении основных тематик), а затем постепенное сужение круга освещаемых проблем для концентрации фокуса внимания привлеченной аудитории на обсуждаемой проблематике (стратегия «пузыря фильтров»), продвигаемой за счет сохранения основных тем и интенсивности их обсуждения, то есть сохранении относительной частоты их употребления. Так, задачей первого этапа стало вовлечение максимального количества участников в дискурсивное поле «Конституционные поправки», формирующее цифровую политическую повестку дня, с последующей концентрацией фокуса привлеченных участников на тематике «голосование», «поправки», «Конституция», «президент», «Владимир Путин», «РФ», «Россия».

На втором этапе, после общероссийского голосования по поправкам в Конституцию РФ, мы наблюдаем 50% снижение интенсивности освещения событий социально-политической жизни при незначительном сужении охвата обсуждаемых проблем по сравнению с первым этапом. К сентябрю дискурсивное поле «Конституционные поправки» становится разреженным, крупные хабы практически отсутствуют, из цифровой повести исчезают темы первого этапа – события общественно-политической жизни России («Путин», «Россия», «РФ», «Конституция», «президент», «март», «новости», «голосование», «поправкам»), и на первый план во втором этапе выходят события в «Белоруссии» (см. рис. 1).

Лингводискурсивный анализ дискурса «Конституционные поправки» в цифровой политической повестке дня, формируемой информационными агентствами, позволил определить её основные параметры и характеристики: нейтральность стиля, активность позиции основных политических акторов, динамичность, значимость отдельных тематик.

Отличительной особенностью исследуемого дискурса в цифровой политической повестке во все периоды является нейтральность стиля представления информации. В текстах новостей, публикуемых официальными СМИ, отсутствует экспрессивная или оценочная лексика.

В повестке, создаваемой СМИ в марте-мае, подчеркивается активная позиция президента и правительства РФ – основных акторов-хабов в социальном графе, что выражается в номинации главы РФ, правительства, страны. Существительные даются в именительном падеже – «Путин», «президент», «Владимир», «Москва», «Россия». В июне-сентябре существительные в именительном падеже практически уходят из ядра на периферию – основными акторами в активной позиции становятся «Москва», «закон», а существительные, употребленные в косвенных падежах – «голосования», «поправкам», «Конституцию», «России», «Украины» – занимают пассивную позицию.

¹ Классификация пользователей по модели Н.А. Рябченко (Рябченко, 2014).

Основными политическими акторами согласно цифровой политической повестке, формируемой официальными СМИ в марте-сентябре 2020 г., стали: *Владимир Путин, Дмитрий Песков, Элла Памфилова, Александр Лукашенко, Михаил Осеевский, Андрей Клишас, Яблоко, РФ, федерация, наблюдатели, главы, ЦИК, ВЦИОМ, Госдума, Москва*. Основными социальными акторами стали – *россияне, люди, граждане, волонтеры, опрошенные, женщины, мужчины*.

Соотношение динамичности и статичности (как процентного соотношения глаголов и существительных) в повестке на протяжении всего исследуемого периода составило около 10–15% и 60–70% соответственно. Примечательно, что определенную часть массива существительных состоит из девербатов – субстантивных форм глагола, что свидетельствует о формулировании новостных сводок с намеренной подменой активной позиции участников событий в пассивную, когда это непосредственно не связано с действиями основных политических акторов.

Это свидетельствует о том, что новостной дискурс строится по принципу изображения динамичной позиции основных политических акторов (*заявил, сообщил, отметил, сказал, подчеркнул, предложил, сказал, сообщил, подписал*); предписаний (*необходимо, должны, читайте*), информирования о мерах и предостережении против нарушения предписаний (*будут*) на фоне статичной ситуации (*голосование, Конституцию, поправки, апреля, марта, нарушения, ситуации, комитета*).

Дискурс «Пандемия коронавируса» в цифровой политической повестке дня официальных СМИ в 2020 г.: как выстраивалась стратегия сдерживания

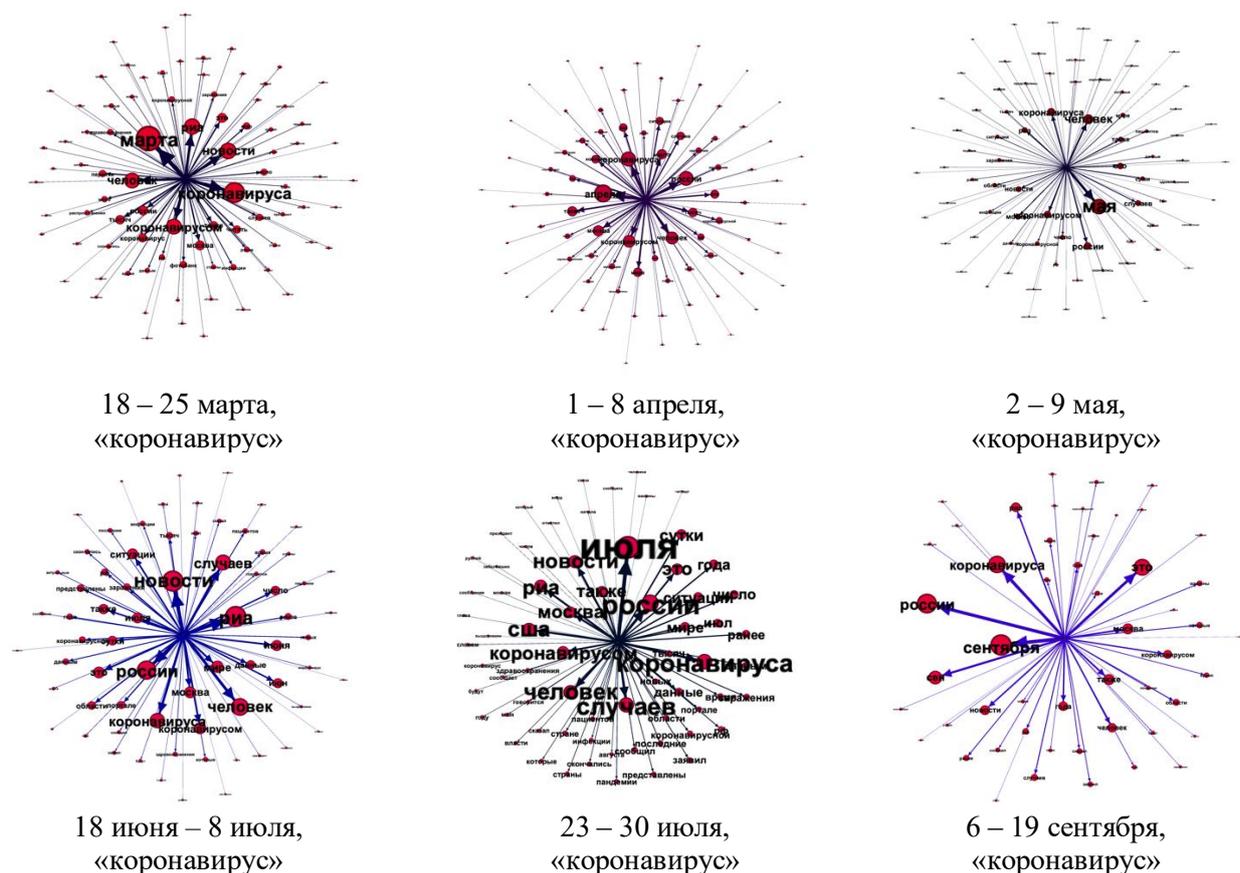

Рис. 3 Визуализация дискурса «Пандемия коронавируса» в цифровой политической повестке, формируемой информационными агентствами, и её динамика в период март – сентябрь 2020
 Источник: результаты прикладного исследования авторов

Анализ социальных графов показал (рис. 3), что дискурс «Пандемия коронавируса» в цифровой политической повестке, формируемой информационными агентствами, и его динамика в период март – сентябрь 2020 г. трансформировалась неравномерно: в марте – апреле 2020 г. отмечается достаточно низкая интенсивность официального дискурса СМИ – события социально-политической

жизни, связанные с темой «Коронавирус» освещаются сдержанно (дискурсивное поле незначительно разрежено, наблюдается нечеткая агрегация хабов вокруг центра); в мае дискурс размывается (дискурсивное поле сильно разрежено, что свидетельствует о том, что отсутствует взаимосвязь темы коронавируса с другими событиями социально-политической жизни), и тема коронавируса практически не освещается (отсутствует агрегация хабов вокруг центра); в июне-июле интенсивность обсуждения коронавируса вновь увеличивается при скудном освещении событий общественно-политической жизни (наблюдается беспорядочная агрегация хабов при сильно разреженном дискурсивном поле); в сентябре дискурс нивелируется (дискурсивное поле очень сильно разрежено, а хабы сильно отдалены от центра).

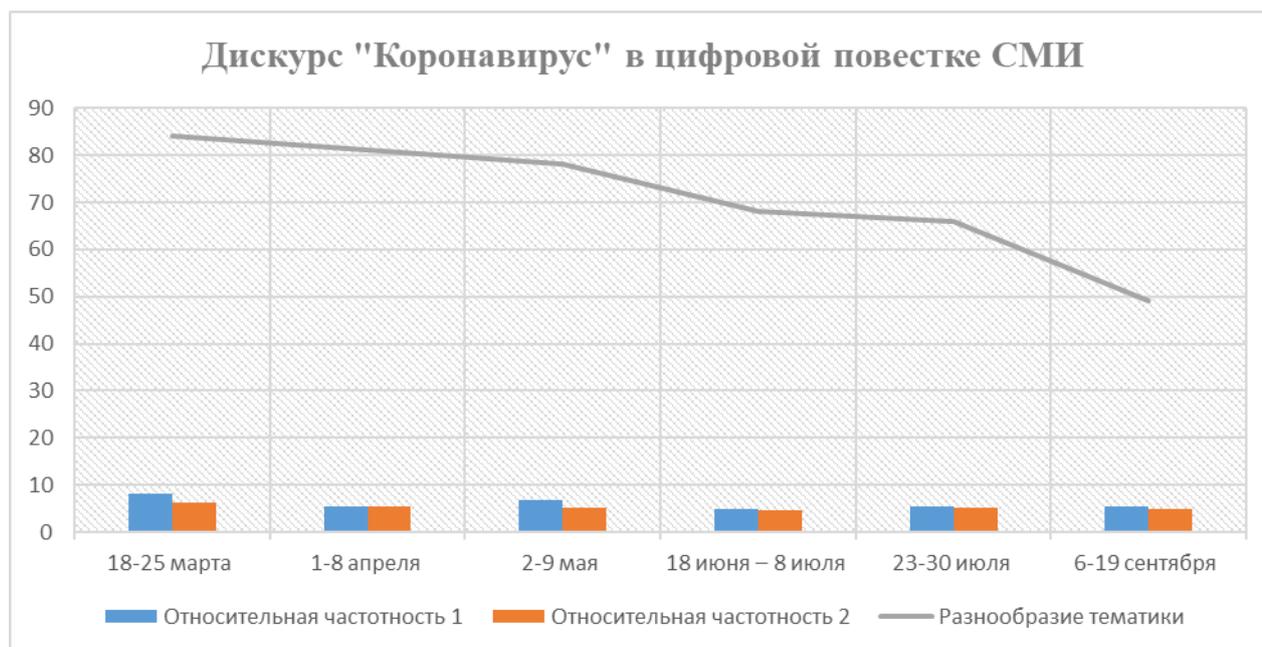

Рис. 4 Визуализация частотностей дискурса «Пандемия коронавируса» в цифровой политической повестке, формируемой официальными СМИ

Источник: результаты прикладного исследования авторов

Анализ частотностей показал, что изменение насыщенности дискурса «Коронавирус» в период с 18 марта по 19 сентября 2020 г. происходило достаточно неравномерно с постепенным спадом в марте – мае, значительным снижением в мае – июне, застоем в июне – июле и резким падением с июля по сентябрь.

Круг освещаемых вопросов был максимально обширным в мае 2020 г., постепенно сужался и был минимизирован к сентябрю. Основными частотными единицами на протяжении всего периода стали «коронавируса», «новости», «коронавирусом», «человек», «России», «Москва», «случаев», «мире», «США», «коронавирусной», «заражения», «число», «сутки». При этом наблюдается чередование лишь этих тем, что соответствует статистическим данным по количеству заболевших в России и мире без отражения взаимосвязи и влияния пандемии коронавирусной инфекции на другие события общественно-политической жизни.

Таким образом, **трансформации дискурса «Пандемия коронавируса»** в цифровой политической повестке, формируемой информационными агентствами, **не связана со сменой тематики**. Условно разделенная на 4 этапа, она отличается характерной тенденцией постепенного «сворачивания» дискурса в марте-июне, «замораживания» в июне-июле, вплоть до жесткой лимитации к сентябрю. Снижение интенсивности с марта по сентябрь составило: на 4% (к апрелю), на 4% (к маю), на 12% (к концу июня), на 2% (к концу июля) и на 20% к середине сентября. За весь период насыщенность цифровой политической повестки сократилась практически вдвое (58%). Достаточно слабая насыщенность повестки в самом начале анализируемого периода позволила реализовать данную стратегию и свести дискурс к кратким сводкам о карантинных мерах, необходимости соблюдении мер безопасности и количестве заболевших.

На первом этапе (март-май) мы наблюдаем сдержанное освещение социально-политических проблем. Стратегия вовлечения новых пользователей не реализуется. При этом за счет сохранения

стабильности и отсутствия вариативности в обсуждении основных тематик происходит формирование определенного фокуса восприятия (стратегия «пузыря фильтров»): стратегия прагматического моделирования реализуется посредством формирования восприятия ситуации распространения коронавирусной инфекции как новостной сводки по статистике без эмоционального вовлечения, прогнозирования или обсуждения возможных последствий. Спад интенсивности (май-июнь) с последующим «замораживанием» повестки в период общероссийского голосования по поправкам в Конституцию РФ (июнь-июль) (стратегия дискурсивной гистерезиса), а затем резкое сокращение к сентябрю говорит о целенаправленной стратегии активной дискурсивной диффузии – размывания дискурсивного поля – с целью притупить внимание аудитории к обсуждаемой (в нашем случае это коронавирусная инфекция) и впоследствии потерять интерес.

Лингводискурсивный анализ дискурса «Пандемия коронавируса» в цифровой политической повестке, формируемой информационными агентствами, показал, что отличительной особенностью во все периоды является нейтральность стиля представления информации.

В повестке, создаваемой СМИ в марте-сентябре, подчеркивается **активная позиция основных политических акторов** (*власти, глава страны, президент, Владимир Путин, президент США Дональд Трамп, президент Франции*), о чем свидетельствует употребление данных существительных в именительном падеже. Это также следует из анализа синтаксической структуры предложений, в которых данные существительные фигурируют в качестве подлежащего: *Путин пообщался с главврачом; Путин обратится к россиянам; глава государства посетил больницу; власти объявили, власти ввели, власти принимают меры; Президент США Дональд Трамп разрешил задействовать Нацгвардию; президент США сказал; Президент США Дональд Трамп выразил мнение; ВОЗ предупредила, ВОЗ рекомендовала.*

В повестке отражается **пассивная позиция социальных акторов** («граждан», «заболевших», «пациентов», «людей», «зараженных») и коронавируса как актанта. Граждане, пациенты, люди находятся в пассивной позиции, что следует из того, что данные единицы используются в косвенных падежах (*лечение, информирование, массовое заражение людей; пациенты с легкой или бессимптомной формой коронавирусной инфекции будут изолированы; в Подмосковье рассказали о состоянии пациентов*) и происходит их обезличивание, например, посредством использования лексем «количество», «число» (*число заболевших достигло, выросло, превысило, составляет; сравнили количество заболевших*). Частотность употребления единиц «коронавирус», «коронавируса», «коронавирусом», «коронавирусной» к концу периода снижается более, чем вдвое, что свидетельствует о переориентации повестки, создаваемой СМИ, и стремлении новостных агентств вывести коронавирус из политической повестки.

Для дискурса «Пандемия коронавируса» в цифровой политической повестке дня в исследуемый период характерно активное **обращение к статистике**. В новостных сообщениях приводятся данные ВОЗ по количеству заболевших (*заражены уже более 372 тыс. чел., свыше 16 тыс. скончались*). На протяжении всего периода, с пиком в апреле, слово «тыс» или «тысяч» входит в список наиболее частотных слов (с относительно частотностью, варьирующейся от 1 до 3,5). При этом частотность употребления единиц «заражён», «заражение» (от «заразиться - воспринять, получить заразу; инфицироваться») выше, чем «заболевший», «заболевание» (от «заболеть – стать, сделать больным»). Оба варианта являются семантическими синонимами. Однако выбор СМИ в пользу первого можно трактовать как стремление отразить необходимость соблюдения социальной дистанции, так как «заболеть» относится непосредственно к физическому состоянию человека, в то время как «заразиться» отражает контакт между объектами с передачей вируса и негативными последствиями.

В июле в повестке появляется тема «вакцины», и к сентябрю её упоминание увеличивается вдвое, но относительная частотность незначительна (1,0 – 1,9).

Основными политическими акторами согласно цифровой политической повестке, формируемой официальными СМИ в марте – сентябре 2020 г., стали: «ВОЗ», «власти», «глава страны», «Президент США», «Президент России», «Президент Франции», «Владимир Путин», «США», «Италия». Основными социальными акторами стали – «граждане», «заболевшие», «зараженные», «заразившиеся», «пациенты», «люди».

Соотношение **динамичности и статичности** (как процентного соотношения глаголов и существительных) в повестке на протяжении всего исследуемого периода составило около 10–15% и 57–70% соответственно. Это свидетельствует о том, что цифровая повестка, создаваемая официальными СМИ, строится по принципу изображения динамичной позиции основных политических акто-

ров (*сообщает, сказал, сообщил, заявил, отметил, говорится, объявила, обновлено*), информационных агентств, информирования о заболевших (*находятся, скончались; начиная с мая – выздоровели; начиная с июня – выявлены*), на фоне описания ситуации (*коронавируса, коронавирусом, человек, коронавирус, случаи, число, мире, коронавирусной, инфекции, здравоохранения, заражения, распространения, данным, время, пандемией, ситуации, меры, области, связи, организация, вспышка, режим, дома, обновление, заболевших, года, сутки, пандемия, заболевания, сообщения, стран, борьбе, помощи, карантин*).

Основные выводы и дальнейшие направления исследования

В ходе проведенного исследования были выделены две стратегии формирования цифровой политической повестки дня официальными «провластными» СМИ.

Первая стратегия связана с развитием технологий онлайн-агитации граждан с целью идеологической мобилизации для совершения ими определённых социально-политических действий в офлайн. Данная стратегия включила два этапа трансформации дискурса «Конституционные поправки» в цифровой политической повестке, формируемой информационными агентствами.

На первом этапе (до общероссийского голосования по поправкам в Конституцию РФ) была использована **стратегия прагматического моделирования** (*вовлечение максимального количества участников в формируемое дискурсивное поле цифровой политической повестки с последующей центрацией фокуса привлеченных участников по заданной тематике*): расширение круга освещаемых проблем за счет вовлечения в дискурсивное поле большего количества «читателей»/участников с учетом сохранения интенсивности обсуждения основных тем для формирования определенного фокуса восприятия при условии сохранения стабильности в обсуждении основных тематик. Затем происходило целенаправленное постепенное сужение круга освещаемых проблем для концентрации фокуса внимания привлеченной аудитории на обсуждаемой проблематике, продвигаемой за счет сохранения основных тем и интенсивности их обсуждения.

На втором этапе (после общероссийского голосования по поправкам в Конституцию РФ) мы наблюдаем 50%-ное снижение интенсивности освещения событий социально-политической жизни при незначительном сужении охвата обсуждаемых проблем по сравнению с первым этапом. Таким образом, дискурсивное поле «Конституционные поправки» к сентябрю стало разреженным, дискурс затухал, из цифровой повести исчезли заданные (формируемые дискурсивные) темы первого этапа.

Вторая стратегия формирования цифровой политической повестки дня связана с развитием технологий онлайн-информирования граждан с целью нивелирования панических настроений и формирования конструктивного гражданского поведения в условиях пандемии и внутреннего локдауна. Данная стратегия *восприятия ситуации распространения коронавирусной инфекции как новостной статистической сводки без эмоционального вовлечения, прогнозирования или обсуждения возможных последствий* включила 4 этапа снижения интенсивности новостной повестки (как предупреждения развития деструктивного дискурса): сухое официальное информирование /освещение проблемы, сворачивание паники, замораживание тематики, жесткая лимитация дискурса. Достаточно слабая насыщенность повестки в самом начале анализируемого периода позволила реализовать данную стратегию и свести дискурс к кратким сводкам о карантинных мерах, необходимости соблюдении мер безопасности и количестве заболевших в конце исследуемого периода. Данную стратегию можно также назвать как: **стратегия дискурсивной гибернции** (*«замораживание» коронавирусной повестки в период общероссийского голосования по поправкам в Конституцию РФ (июнь – июль)*) + **стратегия дискурсивной диффузии** (*«размывание» дискурсивного поля и потеря общественного интереса (август – сентябрь)*).

В случае возникновения кризисных ситуаций, затрагивающих сферу государственного устройства, сферу публичного управления, сферу общественной безопасности и контроля, власти вынуждены применять технологии формирования определенной политической повестки, способной привести к контролируемому разрешению этой ситуации. Если разрешение ситуации требует конкретного социального действия (например, мобилизация населения для решения политико-административных и социальных вопросов управления, в том числе и вопросов политического волеизъявления граждан) со стороны населения или групп населения, то применяется стратегия, связанная с развитием технологий онлайн-агитации с целью идеологической мобилизации граждан для совершения ими определённых социально-политических действий в офлайн. Если разрешение кризисной ситуации связано с необходимостью сдерживания многочисленных деструктивных последствий,

то применяется стратегия, связанная с развитием технологий онлайн-информирования граждан с целью нивелирования панических настроений и формирования конструктивного гражданского поведения, например, в условиях пандемии и внутреннего локдауна. Дальнейшие исследования цифровой политической повестки будут направлены на выстраивание и апробацию модели цифровой социально-политической повестки с включением уровня «Сетевой дискурс».

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31626 опн «Управление цифровой социально-политической повесткой дня в online-пространстве: субъекты, технологии и результаты» (рук. Н.А. Рябченко, 2020 г.).

Список литературы / References

- Дьякова, Е. Г. (2003) 'Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу', *Полис. Политические исследования*, 3, сс. 109–119. [Dyakova, E. G. (2003) 'Mass Political Communication in Agenda Setting Theory: From Effect to Process' [Massovaja politicheskaja komunikacija v teorii ustanovlenija povestki dnja: ot jeffekta k processu], *Polis. Politicheskie issledovanija*, 3, pp. 109–119 (In Russ.)].
- Казун, А. (2017) 'Откуда берется повестка дня? Роль СМИ в конструировании значимости событий', *Вестник общественного мнения*, 1–2 (124). [Kazun, A. (2017) 'Where does the agenda come from? The role of the media in constructing the significance of events' [Otkuda beretsja povestka dnja? Rol' SMI v konstruirovanii znachimosti sobytij], *Vestnik obshhestvennogo mnenija*, 1–2 (124) (In Russ.)].
- Найбет, Т., Рода, К. (2009) 'Виртуальные социальные пространства: подходы, практики, перспективы', *Социологический ежегодник: сб. науч. тр.* Москва: РАН. [Naybet, T., Roda, K. (2009) 'Virtual social spaces: approaches, practices, perspectives' [Virtual'nye social'nye prostranstva: podhody, praktiki, perspektivy], *Sociologicheskij ezhegodnik*. Moscow. (In Russ.)].
- Плотичкина, Н. В. (2021) 'Публичная политика управления инфодемией COVID-19', *Общество: политика, экономика, право*, 2, сс. 12–16. [Plotichkina, N. V. (2021) 'Public policy for managing the COVID-19 infodemia' [Publichnaja politika upravlenija infodemiej COVID-19], *Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo*, 2, pp. 12–16 (In Russ.)].
- Радина, Н. К., Балакина Ю. В. (2020) 'Общество и пандемия: теоретико-методологические основания психологических исследований', *Общественные науки и современность*, 6, сс. 49–64. [Radina, N. K. Balakina, Yu. V. (2020) 'Society and Pandemic: Theoretical and Methodological Foundations of Psychological Research' [Obshhestvo i pandemija: teoretiko-metodologicheskie osnovanija psihologicheskikh issledovanij], *Obshhestvennye nauki i sovremennost*, 6, pp. 49–64 (In Russ.)].
- Русакова, О. Ф., Максимов, Д. А. (2006) 'Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса', *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 26–43. DOI: 10.17976/jpps/2006.04.04 [Rusakova, O. F., Maksimov, D. A. (2006) 'Political discourse: subject field, theoretical approaches and structural model of political discourse' [Politicheskaja diskursologija: predmetnoe pole, teoreticheskie podhody i strukturnaja model' politicheskogo diskursa], *Polis. Politicheskie issledovanija*, 4, pp. 26–43. DOI: 10.17976/jpps/2006.04.04 (In Russ.)].
- Рябченко, Н. А., Гнедаш, А. А. (2014) 'Конструктивные и деструктивные социально-политические практики в online-пространстве современной России: «фейль», «кейсы», «механики»', *Человек. Сообщество. Управление*, 2, сс. 40–54. [Ryabchenko, N. A., Gnedash, A. A. (2014) 'Constructive and destructive socio-political practices in the online space of modern Russia: «fail», «cases», «mechanics»' [Konstruktivnye i destruktivnye social'no-politicheskie praktiki v online-prostranstve sovremennoj Rossii: «fejly», «kejsy», «mehaniki»],

- Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie*, 2, pp. 40–54. (In Russ.).
- Рябченко, Н. А., Мирошниченко, И. В., Гнедаш, А. А. (2020) 'От «квазикритики власти» к дискурсу «соучастия и развития»: общественная повестка дня в социальных сетях рунета (практики сетевых сообществ)', *Южно-российский журнал социальных наук*, 21 (3), сс. 20–36. DOI: 10.31429/26190567-21-3-20-36. [Ryabchenko, N. A., Miroshnichenko, I. V., Gnedash, A. A. (2020) 'From the "Quasi-criticism of Authority" to the Discourse "Participation and Development": A Public Agenda on the Runet Social Networks (Case Studies of Network Community Practices)' [Ot «kvazikritiki vlasti» k diskursu «souchastija i razvitija»: obshhestvennaja povestka dnja v social'nyh setjah runeta (praktiki setevyh soobshhestv)], *Juzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk*, 21 (3), pp. 20–36. DOI: 10.31429/26190567-21-3-20-36. (In Russ.)].
- Шейгал, Е. И. (2000) *Семиотика политического дискурса*. Волгоград. [Sheigal, E. I. (2000) *Semiotics of Political Discourse* [Semiotika politicheskogo diskursa. Volgograd (In Russ.)].
- Ballesteros Herencia, C. A. (2020) 'The digital spread of the coronavirus: Measuring engagement of entertainment on the emerging social network TikTok', *Revista Española de Comunicación en Salud*, 11, pp. 171–185. URL: <https://doi.org/10.20318/recs.2020.5459>.
- Dijk, Teun A. van (2008) *Discourse and power*. Hampshire: Palgrave Macmillan.
- Fiske, J. (1986) 'Television: Polysemy and popularity', *Critical Studies in Media Communication*, 3-4, pp. 391–408.
- Jones, R. H., Chik, A., Hafner, C. A. (2015) *Discourse and Digital Practices: Doing Discourse Analysis in the Digital Era*. N.Y.: Routledge.
- Mavragani, A. (2020) 'Infodemiology and Infoveillance: Scoping Review', *Journal of Medical Internet Research*, 22 (4). URL: <https://doi.org/10.2196/16206>.
- McCombs, M. E., Shaw, D. L., Weaver, D. H. (2013) *Communication and democracy: Exploring the intellectual frontiers in agenda-setting theory*. Routledge.
- McCombs, M. E., Shaw, D. L., Weaver, D. H. (2014) 'New directions in agenda-setting theory and research', *Mass communication and society*, 17, 6, pp. 781–802.
- The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control*. By Karl W. Deutsch. New York: The Free Press of Glencoe, 1963.
- Vu, H. T., Guo, L., McCombs, M. E. (2014) 'Exploring «the World Outside and the Pictures in Our Heads»': A Network Agenda-Setting', *Study Journalism and Mass Communication Quarterly*, 91, pp. 669–686.

Статья поступила в редакцию: 04.03.2021

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 29.04.2021

Статья принята к печати: 30.04.2021

**"CONSTITUTIONAL AMENDMENTS" AND "CORONAVIRUS PANDEMIA" DISCOURSES
IN THE DIGITAL POLITICAL AGENDA OF 2020:
AGITATION VS INHIBITION IN THE STATE MEDIA**

N. A. Ryabchenko, O. P. Malisheva, I. V. Miroshnichenko

N. A. Ryabchenko, Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of social work, psychology and pedagogy of Higher education, Kuban State University.
E-mail: rrrnatali@mail.ru (ORCID: 0000-0001-6980-2894. ResearcherID: Q-8079-2016).

O. P. Malisheva, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of english philology, Kuban State University.
E-mail: malisheva_83@mail.ru (ORCID: 0000-0001-8285-0508. ResearcherID: E-8066-2018).

I. V. Miroshnichenko, Doctor of Political Science, Associate Professor, Head. Department of public policy and public administration, Kuban State University.
E-mail: mirinna78@mail.ru (ORCID: 0000-0002-2650-6662. ResearcherID: Q-7280-2016).

Abstract

The article presents the results of a large-scale applied study of “Constitutional Amendments” and “Coronavirus Pandemic” discourses as a part of the digital political agenda formed by the state media in 2020. The empirical dataset comprises an array of network data collected by the continuous sampling of news articles published by Interfax, RIA Novosti and TASS agencies on their official websites in 2020 within the March-September period.

The obtained data was subjected to network analysis, visual analysis and linguo-discursive analysis. It allowed the authors to identify the dominant topics in the digital agenda created by the state media, determine the techniques used to form and manage the digital political agenda in the online space and assess their effectiveness. The article concludes by the description of the identified features, strategies and techniques used for shaping, maintaining and managing the digital political agenda by the state media regarding the analyzed discourses – “Constitutional Amendments” and “Coronavirus Pandemic”. The authors infer that the strategy of pragmatic modeling was used for online agitation with the aim of ideological mobilization of citizens. Online-informing strategy was used to neutralize panic sentiment among citizens and form constructive civic behavioral patterns in the context of a pandemic and an internal lockdown.

Keywords: digital political agenda; state media; constitutional amendments 2020; coronavirus; pandemic; public opinion management; online space; network analysis; linguo-discursive analysis; social graph.

Acknowledgements: The work is implemented under RFBR and EISI grant No. 20-011-31626 opn ‘Management of the digital socio-political agenda in the online space: subjects, technologies and results’ (leader N. Ryabchenko, 2020).

УДК-323.2(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-2-156-172

ПУБЛИЧНАЯ КОММУНИКАЦИЯ ГРАЖДАН И ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: ФОРМИРОВАНИЕ СУЖДЕНИЙ НА ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМАХ

Л. В. Сморгун, О. А. Игнатъева, И. А. Быков,
К. С. Кондратенко, А. Г. Барышкин

Сморгунов Леонид Владимирович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления,

Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: lvsmorgunov@gmail.com (ORCID: 0000-0002-2581-2975. Researcher ID: H-4986-2013).

Игнатъева Ольга Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры политического управления,

Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: olga7919@mail.ru (ORCID: 0000-0002-1658-6427. Researcher ID: D-6428-2018).

Быков Илья Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры связей с общественностью в политике и государственном управлении,

Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: i.bykov@spbu.ru (ORCID: 0000-0001-8462-5320. Researcher ID: D-4996-2013).

Кондратенко Константин Сергеевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политического управления,

Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: kondratenkoks@inbox.ru (ORCID: 0000-0002-9145-5435).

Барышкин Алексей Геннадьевич, менеджер по развитию бизнеса,

ООО «Нетрика», Россия, Санкт-Петербург.

E-mail: a@baryshkin.ru (ORCID: 0000-0002-9020-0983. Researcher ID: AAF-9684-2021).

Аннотация

Исследования влияния информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на сферу публичной коммуникации стали трендом последнего десятилетия. Данная статья направлена на выявление взаимосвязи реляционных качеств цифровых платформ (аффордансов) и процессов формирования суждений в ходе публичной коммуникации по городским проблемам. Для анализа функционирования процесса формирования суждений на цифровых платформах коммуникации власти и граждан нами была разработана новая методология анализа дискурса посредством модификации параметрической модели суждений американского социального психолога А. Круглански и введения шкалы интенсивности ее критериев. В качестве эмпирической базы исследования была использована публичная коммуникация на платформе «Наш Санкт-Петербург», представляющей возможность взаимодействия граждан с органами городской власти. В результате проведенных исследований с использованием дескриптивного и регрессионного анализа, а также визуального обследования данной платформы была обнаружена взаимосвязь доминирования аффордансов, соответствующих «авторитарному» типу управленческой ментальности, и формирования преимущественно информационных суждений по бихевиоральному типу. Также было выявлено, что критерии параметрической модели оказывают разное влияние на формирование определенного типа суждений в рамках публичной коммуникации на цифровых платформах.

Ключевые слова: цифровые платформы; публичная коммуникация; обыденная эпистемика; аутсорсинг; суждение; эпистемический авторитет; управленческая ментальность; аффордансы.

Введение

Исследования роли публичной коммуникации и цифровых технологий в современной политике формируют существенный пласт литературы в политической науке, который активно пополняется в самых различных направлениях. В России развивается теория коммуникативистики и исследуются процессы влияния на политическую коммуникацию новых информационных средств. В ряде работ раскрываются различные аспекты возрастающего влияния новых ИКТ на политику и коммуникационные процессы (см.: Акопов, 2015; Быков, 2013; Володенков, 2018; Грачев, 2011; Тимофеева, 2016; и др.). Некоторые исследователи прямо утверждают, что цифровые платформы не являются в политическом смысле нейтральными, а их архитектура напрямую воздействует на результаты политических кампаний (Bossetta, 2018; Lukito, 2020; Fetzer, 2004). Д. Крейс и С. Макгрегор приводят доказательства того, что во время президентских выборов в США в 2016 г. IT-гиганты оказались вовлеченными в избирательные кампании не на коммерческих, а на политических основаниях (Kreiss., McGregor, 2018). Современная публичная коммуникация больше не сводится к традиционному обмену политической информацией между людьми, она модерируется весьма изощренными методами в цифровых платформах, что открывает практически безграничные возможности для скрытой манипуляции общественным сознанием не только в авторитарных, но и в демократических странах (Computational..., 2019; Howard, 2010; Morozov, 2011).

По-видимому, наличие особой управленческой ментальности у сетевых коммуникационных платформ воздействует на процессы мотивированного познания. Результатом такого воздействия выступает ограниченность рефлексивной направленности публичной коммуникации и ее ориентация на селекцию направленных политических суждений путем аутсорсинга. В данной статье описывается исследование, которое посвящено взаимодействию платформ, их качеств, выраженных в аффордансах¹, и процесса формирования суждений в ходе публичной коммуникации по городским проблемам. В качестве эмпирического объекта исследования взята городская платформа «Наш Санкт-Петербург». Исследование проводилось в 2020 г.

Методология классификации суждений на цифровых платформах

Цифровые платформы коммуникации граждан с органами власти становятся частью реализации публичного управления в современном мире, однако они могут быть дифференцированы на четыре типа: платформы обращения граждан, порталы городских (региональных) проблем, порталы оценки инициатив, порталы/платформы общественного участия. Эти порталы (платформы) имеют разную архитектуру и соответственно набор аффордансов, которые определенным образом влияют на характер коммуникации и формирование преобладающего типа суждений. В процессе исследования суждения, формируемые на платформах, были классифицированы на три типа: информационные, общие делиберативные и когнитивные делиберативные. Информационные суждения – это суждения, которые выражают информацию о каких-либо наблюдаемых фактах и могут содержать логические связки (что, если, потому что, следовательно, поэтому). Другие два типа суждений относятся к делиберативным. Источником понятия делиберации служат работы Юргена Хабермаса (Хабермас, 2001), и для идентификации таких суждений необходимо ориентироваться на дискурсивы, которые могут их содержать (Паршина, 2012). Общие делиберативные суждения – суждения, содержащие текст, открытый для дальнейшего обсуждения и нахождения общих позиций. Когнитивные делиберативные суждения – суждения, содержащие текст, направленные на поиск дополнительного знания в процессе обсуждения.

Проведение кодирования суждений и статистического анализа его обоснованности потребовало разработки самостоятельного инструментария на основе теории обыденной эпистемологии и параметрической модели суждений американского социального психолога Ари Круглански (Kruglanski et al., 2010: 939–950; Kruglanski et al., 2007: 255–303), которая подверглась нами определенной модификации в отношении интерпретации предложенных им критериев обыденной эпистемологии. Для обоснования теоретико-методологической специфики нашего варианта анализа дискурса также были использованы ряд опубликованных недавно работ (Киселева, 2016; Борботько, 2019; Леонтович, 2020).

В работе «О параметрах суждений» А. Круглански (Kruglanski et al., 2007: 265–276) выделяет пять типов критериев (параметров) для характеристики разных аспектов обыденной эпистемологии:

¹ Под аффордансами понимаются элементы интерфейса и организации порталов, обеспечивающих доступ пользователей к эксплуатации платформ (см.: Сморгун, 2020).

субъективная релевантность, трудности задачи логического вывода, ресурсы, требуемые для обработки информации, направленная и ненаправленная мотивация.

Анализ формирования суждений под влиянием соответствующих параметров был дополнен критерием эпистемического авторитета, также рассматриваемого в других работах А. Круглански (Kruglanski et al., 2010: 945–947). Данный критерий характеризует степень доверия власти (в том числе и экспертной) со стороны населения, а также служит способом легитимации суждения, исходящего от органа власти или другого авторитетного лица. Параметрическая классификация была доработана и дифференцирована по типам суждений. Также мы вводим шкалу интенсивности, указывающую на то, что интенсивность коммуникации возрастает от информационного суждения к когнитивному делиберативному суждению (Борботько, 2019: 23–27).

Первый критерий – *субъективная релевантность (критерий А)* – характеризует значимость темы для коммуницирующих сторон. Так, для информационного суждения, основанного на бихевиоральном принципе «стимул-реакция» или «вопрос-ответ», обсуждаемая тема носит нейтральный характер без выражения ее субъективной значимости. Интенсивность значимости темы нарастает при переходе от информационного типа суждений к когнитивным делиберативным (Киселева, 2016: 25–36).

Второй критерий – *трудности задачи логического вывода (критерий Б)* – определяет уровень сложности вывода силлогизма на основании общей и частной посылки. Выделяют два источника трудностей в данном вопросе: 1) это трудность подтверждения второстепенной предпосылкой силлогизма, 2) это сложность вывода основной посылки на основе импликации «если-то». В случае информационного типа суждений есть просто суждение (констатация фактов) и отсутствует силлогизм. В случае с общим делиберативным суждением присутствует силлогизм с вероятностным или незавершенным выводом. И только в случае с когнитивными делиберативными суждениями мы имеем пример максимальной интенсивности данного критерия, когда в суждении присутствует силлогизм с завершенным и утвердительным выводом.

Ресурсы обработки информации являются третьим критерием в параметрической модели А. Круглански и характеризуют *степень концентрации внимания* как интенсивности обсуждения темы/проблемы (*критерий В*). Также как и предыдущие критерии, данный критерий имеет разную степень интенсивности делиберации при переходе от информационных суждений к когнитивным делиберативным, т.е. эта степень нарастает.

Четвертый и пятый критерии в параметрической модели суждений относятся к типу мотивации (Kruglanski, 1999). Критерий *ненаправленной мотивации (критерий Г)* определяется степенью усилий, затрачиваемых на определение предмета обсуждения, его общего характера. В формулировании информационных суждений происходит постановка и принятие общей темы без ее уточнения. Далее, как и в предыдущих критериях, интенсивность коммуникации нарастает. И уже для общих делиберативных и когнитивных делиберативных суждений соответствует наличие обсуждения этой общей темы без постановки дополнительных вопросов или с их постановкой соответственно (Леонтович, 2020: 51–56). Критерий направленной мотивации (критерий Д) определяет уровень готовности к специфическому/неспецифическому закрытию. Данный тип мотивации связан с желанием продолжить или остановить коммуникацию в связи с определенностью решаемого вопроса.

Эпистемический авторитет в качестве критерия формирования суждения введен нами дополнительно (*критерий Е*). Его использование направлено на легитимацию результатов процесса познания. На уровне информационных суждений предполагается передача легитимации суждения внешнему экспертному источнику, т.е. закрытость, аутсорсинг. В отношении общих делиберативных суждений характерно наличие и обсуждение экспертного суждения, поиск эпистемического авторитета. В когнитивных делиберативных суждениях происходит обсуждение экспертных мнений с возможным конфликтом экспертных позиций.

Учитывая особенности формирования суждений в зависимости от типа цифровых платформ и их влияния на критерии обыденной эпистемики, мы можем сформулировать следующие гипотезы:

Гипотеза 1. Анализ содержания аффордансов на платформе "Наш Санкт-Петербург" свидетельствует о возможной ориентации публичной коммуникации на чисто бихевиоральную структуру взаимодействия посредством стимула-реакции. И хотя участники коммуникации обладают способностью осуществлять другие типы коммуникации, однако доминирующей здесь будет выступать односторонняя коммуникация и, соответственно, тип суждения, относимый нами к информационному.

Гипотеза 2. По-видимому, платформенная экология коммуникации модифицирует обыденную эпистемическую рассуждения в направлении снижения роли критериев, связанных с эпистемическим

авторитетом (критерий Е) и направленной и ненаправленной мотивацией (критерии Г и Д). По-видимому, во-первых, склонность к эпистемическому авторитету возникает в специфических сообществах, объединенных в виртуальном пространстве (как правило, связанных с социальными медиа) эхокамерами. Городские же платформы представляют собой такие технологические средства общения, которые ориентированы на проблемы *ad hoc*, возникающие по мере срочности решения вопроса городской жизни. Следовательно, участники общения являются равными и свободными относительно производимых суждений. Во-вторых, в силу склонности платформ к информационному пространству коммуникации, здесь наблюдается относительно слабая ориентация как на производство решения (направленная мотивация), так и на продолжение диалога (ненаправленная мотивация). Конечно, мы можем наблюдать некоторую дифференциацию этих критериев применительно к демократическому делиберативному процессу обсуждения (общие делиберативные суждения) и к когнитивно-делиберативному процессу (когнитивные делиберативные суждения). Однако и здесь, в связи с тем, что платформы не связаны с прямым процессом обсуждения и принятия решений, по-видимому, их значение уменьшается по сравнению с первыми тремя.

Особенности аффордансов платформы «Наш Санкт-Петербург»

Портал «Наш Санкт-Петербург» является публично видимой частью комплексной цифровой платформы «Наш Санкт-Петербург», бэк-офис (публично невидимая часть) которой поддерживает процессы обработки сообщений заявителей. Структура, содержание и процессы взаимодействия на портале «Наш Санкт-Петербург» определяются распоряжением Правительства Санкт-Петербурга от 09.07.2014 № 37-рп «О портале «Наш Санкт-Петербург». Портал в целом по типу является *порталом городских (региональных) проблем*. На портале также присутствуют отдельные вспомогательные элементы: информация о жилищном фонде, рейтинг организаций ЖКХ, которые подчёркивают направленность портала на коммуникационное взаимодействие жителей города по решению вопросов в заранее определённых сферах – преимущественно, городская среда, благоустройство, городское хозяйство, коммунальная инфраструктура.

Характерным признаком, связанным с *концептуализацией аффордансов*, является *жесткая ролевая модель*, в которой определены следующие роли участников коммуникаций: заявитель Портала, народный контролёр, модератор, координатор, контролёр, исполнитель, контрольное управление, монополист, руководитель. При этом роли имеют чёткое разделение на 2 стороны коммуникаций: 1) *заявители* («обычные граждане»), которые могут либо направить сообщение о проблеме и инициировать коммуникацию, либо оценить качество решения проблемы и завершить коммуникацию; к ним относятся роли «заявитель Портала» и «народный контролёр»; 2) *исполнители* (респонденты), которые могут отвечать на сообщения, сформированные стороной заявителей, либо осуществлять другие функции, связанные с обработкой сообщений.

Отнесение портала к типу «портал городских (региональных) проблем» (аффорданс назначения) и жесткая ролевая модель (концептуальный аффорданс) в значительной степени соответствуют «авторитарному» типу управленческой ментальности, нацеленной на такую организацию коммуникации, которая в значительной степени предполагается устройством платформ и направленностью сформированных на ней аффордансов. При этом участники взаимодействия на портале в значительной степени руководствуются следующими ментальными паттернами:

- заявители:
 - «я могу обратиться со своей проблемой или предложением на платформу, где смогу увидеть не только ответ, но и процесс решения»;
 - «я не готов непосредственно участвовать в решении проблем и реализации предложений, но могу быть наблюдателем и контролёром»;
- исполнители:
 - «несмотря на отсутствие строгого нормативного регулирования, участники всё равно должны придерживаться определённого регламента взаимодействия»;
 - «мы будем преимущественно обрабатывать запросы в тех сферах, где общественный резонанс и оценка деятельности будут достаточно заметны»;
 - «важно, чтобы по каждому типу обращений было чётко понятно разграничение полномочий и сфер ответственности всех, кто участвует в решении».

В рамках анализа *функциональных аффордансов* исследовались преимущественно аффордансы публичной части платформы, существенным образом влияющие на процессы коммуникаций. По ре-

зультатам этого анализа свыше 50% исследованных аффордансов показали среднюю и сильную степень корреляции с «авторитарным» типом управленческой ментальности. Из них подавляющее большинство (около 90%) направлено преимущественно на формирование информационных суждений. При этом значительное число аффордансов портала относится к нейтральным и не связано с каким-либо определённым видом управленческой ментальности, являясь типовыми для большинства цифровых платформ.

В качестве примеров можно привести отдельные аффордансы страниц портала, наиболее важных для процессов коммуникации и формирования суждений.

Очень важным является восприятие ими, «считывание» аффордансов главной страницы соответствующего портала. На рис. 1 приведён скриншот верхней части (первого экрана) главной страницы портала «Наш Санкт-Петербург».

Один из самых визуально значимых аффордансов – логотип портала (поз. 1) – виден на всех страницах и кликабелен). Он исполнен в варианте, характерном в большей степени для «неолиберального» типа управленческой ментальности – слово «наш» ориентирует на формирование сопричастности, коллегиальности, взаимной свободы и ответственности всех сторон коммуникаций. Дополнительное выделение этого слова в логотипе и демонстративная отстранённость графики и цветового решения логотипа (и портала в целом) от официальной символики вызывает ощущение возможности делиберативной коммуникации. При этом функция аффорданса традиционна и нейтральна – он всегда ведёт на главную страницу портала. Кликабельный логотип портала, а также соответствующие ему решения по визуальному дизайну портала в целом – немногие примеры «либеральных» и «неолиберальных» аффордансов (соответствующих одноименным типам управленческой ментальности).

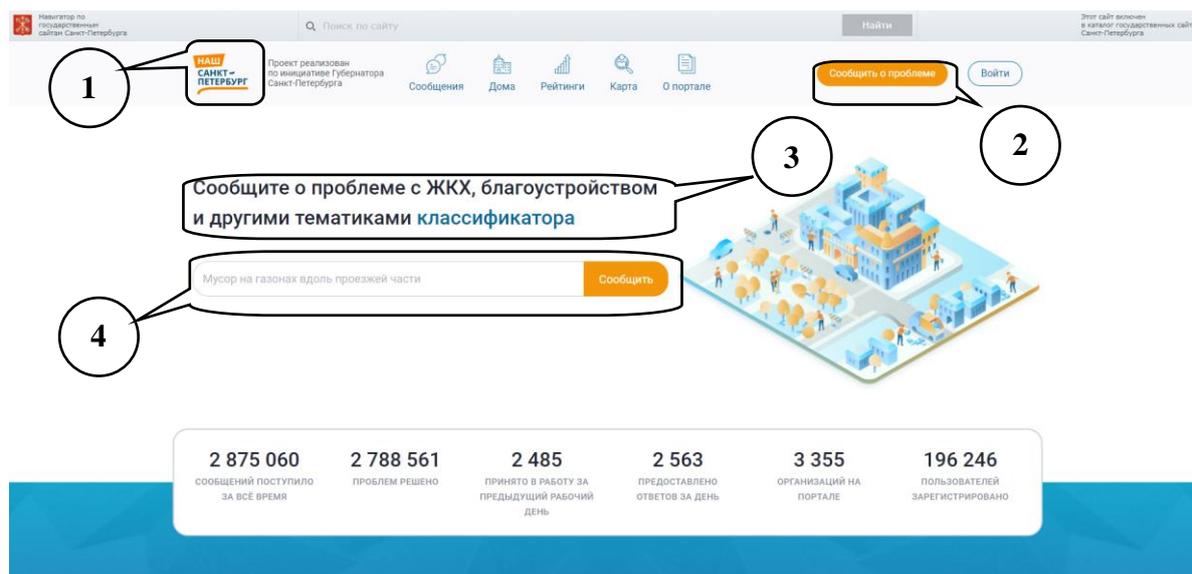

Рис. 1. Скриншот главной страницы портала «Наш Санкт-Петербург» (верхняя часть)

Аффордансы (поз. 2, 3, 4) содержат слово «сообщить» (о проблеме), что вызывает стойкую ассоциацию с формированием сугубо информационных суждений. Ссылка на классификатор (поз. 3) определяет предопределённость тематики сообщений, преимущественно информационный характер суждений, которые могут быть сформулированы.

Таким образом, при первом взгляде на аффордансы главной страницы у потенциального участника коммуникаций с большой вероятностью сложится понимание того, что функциональные возможности портала ориентированы в первую очередь на работу в режиме «вопрос – модерация – ответ», а следовательно, на преимущественно информационную парадигму формирования суждений.

Если главная страница в большей степени формирует общее восприятие потенциальным участником особенностей коммуникации, то форма подачи сообщения (рис. 2) является ключевой для всего процесса коммуникаций. Аффордансы именно этой страницы характеризуют как тип управленческой ментальности, под воздействием которого они сформированы, так и потенциальные возможности для делиберации суждений.

Аффорданс «Последовательность действий» (поз. 1) демонстрирует абсолютную детерминированность процесса коммуникаций, а также её сугубо двусторонний характер. Участник взаимодействия не может отклониться от заданного платформой формата (алгоритма действий); характер взаимодействия носит чёткий характер «вопрос-ответ», определяется владельцем платформы (фактически – Правительством Санкт-Петербурга). Аффорданс имеет высокую степень корреляции с «авторитарной» управленческой ментальностью и ориентирует участников взаимодействия на формирование преимущественно информационных суждений.

The screenshot shows the message submission process on the 'Nash Saint-Petersburg' portal. It is divided into several sections:

- Step 1 (Callout 1):** A progress bar at the top with four stages: 'Кратко опишите проблему' (Briefly describe the problem), 'Отправьте на модерацию' (Send for moderation), 'Получите ответ' (Receive answer), and 'Проверьте результат' (Check result). A yellow callout bubble with the number '1' highlights the first stage.
- Step 2 (Callout 2):** The 'Описание проблемы' (Problem description) section. It includes a text input field with the placeholder 'Текст проблемы (не менее трех слов)' and a character count 'Осталось знаков: 1000'. A yellow callout bubble with the number '2' points to the text field.
- Step 3 (Callout 3):** The 'Классификация проблемы' (Problem classification) section. It has two buttons: 'Подтвердить' (Confirm) and 'Выбрать самостоятельно' (Select independently). A yellow callout bubble with the number '3' points to the 'Выбрать самостоятельно' button.
- Step 4 (Callout 4):** The 'В какую организацию обращались ранее с этой проблемой, дата, номер обращения' (Which organization did you contact previously with this problem, date, reference number) section. It features a text input field and a 'Подать сообщение' (Submit message) button. A yellow callout bubble with the number '4' points to the submit button.

Other visible elements include a 'Загрузить фотографии' (Upload photos) button, a map of Saint-Petersburg with a location selection prompt, and a footer with contact information and legal notices.

Рис. 2. Скриншот формы подачи сообщения авторизованным пользователем портала «Наш Санкт-Петербург»

Аффорданс «Описание проблемы» (поз. 2) представляет собой текстовое поле для ввода произвольного текста. Фактически, на всей форме сообщения этот аффорданс является единственным, ко-

торый потенциально представляет возможность формирования произвольных высказываний и суждений общего и когнитивного делиберативного типа. При этом, последующая обязательная модерация сообщений значительно снижает вероятность делиберации.

Аффорданс «Классификация проблемы» (поз. 3) в представленном варианте очень типичен для порталов городских проблем. На портале заявитель может или самостоятельно выбрать определённую категорию, или воспользоваться помощью специализированной подсистемы на основе нейросети (технология искусственного интеллекта), которая «подсказывает» пользователю «правильный» вариант на основе произвольно введённого текста. Таким образом, этот аффорданс фактически не допускает возможности какой-либо делиберации, формируя тематику (и частично семантику) сообщений только из заранее предопределённого набора значений.

Аффорданс «Подать сообщение» (поз. 4) очень показателен допущенной в нём стилистической неточностью при выборе надписи на кнопке. Вариант «Отправить сообщение» был бы нейтральным, не относящимся ни к какому-то определённому типу управленческой ментальности, ни к направленности на формирование конкретных типов суждений. Слово «Подать» обычно сочетается со словом «жалоба» или «обращение», что более характерно для режима «жалоба – ответ», и неявно формирует ориентацию участника к отказу от развёрнутой делиберации.

Отдельные признаки того, что развитие платформы возможно и в направлении стимулирования делиберации (как общего, так и когнитивного типа) содержатся в некоторых аффордансах. Например, для сообщений о проблемах предусмотрена отдельная фаза коммуникаций – отзыв народного контролёра. Для отражения того, что ответ на соответствующее сообщение верифицирован участником с ролью «народный контролёр», используется соответствующий вид аффорданса «Плашка сообщения». Таким образом, предусмотрены инструменты формирования эпистемического авторитета, отличного от принимаемого на платформе по умолчанию – государства в лице уполномоченных госслужащих. Это, в свою очередь, может вести к развитию делиберации суждений. Роль «Народный контролёр» является разновидностью роли «Заявитель Портала», то есть участник с этой ролью выбирается из числа обычных заявителей, но при этом порядок выбора «народных контролёров» непрозрачен.

Примером потенциала для делиберации является также возможность любому пользователю «Присоединиться» к выбранному сообщению о проблеме – аффорданс «Присоединиться». Участник, «присоединившийся» к сообщению, будет получать уведомления о любых изменениях в процессе его обработки. Все остальные пользователи смогут увидеть количество «присоединившихся», а соответственно оценивать значимость того или иного сообщения. При этом никаких иных вариантов возможных действий «присоединившихся» на портале «Наш Санкт-Петербург» на момент исследования не выявлено.

Резюмируя результаты анализа аффордансов портала «Наш Санкт-Петербург», можно сделать следующие выводы и предположения. К основным выводам можно отнести то, что большинство как концептуальных, так и функциональных аффордансов портала в средней или сильной степени коррелируют с «авторитарным» типом управленческой ментальности (такие аффордансы можно условно назвать «авторитарными») и соответствующими ментальными паттернами. Предположения, которые связаны с анализом аффордансов и которые подтверждаются эмпирическим анализом высказываний, касаются того, что подавляющее большинство «авторитарных» аффордансов портала «Наш Санкт-Петербург» стимулирует формирование преимущественно информационных суждений. При этом на портале существует возможность делиберации в узких рамках за счёт отдельных аффордансов (преимущественно нейтральных по типу управленческой ментальности) и имеются незначительные потенциальные возможности усиления делиберации, характеризующиеся отдельными (единичными) аффордансами.

Результаты общего анализа суждений на платформах

Результаты анализа платформ представлены в табл. 1, из которой следует, что преобладают платформы с информационным типом суждения. Размер выборки сообщений в случае платформы «Наш Санкт-Петербург», «Народная экспертиза» и «Управляем вместе» был сделан пропорционально количеству жителей, проживающих в данных регионах. В отношении коммуникационной платформы Ленинградской области был скачен весь доступный материал за год в размере 3 758 сообщений. Пропорция для отбора сообщений на платформах «Наш Санкт-Петербург» и «Управляем вместе» далее считалась из соотношения количества суждений на платформе «Народная экспертиза» к

общему количеству официально зарегистрированных жителей Ленинградской области. Соответственно выборка для платформы «Наш Санкт-Петербург» составила 10 993 сообщений, а для платформы «Управляем вместе» – 5 101 сообщение.

Таблица 1

Результаты общего частотного анализа по типам суждений на цифровых платформах коммуникации населения и органов власти

<i>Наш Санкт-Петербург (10 993 сообщений)</i>		
Информационные суждения	83.9%	9218 сообщений
Общие делиберативные суждения	9.1%	1001 сообщений
Когнитивные делиберативные суждения	7%	774 сообщений
<i>Народная экспертиза (3 758 сообщений)</i>		
Информационные суждения	66,79%	2510 сообщений
Общие делиберативные суждения	19.11%	718 сообщений
Когнитивные делиберативные суждения	14.10%	530 сообщений
<i>Управляем вместе (5 101 сообщение)</i>		
Информационные суждения	72%	3675 сообщений
Общие делиберативные суждения	18.84%	961 сообщение
Когнитивные делиберативные суждения	9.12%	465 сообщений
<i>Краудмос (1 233 сообщения)</i>		
Информационные суждения	34.39%	424 сообщения
Общие делиберативные суждения	46.23%	570 сообщений
Когнитивные делиберативные суждения	19.38%	239 сообщений

На основании данных в табл. 1 можно оценить структуру суждений на цифровых платформах коммуникации населения с органами власти. Очевидно, что кроме коммуникационных платформ, способствующих формированию информационного типа суждения, в нашем исследовании существует платформа с преобладанием делиберативного типа суждений – это краудсорсинговая платформа г. Москвы «Краудмос». Количество делиберативных суждений на ней составляет в целом 65.61% от общего числа сообщений. Выборка сообщений на платформе «Краудмос» оказалась невелика – 1 233 сообщений, так как исследователи были ограничены рамками отдельного проекта «Время природы», к которому смогли получить доступ.

Сообщения, полученные на платформе «Наш Санкт-Петербург», имеют наибольшую и репрезентативную выборку (количество сообщений взято пропорционально количеству жителей данного региона РФ). Структура суждений складывается здесь из 83.9% информационных, 9.1% общих делиберативных и 7% когнитивных делиберативных суждений.

**Распределение интенсивности публичной коммуникации по критериям в рамках
определенного типа суждений на платформе «Наш Санкт-Петербург», %**

Интенсивность	Критерий А	Критерий Б	Критерий В	Критерий Г	Критерий Д	Критерий Е	Тип суждения
0	2 0%	41 0,4%	135 1,5%	2820 30,6%	2854 31%	4853 52,6%	Информационное суждение 9218 83,9%
1	7684 83,4%	8543 92,7%	7612 82,6%	5841 63,4%	5976 64,8%	4196 45,5%	
2	1105 12,0%	429 4,7%	1418 15,4%	519 5,6%	302 3,3%	121 1,3%	
3	427 4,6%	205 2,2%	53 0,6%	38 0,4%	86 0,9%	48 0,5%	
Интенсивность	Критерий А	Критерий Б	Критерий В	Критерий Г	Критерий Д	Критерий Е	Тип суждения
0	0 0%	16 1,6%	19 1,9%	242 24,2%	78 7,8%	437 43,7%	Общие делиберативные суждения 1001 9,1%
1	291 29,1%	329 32,9%	250 25,0%	369 36,9%	364 36,4%	298 29,8%	
2	605 60,4%	558 55,7%	693 69,2%	358 35,8%	508 50,7%	240 24,0%	
3	105 10,5%	98 9,8%	39 3,9%	32 3,2%	51 5,1%	26 2,6%	
Интенсивность	Критерий А	Критерий Б	Критерий В	Критерий Г	Критерий Д	Критерий Е	Тип суждения
0	0 0%	0 0%	1 0,1%	483 62,4%	33 4,3%	510 65,9%	Когнитивные делиберативные суждения 774 7%
1	55 7,1%	428 55,3%	480 62,0%	19 2,5%	41 5,3%	73 9,4%	
2	47 6,1%	187 24,2%	120 15,5%	96 12,4%	41 5,3%	59 7,6%	
3	672 86,8%	159 20,5%	173 22,4%	176 22,7%	659 85,1%	132 17,1%	

Результаты частотного анализа интенсивности суждений по критериям обыденной эпистемике демонстрируют, что в случае информационного типа платформ преобладает слабый уровень делиберации. При этом на формирование информационного суждения оказывают наибольшее влияние критерии А «Субъективная релевантность», Б «Трудность задачи вывода» и В «Ресурсы обработки». Менее значимыми являются в случае данных суждений критерии Г «Ненаправленная мотивация», Д «Направленная мотивация» и Е «Эпистемический авторитет». Процентное соотношение критериев с большей степенью интенсивности делиберации показывает, что они оказывают слабое влияние на формирование информационного типа суждений. В случае общих делиберативных суждений преобладает средняя интенсивность делиберации, что видно из табл. 2, в то время как, в случае с когнитивными делиберативными суждениями, преобладает максимальная интенсивность делиберации. Критерии «Ненаправленной мотивации» и «Эпистемического авторитета» являются менее влиятельными как в случае когнитивных делиберативных, так и в случае общих делиберативных суждений, что говорит, на наш взгляд, об отсутствии желания подчиняться экспертному мнению и об отсутствии возможности вести развернутую коммуникацию в рамках данных типов суждений на рассматриваемой платформе.

В рамках цифровой платформы «Наш Санкт-Петербург» как представителя платформы с преобладающим информационным типом суждений в первую очередь, изучается интенсивность направленной эпистемике в контексте информационных типов суждений. Дальнейший анализ данных на платформе «Наш Санкт-Петербург» представлен в следующем разделе статьи и осуществлен посред-

ством дескриптивного анализа моды, среднего и стандартных отклонений, а также модели логистической регрессии для информационного типа суждений.

Дескриптивный и регрессионный анализ суждений на платформе «Наш Санкт-Петербург»

Метрическая шкала интенсивности обыденной эпистемики и затрачиваемых интеллектуальных ресурсов на ведение дискуссии, меняющаяся от нуля до трех, была использована при оценке суждений путем кодирования. Проверка обоснованности кодирования и распределения оценок по трем типам суждений была проведена с помощью мер статистического анализа вариаций и регрессионной модели. Расчет моды, результаты которого представлены в табл. 3, позволил сделать вывод о том, что в целом структура трех типов суждений более-менее однородна по интенсивности критериев обыденной эпистемики, хотя по мере усложнения суждений, их оценки совпадают не по всем критериям. Ясно, что общие делиберативные суждения на платформах с доминированием информационных суждений менее склонны к специфическому закрытию, а когнитивные – «провисают» по параметрам логики (критерий Б), «ресурсам обработки» (критерий В) и ненаправленной мотивацией (критерий Г). Все типы суждений здесь относительно нейтральны по критерию эпистемического авторитета (критерий Е).

Таблица 3

Расчет моды для каждого типа суждений по критериям А-Е

<i>Информационные суждения</i>					
А	Б	В	Г	Д	Е
1	1	1	1	1	0
<i>Общие делиберативные суждения</i>					
2	2	2	1	2	0
<i>Когнитивные делиберативные суждения</i>					
3	1	1	0	3	0

Более интересный результат связан с анализом средних и стандартных отклонений по типам суждений. Распределение средних и стандартных отклонений у суждений по критериям отражено в табл. 4 и на рис. 3. Среднее описывает интенсивность эпистемических критериев, характерную для информационных, общих делиберативных и когнитивных делиберативных суждений. Стандартное отклонение фиксирует разброс оценки суждений вокруг среднего по типам суждений.

Таблица 4

Средние и стандартные отклонения суждений по критериям на платформе «Наш Санкт-Петербург»

<i>Информационные суждения</i>		
	Среднее	Станд. откл.
Критерий А	1,212348	0,51025
Критерий Б	1,086372	0,363726
Критерий В	1,15064	0,410798
Критерий Г	0,758624	0,566086
Критерий Д	0,741781	0,559514
Критерий Е	0,497178	0,554539
<i>Общие делиберативные суждения</i>		
Критерий А	1,814186	0,600897
Критерий Б	1,737263	0,649214
Критерий В	1,751249	0,550235

Критерий Г	1,17982	0,833629
Критерий Д	1,531469	0,711865
Критерий Е	0,855145	0,871342
Когнитивные делиберативные суждения		
Критерий А	2,797158	0,551195
Критерий Б	1,652455	0,799021
Критерий В	1,600775	0,830872
Критерий Г	0,95478	1,287525
Критерий Д	2,71	0,75
Критерий Е	0,75	1,67

Как демонстрируют данные табл. 4 средние величины подтверждают большую однотипность информационных суждений по сравнению с общими делиберативными и когнитивными делиберативными. Об этом же говорят и стандартные отклонения от средней. Наглядно это представлено на рис. 3.

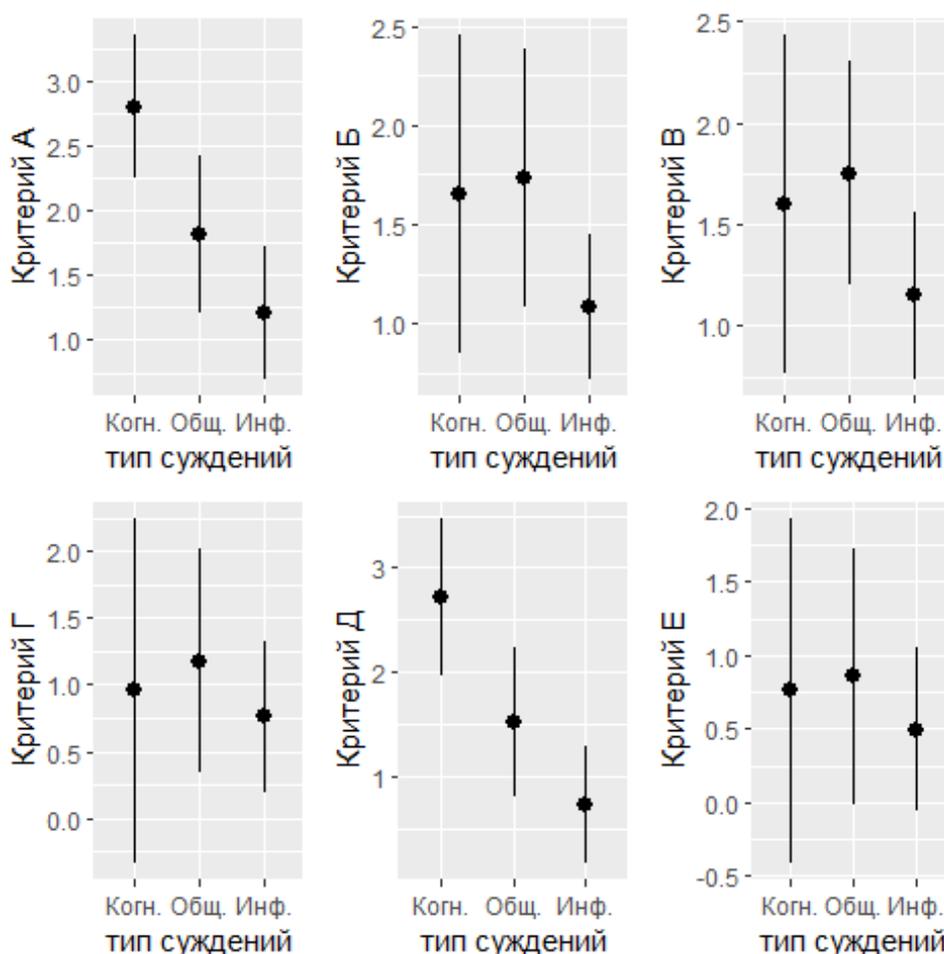

Рис. 3. Распределение средних и стандартных отклонений суждений по критериям на платформе «Наш Санкт-Петербург»

Средние величины и разброс данных вокруг среднего (стандартное отклонение) демонстрируют точность отнесения суждений к определенному типу. В общем, стандартные отклонения не настолько большие для данных. Большие значения стандартных отклонений свидетельствуют о том, что когнитивные суждения требуют тщательной оценки. Чем меньше расхождение, тем более значимым является критерий для соответствующего суждения.

Так, наименьшее среднее в районе единицы для пяти критериев (критерии А, Б, В, Г, Д) из шести имеют информационные суждения. Для них же характерен меньший разброс значений (стандартное отклонение в пределах ± 0.5), что означает представление более точного результата. Интенсивность в районе трех единиц имеет когнитивные делиберативные суждения в двух случаях из ше-

сти (критерии А и Д), отвечая принципу кодирования по старшинству (определение типа суждения на основе степени делиберативности). Размах стандартного отклонения для когнитивных делиберативных суждений находится в диапазоне двух единиц, что говорит о разнообразии формы и содержания данного типа суждений и, возможно, о сложности их идентификации для оценщиков. Среднее в районе двух единиц имеют общие делиберативные суждения, занимая промежуточную позицию между информационными и когнитивными делиберативными суждениями.

Графики на рис. 3 демонстрируют распределения суждений по каждому типу критериев, что может свидетельствовать о разной значимости критериев при формировании того или иного типа суждения. Более или менее однородно представлено распределение суждений по критериям для информационного типа. Это связано с преобладанием на данной платформе традиционной бихевиоральной модели коммуникации между властью и населением по типу «стимул-реакция». Некоторое снижение значения среднего для информационных типов суждения характерно для критерия Е «Эпистемический авторитет» (значение среднего 0.49), что может свидетельствовать о некотором недоверии населения к способности органов государственной власти должным образом решить их вопрос.

На рисунке 3 можно заметить некоторую неоднородность распределения суждений по критериям, на основании чего можно сделать вывод, что есть центральные и второстепенные критерии, оказывающие влияние на формирование того или иного типа суждений. Так критерии А «Субъективная релевантность» и Д «Направленная мотивация» в наибольшей степени влияют на формирование когнитивного делиберативного типа суждений, поскольку значимость темы обсуждения, готовность доказать свою правоту и вести дискуссию до конца характеризуют максимальную интенсивность делиберации. Необходимо отметить, что распределение типов суждений по критериям А и Д идентично и для общих делиберативных суждений, и для когнитивных делиберативных суждений, что свидетельствует о значимости влияния соответствующих критериев на типы суждений.

Несколько изменяется ситуация в отношении критериев Б «Трудность задачи вывода» и В «Ресурсы обработки». Они оказывают меньшее влияние на формирование когнитивных делиберативных суждений и большее – на формирование общих делиберативных суждений. Это свидетельствует о том, что суждения, размещаемые на платформе «Наш Санкт-Петербург», не всегда имеют законченный характер и соответствуют законам логики или способствуют запуску продолжительной дискуссии по определенной теме. Подобный тренд, но с меньшей интенсивностью демонстрирует распределение суждений по критериям Г «Ненаправленная мотивация» и Е «Эпистемический авторитет». Это означает, что на платформе «Наш Санкт-Петербург» либо присутствует принятие общей темы без постановки дополнительных вопросов, что характерно для общих делиберативных суждений, либо тема обсуждения принимается как данность без ее уточнения, что характерно для информационных суждений. По критерию Е «Эпистемический авторитет» значимость критерия падает для всех типов суждений, но в особенности для когнитивного делиберативного суждения, что свидетельствует о тенденции, когда в рамках социальной эпистемики исчезает экспертное знание.

Для определения взаимосвязи зависимой переменной (вероятность использования информационного типа суждения) и соответствующих шести критериев (предикторов) использована модель логистической регрессии. Результаты расчетов отражены в табл. 5.

Таблица 5

Результаты построения логистической регрессии для информационного типа суждений

Предикторы	Оценки коэффициента	Стандартные ошибки	Z-тесты Вальда ¹	Уровень значимости
Свободный член	11.41243	0.25710	44.390	< 2e-16 ***
Критерий А	-1.94983	0.06640	-29.365	< 2e-16 ***
Критерий Б	-1.70144	0.07609	-22.362	< 2e-16 ***
Критерий В	-1.08143	0.09003	-12.012	< 2e-16 ***
Критерий Г	-0.77266	0.06629	-11.656	< 2e-16 ***
Критерий Д	-1.73362	0.06164	-28.124	< 2e-16 ***
Критерий Е	0.18189	0.06873	2.646	0.00813 **

¹ Z-тест Вальда – аналог t-теста Стьюдента для тестирования параметров в моделях линейной регрессии.

Как следует из полученных данных, все шесть критериев оказались статистически значимыми, и они определенно влияют на зависимую переменную «Вероятность использования информационного типа суждений». Основываясь на данных, приведенных в табл. 5, запишем полученное уравнение логистической регрессии:

$$\text{Логарифм отношения шансов}^1 = 11.41 - 1.95 * \text{критерий А} - 1.7 * \text{критерий Б} - 1.08 * \text{критерий В} - 0.77 * \text{критерий Г} - 1.74 * \text{критерий Д} + 0.18 * \text{критерий Е} \quad (1)$$

Полученное уравнение логистической регрессии (1) демонстрирует обратную связь между предикторами (критериями А-Д) и зависимой переменной (вероятностью использования информационных суждений).

Прямая зависимость существует между критерием, отвечающим за эпистемический авторитет, и зависимой переменной, что свидетельствует о важности подтверждения ответа представителем органа власти отсылкой к экспертному знанию при информационном типе коммуникации. Интерпретация коэффициентов логистической регрессии позволяет выявить следующие зависимости. При увеличении критерия А на одну единицу отношение шансов использования информационного суждения уменьшаются в 0.14, при увеличении критерия Б – в 0.18, критерия Д – в 0.18 раз, т.е. шансы на использование информационных суждений незначительно уменьшаются. При увеличении критерия В на одну единицу отношение шансов использования информационных суждений падает в 0.34 раза, критерия Г – в 0.46 раз, т.е. шансы на использование информационного суждения значительно уменьшаются. При увеличении критерия Е на одну единицу отношение шансов использования информационных суждений возрастает в 1.2 раза, т.е. шансы на использование информационного суждения незначительно возрастают.

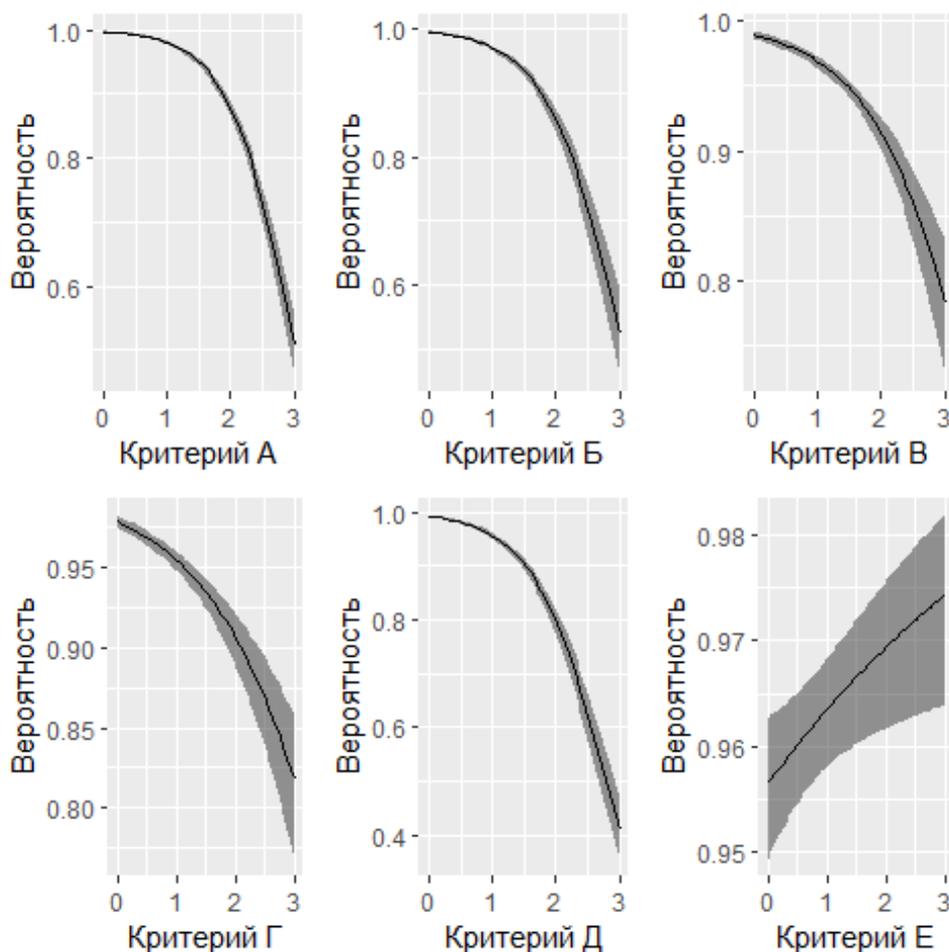

Рис. 4. Зависимость вероятности использования информационного типа суждений от применения критериев А-Е

¹ Логарифм отношения шансов является оценкой вероятности наступления события, в нашем случае – использования информационных суждений.

Графики на рис. 4 отражают тенденцию резкого падения вероятности использования информационного типа суждений в случае использования более высокой интенсивности эпистемических критериев, характерной для общих делиберативных и когнитивных делиберативных типов суждений. Например, в случае критерия А субъективная релевантность темы для участников коммуникации, использующих информационный тип суждений, носит нейтральный характер. Если тема приобретает особое личностное значение для сторон интеракции, то интенсивность делиберации возрастает, и мы переходим от информационного типа суждения к общему делиберативному или когнитивному делиберативному суждению, что можно увидеть на рис. 4 в отношении критерия А. Аналогично можно проследить взаимосвязи вероятности использования информационного типа суждения и критериев Б, В, Г, Д.

Заключение

Как демонстрируют результаты исследования, цифровые платформы не являются нейтральными средствами коммуникации. Их устройство, определенное некоторой управленческой ментальностью их заказчиков и разработчиков и выраженное в таких конструктивных особенностях платформ, как аффордансы, влияет на руководящую эпистемическую субъектов коммуникации. Доминирующий тип суждения, как правило, соответствует доминирующему типу аффордансов. В этом отношении формирование суждений на платформе «Наш Санкт-Петербург» было направлено на решение простой информационной задачи. В целом в соответствии со структурой суждений, характерной для платформы «Наш Санкт-Петербург», где информационный тип суждения занимает 83,9%, можно утверждать, что аффордансы цифровых платформ решения городских и региональных проблем, соответствующие «авторитарному» типу управленческой ментальности, способствуют формированию именно информационных суждений, строящихся по принципу «вопрос-ответ» и не предполагающих развернутых делибераций. Deskриптивный анализ вариаций в рамках информационного типа суждений показывает некоторое снижение значений средних в отношении критерия Г «Направленная мотивация» и критерия Е «Эпистемический авторитет», что подтверждает ограниченность возможности граждан развивать публичную коммуникацию и влиять на решения в рамках доминирования архитектуры платформы, соответствующей «авторитарному» типу управленческой ментальности. Однако анализ с использованием логистической регрессии показывает наличие прямой связи между критерием «Эпистемического авторитета» и вероятностью использования информационного типа суждения в процессе коммуникации на платформе «Наш Санкт-Петербург», что подтверждает необходимость легитимации публичных суждений со стороны городских властей. Таким образом, можно утверждать, что существует взаимосвязь определенного типа управленческой ментальности на цифровой платформе и способа формирования определенного типа суждений. Эта связь определяет ограниченность рефлексивной направленности публичной коммуникации с ориентацией последней на выбор посредством аутсорсинга направленных публичных суждений.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено по гранту РФФИ и ИЭСИ № 20-011-31361 «Аутсорсинг политических суждений: критический анализ информационной парадигмы сетевой публичной коммуникации».

Список литературы / References

- Акопов, Г. Л. (2015) *Интернет и политика. Модернизация политической системы на основе инновационных политических интернет-коммуникаций*. Москва: КонРус. [Akovov, G. L. (2015) *The Internet and Politics. Modernization of the Political System on the Basis of Innovative Political Internet Communications* [Internet i politika. Modernizacija politicheskoj sistemy na osnove innovacionnyh politicheskikh internet-kommunikacij]. Moscow: ConRus (In Russ.)].
- Борботько, В. Г. (2019) *Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». [Borbotko, V. G. (2019) *Principles of Discourse Formation: From Psycholinguistics to Linguosynergetics* [Principy formirovanija diskursa: Ot psiholingvistiki k lingvosin-

- ergetike]. Moscow: Book house 'Librocom' (In Russ.).
- Быков, И. А. (2013) *Сетевая политическая коммуникация: Теория, практика и методы исследования: монография*. Санкт-Петербург: Изд.-во СПГУТД. [Bykov, I. A. (2013) *Network Political Communication: Theory, Practice and Research Methods: Monograph* [Setevaja politicheskaja komunikacija: Teorija, praktika i metody issledovanija: monografija]. St Petersburg: Publishing house: SPGUTD (In Russ.).]
- Володенков, С. В. (2018) *Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления*. Москва: Проспект. [Volodenkov, S. V. (2018) *Internet Communications in the Global Space of Modern Political Governance* [Internet-kommunikacii v global'nom prostranstve sovremennogo politicheskogo upravlenija]. Moscow: Prospect (In Russ.).]
- Грачев, М. Н. (2011) *Политика: коммуникационное измерение*. Тула: ТГПУ. [Grachev, M. N. (2011) *Politics: the Communication Dimension* [Politika: kommunikacionnoe izmerenie]. Tula: TSPU. (In Russ.).]
- Киселева, А. А. (2016) *Продуктивная коммуникация. Лингвистика результативности*. Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр». [Kiseleva, A. A. (2016) *Productive Communication. Performance Linguistics* [Produktivnaja komunikacija. Lingvistika rezul'tativnosti]. Kharkov: Publishing house 'Humanitarian Center' (In Russ.).]
- Позитивная коммуникация: коллективная монография* (2019) О. А. Леонтович, М. А. Гуляева, О. В. Лунева, М. С. Соколова; под общ. ред. проф. О. А. Леонтовича. Москва: Гнозис. [Positive Communication: Collective Monograph (2019) [Pozitivnaja komunikacija: kol. monografija] O. A. Leontovich, M. A. Gulyaeva, O. V. Luneva, M. S. Sokolova; ed. by Prof. O. A. Leontovich Moscow: Gnozis. (In Russ.).]
- Паршина, О. Н. (2012) 'Дискурсивы как средство вербализации речемыслительных процессов в устном политическом тексте', *Филологические науки*, 3, сс. 83–90. [Parshina, O. N. (2012) 'Discourse as a means of verbalizing speech-meaning processes in the oral political text' [Diskursivy kak sredstvo verbalizacii rechemyslitel'nyh processov v ustnom politicheskom tekste], *Filologicheskie nauki*, 3, pp. 83–90. (In Russ.).]
- Сморгунов, Л. В. (2020) 'Институты доступности цифровых платформ и государственная управляемость', *Южно-российский журнал социальных наук*, 3, сс. 6–19. [Smorgunov, L. V. (2020) 'Institutions for affordances of digital platforms and public governability' [Instituty dostupnosti tsifrovyyh platform i gosudarstvennaya upravliaemost], *Yugno-rossiysky jurnal sotsialnyh nauk*, 3, pp. 6–19 (In Russ.).]
- Тимофеева, Л. Н. (2016) 'Политическая коммуникативистика: мировые и российские проекции', *Политическая наука*, 2, сс. 74–100. [Timofeeva, L. N. (2016) 'Political Communicativism: World and Russian Projections' [Politicheskaja kommunikativistika: mirovye i rossijskie proekcii], *Politicheskaja nauka*, 2, pp. 74–100. (In Russ.).]
- Хабермас, Ю. (2001) *Моральное сознание и коммуникативное действие*. Москва: Наука. [Habermas, J. (2001) *Moral Consciousness and Communicative Action* [Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie], Moscow: Nauka].
- Bossetta, M. (2018) 'The Digital Architectures of Social Media: Comparing Political Campaigning on Facebook, Twitter, Instagram, and Snapchat in the 2016 U.S. Election', *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 95(2), pp. 471–496.
- Computational Propaganda: Political Parties, Politicians, and Political Manipulation on Social Media* (2019) / Ed. by S. Woolley and P. Howard. Oxford: Oxford University Press.
- Fetzer, J. (2004) 'Disinformation: The use of false information', *Minds and Machines*, 14(2), pp. 231–240.
- Howard, P. (2010) *The Digital Origins of Dictatorship and Democracy Information Technology and Political Islam*. Oxford: Oxford University Press.
- Kreiss, D., McGregor, S. (2018) 'Technology Firms Shape Political Communication: The Work of Microsoft, Facebook, Twitter, and Google With Campaigns During the 2016 U.S. Presidential Cycle', *Political Communication*, 35, pp. 155–177.
- Kruglanski, A., Orehek, E., Dechesne, M. and Pierro, A. (2010) 'Lay Epistemic Theory:

- The Motivational, Cognitive and Social Aspects of Knowledge Formation', *Social and Personality Psychology Compass*, 10(4), pp. 939–950. <https://doi.org/10.1111/j.1751-9004.2010.00308.x>.
- Kruglanski, A. W., Pierro, A., Mannetti, L., Erb, H., and Young Chun, W. (2007) 'On The Parameters of Human Judgment', *Advances in Experimental Social Psychology*, 39, pp. 255–303.
- Kruglianski, A. (1999) 'Motivation, Cognition and Realty: Three Memos for the Next Generation of Research', *Psychological Inquiry*, 10(1), pp. 53–58. https://doi.org/10.1207/s15327965pli1001_8.
- Lukito, J. (2020) 'Coordinating a Multi-Platform Disinformation Campaign: Internet Research Agency Activity on Three U.S. Social Media Platforms, 2015 to 2017', *Political Communication*, 37 (2), pp. 238–255.
- Morozov, E. (2011) *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*. NY: Public Affairs.

Статья поступила в редакцию: 25.02.2021

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 27.04.2021

Статья принята к печати: 30.04.2021

PUBLIC COMMUNICATION BETWEEN CITIZENS AND PUBLIC AUTHORITIES: FORMING OF JUDGMENTS ON DIGITAL PLATFORMS

L. V. Smorgunov, O. A. Ignatjeva, I. A. Bykov, K. S. Kondratenko,
A. G. Baryshkin

L. V. Smorgunov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of political governance, St. Petersburg State University.
E-mail: lvsmorgunov@gmail.com (ORCID: 0000-0002-2581-2975. Researcher ID: H-4986-2013).

O. A. Ignatjeva, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of political governance, St. Petersburg State University.
E-mail: olga7919@mail.ru (ORCID: 0000-0002-1658-6427. Researcher ID: D-6428-2018).

I. A. Bykov, Doctor of Political Science, Professor of the Department of public relations in politics and public administration, St. Petersburg State University.
E-mail: i.bykov@spbu.ru (ORCID: 0000-0001-8462-5320. Researcher ID: D-4996-2013).

K. S. Kondratenko, PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of political governance, St. Petersburg State University.
E-mail: kondratenkoks@inbox.ru (ORCID: 0000-0002-9145-5435).

A. G. Baryshkin, Business development manager, LLC "Netrika", Russia, St. Petersburg.
E-mail: a@baryshkin.ru (ORCID: 0000-0002-9020-0983. Researcher ID: AAF-9684-2021).

Abstract

Research on the impact of information and communication technologies (ICTs) on the field of public communication has become a trend of the last decade. This article aims to identify the relationship between the relational qualities of digital platforms (affordances) and the processes of judgment formation during communication on urban issues. To analyze the functioning of the process of lay epistemics on digital platforms of communication between the authorities and the population, we developed a new methodology of discourse analysis by modifying the parametric model of judgment of the American social psychologist A. Kruglanski and introducing the scale of intensity of its criteria. Communication on the platform "Our St. Petersburg", representing the possibility of interaction of citizens with the city authorities, was used as an empirical base

of the research. As a result of the research using descriptive and regression analysis, and a visual survey of this platform, it was found that there is interconnection between the dominance of affordances corresponding to the "authoritarian" type of governmentality and the formation of predominantly informational judgments of the behavioral type. It was also found that the criteria of the parametric model have a different impact on the formation of a certain type of judgment in the framework of digital communication.

Keywords: digital platforms; public communication; lay epistemics; outsourcing; judgment; epistemic authority; governmentality; affordances.

Acknowledgements: The work is implemented under RFBR grant No. 20-011-31361 'Outsourcing of Political Judgment: A Critical Analysis of the Information Paradigm of Network Public Communication' .

К сведению авторов

«Вестник Пермского университета. Политология» – периодическое издание, в котором публикуются результаты исследований по следующим отраслям политической науки (научным специальностям):

23.00.01. Теория и философия политики, история и методология политической науки.

23.00.02. Политические институты, процессы и технологии.

23.00.05. Политическая регионалистика. Этнополитика.

Журнал выходит 4 раза в год.

Журнал входит в список ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

После выхода из печати полнотекстовые версии номеров размещаются на интернет-сайте журнала и на интернет-сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

Обращаем внимание, что, посылая статью для публикации в журнале «Вестник Пермского университета. Политология», автор тем самым дает согласие на ее размещение в открытом доступе на интернет-сайте журнала (в случае принятия к публикации).

Принимаются рукописи научных статей, рецензий или обзоров, не опубликованные ранее. В случае, если автор решает направить свою рукопись на рассмотрение в другой журнал, он обязан уведомить редакцию «Вестника Пермского университета. Политология» о ее отзыве.

Принимаются к рассмотрению рукописи на русском и английском языках.

Следование настоящим инструкциям обязательно и гарантирует то, что рукопись вашей статьи будет принята редакцией к рассмотрению.

Рукопись должна включать:

- 1) название работы;
- 2) благодарности и/или упоминание организации, при финансовой поддержке которой выполнено исследование, представленное в статье (при необходимости);
- 3) аннотацию (для обзора и научной статьи);
- 4) ключевые слова;
- 5) основной текст, включая (при необходимости) таблицы, графики, иллюстрации;
- 6) приложения (при необходимости);
- 7) библиографический список, включающий статьи и монографии, цитируемые в работе.

Аннотация представляет собой краткий текст, который раскрывает цель и задачи работы, логику построения исследования, его структуру и основные выводы. Аннотация должна быть информативной, давать адекватное представление о проведенном исследовании без необходимости обращения к статье.

Название статьи, аннотация, ключевые слова должны быть на русском и английском языках.

Отдельным файлом должна быть представлена информация об авторе (ах):

- место работы / учебы, должность,
- ученая степень, звание (при наличии),
- адрес электронной почты,
- авторские ORCID и ResearcherID.

В случае, если авторов несколько, то дополнительно указывается контактное лицо и адрес его электронной почты.

Информация об авторе (ах) предоставляется на русском и английском языках.

Объем рукописи

Объем рукописи статьи, обзора – до 40 000 знаков (включая ссылки, подписи к таблицам, графикам и иллюстрациям, библиографический список).

Объем рукописи рецензии до 20 000 знаков.

Объем аннотации – 150–250 слов.

Количество ключевых слов – 7–10.

Требования к оформлению рукописи

Текст оформляется в формате MS Word через 1 интервал, шрифт Times New Roman, размер 14; поля: правое 2 см, левое 2 см, сверху и снизу по 2 см. Выравнивание текста по ширине, отступ первой строки – 1,25. Нумерация по центру страницы.

Иллюстративный материал (при наличии) должен быть высокого качества (600 dpi для оттенков серого и 300 точек на дюйм для цвета, в правильном размере). В случае, если в качестве иллюстраций к тексту используются фотографии, репродукции и иные визуальные материалы, принадлежащие третьим лицам и / или размещенные на открытых публичных ресурсах, то они должны сопровождаться ссылкой на источник и/или иметь необходимое разрешение правообладателя на их повторное использование.

Информация в виде таблиц, диаграмм, гистограмм должна представлять собой новую информацию, а не дублировать содержание текста. Таблицы, диаграммы, гистограммы должны быть доступны для редактирования и представлены отдельным файлом.

Если рукопись содержит уравнения, убедитесь, что они также доступны для редактирования.

Оформление ссылок в тексте рукописи на источники (нормативно-правовые акты, статистические данные, архивные материалы, интервью, мемуары и др.) постраничное (внизу страницы) продолжающейся нумерацией в соответствии с требованиями стиля Гарвард.

Ссылки на цитируемую (упоминаемую) академическую литературу оформляются в скобках, где указываются автор, год, страница(ы):

(Иванов, 2005) / (Иванов, 2005: 7)

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Иванов и Симонов, 1999) / (Иванов и Симонов, 1999: 46)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

Если у цитируемой работы авторов больше двух, то указать первого и ставить – и др. (et al.):

(Иванов и др., 1998) / (Иванов и др., 1998: 99)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

В случае, если цитируются две и более работы одного автора, изданные в один год, то при оформлении применяются следующие правила:

(Иванов, 2005a)

(Иванов, 2005b)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

Если в тексте есть упоминание идей, положений, суждений сразу нескольких авторов и нескольких работ, следует оформлять следующим образом:

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

В случае, если в библиографической ссылке отсутствует автор(ы) (коллективная монография, сборник, документ и т. п.), следует указывать либо название работы, либо фамилию редактора(ов). При этом, если название цитируемой работы состоит из одного-двух слов, то оно указывается полностью, если длинное, то следует дать первые одно-два слова, а далее поставить многоточие, затем знак запятой и год издания.

(Wales Act, 1998)

(ФЗ № 23-45, 2000)

(Было слово..., 2000)

При цитировании изданий одного автора, но относящихся к разным годам, следует указывать фамилию автора и годы через точку с запятой:

(Mitchell, 2010; 2017)

При цитировании источника без даты:

(Smith, no date: 15).

(Кузнецов, б.д.: 16)

При непрямом цитировании:

(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы

В конце статьи формируется *Библиографический список / References*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Вначале указываются источники на русском языке, затем – на иностранных.

Библиографический список должен сопровождаться транслитерацией и переводом русскоязычных источников на английский язык. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.net> (стандарт транслитерации – BSI).

В случае, если у цитируемой статьи или книги есть присвоенный DOI, следует его указывать.

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы оформляется в соответствии с требованиями стиля Гарвард¹.

Книга, монография:

Mitchell, J. A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Тошович, Б. (2011) *Корреляционная грамматика сербского, хорватского и бошняцкого языков*. (Том 1). Москва: Языки славянской культуры. [Toshovich, B. (2011) *Correlative Grammar of Serbian, Croatian and Bosnian* [Korreljatsionnaya grammatika serbskogo, khorvatskogo i boshnyatskogo yazykov] Vol.1, Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)].

Stone, S. J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher.

В: Панов, П. В. (ред.) (2017) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия. [Panov, P. V. (eds.) (2017) *Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights* [Balansiruyaya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)].

Глава в книге, монографии:

Gray J. N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N. T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

Минаева, Э. Ю., Панов, П. В. (2017) 'Конструирование границ и сегментация политического пространства как фактор взаимодействий вокруг этнических региональных автономий' в: Панов, П. В. (ред.) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия, сс. 110–137. [Minaeva, E. Yu., Panov, P. V. (2017) 'The segmentation of political space as a factor for interaction over ethnic regional autonomies' [Konstruirovaniye granicz i segmentaciya politicheskogo prostranstva kak faktor vzaimodejstvij vokrug e'tnicheskix regional'nyx avtonomij] in: Panov, P.V. (eds.) '*Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights*' [Balansiruyaya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, pp. 110–137. (In Russ.)].

Книги с анонимными или неизвестными авторами:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

Большая советская энциклопедия (1978), Т.30. Москва.: Советская энциклопедия. [Great Soviet Encyclopedia [Bol'shaya sovetskaya encyclopediya] (1978), Vol. 30. Moscow].

Монография (электронное издание или книга online):

Stoker, L. A., Falker, J. and Hatcher, K. P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: URL: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10.09.2016).

В случае цитирования переводной книги написание фамилий давать в оригинальном, а не в транслитерированном варианте:

Боуэн, У. Г. (2018) *Высшее образование в цифровую эпоху*. Москва: Издательский дом Высшей Школы экономики [электронное издание]. URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (дата обращения: 12.08.2018). [Bowen, W. G.

¹ *Harvard Format Citation Guide*. [Online]. Available at: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide> (Accessed: 12 August 2018)

(2018) 'Higher Education in the Digital Age' [Vysshee obrazovanie v cifrovuyu epoxu] Moskva: Izdatel'skij dom Vysshej Shkoly ekonomiki.] [online]. Available at: URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (Accessed: 12.08.2018)].

Статья в периодическом издании (журнале, газете):

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296.

Mitchell, J. A. 'How citation changed the research world', *The Mendeley*, 62(9) [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 15 November 2016)

Германова, Н. Н. (2009) 'Искусственные языки воображаемых сообществ: проблема национальных языков в западной лингвистике', *Вестник МГЛУ*, 557, сс. 24–41. [Germanova, N. N. (2009) 'Artificial Languages of Imagined communities: the Problem of National languages in Western Linguistics' [Iskusstvennye yazyki voobrazhaemykh soobshchestv: problema natsional'nykh yazykov v zapadnoi lingvistike], *Vestnik MGLU*, 557, pp. 24–41. (In Russ.)].

Если русскоязычный журнал/газета имеет официальное название на латинице, то следует приводить это название, а не транслитерацию.

Описание диссертации, проектов, студенческих эссе:

Leckenby, R. J. (2005) *Dynamic characterisation and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

Энгельгардт, Г. (2005) *Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Москва*. [Engel'gardt, G. (2005) 'Republic Serbska in Bosnia and Hercegovina. Genesis and evolution (1990–2006 gg.)' [Respublika Serbskaya v Bosnii i Gercegovine. Voznikovenie i evolyuciya]. Dr. Diss. (Hist.). Moscow. (In Russ.)].

**Более подробные инструкции для библиографического описания источников и литературы см.:
URL: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>**

Information for the authors

Thank you for choosing to submit your paper to us. Our journal accepts previously not published articles and reviews. The journal publishes manuscripts in both English and Russian.

The instructions will ensure we have everything required so your paper can move through peer review.

Manuscripts should be compiled in the following order:

- 1) Title;
- 2) Acknowledgements as well as Funding and grant-awarding body (where appropriate);
- 3) Abstract (for article);
- 4) Key words;
- 5) Main text, including tables, graphs and illustrations;
- 6) Appendix (where appropriate); bibliographic list (references), including cited articles and books.

Abstract is a short text that shows the aims, logic, claims and results of the research. The abstract should be informative and give an adequate idea of the research.

The title, abstract, key words are set to be in both English and Russian.

Author(s) details should be submitted as a single file in both English and Russian:

- place of employment / study, position,
- academic degree (if applicable),
- e-mail,
- ORCID & ResearcherID.

In the case there are several authors, please, indicate the contact person and his / her e-mail.

Wordage

Please keep in attention a typographical unit count for your paper. A typical article for the journal should be no more than 40000 typographical units; this limit includes tables, references, figure captions, footnotes, endnotes, and an abstract of 150–200 words.

The wordage of review is about 20000 typographical units.

7–10 keywords.

Formatting and templates

MS Word, single space, TNR 14.

Margins: right 2 cm, left 2 cm, top and down – 2 cm.

Text alignment in breadthwise. Indenture – 1,25.

Please submit illustrations of high quality (600 dpi for shades of gray and 300 dots per inch for color, in the correct size).

If you use photos, images and other visual materials that are property of other persons, please provide the necessary permission of the right holder to reuse them.

Tables and graphs should be available for editing and presented as a separate file. If the manuscript contains equations, make sure that they are also editable.

Quoting sources (acts, statistical data, archival materials, interviews, memoirs, etc.) are paginated (at the bottom of the page) and continued numbering by the requirements of Harvard Style

Cited articles and books in-text:

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

(Mitchell, 2010; 2017)

(Smith, no date: 15)
(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Format bibliographic list (references) in Harvard Style.

If it is applicable, please indicate DOI of cited articles and books.

Book:

Mitchell, J.A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Stone, S.J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher

A chapter in edited book:

Gray J.N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N.T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

No author:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

On-line book:

Stoker, L.A., Falker, J. and Hatcher, K.P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10 September 2016)

Article:

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296

Hunter, F.A. 'How political order changed?', *The Journal*, 34(8) [online]. Available at: <https://www.thejournal.com> (Accessed: 15 May 2018)

Unpublished thesis:

Leckenby, R.J. (2005) *Dynamic characterization and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

For instructions that are more detailed please see:

URL: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>

Вестник Пермского университета.
Политология
2021. Том 15. № 2

Bulletin of Perm University.
Political Science
2021. Vol. 15. № 2

Научное издание

Редактор *Л. Л. Савенкова*
Корректор *Л. Л. Соболева*
Компьютерная верстка *Н. М. Беляевой*

Подписано в печать 15.06.2021.
Выход в свет 22.06.2021.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 20,81.
Тираж 500 экз. Заказ 94.

Адрес учредителя, издателя и редакции:

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
(Историко-политологический факультет)

Издательский центр ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Распространяется бесплатно и по подписке

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 41006